

D.122

Г. 946

142

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПБГУ

ПРОВЕРЕНО
1948

СПбГУ

43
ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

№ 2005

Образовательная библиотечка.

Серия 2-я (1898 г.) № 9—10.

Людвигъ Гумпловичъ,

профессоръ Градскаго Университета.

1390
1390
1390
ОСНОВЫ СОЦІОЛОГІИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА В. М. ГЕССЕНА

Цѣна 1 р. 30 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Д. В. ЧИЧИНЪ И Д. З. Е.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ Д. № 59.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1899 г.

Книжный магазинъ и складъ изданій О. Н. Поповой,
Спб., Невскій, 54.

КАЖДЕ О. Н. ПОСЛОВЕ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ НАСТАВНИКАМ

Людмила Гумилева

Сочинения Людмилы Гумилевой

СПБГУ

Принят в печать 1919 г.

Цена 1 р. 20 к.

Издательство "Славянский мир"

Ленинград

1919 г.

Текстъ печатанъ въ типографіи Меркушева, Невскій, 8.
Обложка и титулъ печатаны въ тип. Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

I.

Къ исторіи соціологіи.

Существуетъ обыкновеніе предпосылать систематическому изложенію отдѣльныхъ наукъ исторію ихъ литературы; многое говоритъ въ пользу такого обыкновенія и многое противъ него. Несомнѣнно, предпосылая очеркъ развитія науки, мы тѣмъ самымъ указываемъ, что было сдѣлано для этой науки другими изслѣдователями и къ какимъ результатамъ эта наука уже пришла; поэтому читатель легко уяснить себѣ то мѣсто, которое занимаетъ въ этой наукѣ авторъ, какъ продолжатель своихъ предшественниковъ. Если такое литературно-историческое изложеніе является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и критикой предшественниковъ (а иначе, пожалуй, не можетъ и быть), то оно заодно уяснить читателю ту точку зрѣнія, на которую становится авторъ въ противоположность своимъ предшественникамъ. Предварительное и всестороннее выясненіе вопроса составляетъ положительную сторону такого введенія. Его отрицательныя стороны преимущественно технического свойства. Если во введеніи дать детальное изложеніе всѣхъ прежнихъ системъ, то оно превратится въ исторію науки и заставитъ читателя разобраться во множествѣ ложныхъ (съ точки

зрѣнія автора и по его изложенію) системъ; прѣжде чѣмъ онъ познакомятся съ ихъ критикой. Это неудобно. Если же въ этомъ введеніи будетъ заключаться критическій разборъ и полемика съ каждымъ изъ предшественниковъ, то поневоля такое введеніе предвосхититъ содержаніе собственной системы, и все слѣдующее за нимъ окажется лишь утомительнымъ повтореніемъ. И это также неудобно. Сверхъ того, возражать своимъ предшественникамъ гораздо удобнѣе въ самомъ изложеніи предмета, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ, послѣ того, какъ основательно выяснена своя собственная точка зрѣнія; при этомъ авторъ не связанъ ни исторической послѣдовательностью, ни, вообще, цѣльнымъ изложеніемъ отдѣльныхъ прежнихъ системъ. Все это говоритъ противъ историко-литературнаго введенія.

Поэтому, имѣя въ виду вышеупомянутыя преимущества его, мы намѣрены избрать средній путь. По возможности кратко мы упомянемъ о своихъ важнѣйшихъ предшественникахъ въ области соціологіи и изложимъ только основные и общіе положенія ихъ системъ; что же касается деталей и критики, мы отошлемъ читателя къ послѣдующему изложенію нашей собственной системы.

Какъ ни молода и несовершенна наша наука, она нашла уже себѣ въ Германіи историка литературы въ лицѣ Беренбаха (Bägenbach), который оказалъ ей первую услугу въ смыслѣ исторической оріентировки ¹⁾. Но Беренбахъ беретъ исходной точкой „соціалистическія“ доктрины и еще не понимаетъ основного различія между социализмомъ и соціологіей, что сильно вредитъ его изложенію. Дальнѣйшій матеріалъ для

¹⁾ Die Socialwissenschaften. Zur Orientirung in der socialwissenschaftlichen Schulen und Systemen d. Gegenwart. v. Friedrich v. Bärenbach. Leipzig. 1882.

исторіи литературы соціологіи легко можно найти въ трудахъ по исторіи литературы другихъ, близкихъ соціологіи вѣтвей науки, какъ, напр., въ исторіи государственнаго права, политики, политической экономіи и философіи исторіи ¹⁾).

Первые намеки на *scienza d'intorno alla Natura delle Nazioni* встрѣчаются уже у Джіамбатисты Вико ²⁾. Но онъ еще всецѣло проникнутъ библейскими преданіями, естественно-правовыми теоріями своего времени; у него нѣтъ еще способности къ ясному мышленію. Точно также и у С. Симона, этого реформатора, мы совсѣмъ не найдемъ объективной науки объ обществѣ; если мы признаемъ, что, именно, онъ впервые привлекъ вниманіе Огюста Конта къ вопросамъ соціологіи, мы оцѣнимъ его, конечно, вполне по заслугамъ.

Но уже не одни только намеки на соціологію, какъ таковую, а познаніе ея содержанія и сущности является безсмертной заслугой О. Конта. Во многихъ мѣстахъ своей *Philosophie positive* Контъ совершенно ясно и правильно формулировалъ, чѣмъ должна быть эта наука. Мы приводимъ нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ: „Все, что можно сдѣлать сводится къ тому, чтобы доказать возможность пониманія и обработки общественной науки на подобіе наукъ положительныхъ, указать ея философскій характеръ и установить ея основы“. Въ этихъ словахъ указанъ научный характеръ будущей соціальной науки. Другую характеристическую черту этой науки Контъ указываетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Подчиненіе человѣчества закону непрерывнаго развитія, рассматривающему эволюцію, какъ слѣдствіе предшество-

¹⁾ Кромѣ общеизвѣстныхъ относящихся сюда изложеній Раумера (Röhmer) и Блунчли (Bluntschli), необходимо, прежде всего, указать здѣсь на «*Philosophie der Geschichte*» Рохолля (Rocholl).

²⁾ *Principi di una scienza nuova etc.* Milano. 1836.

вавшихъ перемѣнъ, составить исключительное пріобрѣтеніе новой философіи“. Такимъ образомъ, идетъ рѣчь о законѣ развитія, который управляетъ человѣчествомъ, и о пониманіи настоящаго, какъ необходимаго слѣдствія прошедшаго. Это тоже справедливо и важно. Впослѣдствіи будетъ доказано, что дальнѣйшее развитіе этого основного положенія не удалось Конту вслѣдствіе неправильной концепціи понятія человѣчества. Тѣмъ не менѣе, основное его положеніе—вѣрно и со временъ Конта прочно укоренилось въ соціологіи. Конту же принадлежитъ слѣдующая мысль, имѣющая глубокое научное значеніе: „Только проникновеніе въ тайный смыслъ законовъ, управляющихъ различными родами явленій, можетъ внушить истинное самоотреченіе, т. е. готовность выносить неизбежное зло съ твердостью и безъ надежды на возмездіе“¹⁾. Безъ такого самоотреченія, дѣйствительно, нѣтъ соціологіи, и самая значительная, самая важная ошибка философіи Конта, какъ мы увидимъ, заключается въ томъ, что самъ онъ, проповѣдуя это самоотреченіе, не могъ возвыситься до него, не могъ отказаться отъ плановъ улучшенія міра.

Ему слѣдовало бы всегда оставаться вѣрнымъ тому мудрому закону, который онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если существуетъ политическое зло, котораго наука не умѣетъ искоренить,—а я не думаю, чтобы кто-либо могъ въ этомъ сомнѣваться,—то она можетъ, по крайней мѣрѣ, обнаружить его неизбежность, смягчая порождаемыя имъ несчастья, и указать естественные законы, дѣлающіе его непреодолимымъ“. Однако, желая, вопреки этому основному тезису, содѣйствовать *своимъ ученіемъ* „политическому

¹⁾ La philosophie positive p. Aug. Comte résumé p. Jules Rig. II, p. 2, 45, 46.

прогрессу“ и объщая, что оно можетъ явиться „могуще-
ственнымъ средствомъ для улучшенія соціального поло-
женія низшихъ классовъ“, онъ зашелъ, конечно, слишкомъ
далеко (и въ этомъ виновать его учитель С. Симонъ).
Стремленіе исполнить свое обѣщаніе не могло не свести его
впослѣдствіи съ истиннаго пути объективной науки на лож-
ный путь субъективной политики.

Въ противоположность прежнимъ историко-философ-
скимъ доктринамъ, Контъ отчетливо и ясно опредѣляетъ
задачу соціологіи: „Существованіе общественной науки не-
возможно до тѣхъ поръ, пока неизвѣстно, *въ чемъ* заклю-
чается самый фактъ развитія, законы котораго ей пред-
стоитъ изучить“. Но того, „въ чемъ заключается самый
фактъ развитія“, не удалось открыть и Конту, такъ какъ
онъ самъ ошибался относительно естественно-научнаго по-
нятія человѣчества. И виновать въ этомъ Паскаль со своимъ
„удивительнымъ афоризмомъ“, въ которомъ кроется при-
чина громадной ошибки Конта. „Все человѣчество, такъ гла-
сить глубоко ложное изреченіе Паскаля, восхитившее Конта,
въ теченіе долгаго ряда вѣковъ должно быть разсматриваемо,
какъ одинъ вѣчно существующій челоуѣкъ“. Эта роковая
метафора надѣлала много зла въ наукѣ; она же затуманила
столь ясный, по обыкновенію, взглядъ Конта. Увлеченный
этимъ ошибочнымъ представленіемъ Паскаля, онъ совер-
шенно неправильно опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ ре-
зультатъ соціологіи: „Эта наука осуществляетъ формулу
Паскаля и представляетъ челоуѣческой родъ, какъ огромное
единство, различные органы котораго содѣйствуютъ все-
общей эволюціи“. Впослѣдствіи мы поговоримъ объ этомъ
ложномъ пониманіи челоуѣчества, какъ *единства*, являю-
щемся источникомъ тысячи различныхъ ошибокъ, въ кото-
рыхъ запутался и самъ Контъ.

Здѣсь же мы только вскользь замѣтимъ, что при ограниченности историческихъ и этнографическихъ знаній своего времени, при бѣдности собственныхъ свѣдѣній въ этой области, Контъ имѣлъ въ виду только самую ничтожную часть человѣчества, а именно только германо-романскіе народы Европы въ ихъ историческомъ развитіи: поэтому въ своемъ стремленіи изслѣдовать „законы развитія человѣчества“ онъ руководствовался лишь незначительной частью Европы. Эти немногія націи составляли для него человѣчество, а иногда такая роль выпадала на долю его Франціи; „великая же революція“, вліяніе которой сказалось на этихъ немногихъ европейскихъ націяхъ, имѣла для него значеніе переворота для всего человѣчества, между тѣмъ какъ неизмѣримо большая часть его стояла внѣ вліяній этого чистомѣстнаго европейскаго движенія.

И тѣмъ не менѣе, изъ весьма субъективно и партійно понимаемыхъ измѣненій въ жизни германо-романскихъ народовъ за послѣднія два столѣтія Контъ выводитъ „законы развитія человѣчества“. Конечно, въ результатъ получаютъ кое-какіе остроумные историко-политическіе взгляды весьма относительной правильности,—и только. Соціологія Конта потерпѣла крушеніе, вѣдствие недостатка матеріала и узкаго ограниченнаго историко-этнографическаго кругозора его времени.

Эпоху въ соціологіи составили тѣ геніальные принципы, которые Контъ установилъ для этой науки, и къ которымъ, какъ мы увидимъ, примыкають разнообразныя направленія въ соціологіи послѣ-конттовскаго и нашего времени. Для математически-мыслящаго статистика, въ родѣ Кетле, не могла не казаться заманчивой попытка выразить конттовскіе законы развитія человѣчества посредствомъ цифръ и вычисленій, тѣмъ болѣе, что Контъ, повидимому, самъ считалъ это

желательнымъ ¹⁾. Что при этомъ Кетле имѣлъ въ виду соціологию, какъ „естественную исторію общества“, это доказывается его книгой, носящей такое названіе. Болѣе раннее его произведеніе „*Человѣкъ*“ („*Sur l'homme*“) носитъ въ то же время названіе „соціальной физики“ и указываетъ, что „мы имѣемъ въ виду изучить соціальное тѣло“.

Эта задача, которую поставилъ себѣ Кетле, находится въ тѣсной связи съ соціологіей Конта. Впослѣдствіи мы увидимъ, въ чемъ заблуждался Кетле, думая открыть законы соціального развитія помощью статистическаго закона „большихъ чиселъ“. Кетле въ своихъ статистическихъ работахъ доставилъ лишь матеріалъ и пособіе для ученія о „человѣкѣ“ и о *несвободѣ человеческой воли*; для соціологіи онъ ничего не могъ сдѣлать уже на томъ основаніи, что у него пониманіе „человѣчества“ совершенно терялось въ неясномъ и туманномъ пониманіи „общества“. Кромѣ того, исходными моментами его изслѣдованій являются многія заблужденія и ошибки соціальной науки его времени, напр., мысль, будто „самымъ простымъ и естественнымъ общественнымъ соединеніемъ людей является семья, существующая во всѣ времена и у всѣхъ народовъ“ ²⁾. Кетле еще ничего не знаетъ о томъ, что

¹⁾ «Развивая послѣдовательно такой принципъ, нельзя не признать необходимымъ основать предварительное воспитаніе соціологовъ на математической философіи. Только при этомъ условіи, изучая *позитивизмъ въ его источникѣ*, они будутъ въ состояніи пріобрѣсти чувство научной доказательности, привычку рacionales аргументаціи и способность удовлетворять логическимъ требованіямъ всякаго позитивнаго наблюденія». Впрочемъ, вслѣдъ за этимъ Контъ предупреждаетъ отъ примѣненія числа и математическихъ законовъ къ сложнымъ наблюденіямъ соціологіи. Comte. Rig. II, 116.

²⁾ Zur Naturgeschichte der Gesellschaft übers. v. Rieckh. S. 142.

семья въ современномъ значеніи этого слова, въ какомъ употребляетъ его и самъ Кетле, есть лишь довольно поздній соціальный институтъ, *обязанный своимъ существованіемъ государственному строю*. Также наивно и примитивно понимаетъ онъ „націю“. „Нація,—говоритъ онъ,—есть сложное тѣло, составленное изъ *однородныхъ элементовъ*, единообразно исполняющихъ свои функціи и одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же жизненнымъ принципомъ“¹⁾. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, каждая нація состоитъ изъ неоднородныхъ элементовъ, принудительно восполняющихъ другъ друга въ ихъ функціяхъ; но истина эта противорѣчитъ его теоріи, согласно которой общественныя связи являются результатомъ „*перевѣса притягательной силы*, принуждающей индивидовъ къ соединенію другъ съ другомъ“. Правда, онъ достаточно искрененъ для того, чтобъ признать, что „нація“ *не всегда* образуется изъ однородныхъ элементовъ, и что, напротивъ, она *довольно часто* является лишь результатомъ завоеванія и смѣшенія побѣдителей съ побѣжденными²⁾, но это исключеніе не служитъ исходнымъ моментомъ его теоріи. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Кетле совсѣмъ не удалось выяснитъ законовъ соціальнаго развитія. Естественныя явленія жизни народовъ,—напр., вѣчный антагонизмъ націй,—казались ему неестественными аномаліями, и онъ заключаетъ свою „Естественную исторію человѣчества“ мечтаніями Elibu Buritt'a: „Къ чести человѣчества, должно

Впрочемъ, совершенно также на семью смотрѣлъ и Контъ: «Семья представляетъ зародышъ состояній соціальнаго организма: она образуетъ посредствующее звено между индивидомъ и видомъ». Comte Rig. II. 126.

1) Лб. 5. 143.

2) Ibidem, S. 144.

сказать, что *девятнадцатое столѣтіе вступило на новый путь*; люди пришли къ сознанию, что и для народовъ должны существовать законы и суды, и что преступленія народовъ другъ противъ друга, совершаемыя въ большемъ масштабѣ, такъ же ненавистны, какъ преступленія людей“¹⁾.

Конечно, все эти сердечныя изліянія очень хороши, но они-то и доказываютъ бѣдность соціологическихъ понятій Кетле. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ эти строки, только одна Европа въ теченіе XIX ст. пережила крымскую, австрійско-итальянскую, австро-прусску-датскую, австро-прусску, франко-прусску и русско-турецку войну,—длинный рядъ „преступленій“ по мнѣнію Кетле, записанныхъ однако, къ удивленію, золотыми буквами въ лѣтописяхъ побѣдоносныхъ націй,—преступленій, воспаляющихъ душу слѣдующихъ поколѣній. Итакъ, не смотря на „новый путь“, на который будто бы вступило XIX ст., оно идетъ прежнимъ испытаннымъ путемъ. Не должно ли прежде выступить на новый путь соціологическое знаніе?

И на самомъ дѣлѣ, объ этомъ очень убѣдительно говоритъ Гербертъ Спенсеръ въ слѣдующихъ, заслуживающихъ полного вниманія словахъ: „Мысль и чувство нельзя вполнѣ отдѣлить другъ отъ друга. Каждое душевное настроеніе обусловлено болѣе или менѣе опредѣленною группой идей, и каждая группа идей болѣе или менѣе проникнута настроеніемъ душевнымъ. Характеръ взаимныхъ комбинацій чрезвычайно различенъ. Есть чувства, которыя за недостаткомъ интеллектуальной опредѣленности, совершенно неясны, и есть другія, которыя пріобрѣтаютъ постоянную форму, благодаря связанымъ съ ними представленіямъ; наши мысли то искажаются проникающими ихъ страстями, то, наоборотъ,

¹⁾ Ibidem, S. 214.

совершенно свободны отъ симпатій и антипатій. Сверхъ того, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отношеніе между этими элементами психическаго состоянія можетъ быть различно.

Въ то время, какъ мысли остаются тѣми же самыми, связанное съ ними душевное настроеніе можетъ усилиться или ослабѣть, и всѣмъ извѣстно, что *правильность принимаемаго рѣшенія зависитъ, если не отъ совершеннаго отсутствія всякой эмоціи*, то отъ того равновѣсія между эмоціями, которое не допускаетъ чрезмѣрныхъ колебаній въ ту или иную сторону.

Это въ особенности справедливо по отношенію къ вопросамъ, касающимся человѣческой жизни. Индивидуальныя или социальныя дѣйствія людей можно обсуждать двоякимъ образомъ. Мы можемъ разсматривать ихъ, какъ группы явленій, которыя необходимо проанализировать и причинную связь которыхъ необходимо твердо установить; или же мы можемъ разсматривать ихъ, какъ причины радости или горя, и высказывать по поводу ихъ наше одобреніе или осужденіе. Если мы разсматриваемъ проблему дѣйствія только съ точки зрѣнія *интеллекта*, то она всегда окажется результатомъ взаимодействія опредѣленныхъ силъ; если же мы разсматриваемъ проблему дѣйствія съ точки зрѣнія *морали* и называемъ послѣдствія его въ одномъ случаѣ хорошими, въ другомъ — дурными, то наше сознаніе скоро омрачится то удивленіемъ, то гнѣвомъ. Вполнѣ естественно, что мы придемъ къ совершенно различнымъ выводамъ, въ зависимости отъ того, разсматриваемъ ли мы *поступки людей*, какъ поступки *другихъ существъ*, которые мы *стремимся только понять*, или разсматриваемъ ихъ, какъ поступки существъ, подобныхъ намъ, съ жизнью которыхъ тѣсно связана наша собственная жизнь и поведеніе которыхъ посредственно или непосредственно возбуждаетъ въ насъ чувство любви или ненависти... Здѣсь я настоятельно хочу обратить вниманіе

на то, что при разсмотрѣніи соціологическихъ вопросовъ,— въ особенности тѣхъ, къ которымъ мы сейчасъ приступимъ (о государственныхъ учрежденіяхъ), мы должны по возможности *освободиться отъ тѣхъ чувствъ, которыя могутъ быть вызваны изучаемыми фактами, и исключительно ограничиться объясненіемъ этихъ фактовъ.* Правда, есть такія группы явленій, разсмотрѣніе которыхъ возбуждаетъ въ насъ отчаяніе, отвращеніе или негодованіе, но *мы должны подавить въ себѣ эти чувства“* ¹⁾.

Подобно своему соотечественнику, — министру, который обратился къ властолюбивымъ политикамъ съ извѣстными словами: „руки прочь!“ („hands off“), Спенсеръ въ началѣ своихъ соціологическихъ изслѣдованій говоритъ намъ: „Долой чувства!“ На вратахъ этой науки онъ пишетъ слова: „Lasciate ogni sentimento voi ch'entrate!“ Поступая такимъ образомъ, онъ не только даетъ намъ практическое указаніе, но высказываетъ *conditio sine qua* поп всякой соціологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрительно напередъ защищаетъ себя отъ всякихъ „моральныхъ“ упрековъ.

Что касается этого основного методологическаго, или, точнѣе, предшествующаго всякой методологіи положенія, то Спенсеръ, къ счастью, находится въ полнѣйшемъ согласіи съ Контомъ („культуривовать общественную науку на подобіе наукъ положительных“); но дальнѣйшее согласіе съ Контомъ, а именно въ вопросѣ о необходимомъ сходствѣ и тождественности соціологіи съ біологіей, могло бы быть для Спенсера почти роковымъ.

Контъ рѣшительно настаиваетъ на этомъ тождествѣ, какъ существенномъ положеніи соціологіи. „Необходимость признать исходнымъ моментомъ соціологіи совокупность данныхъ

¹⁾ Изъ его соціологіи перев. въ Kosmos'ъ Jahrg., IV, S. 129—130.

біологіи, по мнѣнію Конта, очевидна ¹⁾, и „подчиненность соціальной науки — біологіи“, по его мнѣнію, столь „неоспорима“, что „никто болѣе не рѣшается отвергнуть это основное положеніе“ ²⁾. Біологія служитъ для соціологіи исходнымъ моментомъ въ анализѣ общественной природы чело-вѣка и различныхъ органическихъ условій такой природы. Кромѣ того, низшія ступени общественнаго развитія ни въ какомъ случаѣ не доступны непосредственному наблюденію, вслѣдствіе чего ихъ нужно конструировать, сопоставляя общую природу людей съ совокупностью соотвѣтствующихъ условій. Когда же соціальное развитіе становится въ такой степени доступнымъ наблюденію, что подобная дедукція болѣе не примѣнима, то соціологія все-таки прибѣгаетъ къ помощи біологіи чело-вѣка, которою всегда обусловлена эволюція чело-вѣчества“. До такой степени Контъ былъ увлеченъ біологически - соціологическими аналогіями! Допущеніемъ этихъ аналогій Контъ, вообще, принесъ много вреда, такъ какъ весьма вѣроятно, что такъ пышно разросшееся въ Германіи „органическое ученіе о государствѣ“, начиная съ Ромера (Rohmer) и Блюнчли (Bluntschli) и кончая Шеффле, въ его „*Vau und Leben des socialen Körpers*“, ведетъ свое происхожденіе непосредственно отъ Конта.

Спенсеръ тоже, *повидимому*, идетъ по слѣдамъ Конта. „Исходя изъ основного положенія, что свойства недѣлимыхъ (которыя являются предметомъ изученія біологіи!) опредѣляютъ свойства агрегата“, Спенсеръ заключаетъ, что „должна

¹⁾ La nécessité de fonder, sur l'ensemble de la biologie le point de départ de la sociologie, est évidente. Comte. Rig I, 462.

²⁾ La subordination de la science sociale à la biologie est tellement incontestable que personne n'ose plus en méconnaître le principe ibidem. II, 109.

существовать социальная наука, которая опредѣляетъ отношенія между недѣлимыми и агрегатомъ съ такою точностью, какая допускается природою соотвѣтствующихъ явленій“. Послѣ такого предположенія и Спенсеръ приходитъ къ выводу, что социальная наука „вообще имѣетъ предметомъ *ростъ, развитіе, строеніе и функціи социальнаго агрегата*, какъ они вызываются взаимодействіемъ индивидовъ“¹⁾). Такимъ образомъ онъ также становится на *индивидуалистическую* точку зрѣнія и стремится выяснитъ *соціальныя* явленія, исходя изъ *индивида* и его природы. Но такъ какъ индивидъ изучается біологіей, то, слѣдовательно, соціологія является не чѣмъ инымъ, какъ біологіей высшаго порядка. Полную неприменимость къ соціологіи такой біологически-индивидуалистической точки зрѣнія мы докажемъ въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи. Здѣсь же только вскользь замѣтимъ, что въ соціологіи единицами, элементами являются социальныя группы, и что *изъ свойствъ составныхъ частей отдѣльныхъ группъ*, т. е. изъ свойствъ *индивидовъ*, никакъ нельзя выводить заключенія объ отношеніи группъ другъ къ другу. Соціологію нельзя строить на отношеніяхъ индивидовъ другъ къ другу, и изъ природы индивидовъ нельзя постичь природы группъ. Поэтому-то біологическія аналогіи никакого значенія для соціологіи не имѣютъ; они даютъ намъ только сравненія и образы, но ни въ какомъ случаѣ и никогда не дадутъ знаній.

Повидимому, Спенсеръ, хотя и не сознавалъ ясно и не высказывалъ подобной мысли, тѣмъ не менѣе, *чувствовалъ* ее. По крайней мѣрѣ, очевидно, что счастливый научный инстинктъ и здравый смыслъ предохранили англійскаго фи-

¹⁾ Einleitung in d. Studium der Sociologie, Deutsch von Marquardsen I, 64.

лософа отъ тѣхъ преувеличеній и заблужденій, какія встрѣчаются у другихъ писателей, какъ слѣдствіе ложныхъ аналогій между социологіей и біологіей. Если *принципіально и теоретически* Спенсеръ и настаиваетъ на подобной аналогіи, то въ расчетъ онъ принимаетъ ее только въ формальныхъ и не существенныхъ побочныхъ вопросахъ: никогда однако онъ не заходитъ слишкомъ далеко, такъ что ядро его социологіи остается здоровымъ и незараженнымъ этими аналогіями. Повидимому, признавая теоретически и принципіально подобную аналогію существенной, и въ дѣйствительности всегда обращая на нее вниманіе при своихъ социологическихъ выводахъ, онъ пользуется въ отдѣльныхъ случаяхъ этими аналогіями только какъ сравненіемъ. Напр., слѣдующимъ образомъ онъ говоритъ о мирномъ образованіи власти въ примитивной ордѣ:

„Вособразимъ себѣ совершенно неорганизованную орду, заключающую въ себѣ людей обоого пола и различнаго возраста, и разсмотримъ, чтѣ должно произойти, если когда-нибудь придется рѣшить вопросъ относительно переселенія или защиты отъ враговъ. Всѣ индивиды болѣе или менѣе рѣзко распадутся на двѣ группы. Старшіе, сильнѣйшіе и тѣ, мужество и ловкость которыхъ извѣстны по прежнему опыту, образуютъ группу, которая обсуждаетъ дѣло, въ то время, какъ бѣльшая часть, состоящая изъ молодыхъ, болѣе слабыхъ и ничѣмъ не выдающихся членовъ, въ большинствѣ случаевъ только является свидѣтелемъ и ограничивается тѣмъ, что время отъ времени выражаетъ свое согласіе или несогласіе. Мы можемъ смѣло сдѣлать и дальнѣйшее предположеніе. Изъ среды совѣщающихся непременно выдвигается одинъ человекъ, обладающій бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ всѣ остальные (какой-нибудь старый охотникъ, отважный воинъ, хитрый знахарь), голосъ котораго на принятіе

окончательнаго рѣшенія окажетъ больше вліянія, чѣмъ голоса другихъ. Другими словами, все общество распадется на три части, или, употребляя біологическое сравненіе, въ *общей мисѣ* дифференцируется *ядро* (Kern) и *оболочка ядра* (Kernkôrperchen) ¹⁾.

Это мѣсто служить образцомъ осторожнаго и обдуманнаго отношенія Спенсера къ біологическимъ аналогіямъ. Роль, которую онъ признаетъ за біологическими фактами и законами въ изслѣдованіи соціологическихъ законовъ, какъ мы видимъ, крайне незначительна. Онъ едва допускаетъ ихъ въ сферу соціологіи въ качествѣ *отдаленнаго примѣра, сравненія*. Хотя соціальныя процессы и явленія всегда напоминаютъ ему подобные же біологическіе, однако, отнюдь не отождествляя эти два рода процессовъ и явленій, онъ связываетъ ихъ только простымъ: „подобное же происходитъ“ (similarly it happens). Эта спокойная объективность представляетъ большее преимущество Спенсера предъ другими соціологами, какъ, напр., Шеффле и Лиліенфельдомъ, которые принимаютъ этихъ аналогіи въ серьезъ и вводятся ими въ заблужденіе. Даже въ такихъ отдѣлахъ своей книги, заглавіе которыхъ живо напоминаютъ аналогіи Шеффле, какъ, напр., „Общество есть организмъ“ ²⁾, Спенсеръ ни на минуту не смѣшиваетъ природы и сущности соціальныхъ и органическихъ явленій. Тожественнымъ между этихъ явленій онъ признаетъ лишь общіе моменты, такъ что ихъ можно свободно допустить безъ всякаго вреда для ясности *понятій и представленій*. Такъ, напр., онъ находитъ, что общества также правильно растутъ, какъ живые организмы. Разумѣется, это сравненіе дѣлается возможнымъ только потому, что языкъ

¹⁾ Изъ Соціологіи Спенсера, переведенной въ Kosmos'ѣ т. I, с. 32.

²⁾ Principles of Sociology, I, 467. „A society is an organism“.

для двухъ различныхъ понятій,—роста организма и развитія общества,—имѣеть лишь одно выраженіе (*Wachsthum*, *growth*). Будь въ нашемъ языкѣ особыя названія для этихъ различныхъ понятій, никто бы и не пытался прибѣгать къ подобнымъ сравненіямъ или даже къ аналогіямъ и отождествленію этихъ понятій. Точно такъ же, только неточность и невыработанность языка даютъ возможность находить подобіе между организмомъ и обществомъ въ томъ, что они оба, увеличиваясь въ объемъ, увеличиваются и по „структурѣ“. Здѣсь недостатокъ языка заключается въ томъ, что одно и то же слово „структура“ (конечно, лишь въ метафорическомъ смыслѣ) можетъ быть употреблено для обозначенія организациі общественныхъ классовъ, учреждений и т. п. Не будь этой особенности языка, никакая аналогія здѣсь не была бы возможной. То же самое можно сказать относительно третьяго, выставленнаго Спенсеромъ, аналогичнаго момента между организмомъ и обществомъ. У обоихъ,—говорить онъ,—„прогрессивное дифференцированіе структуры сопровождается прогрессивнымъ дифференцированіемъ функций“¹⁾. И здѣсь *мысль также совершенно ясна*: стоитъ только, не смотря на общность выраженія, имѣть въ виду особенности, вызываемыя различной природой каждаго изъ этихъ явленій. Итакъ, у Спенсера, какъ уже упомянуто выше, случайныя сравненія съ біологическими процессами нисколько не вредятъ *ясности пониманія социальныхъ процессовъ*.

Не смотря на частое употребленіе сравненій, позитивный естественно-научный индуктивный методъ у Спенсера—не фраза: онъ, дѣйствительно, примѣняетъ его въ области социологіи. Наоборотъ, Шеффле и Лиліенфельдъ, какъ мы увидимъ ниже, примѣняютъ ложный естественно-научный ме-

¹⁾ Principles of Sociology, I, 468.

тодь, подчиняющійся біологическимъ аналогіямъ въ области соціологіи. Пользуясь этимъ ложнымъ индуктивнымъ методомъ, они хотятъ во что бы то ни стало вывести соціологическіе законы изъ біологическихъ законовъ, установленныхъ а priori. Но такой методъ искажаетъ собственное содержаніе соціологіи, такъ какъ, вмѣсто него, имѣетъ дѣло съ совершенно фиктивнымъ, принадлежащимъ къ другой области знанія явленіемъ (организмомъ) ¹⁾.

Не изъ подобныхъ аналогій черпаетъ Спенсеръ свои знанія. Онъ не выводитъ соціологическихъ законовъ изъ установленныхъ а priori идей біологіи. Спенсеръ подходитъ прямо къ сущности социальныхъ явленій, безъ какой бы то ни было *предвзятости*. Онъ наблюдаетъ спокойно и безъ предразсудковъ, и только данныя такого наблюденія формулируетъ въ видѣ готовыхъ положеній теории, подводитъ подъ общіе принципы и законы. И безъ сомнѣнія, Спенсеръ, слѣдуя дальше по этому пути, оставаясь вѣрнымъ этому единственно правильному методу, достигъ бы гораздо болѣе совершенныхъ результатовъ, если бы только онъ былъ сво-

¹⁾ Въ главахъ соціологіи Спенсера: „Social structures, Social Functions, systems of Organ и т. д. (I т.) изображенію социальныхъ явленій и процессовъ всегда предпосылается изображеніе соответственныхъ явленій и процессовъ животной жизни. Но эти разнородныя явленія такъ строго различаются, что нѣтъ мѣста никакой *путаницы*, никакому *смѣшенію* и *неясности*. При чтеніи Спенсера смѣло можно, для опыта, опускать біологическія сравненія, и изложеніе соціологическихъ явленій отъ этого станетъ только яснѣе. Подобное опущеніе, вслѣдствіе отождествленія біологическихъ и соціологическихъ процессовъ, невозможно при чтеніи Шеффле и Лиліенфельда: отъ него пострадаетъ соціологическое изложеніе, такъ какъ оно будетъ совершенно спутано и затемнено.

бодень отъ стараго наслѣдственнаго грѣха всѣхъ прежнихъ историко-философскихъ и социологическихъ теорій: возрѣнія на человѣчество, какъ на единство. Но, къ несчастью, онъ также не сумѣлъ отрѣшиться отъ этой старой *fable convenu*, хотя логика фактовъ и здравое наблюденіе явленій *вынуждали* его объяснить *начало* социальнаго развитія взаимодействіемъ разнородныхъ этническихъ элементовъ; такъ, напр., „первую внутреннюю связь“ „малочисленныхъ группъ первобытныхъ людей“ онъ усматриваетъ въ ихъ „совмѣстномъ сопротивленіи внѣшнимъ врагамъ“¹⁾. „Возникновеніе государственной организаци“ онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Пока существуютъ только маленькія бродячія общества, лишеныя какой бы то ни было организаци, конфликты между ними едва ли могутъ произвести измѣненіе въ ихъ структурѣ. Но съ того времени, когда въ обществѣ уже вырабатывается институтъ предводительства, — институтъ, естественнымъ образомъ вызывающій столкновенія, — и въ особенности, когда конфликты ведутъ къ продолжительному подчиненію, уже возникаютъ первые зачатки государственной организаци“²⁾. Впрочемъ, у Спенсера можно безчисленное множество разъ замѣтить, что для социальныхъ явленій, происходящихъ изъ взаимодействія или воздѣйствія социальныхъ группъ другъ на друга, онъ всегда приводитъ подходящія примѣры или доказательства изъ области фактовъ этнографіи; между тѣмъ какъ для тѣхъ явленій, которыя онъ пытается объяснить воздѣйствіемъ другъ на друга индивидовъ, принадлежащихъ къ одной и той же группѣ, онъ никогда не можетъ сослаться на *факты*, а вынужденъ ограничиться общими и теоретическими разсужденіями и сравне-

1) *Principien d. Sociology*, § 250.

2) Тамъ же, § 11.

ніями изъ области біологіи. Если бы Спенсеръ самъ замѣтилъ это обстоятельство, онъ, можетъ быть, отказался бы отъ всѣхъ *попытокъ индивидуалистическихъ построеній* и призналъ бы исходнымъ моментомъ теоріи множественность первобытныхъ группъ, какъ не поддающуюся дальнѣйшему соціологическому анализу первооснову всѣхъ подлежащихъ разсмотрѣнію фактовъ ¹⁾. Но онъ не постигъ этого, и потому его соціологическія изслѣдованія проникнуты постояннымъ противорѣчіемъ между молчаливымъ признаніемъ единого, происходящаго изъ общаго источника челоуѣчества, и вѣчнымъ возвращеніемъ къ „множественности примитивныхъ группъ“, лишь только зайдетъ рѣчь объ основательномъ, фактическомъ объясненіи соціальныхъ явленій. Въ нашей книгѣ: „*Rassenkampf*“ мы указали, что признаніе подобной первобытной множественности челоуѣческихъ группъ представляетъ единственно-раціональное основаніе, на которомъ соціологія можетъ развиваться, правильно объясняя всѣ соціальныя явленія. Тамъ же мы достаточно доказали, что подобный взглядъ *не стоитъ въ противорѣчій* съ ученіемъ Дарвина ²⁾.

¹⁾ Не указывая на эту множественность первобытныхъ группъ, какъ на *первый естественный* фактъ соціологіи, Спенсеръ однако случайно констатируетъ тотъ фактъ, что „соціальная эволюція начинается съ небольшихъ и простыхъ агрегатовъ“ (We have seen that social evolution begins with small simple aggregates), I, 570.

²⁾ Это же подтверждаетъ Бастіанъ, находящій излишними наши относящія сюда доказательства, такъ какъ полигенизмъ основывается на самой природѣ вещей (Zeitschrift f. Sociologie, 1884). На оборотъ, возраженія Альфреда Кирхгофа въ Liter. Centralblatt доказываютъ только, что онъ не понимаетъ теоріи Дарвина, не смотря на то, что называетъ себя „ярымъ дарвинистомъ“ (böser Darwinia-

Исходя исключительно изъ признанія множественности примитивныхъ группъ, мы избѣжимъ, такимъ образомъ, колебаній Спенсера между такимъ же воззрѣніемъ и пониманіемъ человѣчества, какъ единства. Если бы Спенсеръ, поступивъ точно такъ же, оставался всегда послѣдовательнымъ, ему было бы еще легче примѣнить свою общую формулу эволюціи, о которой рѣчь будетъ ниже, къ развитію соціальныхъ явленій; ибо его законъ эволюціи, признаваемый всеобщимъ, не вполне примѣнимъ къ единообразно развивающемуся человѣчеству, такъ какъ на каждомъ шагу даетъ себя чувствовать, именно, отсутствіе основного положенія, т. е. общности, единства субстрата. Къ счастью, цѣнность и значеніе Спенсера заключаются не въ формулахъ, которыя онъ навязываетъ фактамъ, но въ правильномъ наблюденіи и сопоставленіи самихъ фактовъ. Спенсеръ располагаетъ такимъ богатымъ матеріаломъ, какъ никто другой, кромѣ Бастіана, и онъ достаточно позитивистъ для того, чтобы, не смотря на біологическія аналогіи и безсодержательныя формулы эволюціи, объективно, здраво, безпристрастно и поистинѣ научно, разработать этотъ разносторонній матеріалъ и вывести изъ него заключенія, независимо отъ своихъ предвзятыхъ метафизическихъ идей. Поэтому Спенсеръ является истиннымъ основателемъ соціологии, и на долгое еще время останется ея главной опорой. Рядомъ съ нимъ, превосходя, быть можетъ, его знаніемъ и здравой наблюдательностью, хотя и уступая ему въ художественной силѣ изображенія добытыхъ научныхъ результатовъ, стоитъ Бастіанъ. Однако, прежде чѣмъ обратиться къ этому феноменальному явленію среди ученыхъ и изслѣдователей нашего

пер) Вообще говоря, бѣда съ „дарвинистами“, которые или не читали Дарвина, или не поняли его.

времени, упомянемъ о нѣкоторыхъ соціологическихъ опытахъ и ошибкахъ въ Германіи и Франціи.

Въ основѣ всѣхъ этихъ опытовъ лежитъ идея монизма. Всѣ онѣ сходятся въ стремленіи найти одинъ всеобщій законъ для явленій въ области одной и единой природы (слѣдовательно, для соціальныхъ явленій включительно). Общую ошибку этихъ попытокъ мы можемъ выразить слѣдующимъ образомъ: они не различаютъ общихъ и соціальныхъ законовъ (см. II, § 5) и пытаются объяснить соціальныя явленія посредствомъ одного всеобщаго закона,—что невозможно. Первые такіе опыты восходятъ къ старому спору между спиритуалистами и матеріалистами. Одни хотѣли объяснить все изъ дѣятельности духа, другіе—изъ дѣятельности матеріи. Какъ первый обширный опытъ матеріалистическаго объясненія всѣхъ процессовъ въ природѣ и человѣческой жизни (включая сюда и соціальную жизнь) изъ одного общаго закона природы, можно назвать „*Système de la nature*“ Мирабо (Гольбаха). Почему, думалъ Гольбахъ, дѣйствіемъ притяженія и отталкиванія можно объяснить только вселенную, солнце и планеты, а не жизнь и дѣятельность животныхъ и людей? Надо сдѣлать опытъ. При остроуміи и умѣ все можно сдѣлать, а въ нихъ, во всякомъ случаѣ, не было недостатка у автора „*Système de la nature*“. И вотъ онъ подробно доказываетъ, что обѣ эти первоначальныя силы не только удерживаютъ планеты на ихъ орбитѣ, не только направляютъ и регулируютъ всякую жизнь и всякое движеніе на нашей землѣ, но способствуютъ также установленію всѣхъ отношеній между людьми, всѣхъ соціальныхъ соединеній. Стоитъ прочесть эту остроумную книгу (т. I, гл. IV) для того, чтобъ увидѣть, чего только тамъ не дѣлаетъ притяженіе и отталкиваніе. Молекулы притягиваются и образуютъ тѣла, отталкиваются и вызываютъ ихъ разло-

женіе. Такъ постепенно образуются растенія, металлы, животныя и люди; „наконецъ, чтобы совсѣмъ не отдѣлять законовъ физики отъ законовъ морали, такимъ же образомъ люди, притягиваемые другъ къ другу своими потребностями, образуютъ союзы, которые называются браками, семьями, обществами, дружбой, связями...“

Эта *первая соціологическая идея* затѣмъ развивается подробнѣе: „Во всѣхъ феноменахъ, которые мы наблюдаемъ у человѣка со дня его рожденія и до смерти, мы видимъ только слѣдствіе причинъ и фактовъ, необходимыхъ и согласныхъ съ законами, общими для всей природы. Образъ его дѣйствій, его чувствованія, его идеи и страсти, его воля, его поступки суть лишь необходимыя слѣдствія какъ его собственныхъ свойствъ, такъ точно и свойствъ тѣхъ существъ, которыя дѣйствуютъ на него. Все, что онъ дѣлаетъ, все, что происходитъ въ немъ самомъ,—все это лишь проявленіе силы инерціи, взаимнаго тяготѣнія, притяженія и отталкиванія, способности къ самосохраненію,—однимъ словомъ, энергіи, которая обща человѣку со всѣми остальными видимыми существами; только проявляется она въ человѣкѣ особымъ способомъ, свойственнымъ его особой природѣ, благодаря которой онъ отличается отъ существъ различной системы и порядка“.

Эта попытка Гольбаха объяснить всѣ явленія природы и человѣческой жизни, исходя изъ закона притяженія и отталкиванія,—съ этихъ поръ часто повторялась, и мы встрѣтимъ ее у Шеффле.

Контъ, какъ мы видѣли, полагалъ, что нечего искать годныхъ для соціологіи законовъ, ибо ихъ можно позаимствовать у біологіи; эту мысль, какъ указано выше, усвоилъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи и Спенсеръ. Въ Германіи цѣлая школа государственнаго права въ теченіе десятилѣтій утили-

зировала эти идеи Конта въ своемъ такъ называемомъ „органическомъ ученіи о государствѣ“, пока наконецъ Шеффле не задался цѣлью возможно шире развить идеи какъ Гольбаха, такъ и Конта въ общей системѣ соціологіи. Никто не откажетъ труду Шеффле въ томъ, что на него затрачено много ума и учености, но основная мысль этого труда—признаніе аналогіи между государствомъ и животнымъ организмомъ—самая злополучная; и дѣйствительно нельзя не пожалѣть, что такой запасъ опыта, остроумія и знанія потраченъ на проведеніе такой сумасбродной мысли. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ детальное разсмотрѣніе объемастаго произведенія Шеффле, но основную мысль его можно передать собственными словами автора:

„Часто прямо напрашивается мысль, что какъ природа въ ея цѣломъ, такъ и отдѣльныя органическія и неорганическія тѣла въ ней являются *въ видѣ* громаднѣхъ обществъ, въ видѣ системы простѣйшихъ и сложныхъ частей. Эти системы атомовъ приводятся въ движеніе притяженіемъ и отталкиваніемъ между ихъ элементами и внѣшнимъ міромъ. Можетъ ли при подобныхъ условіяхъ показаться нелѣпымъ предположеніе, что самый универсальный и самый одухотворенный міръ, доступный опыту, міръ личностей, или Соціальное Тѣло можетъ жить, только благодаря двоякому проявленію силы въ каждомъ изъ его личныхъ элементовъ? Благодаря одной силѣ, части этого тѣла какъ бы стремятся къ своему цѣлому; благодаря другой, онѣ сохраняютъ самостоятельное бытіе. Конечно, мы не должны представлять себѣ простыми и матеріальными *два основныя* стремленія сложныхъ и духовныхъ элементовъ соціальнаго тѣла. Общую жизнь этого тѣла мы можемъ однако объяснить себѣ не иначе, какъ продуктъ разнообразныхъ притягательныхъ и отталкивающихъ взаимодействій всѣхъ активныхъ элемен-

товъ общества, всѣхъ социальныхъ волевыхъ субъектовъ, всѣхъ лицъ и учреждений. Мы въ состояніи будемъ объяснить это такимъ образомъ, видя, что не извнѣ появляются въ общественныхъ тѣлахъ этическія общія движенія, но возникаютъ среди участвующихъ въ нихъ изъ индивидуальнаго и групповаго проявленія (Auslösung) этическихъ силъ¹⁾.

Разсужденія эти, во всякомъ случаѣ, нельзя назвать ясными; при этомъ языкъ Шеффле не имѣетъ ничего общаго съ метафизикой Канта, который, хотя и туманнымъ языкомъ, но выражаетъ ясныя мысли: это языкъ туманныхъ образовъ и неподходящихъ сравненій. Шеффле анализируетъ „соціальное тѣло“, но понимаетъ ли онъ подъ этимъ мистическимъ выраженіемъ все человѣчество, или только одно государство, одинъ народъ,—этотъ основной вопросъ остается совершенно невыясненнымъ. Его „соціальное тѣло“ такое же неясное и расплывчатое понятіе, какъ „общество“ Кетле: Кетле пытается выяснитъ это понятіе, подобное туманному пятну, посредствомъ „большаго числа“, Шеффле—посредствомъ демонстраціи социальныхъ клѣтокъ, тканей, костей, нервовъ и т. д. Послѣдній путь, во всякомъ случаѣ, самый ложный. Различные факты изъ области анатоміи, физиологіи и даже психологіи, заимствуемые и подробно излагаемые Шеффле, могутъ дѣйствительно быть вполне вѣрными, но только чрезмѣрно живая фантазія можетъ поставить эти факты *въ связь* съ социальными явленіями и социальнымъ развитіемъ. Здравый смыслъ съ негодованіемъ отворачивается отъ этихъ вѣчно хромающихъ сравненій и устаетъ, отыскивая въ этой огромной кучѣ метафоръ и сравненій часто дѣйствительно содержащееся въ ней зерно истины, основанной на вѣрномъ наблюденіи жизни и опытѣ.

¹⁾ Schäffle, Bau und Leben des socialen Körpers, I, 585.

О Лиліенфельдѣ, говоря вообще, мы не можемъ сказать ничего другого, кромѣ сказаннаго нами о Шеффлѣ. Та же ученость, также много ума и обобщающей силы, та же прилежаніе и та же неутомимость въ выполненіи плана, въ основѣ своей не выдерживающаго критики, въ защитѣ теоріи, заранѣе обреченной на гибель. Основныя мысли пятитомнаго произведенія Лиліенфельда мы опять передадимъ его собственными словами: „Если человѣческое общество должно быть предметомъ позитивной науки, то для этого существуетъ *только одинъ путь*: необходимо (?) помѣстить его въ рядъ органическихъ существъ (!), *признать его организмомъ*, который въ своемъ развитіи настолько же превосходитъ человѣческій организмъ, насколько послѣдній превосходитъ все прочіе организмы природы. *Только при этомъ условіи социальная наука можетъ получить такое же реальное основаніе, какъ естественныя науки; только при этомъ условіи человеческое общество можетъ подлежать индуктивному наблюденію, какъ реальный организмъ, и разсматриваться, какъ нераздѣльная часть природы*; только при этомъ условіи социальная наука изъ догматической станетъ позитивной“¹⁾.

Истина діаметрально противоположна сказанному здѣсь Лиліенфельдомъ. Социальная наука можетъ только тогда получить „реальную основу, какъ естественныя науки“, когда она выброситъ за бортъ фантастическое представленіе объ „обществѣ“, какъ „организмѣ“, когда она вполнѣ отрѣшится отъ всѣхъ біологическихъ аналогій. На вопросъ Лиліенфельда: „развѣ социальныя организмы не дѣйствуютъ и не развиваются по тѣмъ же самымъ основнымъ органическимъ закономъ, какъ и все остальные органическія существа въ

¹⁾ Paul v. Lilienfeld. Gedanken über eine Socialwissenschaft der Zukunft, I, 25.

природѣ?“ мы отвѣчаемъ рѣшительно: нѣтъ!—И это различіе между социальными организмами и органическими существами кроется не только, какъ думаетъ Лиліенфельдъ, въ „перевѣсѣ принципа цѣлесообразности въ социальныхъ организмахъ надъ принципомъ причинности органическихъ“, а просто въ разнородности этихъ явленій и въ различіи управляющихъ ими законовъ; ибо законы органическаго развитія, съ одной стороны, и социального развитія, съ другой, *toto genere* отличаются другъ отъ друга и никоимъ образомъ не должны быть другъ съ другомъ смѣшиваемы (см. ниже II, § 5). Дальнѣйшій вопросъ Лиліенфельда: „развѣ все человѣчество, въ отношеніи къ намъ, не представляетъ *одного органическаго существа*, соединяющаго въ себѣ всѣ отдѣльныя общественныя группы, которыя относятся къ нему, какъ части къ своему цѣлому?“—этотъ вопросъ можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ несчастнымъ заблужденіемъ ученаго ума. Какихъ результатовъ можно ожидать отъ изслѣдованія, въ основаніи котораго лежитъ воззрѣніе на „человѣчество“, какъ на „органическое существо“!

И въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующей главѣ: „Человѣческое общество, какъ реальное существо“, Лиліенфельдъ рѣшительно отвергаетъ предположеніе, будто бы онъ употребляетъ „эту аналогію лишь, какъ аллегорическую параллель“, „если бы мы разсматривали,—продолжаетъ онъ,—только какъ *риторическія фигуры* всѣ общеупотребительныя и получившія въ наукѣ право гражданства выраженія, которыя указываютъ на связь и родство между явлениями природы и общества, то мы пошли бы по слѣдамъ всѣхъ экономическихъ и политическихъ *доктринеровъ*, всѣхъ социальныхъ метафизиковъ; мы трудились бы надъ той же бесплодной почвой, надъ которой въ теченіе столѣтій безцѣльно тратятъ свои

силы такъ много способныхъ изслѣдователей въ области естествознанія; мы посвятили бы себя дѣлу, которое до сихъ поръ поглотило въ области соціологіи такъ много блестящихъ талантовъ, такъ много умышленнаго труда и умышленнаго капитала и въ результатъ привело лишь къ сомнѣнію и противорѣчіямъ...“ Какъ ни красиво все это сказано, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не упрекнуть Лиліенфельда въ томъ, что онъ, не смотря на всѣ эти оговорки и предостереженія, дѣйствительно сталъ на эту „безплодную почву“ и увеличилъ еще однимъ числомъ тѣхъ „способныхъ изслѣдователей“, которые безцѣльно тратятъ свои силы.

Лиліенфельдъ, повидимому, думаетъ, что метафора можетъ стать дѣйствительностью, если только мы ее „причаемъ“ таковой, что природа явленія опредѣляется нашимъ „представленіемъ“ о немъ. „*Нужно убѣдиться*,—говоритъ онъ,—что та или другая общественная группа, то или другое государство суть дѣйствительные живые организмы, подобные всѣмъ другимъ организмамъ въ природѣ...“ Требованіе это неисполнимо для разсудительнаго читателя: мы не можемъ въ этомъ убѣдиться даже послѣ старательнаго изученія 5 томовъ Лиліенфельда, въ которыхъ есть не мало глубокихъ и вѣрныхъ мыслей, нисколько однако не способствующихъ созданію такого убѣжденія. Болѣе того, Лиліенфельдъ глубокомысленно и остроумно осмѣиваетъ ту метаполитику, которая занимается обобщеніями, основанными на аллегоріяхъ,—слѣдовательно, на базисѣ, совершенно чуждомъ дѣйствительности“, и называетъ такую метаполитику „двойной галиматъей“. Мы должны откровенно сознаться, что намъ неясно различіе между „двойной галиматъей“ и характеромъ изслѣдованій Лиліенфельда.

Вообще относительно Лиліенфельда мы должны повторить то же, что мы сказали о Шеффле: его „*Gedanken*“ содержатъ

очень вѣрныя и тонкія наблюденія, но огромное научное зданіе, возведенное имъ, покоится на шаткомъ основаніи и только въ незначительной степени можетъ способствовать развитію соціальной науки ¹⁾.

Послѣ сказаннаго ясно, что Евгений де-Роберти (E. de Roberty), къ сожалѣнію, вполне правъ, когда онъ уже послѣ Шеффле и Лиліенфельда начинаетъ свою превосходную работу по соціологіи жалобой, что „соціальной наукѣ только еще предстоитъ искать правильнаго пути“ ²⁾. Со времени Конта, который ясно описалъ задачу этой науки, она прошла хотя и важную, но еще только первоначальную и подготовительную фазу своего развитія. Роберти указываетъ на много ошибокъ, которыя вызываются, между прочимъ, и тѣмъ, что „путеводителемъ этой науки являются блуждающіе огни общихъ аналогій“. Онъ, съ своей стороны, предлагаетъ основать соціологію, прежде всего, на „естественной исторіи“ общества; только на такой основѣ, по его словамъ, можно построить соціальную науку, science abstraite. Самъ Роберти не ставитъ своей задачей такого построения. Его книга занимается вопросами методологическими, предшествующими изученію соціологіи; задача ея—пропедевтика со-

¹⁾ Первый томъ „Gedanken“ Лиліенфельда появился въ 1873 г. I т. „Vau“ Шеффле въ 1875 г. Однако мы думаемъ, что Шеффле написалъ самостоятельно свое „Vau“, не смотря на то, что онъ уже зналъ произведеніе Лиліенфельда прежде напечатанія своего собственнаго; безъ сомнѣнія, оба они находились подъ влияніемъ господствовавшаго въ то время въ Германіи органическаго ученія о государствѣ, которое получило лучшее свое выраженіе въ учебникахъ и системахъ Блюнчли и Аренса.

²⁾ La sociologie, essai de philosophie sociale par E. de Roberty, Paris, 1881.

ціологіи. Авторъ и не обѣщаетъ дать больше. А между тѣмъ къ рѣшенію задачи, которую де-Роберти ставитъ соціологіи,—задачи построить науку объ обществѣ на основаніи естественной исторіи его,—уже приступилъ съ величайшимъ успѣхомъ одинъ нѣмецкій этнографъ, а именно *Bastian* (Bastian).

Мы уже прежде назвали Бастіана феноменальнымъ явленіемъ. Для „естественной исторіи общества“, по выраженію Роберти, Бастіанъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ въ этой области больше, чѣмъ всѣ предшественники его, взятые вмѣстѣ.

Великое значеніе Бастіана для соціологіи мы никоимъ образомъ не можемъ теперь въ полной мѣрѣ оцѣнить. Только будущія поколѣнія всецѣло и вполне поймутъ, что сдѣлалъ Бастіанъ въ этой области. Объемъ его трудовъ слишкомъ великъ для того, чтобы одинъ могъ оцѣнить ихъ по заслугамъ. Теперь трудно даже отдать себѣ достаточный отчетъ въ полнотѣ содержащихся въ его многочисленныхъ произведеніяхъ глубокихъ и замѣчательныхъ мыслей. Мы можемъ сдѣлать объ этомъ умственномъ гигантѣ лишь нѣкоторыя отрывочныя замѣчанія, напередъ оговорившись при этомъ, что надлежащая разработка сокровищъ, пріобрѣтенныхъ имъ для соціологіи, далеко превосходитъ наши личныя силы.

У Бастіана было много, слишкомъ много знаній для того, чтобъ ему удалась попытка систематическаго изложенія. Какъ только онъ дѣлаетъ такую попытку, создаваемая имъ система уже въ самомъ началѣ разрушается и тонетъ въ глубокомъ морѣ его знаній. Такова была судьба его перваго опыта: „Человѣкъ въ исторіи“ (1860). Характерно заглавіе этого сочиненія: „Къ обоснованію психологическаго міровозрѣнія“; мысль, заключающаяся въ этихъ словахъ, съ тѣхъ поръ повторяется во всѣхъ его произведеніяхъ. Она—путеводная звѣзда, которая ведетъ величайшаго изслѣдователя

черезъ неизмѣримый океанъ его познаній; она душа всѣхъ его изслѣдованій и изысканій.

Эта основная мысль Бастіана ведетъ свое происхождение отъ времени перваго расцвѣта „психологіи народовъ“ въ Берлинѣ, что можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста его предисловія:

„Психологія не должна оставаться узкою дисциплиной, которая, пользуясь, какъ вспомогательнымъ средствомъ, патологическими феноменами, доставляемыми домами для умалишенныхъ, равно какъ фактами, отмѣчаемыми педагогикой, довольствуется данными *индивидуальнаго самоаблюденія*. Человѣкъ, какъ политическое животное, только въ обществѣ находитъ свое восполненіе. Исходнымъ моментомъ необходимо избрать человѣчество, — понятіе, не имѣющее вышаго надъ собою, — человѣчество, какъ *единое цѣлое*, интегральною частью котораго является индивидъ.

Это „человѣчество“ является обширною областью, по которой блуждаетъ Бастіанъ, разыскивая проявленія его „мысли“. Бастіанъ считаетъ свою задачу психологической; его стремленіе — объяснить психику народовъ, какъ частей человѣчества, а слѣдовательно и психику человѣчества. Въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, о которыхъ сейчасъ будетъ идти рѣчь, онъ называетъ проявленіе этой психики „идеями народовъ“ (*Völkergedanken*).

Такимъ образомъ, Бастіанъ собственно не соціологъ, такъ какъ онъ придаетъ мало или вовсе не придаетъ значенія *соціальной эволюціи*. Но тѣмъ не менѣе, онъ безсознательно занимается соціологіей, собирая со всѣхъ угловъ и концовъ матеріаль, способствующій выясненію процесса соціальнаго развитія, съ тѣмъ, чтобы на немъ демонстрировать „идеи народовъ“. Бастіанъ хочетъ быть психологомъ народовъ; онъ стремится къ ложной и невозможной цѣли,

вслѣдствіе чего сила фактовъ выводитъ его на иную дорогу,—на дорогу *этнографіи*, и онъ кончаетъ созданіемъ *этиологіи*. Таковъ, въ общихъ чертахъ, ходъ развитія Бастіана.

Но мы хотѣли бы охарактеризовать его подробнѣе нѣкоторыми цитатами. Прежде всего, необходимо отмѣтить его реалистическую точку зрѣнія,—ту единственно вѣрную реалистическую точку зрѣнія, которая соединяетъ идеализмъ и матеріализмъ.

„Если до сихъ поръ,—говоритъ Бастіанъ,—не удавались попытки такъ называемыхъ матеріалистовъ создать новую систему, если они не сумѣли удовлетворить напряженныхъ ожиданій общества, не сумѣли найти отвѣта на то глубоко-страстное стремленіе человѣческаго сердца, которое туманитъ земной горизонтъ во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ, то причиной этого является пренебреженіе къ психологіи, которую матеріалисты еще не сумѣли подчинить себѣ, изъясъ изъ-подъ власти діалектической спекуляціи. Они выступили, какъ партія, противъ идеалистовъ, *вмѣсто того, чтобъ объекты изученія послѣднихъ перенести въ область естественно-научнаго изслѣдованія. Истинная наука не знаетъ ни матеріализма, ни идеализма: она обнимаетъ ихъ обоихъ.* Психологія („психологія народовъ“, основывающаяся на этнографическихъ изслѣдованіяхъ) должна была ожидать развитія остальныхъ естественныхъ наукъ, такъ какъ только на нихъ она могла быть построена; но теперь, послѣ того, какъ исполнены съ достаточнымъ успѣхомъ предварительныя работы, она вступаетъ въ рядъ другихъ наукъ въ качествѣ новаго члена, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ перебросить мостъ отъ узкаго круга чувственныхъ воспріятій въ безконечное царство идей“. Какъ же относится Бастіанъ къ существующему въ соціальномъ мірѣ? „Ни

одинъ благоразумный изслѣдователь,—говорить онъ,—не будетъ теперь задаваться *утопическими мечтами* и *реформаторскими планами*. *Существующее оказывается истиннымъ, потому что оно стало таковымъ, лишь только мы увидимъ законное развитіе въ пониманіи причинности*“.

Такимъ образомъ, у Бастіана имѣются на лицо всѣ предварительныя условія истинно-объективной науки. Съ этой единственно-вѣрной точки зрѣнія хочетъ Бастіанъ составить „статистическіе сборники по психологіи“ (т. е. по „народной психологіи“) посредствомъ „собиранія примѣровъ“, и именно съ цѣлью „познакомить читателя съ особенностями мыслительнаго процесса у отдѣльныхъ расъ“. Къ сожалѣнію (или, можетъ быть, къ счастью для науки будущаго?), Бастіанъ даетъ этой поставленной самому себѣ задачѣ такой огромный, невыполнимый объемъ, что не можетъ прийти къ результатамъ, способнымъ удовлетворить читателя. Онъ хочетъ дать ни больше, ни меньше, какъ „статистику мыслей“, которая показала бы, что „одно и то же математическое число психологическихъ первоначальныхъ элементовъ проходитъ *въ однообразномъ, правильномъ круговоротѣ* черезъ головы всѣхъ народовъ, всѣхъ временъ и исторій. Съ тѣхъ поръ, какъ Бастіанъ написалъ эти слова, протекла четверть вѣка,—и тѣмъ не менѣе неутомимый „статистикъ мыслей народовъ“ до сихъ поръ не перестаетъ работать надъ своей статистикой и публиковать свои таблицы во всевозможныхъ формахъ; и при этомъ духъ Бастіана остается свѣжимъ и яснымъ, что служитъ доказательствомъ его необыкновенной силы, такъ какъ его „статистика мыслей народовъ“ приняла такой неизмѣримый объемъ, что простые смертные, занявшись ею, совершенно теряются въ ней.

Намъ не приходится и въ голову жаловаться на это:

ибо, по нашему мнѣнію, труды Бастіана неоцѣнимы для науки будущаго, которая только и окажется въ состояніи разобратъся въ нихъ. Но вотъ вопросъ: почему труды Бастіана имѣютъ, именно, такой характеръ? Развѣ не могъ онъ какимъ-либо путемъ повѣдать *настоящему*, ясно и понятно, законы этого „однообразнаго правильнаго круговорота“? Безъ сомнѣнія, могъ бы, если бы онъ былъ въ болѣе высокой степени соціологомъ и въ меньшей психологомъ народовъ. Выразимся яснѣе. Характеристичной чертой изслѣдованій Бастіана является стремленіе объяснить соціальныя явленія, исходя изъ человѣческихъ *идей*. Собирая въ неизмѣримомъ множествѣ факты соціальной жизни, онъ дѣлаетъ это только для того, чтобы извлечь изъ нихъ идеи людей, а при помощи послѣднихъ—идеи, или психику народовъ. Существеннымъ для него всегда остаются идеи; въ фактахъ онъ видитъ не что иное, какъ ихъ проявленіе. Несомнѣнно, онъ признаетъ вліяніе внѣшней природы на *происхожденіе* идей, но *соціальный міръ* для него остается лишь проявленіемъ возникающихъ такимъ образомъ идей. Система Бастіана укладывается въ схему: а) природа, б) человѣкъ и идея, в) общество и общественная идея. Послѣднее должно быть вѣнцомъ его научнаго зданія: его верховной научной цѣлью является психологія народовъ. Этой задачи, неразрѣшимой вслѣдствіе ложной своей постановки, онъ не рѣшилъ,—конечно, если подъ рѣшеніемъ понимать *окончательные результаты*. Способы наблюденія и задача соціологіи должны быть совершенно иными. *Фактическое* развитіе, соціальный процессъ долженъ быть выдвинутъ въ соціологіи на первый планъ; преимущественное значеніе должно быть признано за соціальнымъ фактомъ. Человѣкъ исчезаетъ въ немъ; вначалѣ (*in crster Linie*) онъ не принимается вовсе въ расчетъ. Человѣкъ слѣдуетъ уже за соціальнымъ фактомъ и

развитіемъ; онъ *воспринимаетъ отъ нихъ свои идеи*. свою психику. Въ человѣческомъ духѣ, въ духѣ индивида, только проявляется, благодаря отраженію, социальная идея, т. е. идея социальныхъ явленій.

Поэтому схема социологической системы является совершенно отличной отъ выше приведенной схемы Бастиана. Она заключаетъ: а) социальные элементы (толпу, орды, группы и т. д.); б) человекъ (въ физическомъ и духовномъ отношеніи), какъ ихъ продуктъ; в) социальный процессъ и его социальные образования; д) социально-этические образования, какъ продуктъ взаимодействія личности и общества. Итакъ, первичнымъ моментомъ здѣсь всегда оказываются социальные явленія и факты, и только изъ нихъ, въ качествѣ вторичнаго, возникаютъ идеи индивидовъ и социально-этические образования (религія, право, мораль и т. д.). Мы встрѣчамъ, такимъ образомъ, у Бастиана еще замѣтные слѣды философскаго идеализма и, въ связи съ нимъ, индивидуализма (атомизма), т. е. метода выведенія агрегата и его развитія изъ индивида и его природы.

Этому въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ ходъ его изслѣдованій въ трудѣ его: „Человѣкъ въ исторіи“ („Mensch in der Geschichte“). Первый томъ содержитъ психологію, т. е. индивидуальную психологію; второй—о психологіи и миѳологіи—изслѣдуетъ отношеніе индивида къ природѣ; третій трактуетъ о „политической психологіи“ и заканчивается изображеніемъ общества. Уже изъ этого подраздѣленія ясно, что Бастианъ хочетъ воспользоваться индивидомъ, какъ ключомъ для рѣшенія социальный проблемы,—путь, который намъ кажется совершенно неправильнымъ для социологіи, который имѣлъ мало успѣха въ ученіи о государствѣ, который подъ именемъ „индивидуализма“ и „атомизма“ утратилъ въ наукѣ рѣшительно всякій кредитъ. Ту же методу

удерживаетъ Бастіанъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ о государствѣ и обществѣ: такъ, напр., онъ выводитъ „собственность“ по традиціи изъ того примитивнаго акта завладѣнія „плодомъ дерева“, который совершаетъ дикарь для утоленія своего голода ¹⁾. При этомъ мы встрѣчаемъ у него старую фразу философскаго идеализма, будто собственность является „необходимымъ расширеніемъ, которое сфера личности должна получить въ обществѣ“.

Точно также государство онъ выводитъ изъ семьи, которая постепенно „разрастается въ родъ“ ²⁾ и т. д. Отъ этихъ переживаній философскаго идеализма и рационалистическаго ученія о государствѣ Бастіанъ совершенно освобождается въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, занимаясь все больше и больше объективной „естественной исторіей“ общества до тѣхъ поръ, пока онъ не даетъ означенному направленію наилучшаго выраженія въ своей „Системѣ“ этнологіи.

Но и въ его, на первый взглядъ, чисто описательныхъ этнографическихъ сочиненіяхъ: „Народы восточной Азіи“ (*Völker der östlichen Asiens*, 1867); „Этнологическія изслѣдованія“ (*Ethnologische Forschungen*, 1872); „Правоотношенія народовъ“ (*Rechtsverhältnisse der Völker*, 1872), и т. д. въ массѣ неоцѣнимаго матеріала мѣстами проскальзываютъ размышленія, результаты тонкихъ наблюденій и остроумныхъ комбинацій, которыя положительно составляютъ эпоху въ соціальной наукѣ. Для примѣра мы напомнимъ здѣсь о его введеніи къ „Этнологическимъ изслѣдованіямъ“, въ которомъ даются весьма важныя разъясненія этнологическаго понятія происхожденія и родства. Мы не останавливаемся на этомъ введеніи подробно, такъ какъ при изложеніи соціальной эволюціи намъ неоднократно придется обращаться къ нему.

¹⁾ Der Mensch, III, 217.

²⁾ Ibidem, III, 265.

Здѣсь онъ въ корнѣ уничтожаетъ обычное употребленіе и злоупотребленіе понятіями „туземный“, „родъ“, „родство“, — доказавъ, что всѣ эти понятія по существу имѣютъ весьма *относительное* значеніе, такъ какъ мы о нихъ либо ничего не знаемъ, либо знанія наши касаются настолько *поздней* эпохи, что мы не можемъ употреблять этихъ словъ въ ихъ истинномъ значеніи.

„Туземнымъ (cineborcne), — говоритъ Бастіанъ, — можно считать только то племя, къ которому историческій анализъ приводитъ, какъ къ наиболѣе раннему, и хотя классическіе писатели считаютъ туземцами, автохтонами известной мѣстности тѣхъ, прежнее мѣстожителство которыхъ неизвѣстно, однако они ограничиваются, по общему правилу, описаніемъ тѣхъ обитателей каждой страны, которыхъ они въ ней застали, хотя бы эти *такъ называемые аборигены, въ свою очередь, были несомнѣнными пришлецами*“.

Нѣтъ и не можетъ быть болѣе уничтожающей критики библейской теоріи происхожденія людей, — теоріи, лежащей въ основѣ всѣхъ государственныхъ и социальныхъ научныхъ системъ, — чѣмъ та, какую даетъ Бастіанъ: онъ справедливо указываетъ, что „всюду народъ ищетъ *перваго чловѣка*, какъ его называютъ краснокожіе, родоначальника чловѣка, или — что то же — родоначальника племени, такъ какъ, *по общему правилу*, въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и т. д. собственное имя племени совпадаетъ съ именемъ чловѣка вообще“. „Въ дальнѣйшемъ, — продолжаетъ Бастіанъ, — выступаетъ различіе въ томъ, что первоначальный народъ либо считается происшедшимъ отъ земли, въ которую онъ скрывается снова, спасаясь отъ завоевателей (родившихся отъ бродячихъ звѣрей или птицъ); либо онъ считается происшедшимъ отъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ и, какъ таковой, исключеннымъ изъ полового союза съ гордыми героями, спустившимися съ

неба“... „Греческія преданія знаютъ происхожденіе народа изъ камней, нѣмецкія—саксовъ отъ скаль, ассирійскія создаютъ эволюціонную теорію, ливійскія повторяютъ представленія моксовъ, и т. д.; но съ тѣхъ поръ, какъ семитическая сага получила широкое распространеніе въ Европѣ благодаря христіанству, въ Азіи благодаря исламу все разнообразіе преданій сводится къ единообразной троицѣ патріарховъ, спасшихся со своимъ отцомъ отъ потопа“. Это мѣсто характерно для Бастіана, ибо оно указываетъ, въ какой мѣрѣ умѣетъ онъ сопоставленіемъ фактовъ опровергать вкоренившіяся ложныя представленія и идеи. Приводя вездѣ повторяющіеся взгляды и понятія, онъ доказываетъ, что они являются только мыслительной формой породы, именуемой „человѣкомъ“, и такимъ образомъ, радикально разрушаетъ мечту, будто въ этихъ взглядахъ и понятіяхъ заключается нѣчто истинное и фактическое.

Послѣ ученія о происхожденіи человѣчества по схемѣ библейскаго преданія, нѣтъ ничего столь рокового для соціологіи, какъ ложныя понятія о происхожденіи и родствѣ народовъ. И здѣсь своимъ яснымъ и правильнымъ пониманіемъ Бастіанъ оказалъ соціологіи не достаточно оцѣненную услугу.

„Родство и происхожденіе—слова, которыя, какъ и многія другія, помимо собственнаго значенія, употребляются и въ фигуральномъ смыслѣ; но въ индуктивныхъ наукахъ они должны употребляться, какъ *termini technici*, только въ строго опредѣленномъ смыслѣ. Одинаковое происхожденіе предполагаетъ родство, которое однако *можетъ создаваться и пологою связью*, т. е. должно быть понимаемо въ *наибольше широкомъ смыслѣ*. Происхожденіе можно прослѣдить въ строгой послѣдовательности только въ ограниченномъ числѣ поколѣній, такъ какъ уже вскорѣ приходится говорить не о происхо-

жденіи, а о родствѣ. Исключеніе изъ этого правила создается обычаемъ эндогамическаго брака, практиковавшагося у инковъ, ахеменидовъ, вановъ и въ аристократическихъ кланахъ нѣкоторыхъ горныхъ племенъ,—обычаемъ, который однако является исключительной и рѣдкой аномаліей; наоборотъ, наиболѣе распространенные брачные обычаи австралійцевъ, китайцевъ, абиноновъ и вообще многихъ народовъ, запрещаая браки въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ родства, необходимо влекутъ за собою скрещиваніе и смѣшеніе семей. У кого нѣтъ охоты разбить голову о *твердый (и при томъ пустой) орехъ первоначала*, тотъ въ этнологіи долженъ, по возможности, избѣгать *метафоры* „происхожденія“; хотя, конечно, нельзя не признать, что мнѣя традиціоннаго происхожденія даютъ нѣкоторое освѣщеніе историческимъ фактамъ, остаются ли они въ тѣсной сферѣ исторіи германцевъ (у Тацита), или касаются болѣе широкихъ сферъ (у Ненія), объединяють ли они однимъ общимъ предкомъ кельтовъ, скивовъ, иллирійцевъ, или составляютъ одну родословную таблицу для извѣстной (и якобы всей) земли¹⁾. Въ связи съ этимъ Бастіанъ точно опредѣляетъ и выясняетъ важное для соціологіи понятіе этническаго „родства“.

„Родство, по общему правилу, допустимо въ тѣмъ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ опредѣленнѣе очерчена данная мѣстность. Существованіе на всемъ протяженіи австралійскаго континента одинаковыхъ кабонговъ (братскихъ союзовъ) объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полное сходство индивидовъ, которое у первобытныхъ народовъ зависитъ отъ постоянныхъ скрещиваній и отъ невозможности влѣдствіе этихъ скрещиваній фиксировать индивидуальныя отличія“. Эти постоянныя указанія на относительность понятій род-

¹⁾ Etnologische Forschungen, I, VIII.

ства и туземства имѣютъ огромное значеніе для соціологii. Такое же значеніе имѣетъ здоровое и объективное опредѣленіе понятія племени, народа и національности. „Національность,—говоритъ Бастіанъ,—возникаетъ изъ тождественности интересовъ и воззрѣній, которой всего болѣе благоприятствуетъ общность языка и, кромѣ того, религія и политическая связь; эта тождественность интересовъ и воззрѣній всего очевиднѣе проявляется на пространствѣ, обозначенномъ естественными границами“.

Предшественникомъ національности, какъ говоритъ Бастіанъ, надо считать племя, которое было раньше *народи*, такъ какъ „распредѣленіе (племень) между народами опредѣляется политическими границами“. „Безъ толчка, даннаго политическими движеніями, границы понятія народа подлежатъ неопредѣленнымъ колебаніямъ“. Важно и подтвержденіе Бастіаномъ факта, что „наиболѣе культурны именно тѣ страны, куда стремятся многими потоками чужеземныя вліянія“; изъ этого положенія, очевидно, вытекаетъ, что „множественность чужеземныхъ вліяній создаетъ культуру и способствуютъ ей“. Относительно же вопроса, какъ относится такая культура, вмѣстѣ съ созданной ею національностью,—другими словами, какъ относится „народный типъ“—къ мѣстнымъ условіямъ, или, какъ выражается Бастіанъ, къ „этнологическому типу *почвы*“, „къ антропологической провинці“,—относительно этого вопроса Бастіанъ дѣлаетъ слѣдующія вполне правильныя замѣчанія:

„Каждая географическая область способна создавать многообразныя различія жителей; при чемъ всѣ измѣненія въ ихъ типѣ написаны на нить, сотканную климатическими факторами, на нить, которая нерѣдко допускаетъ значительныя отклоненія,—однако въ предѣлахъ периферіи до-

пускаемыхъ законами бытія колебаній. Въ научномъ спорѣ о постоянствѣ или измѣняемости расъ противники, въ большинствѣ случаевъ, сражаются съ воображаемыми врагами, такъ какъ воззрѣнія приверженцевъ того и другого взгляда основаны отчасти на правильныхъ наблюденіяхъ, и не достаетъ только *точно* дифференцированія тѣхъ условій, при которыхъ въ одномъ случаѣ проявляется одно, въ другомъ—другое“. „Отъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ зависитъ, въ какой степени созданный извѣстными причинами *народный типъ* совпадаетъ съ этнологическимъ типомъ мѣстности. Если онъ возникъ изъ туземныхъ началъ, онъ не можетъ значительно уклониться отъ нихъ, хотя и способенъ къ разностороннему совершенствованію. Если, напротивъ, импульсъ къ прочному (и вновь народившемуся) государственному образованію данъ присоединеніемъ къ туземному племени чужого, происходящаго изъ другихъ странъ народа, то, конечно, и тогда внѣшняя среда будетъ стремиться къ созданію типа соотвѣтствующаго силѣ ея вліянія; тѣмъ не менѣе, въ подобномъ случаѣ въ теченіе столѣтій промежуточной эпохи возможно существованіе подвижного разнообразія переходныхъ фазъ, и когда, наконецъ, завершится развитіе,—смѣшеніе и скрещиваніе родственныхъ группъ могутъ создать конечный результатъ, который всегда окажется выраженіемъ историко-географической обстановки, но въ то же время можетъ далеко отклониться отъ типа первоначальныхъ автохтоновъ (какъ, на примѣръ, теперешній французъ отъ догальскаго кельта или галла, испанецъ отъ гиспанца, и т. д.“. Когда однако Бастианъ говоритъ о типѣ „первоначальныхъ автохтоновъ“, то слово это должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, въ какомъ Бастианъ его употребляетъ, т. е. какъ типъ, который историческое изслѣдованіе встрѣчаетъ въ данной территоріи са-

мымъ древнимъ, но ни въ коемъ случаѣ не какъ „первоначальный“ типъ, въ узкомъ значеніи этого слова. Когда онъ называетъ алфоровъ „первоначальными представителями антропологической провинці Целебеса“, то этихъ „первоначальныхъ“ нельзя считать за „самыхъ первоначальныхъ“, такъ какъ „наше незнаніе ихъ предшественниковъ отнюдь не доказываетъ отсутствія таковыхъ“. Въ виду такого единственно и поистинѣ достойнаго науки пониманія антропологической исторіи человѣчества, Бастіанъ справедливо полагаетъ, что „вопросы о происхожденіи народа не имѣютъ этнологическаго смысла, такъ какъ скрещиваніе и умноженіе родственныхъ связей въ теченіе немногихъ поколѣній должно изгладить всякіе признаки родства (Genuität)“; по мнѣнію Бастіана, вопросы о томъ, произошли ли славяне отъ иллирійцевъ, сарматовъ или винетовъ“, — вопросы, для разрѣшенія которыхъ пишутся толстыя книги, оказываются просто „безсмысленными“; ибо „надо ставить вопросы не о происхожденіи народа и не о возникновеніи его, для рѣшенія которыхъ отсутствуетъ какая бы то ни была точка опоры“, но объ „элементахъ, изъ которыхъ онъ произошелъ“, о „процессахъ, управляющихъ имъ и поддерживающихъ его“, „о химическомъ соединеніи его составныхъ частей“. Согласно съ этимъ, Бастіанъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу науки, которую онъ уже здѣсь называетъ „этнологической“. Этнологическое изученіе національности (а изъ выше сказаннаго мы уже знаемъ, что Бастіанъ понимаетъ подъ ней этническую амальгаму), должно, слѣдовательно, прежде всего, избѣгать ошибки и не отклонить на ложный путь постановкой недопустимыхъ вопросовъ о происхожденіи правильного взгляда на движеніе, оживляющее и поддерживающее бытіе; нельзя начинать изслѣдованіе съ произвольнаго гипотетическаго на-

чала (т. е. съ библейскихъ преданій!); необходимо, исходя изъ данныхъ и признаваемыхъ существующими фактовъ, спуститься въ глубь временъ, обособлять и анализировать элементы существующаго, пока еще мерцаетъ искра историческаго свѣта, пока еще въ мифическихъ сумеркахъ можно отыскать путеводную нить косвенныхъ указаній.

Такимъ образомъ, по поводу своихъ широкихъ этнологическихъ изслѣдованій Бастіанъ смѣлыми штрихами очерчиваетъ систему и задачи будущей науки, которую онъ послѣдовательно въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ называетъ этнологіей. Не изъ апріорныхъ идей выводитъ онъ свои положенія, не изъ философскихъ спекуляцій,—они возникаютъ у него сами собой изъ размышленій надъ гигантскимъ этнографическимъ матеріаломъ, который онъ собралъ въ путешествіяхъ и въ рабочемъ кабинетѣ, который онъ попытался привести въ порядокъ и систематизировать въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ. Эти попытки сами собой наводятъ его на путь систематики. Тутъ, прежде всего, предстояло ему критически разсмотрѣть и оцѣнить *предшествовавшіе ему* научные опыты, и съ этою цѣлью онъ пишетъ свое сочиненіе: „Die Vorgeschichte der Ethnologie“, 1880. Къ этому сочиненію примыкаетъ работа: „Die Völkergedanke im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen“, 1881, которая, повидимому, должна была служить первоначальнымъ наброскомъ системы. Однако и въ этомъ сочиненіи изобиліе фактовъ все еще дѣлаетъ невозможнымъ систематическое построеніе; такое построеніе, наконецъ, на половину удается Бастіану въ „Allgemeine Grundzüge der Ethnologie“, поскольку чрезмѣрное богатство знаній въ связи съ подавляющимъ количествомъ матеріала допускаютъ вообще *спокойный* трудъ систематизаціи. По этимъ тремъ послѣднимъ сочиненіямъ Бастіана можно судить о его создающемъ эпоху значеніи для соціологіи.

Подобно Конту, который въ іерархіи наукъ отводитъ соціологіи мѣсто младшей изъ наукъ, науки будущаго,—Бастіанъ тоже начинаетъ свое сочиненіе о „Доисторической эпохѣ этнологіи“ указаніемъ на мѣсто, которое должна занять этнологія въ развитіи наукъ, какъ самая юная изъ нихъ. Уже это внѣшнее совпаденіе показываетъ, что здѣсь рѣчь, повидимому, идетъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

И дѣйствительно, Бастіанъ называетъ свою *этиологию* также „наукой о человѣкѣ“,—названіемъ, которое вполне примѣнимо и къ соціологіи. Почему же Бастіанъ называетъ „науку о человѣкѣ“ этнологіей? Это легко понять изъ его объясненій: подъ этнологіей онъ понимаетъ такую, или, вѣрнѣе, *ту* науку о человѣкѣ, которая объектомъ своихъ наблюденій беретъ не *индивида*, а *народы*. Такимъ образомъ, въ Бастіановомъ опредѣленіи „этнологіи“ заключается добрая часть его научной программы, его методы. Эта „наука о человѣкѣ“ должна изучать индивида только, какъ члена *этнической группы*; но, такимъ образомъ, этнологія замѣтно сближается съ соціологіей, разсматривающей человека, какъ члена *соціальной группы*. Познакомимся, впрочемъ, съ мнѣніемъ самого Бастіана о современномъ положеніи этнологіи.

„Все другія (кромѣ этнологіи) *индуктивныя, естественныя науки*, какъ, напр., ботаника и зоологія, которыя также своимъ возникновеніемъ обязаны великой эпохѣ новаго разсвѣта (эпохѣ открытій), гораздо быстрѣе достигли систематическаго совершенства, такъ какъ предъ ними лежало ясно и точно очерченное поле наблюденія; напротивъ, этнологія, которой, какъ наукѣ о человѣкѣ, предстоить служить вѣнцомъ, способна только къ медленному развитію, такъ какъ она нуждается въ помощи и опорѣ остальныхъ наукъ; она должна ждать, пока будутъ построены тѣ ступени, по

которымъ она поднимется на свою высоту. Только послѣ того какъ индукція, вполне обнаружившаяся въ химіи и физикѣ, отправляясь отъ неорганическаго къ органическому, достигла въ физиологій до *границъ матеріальнаго*, она могла отважиться, опираясь на свои исполинскія силы, постоянно восполняемая сравнительной методой, въ *естественно-научной* психологій вступить въ царство духа, для того, чтобы въ *анализъ мысли народовъ* установить *истинный свѣточъ этнологіи*“.

Итакъ, цѣлью и задачей этнологіи должно быть отысканіе *мыслей народовъ*, а средствомъ для достиженія этой цѣли, для разрѣшенія этой задачи является (какъ явствуетъ изъ всѣхъ сочиненій Бастіана)—*этнографія*. Поэтому первоначальныя зародыши своей этнологіи Бастіанъ видитъ въ разсказахъ путешественниковъ эпохи открытій объ „антиподахъ и другихъ относящихся къ нимъ непостижимыхъ явленіяхъ“, а продолженіе этого направленія—въ этнографіи и антропологій XIX вѣка. „Послѣ „Митридата“ Аделунга и работъ Блюменбаха этнологія стала на твердую почву, и съ тѣхъ поръ развитіе новой науки является лишь вопросомъ времени“. Появившееся вскорѣ послѣ этого сочиненіе: „*Verbindung der Ethnologie mit der Urgeschichte*“, въ связи съ устройствомъ этнологическихъ музеевъ, послужили сильнымъ толчкомъ для дальнѣйшаго развитія этнологіи. Затѣмъ Причардъ (Prichard) составилъ первый систематическій курсъ этнологическихъ и антропологическихъ наукъ „въ религіозномъ духѣ“,—„для доказательства единства человѣческаго рода и происхожденія его отъ одной пары“.

Съ другой стороны, въ то же время появились замѣчательныя *историко-философскіе* опыты (Гердера, Руссо). Историки не замедлили примѣнить новые этнологическіе взгляды къ своимъ историческимъ работамъ (Огюсть и Амедей

Тьерри). Этнологическій интересъ растеть и вызываетъ основаніе этнологическихъ обществъ, сначала въ Парижѣ и Лондонѣ; къ нимъ присоединяются со своими журналами и коллекціями этнографическія и родственныя имъ общества другихъ странъ, о задачахъ и значеніи которыхъ подробно говорится у Бастіана, считающаго развитіе ихъ (именно этнологическихъ коллекцій и музеевъ) *conditio sine qua* поп своей будущей науки.

„Съ надлежащей постановкой музеевъ будетъ осуществлено много практическихъ цѣлей, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ приобрѣтена почва для дальнѣйшаго развитія индукціи, что представляется, во всякомъ случаѣ, желательнымъ—прежде всего, въ области психологіи—при соприкосновеніи теоретическихъ занятій съ вопросами философіи. А развѣ не въ психологіи все спасеніе,—въ психологіи, какъ естественной наукѣ?!... Здѣсь, конечно, Бастіанъ разумѣетъ не психологію философовъ, не психологію Фриса и Гербарта, Бенеке и Фихте, Шопенгауера, Ульрици, Фишера и т. д., не „бѣсовское варево (Hexengebräu), въ которомъ не могутъ разобраться мудрецы міра“, но естественно-научную психологію. „Въ ней наша надежда,—последняя, насколько можно предвидѣть, и поэтому единственная надежда для человѣчества“.

Въ чемъ же сущность этой психологіи будущаго, которая, по мнѣнію Бастіана, должна итти рука объ руку съ этнологіей? Въ томъ, что она исходитъ не отъ единичнаго человѣка. „Отдѣльный человѣкъ—это нѣчто несуществующее; въ лучшемъ случаѣ, это—идіотъ; только въ обществѣ, благодаря рѣчи, сознается мысль и проявляется человѣческая природа. Первичнымъ, стало быть, въ истинной психологіи является *мысль общества*, общественная мысль, и только изъ нея путемъ дальнѣйшаго анализа можно вывести мысль индивида“ ¹⁾. Это золотыя слова, которыя мы беремъ девизомъ

¹⁾ *Vergeschichte der Ethnologie*, S. 83.

соціологіи. Къ философіи и психологіи, исходящимъ отъ личности, Бастианъ обращается со слѣдующей прекрасною критикой: „Философскія системы почти всегда начинаютъ съ послѣдняго (т. е. съ личности) и потому пытаются сплести бѣлыми нитками изъ лоскутьевъ, которые, Богъ вѣсть какъ, попали имъ подъ руку, какую-то тряпку, которую выдаютъ за общественную мысль. Между тѣмъ въ дѣйствительности каждая индивидуальная мысль оказывается ниткой, вшитой въ цѣльное одѣяніе, въ великолѣпную ризу“. Затѣмъ Бастианъ набрасываетъ свою *этнологическую программу*, „чтобы извлечь изъ этихъ общественныхъ мыслей достаточно матеріала для психологическихъ изслѣдованій“. Въ ней онъ требуетъ, чтобы наука не только изучала, какъ раньше, „зданіе или древо мыслей культурныхъ народовъ, — мыслей, наиболѣе интересныхъ“, но чтобы она обратила вниманіе еще и на „этнологію, опирающуюся на дикихъ народовъ“, — на тѣ, если угодно, криптогамическія образованія, въ которыхъ съ большей очевидностью проявляется процессъ развитія жизни клѣточекъ, съ тѣмъ, чтобы выведенную отсюда законность примѣнить въ послѣдствіи и къ болѣе сложнымъ фанерогамическимъ явленіямъ“. Ибо „въ каждомъ организмѣ постоянны господствующіе надъ нимъ законы; постоянны и законы этническихъ міровоззрѣній; вслѣдствіе чего мы съ неизмѣнной желѣзной необходимостью во всѣхъ пяти континентахъ (при одинаковыхъ условіяхъ) наблюдаемъ зарожденіе одинаковыхъ человѣческихъ мыслей, — одинаковыхъ, или подобныхъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, создаваемыми мѣстной окраской. Подобно тому, какъ процессы жизни клѣточки совершаются по одинаковымъ основнымъ законамъ и въ тропической пальмѣ, и въ арктической ели; подобно тому, какъ одно и то же растеніе, смотря по мѣстности, имѣетъ широкіе, свернутые, или игольчатые листья; подобно тому, какъ

левъ является въ различныхъ модификаціяхъ, смотря по тому, живетъ ли онъ въ Азіи, Африкѣ или Америкѣ,—такъ точно подъ небомъ Индіи живетъ иной народный духъ, чѣмъ въ Греціи или Скандинавіи.

„Во всѣхъ такихъ религіозныхъ образованіяхъ (равно какъ въ соціальныхъ и эстетическихъ) мы доходимъ до примитивныхъ элементарныхъ мыслей, которыя неизмѣнно повторяются и съ поистинѣ ужасающей тожественностью, какъ призрачные двойники, проходятъ одинъ и тотъ же процессъ развитія (если не считать незначительныхъ отклоненій, вызываемыхъ различіемъ условій). Органическая связь здѣсь такъ тѣсна, что съ такой пронизательностью, какую обнаружили Кювье въ отношеніи къ ископаемымъ, здѣсь также иногда изъ отрывочныхъ фактовъ, случайныхъ намековъ можно реконструировать цѣльный кругъ идей въ ихъ взаимной связи“...

Согласно этой общей программѣ Бастіанъ въ особенности различаетъ три задачи соціологіи. *Первая* должна „состоять въ установленіи элементарныхъ основныхъ законовъ этого процесса развитія для того, чтобы, такимъ образомъ сослужить для *народныхъ мыслей*, — такъ сказать, для національнаго древа, въ которое эти мысли разрослись,—ту же службу, какую клѣточная теорія сослужила для физиологіи растений“... *Второй* задачей является изученіе *мѣстныхъ вліяній* среды—того *monde ambiant*, которому Бокль въ своихъ историческихъ изысканіяхъ отводитъ *первенствующее мѣсто*... *Третьей* задачей является изслѣдованіе такихъ процессовъ, которые можно сравнить въ области растительнаго царства съ прививкой, или съ искусственной метаморфозой растений для декоративнаго украшенія садовъ; здѣсь именно дѣло идетъ преимущественно о первобытныхъ народахъ, еще не переступившихъ порога исторической сцены. Всѣ

измѣненія, возникающія въ историческомъ движеніи, какъ результатъ мирныхъ или враждебныхъ столкновеній, относятся къ этой части,—т. е. сюда относятся всѣ заимствованія, къ которымъ нѣкогда наука относилась, опираясь на искусственно придуманныя, историческія гипотезы, всякія подмѣченныя ею тождественныя идеи. Наоборотъ, согласно съ психологическими аксіомами этнологіи (а также съ лингвистическимъ методомъ, примѣняемымъ въ сравнительной этимологіи), подмѣтивъ тождественность, *необходимо, прежде всего, имѣть въ виду всеобщіе элементарные законы* и только послѣ того, какъ окажется вполне невозможнымъ найти въ нихъ объясненіе подмѣченной тождественности, слѣдуетъ обратиться къ историческимъ отношеніямъ, поскольку они несомнѣнны... *Съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія* предстоить этнологіи регулировать свои изслѣдованія, разъ началась серьезная работа“. Такова специальная программа работъ, выставленная Бастианомъ для этнологіи. Само собой разумѣется, онъ принялся за ея выполненіе. Уже въ своихъ „Völkergedanken“ онъ ревностно старается собрать для постройки камни и вставить ихъ въ соотвѣтственное мѣсто, сообразно составленному имъ плану. При этомъ методологическіе очерки, пропедевтическіе намеки, которыми богата уже его „Vorgeschichte“, выступаютъ все очевиднѣе, приобрѣтаютъ ясныя очертанія, облакаются въ плоть и кровь. Придирчивая критика могла бы жаловаться на повторенья, но болѣе глубокой взглядъ замѣчаетъ здѣсь трудную духовную работу, постепенно изъ сумерекъ предчувствій пробивающую дорогу къ свѣту познанія, — онъ замѣчаетъ здѣсь трудные роды новой науки.

Вполнѣ справедливо отрицая ученіе „о преобладаніи вліянія, приписываемаго внѣшней обстановкѣ (въ климатическомъ и политическомъ отношеніяхъ), онъ еще разъ за-

дачей индуктивной этнологіи ставить „подъ этой, до извѣстной степени поверхностной, мѣстной окраской, которая въ послѣдствіи можетъ быть объяснена географически и исторически, *прежде всего, открыть одинаковые законы роста человѣческихъ народныхъ мыслей*, исходя притомъ, простѣйшимъ образомъ, по генетическому методу, отъ дикихъ народовъ, какъ самыхъ низшихъ и потому самыхъ удобныхъ для наблюденія организмовъ. При этомъ, изъ сравненія параллельныхъ явленій съ точки зрѣнія универсально дѣйствующихъ основныхъ положеній естественной науки само собою станетъ яснымъ, какимъ образомъ отъ такихъ зародышей эволюція приводитъ къ возвышеннѣйшимъ проявленіямъ человѣческаго духа.

Мы видимъ, что это—не простое повтореніе прежде высказанныхъ Бастіаномъ мыслей, но болѣе подробное ихъ развитіе, болѣе ясное ихъ выраженіе,—и съ этимъ прогрессомъ развитія идей Бастіанъ все болѣе приближается къ соціологіи. Пониманіе процесса развитія человѣческаго духа, добытое путемъ наблюденія надъ естественными народами, должно дать, какъ онъ надѣется съ полнымъ основаніемъ, путеводную нить, т. е. ориентирующее объясненіе при изученіи развитія его (человѣческаго духа) на высшихъ стадіяхъ, у культурныхъ народовъ ¹⁾. Конечно, это не всегда удается, такъ какъ „нѣкоторые изъ первичныхъ представленій съ развитіемъ цивилизаціи до того изгладились, что почти совсѣмъ порвалась связь ихъ съ существующими представленіями, такъ что за ними осталось лишь значеніе архаическихъ переживаній... между тѣмъ какъ другіе... съ ихъ развѣтвленіями имѣютъ еще глубокіе корни въ нашемъ теперешнемъ міросозернаніи“... Этимъ Бастіанъ въ основ-

¹⁾ Völkergedanke, S. 17.

ныхъ чертахъ набросать планъ соціологіи, соорудить цѣльный остовъ этой науки (конечно, въ нѣсколько одностороннемъ, „народно-психологическомъ“ духѣ, о чемъ мы будемъ говорить ниже). И въ самомъ дѣлѣ, развитіе этихъ мыслей ведетъ его, какъ мы сейчасъ увидимъ, *in medias res* соціологіи. „Нѣкоторые изъ нихъ (рядовъ представленій), продолжаетъ онъ дальше, касающіеся важнѣйшихъ интересовъ жизни, касаются *общественнаго быта*, въ его формахъ, совпадающихъ съ государствомъ и переходящихъ другъ въ друга (въ сословіяхъ, кастахъ, гильдіяхъ, общинахъ, корпораціяхъ и т. д.). Прежде, чѣмъ у этнологіи можетъ возникнуть надежда методически изслѣдовать господствующія здѣсь представленія, *ей необходимо изучить тотъ организмъ, въ которомъ они проявляются, — другими словами, ея первая задача постичь общественный организмъ*“... Этотъ организмъ — государство, „и все дѣло только въ томъ, чтобы изслѣдовать его структуру и біологію, такъ какъ вопросы о его возникновеніи при имманентной челоуѣку общественной природѣ должны отступить на задній планъ предъ фактомъ его существованія. Общество (которое съ точки зрѣнія морфологіи можно свести къ семьѣ, племени, государству, съ точки зрѣнія біологіи — къ роду, народу, націи), — велико оно или мало, — всегда стоитъ предъ нашими глазами, стѣитъ только взглянуть на индивида, такъ какъ, въ дѣйствительности, послѣдній является общественнымъ существомъ, и только въ абстракціи существомъ единичнымъ“...

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенной цитаты, Бастіанъ, исходя въ своихъ размышленіяхъ и изслѣдованіяхъ отъ первобытныхъ народовъ и этнологіи, стоитъ вполне на почвѣ соціологіи, — и такой произвольный ходъ мыслей Бастіана лучше всякаго логическаго разсужденія доказываетъ неразрывную связь его этнологіи съ нашей

соціологіей. Первая не что иное, какъ необходимая основа послѣдней, а послѣдняя — вѣнецъ этнологическаго зданія.

Мысли обладаютъ такой силой надъ человѣкомъ, ихъ послѣдовательность такъ непреодолима, что часто достаточно одной только идеи, чтобъ пробудить въ умѣ цѣлый рядъ идей, цѣлую систему. Едва только приблизился Бастианъ къ преддверію соціологіи, какъ она открываетъ предъ нимъ весь богатый комплексъ ея проблемъ. Попавъ въ заколдованный кругъ соціологическихъ идей, онъ не въ силахъ отрѣшиться отъ ея загадокъ и сомнѣній, овладѣвшихъ имъ. Теперь онъ вдругъ замѣчаетъ, что „иногда причиной непониманія является неопредѣленность терминологіи, какъ, напр., при употребленіи слова „племя“ (кланъ, родъ) для обозначенія трибы и филы (не говоря уже о куріи и фратріи), а также для обозначенія γένος и gens и т. д.“¹⁾ Теперь ему вдругъ становится яснымъ то, чего онъ еще не зналъ въ „Mensch in der Geschichte“, а именно, что при такомъ (т. е. этнологическомъ, или, правильнѣе, соціологическомъ) наблюденіи надо отбросить „семью, лежащую, въ настоящее время при существующихъ отношеніяхъ, краеугольнымъ камнемъ въ основѣ всего развитія. Конечно, „наше нынѣшнее понятіе семьи является точно опредѣленнымъ и очерченнымъ, такъ какъ оно отвлечено отъ существующихъ у насъ дѣйствительно въ настоящее время отношеній. Мы имѣемъ предъ собой схематическія формы семьи и племени, которыя, по нашему мнѣнію, возникли другъ изъ друга, такъ какъ онѣ переходятъ другъ въ друга; въ дѣйствительности же только въ родѣ возникаетъ впервые фактическое единство“²⁾. Лишь это бастианово „впервые“ ка-

1) Мы говоримъ о томъ же въ Phil. Staat., § 8, Rassen., S. 136, 200.

2) Völkergedanke, S. 21. См. Philosophische Staatsrecht, § 8. Rechtsstaat und Socialismus, § 29.

жется намъ здѣсь неумѣстнымъ; соціологія должна начинать съ рода (или орды), какъ *первою* естественнаго факта.—но не „впервые“ съ него, такъ какъ она не знаетъ и не можетъ знать, что можно поставить раньше. Какимъ образомъ изъ этого перваго „фактическаго единства“ (мы бы сказали, изъ первоначальнѣйшаго единства) возникло государство, какъ произошелъ такой переходъ,—это Бастіану не совсѣмъ ясно, что видно изъ слѣдующихъ его словъ: „у рода, или фратріи, можно уже замѣтить слѣды *полусознательнаго воздѣйствія*, необходимо ведущіе въ Contrat social къ образованію государства, которое должно быть допущено уже *фóзѣ*“. Итакъ, мы видимъ, что Бастіанъ считаетъ первой формой общезжитія родъ, отрицаетъ, какъ само собою понятно, contrat social, допускаетъ возникновеніе государства изъ рода, хотя и считаетъ его проблематичнымъ, и въ то же время утверждаетъ, что государство должно быть допущено уже *фóзѣ*. О самомъ переходѣ рода въ государство онъ не имѣетъ вполне яснаго представленія; мы говоримъ объ этомъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ нижеслѣдующаго изложенія. Напротивъ, природа уже возникшаго государства, и какъ этническаго конгломерата, и какъ соціальнаго образованія, понятна Бастіану вполне. Противопоставляя его роду, какъ „фактическому единству“, онъ заявляетъ, что оно (государство) болѣе не достигаетъ своего идеально-совершеннаго осуществленія, какъ нѣкотораго рода художественное созданіе, царящее въ каменномъ покоѣ; ибо кипящая теперь пробужденная жизнь народной души (лучше бы сказать, народныхъ душъ!) все болѣе и болѣе разрастается въ могучіе потоки, для того, чтобы соединить и слить въ одну и единую націю этническіе теченія чувствъ, съ одной стороны, и политическія отношенія силы, съ другой“.

Такое глубокое пониманіе государства необходимо ве-

детъ къ отрицанію обычнаго ученія о формахъ государства, равно какъ къ отрицанію покоящейся на этомъ ученіи государственно-правовой системы ¹⁾. „Къ аристотелевымъ основнымъ формамъ правленія — царству (или монархіи), аристократіи и политіи (наряду съ тиранніей, олигархіей и демократіей или охлократіей), послѣ сближенія семитическихъ взглядовъ съ классическими, необходимо было прибавить теократію; а въ настоящее время, когда политическая мысль охватываетъ весь міръ, невольно бросается въ глаза столько модификацій формъ правленія, что сравнительное сопоставленіе характеристичныхъ типовъ необходимо должно привести къ коренному преобразованію существующихъ въ настоящее время системъ.

Эти разсужденія, безъ сомнѣнія, уже не относятся къ этнологіи. Здѣсь Бастіанъ незамѣтно дошелъ до соціальной и государственной науки. Позднѣе онъ вполне сознаетъ это. Въ предисловіи къ своимъ „Grundzüge der Ethnologie, 1884“ онъ уже ясно говоритъ объ отношеніи и связи этнологіи и соціологіи. „Въ качествѣ *этнической соціологіи*, или соціологіи въ ея этническомъ проявленіи, этнологія должна въ физиологіи общественнаго организма представить законы ея бытія“... Вообще, всякое сравненіе между первобытными народами и культурными государствами нужно относить скорѣе къ соціологіи, чѣмъ къ этнологіи, — и какъ разъ въ такихъ сопоставленіяхъ Бастіанъ находитъ интереснѣйшій матеріалъ для своихъ идей, находитъ подтвержденіе идентичности „мыслей народовъ“. Для того, чтобы эти параллели были богаты позитивными результатами, всегда должны быть принимаемы во вниманіе *естественныя общенія*, какъ таковыя. „Съ этнической точки зрѣнія, — справедливо говоритъ Бастіанъ, —

¹⁾ Ср. Phil. Staat., § 13 и 14.

надо имѣть въ виду не слагаемыя общественныхъ организмовъ, а эти общественные организмы⁴, будь то „самыя низшія первобытныя племена“ или культурные народы. Въдѣ вопросы, управляющіе жизнью *совершеннѣйшихъ культурныхъ народовъ*, всегда существуютъ уже, хотя бы и въ эмбриональномъ видѣ, въ жизни *самаго низшаго первобытнаго племени*, и благодаря тому, что въ такихъ маленькихъ организмахъ, вслѣдствіе ихъ несложности, очень легко съ перваго взгляда отмѣтить ихъ характеристичныя черты, они могутъ служить намъ путеводной нитью для установленія законныхъ фактовъ при изученіи болѣе сложныхъ „чудесъ творенія“. Рассматривая эти чудеса *an und für sich*, безъ связи и сравненія ихъ съ примитивными организмами, невозможно понять ихъ *духовнаго генезиса*. „Въ то время, какъ историческіе народы въ своей стройности и ясности, перѣдко въ блескѣ своей красоты, подобны кристаллу и доступны измѣренію и исчисленію,—въ этнологіи первобытнаго племени мы встрѣчаемся съ бурно бродящей закваской, которая однако въ *химіи народныхъ мыслей приводитъ насъ къ познанію духовныхъ первичныхъ элементовъ*“... Последнее, т.-е. констатированіе этихъ духовныхъ первичныхъ элементовъ (обнаруживающихся въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ жизни), въ ихъ первоначальной эмбриональной стадіи развитія,—является главной задачей Бастіана; цѣль его этнологіи—прослѣдить ихъ развитіе и развѣтвленіе въ „мысляхъ народовъ“. Высока стоящая предъ нимъ цѣль, и съ истиннымъ воодушевленіемъ говоритъ онъ о вѣдущихъ къ ней путяхъ, о тѣхъ свѣтлыхъ горизонтахъ, которые откроются предъ изумленными взорами по достиженіи этой цѣли.

„Отъ завершенныхъ твореній, если только извѣстенъ законъ ихъ развитія, возможно вернуться къ исходному моменту, какъ *относительному началу*; именно такимъ образомъ

удалось установить въ исторіи нѣкоторые изъ ея принциповъ... Далѣе микроскопическое расчлененіе можетъ прійти въ этнологіи къ познанію основнаго принципа клѣточекъ, а слѣдовательно, есть надежда, что вопросъ о происхожденіи *бытія изъ возникновенія* (des Seins aus dem Werden). рѣшенія котораго ждали отъ философіи, будетъ наконецъ рѣшенъ путемъ *психологической индукціи*“. „При погруженіи въ потокъ мышленія поднимаются изъ темной глубины только мистеріи мистицизма; напротивъ, если предъ нами на объективномъ горизонтѣ вырисовываются упрощенныя формы народныхъ мыслей, мы можемъ понять ихъ, измѣрить и исчислить для того, чтобы затѣмъ при достаточныхъ аналогіяхъ вывести законъ развитія въ самомъ мышленіи“¹⁾.

Этимъ „закономъ развитія въ самомъ мышленіи“ можетъ быть все объяснено, но самый этотъ законъ познается только на „первичныхъ элементахъ мыслей первобытныхъ народовъ“ и на ихъ еще простыхъ измѣненіяхъ. „Въ противоположность прежнему естественному стремленію, возникшему изъ узкаго и ограниченнаго историческаго міровоззрѣнія,—стремленію сводить аналогіи, встрѣчающіяся въ соціальныхъ обычаяхъ и религіозныхъ представленіяхъ, къ историческимъ отношеніямъ и объяснять первыя послѣдними, при массѣ матеріала, растущей съ расширеніемъ географическаго кругозора, задачей этнологіи должно явиться сперва выведеніе элементарныхъ основныхъ законовъ психологическаго развитія народовъ, и только затѣмъ уже на второмъ планѣ можно допустить изслѣдованіе причинной связи, и то лишь постольку, поскольку она доказуема на прочномъ топографическомъ базисѣ“²⁾.

1) Völkergedanke, S. 76.

2) Völkergedanke, S. 119.

Можетъ быть, мы посвятили слишкомъ много времени „Первобытной исторіи“ и „Идеямъ народовъ“ Бастіана; но нельзя достаточно оцѣнить, какъ много основныхъ и методологическихъ идей заключаются для соціологіи въ этихъ двухъ сочиненіяхъ. Они открываютъ новую эпоху для соціологіи. Казалось бы что всё методологическія замѣчанія, основныя и программныя идеи, изложенныя Бастіаномъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, онъ долженъ былъ, хоть отчасти, примѣнить къ дѣлу въ появившемся векорѣ послѣ этого (1884) его трудѣ: „Начала этнологіи“. Послѣ тридцати лѣтъ подготовительныхъ работъ и собиранія матеріала, послѣ столь глубокихъ размышленій о сущности, задачахъ и цѣли этнологіи и „этнической соціологіи“, онъ долженъ былъ бы дать въ „Началахъ“ вполне законченное, систематическое изложеніе этой науки; но, къ сожалѣнію, Бастіанъ не оправдалъ *этой* надежды. Все сказанное нами выше о Бастіанѣ вполне подтверждается его „Началами“. Изобиліе матеріала постоянно нарушаетъ послѣдовательность его мысли и не даетъ ему возможности ясно изложить „начала“ науки.

Если мы сравнимъ содержаніе „Началь“ съ тѣми требованіями, которыя самъ Бастіанъ предъявилъ къ построенію этнологіи въ „Первобытной исторіи“ и въ „Идеяхъ народовъ“; если мы сопоставимъ это содержаніе съ программой, набросанной имъ для своей науки,—то оно должно показаться намъ очень и очень скуднымъ. Содержаніе отдѣльныхъ главъ можно, пожалуй, признать и достаточно полнымъ; но эти шесть (!) главъ, посвященныя шести вопросамъ, не исчерпываютъ даже основныхъ моментовъ системы, тогда какъ, казалось бы, они должны быть, по крайней мѣрѣ, намѣчены въ „Основахъ“ (Grundzüge) науки. Въ этихъ шести главахъ Бастіанъ разсматриваетъ: 1) географическія провинціи (при чемъ бѣгло трактуется вопросъ объ единствѣ человѣчества и

расахъ); 2) орудіе (какъ первое средство культуры); 3) собственность (какъ основу государственнаго строя); 4) семью; 5) право; 6) религію. Такимъ образомъ, Бастианомъ забываются такія существенныя для этнической соціологіи явленія, какъ, на примѣръ, рабство, форма господства, государство и общество, народное хозяйство, торговля и т. д. Онъ даже не касается вопроса о соціальномъ развитіи внутри отдѣльныхъ культуръ. Вѣдь совершенствованіе отдѣльныхъ предметовъ (на примѣръ, орудій) или отдѣльныхъ учреждений (на примѣръ, собственности) не объясняетъ намъ еще развитія *самыхъ человѣческихъ обществъ*, что въ „этнической соціологіи“ является, конечно, наиболѣе важнымъ. Но слабая сторона Бастиана въ томъ и состоитъ, что за деревьями онъ не видитъ лѣса! Детали и частности такъ увлекаютъ его, что онъ теряетъ изъ вида цѣлое. Къ этому присоединяется еще и вторая его ошибка,—такъ сказать, ошибка въ вычисленіи. Бастианъ неправильно составилъ соціологическое уравненіе и потому не могъ получить вѣрнаго его рѣшенія. „Исходя отъ одного положенія“, хотеть онъ прійти къ рѣшенію, а между тѣмъ это положеніе ложно. Для Бастиана основной моментъ—душа. Онъ хотеть вывести соціальное развитіе человѣческихъ обществъ изъ „идей“. Бастианъ говоритъ:

Im Anfang war der Sinn!

Эта „мысль“ (Sinn), эта „идея“ растетъ и развивается; все остальное,—т. е. всѣ явленія—служатъ только пестрыми покровами ея, которые мѣняются во времени и пространствѣ.

Зачѣмъ однако внутренній голосъ не остановилъ его, какъ Фауста:

Bedenke wohl die erste Zeile,

Dass deine Feder sich nicht übereile!

Ist es der *Sinn*, der alles wirkt und schafft?

Если бы только онъ могъ постигнуть глубокую истину, заключающуюся въ словахъ поэта:

Im Anfang war *die That!*

Онъ подошелъ бы гораздо ближе къ рѣшенію социологической проблемы.

Въ концѣ концовъ, философскій идеализмъ, этотъ фатальный исходный моментъ Бастіана въ его „Человѣкъ въ исторіи“, какъ ни боролся онъ съ нимъ, сохранился и въ послѣднемъ его трудѣ. Бастіанъ всегда остается старымъ „психологомъ народовъ“, ищущимъ причины всѣхъ социальныхъ явленій въ психикѣ народовъ. Хотя мы и не думаемъ противопоставлять этому идеализму односторонняго материализма, но развѣ мы не видимъ каждодневно, что *дѣйствіе* (That) служитъ той почвой, на которой вырастаетъ *психика*? Развѣ не *дѣйствіе* всегда и всюду вызываетъ рефлексію? Развѣ идея не слѣдуетъ за поступкомъ? *Дѣйствіе* же создается естественными инстинктами, не имѣющими ничего общаго съ душой. Человѣкъ *поступаетъ по законамъ природы*, а потомъ *думаетъ по-человѣчески*. Правда, этотъ тезисъ стоитъ какъ будто въ противорѣчій съ извѣстнымъ житейскимъ правиломъ: сперва думай, а потомъ дѣйствуй,—правиломъ, значеніе котораго для индивида мы ни въ какомъ случаѣ не отрицаемъ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ социальнымъ развитіемъ, съ дѣятельностью общественныхъ группъ. Здѣсь управляютъ *слѣпыя* силы природы. Здѣсь не обдумываютъ, не размышляютъ, а всегда по вѣчнымъ законамъ стремятся впередъ. Это стремленіе проявляется, какъ дѣйствіе; дѣйствіе создаетъ идею, которую затѣмъ идеалистъ влагаетъ въ душу дѣйствующаго, какъ мотивъ его дѣйствія. Такъ какъ эти дѣйствія, возникая изъ единого закона природы, гармоничны и закономѣрны, то,

несомнѣнно, гармоничны и закономѣрны и эти „идеи“—вотъ тотъ путь, которымъ Бастіанъ приходитъ къ закономѣрности развитія своихъ „идей народовъ“, своей „народной души“. Этими замѣчаніями мы ни на волосъ не уменьшаемъ заслугъ Бастіана: столь много для науки, можетъ быть, еще никогда не дала человѣческая жизнь, и мы надѣемся и желаемъ еще долго пользоваться плодами его работъ!

Если о Бастіанѣ намъ приходится сказать, что онъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса, или по крайней мѣрѣ, не указываетъ его намъ, то теперь мы подходимъ къ болѣе молодому писателю, въ большинствѣ случаевъ умѣющему овладѣть матеріаломъ и составить изъ беспорядочныхъ разрозненныхъ этнологическихъ фактовъ большія мозаичныя картины. У Юлія Липперта мы всегда находимъ нѣчто цѣльное, и пестрый матеріалъ не утомляетъ нашихъ глазъ.

Юлій Липпертъ отправной точкой избралъ специальную область соціологіи, науку о религіи, для того, чтобы, если не по названію, то по содержанію, прийти къ соціологіи въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Объ его первыхъ двухъ сочиненіяхъ „Культъ душъ“ (Seelenkult) и „Религіи“ (Die Religionen) мы подробно говорили въ нашей книгѣ: „Борьба расъ“ (Rassenkampf); здѣсь мы напомнимъ только о томъ, что въ нихъ онъ ясно и убѣдительно изобразилъ всеобщій законъ возникновенія и развитія религіи, и такимъ образомъ, далъ наукѣ о религіи совсѣмъ новое основаніе, которое мы можемъ назвать соціологическимъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ весьма плодовитый писатель, не смущаясь ворчаньемъ критиковъ, обогатилъ науку, и въ частности соціологію, двумя очень цѣнными сочиненіями: „Исторіей семьи“ (Die Geschichte der Familie) и „Всеобщей исторіей священства“ (Allgemeine Geschichte des Priesterthums) (1883, 1884). Липпертъ обладаетъ въ высокой степени даромъ

нагляднаго и пластичнаго изображенія развитія въ исторіи всѣхъ народовъ и временъ социальныхъ или социально-психическихъ образованій, социальныхъ институтовъ. Онъ всегда хозяинъ своего матеріала и умѣетъ дать ему стройный видъ: его „Исторію семьи“ (Geschichte der Familie) можно считать образцомъ социологическаго изложенія.

„Человѣкъ всегда считалъ *свою* семейную организацию нормально-человѣческой и указывалъ на нее, какъ на таковую. Такимъ путемъ можно тронуть и согрѣть сердце, но онъ отнюдь не приводитъ къ изложенію объективной исторіи“. Этими глубокомысленными словами начинается Липпертъ свою исторію семьи. Съ благодарностью признавая заслуги Бахофена, открывшаго „материнское право“, онъ знакомитъ насъ съ первоначальной материнской семьей, въ которой „фундаментомъ организациі была материнская любовь“; затѣмъ съ возникающимъ „отцовскимъ правомъ“ и древней отцовской семьей, основанной не на принципѣ родства или его сознаніи, но на принципѣ силы, господства, владѣнія (древняя семья)¹; наконецъ, онъ характеризуетъ новѣйшую фазу развитія семьи, „новую отцовскую семью“, въ которой понятія „отецъ“ и „сынъ“ имѣютъ другое содержаніе, говорятъ о кровномъ родствѣ.

Что касается материнскаго права, то Липпертъ путемъ многочисленныхъ доказательствъ, остроумныхъ толкованій и комбинацій разсѣялъ всякое сомнѣніе относительно теоріи Бахофена (признаваемой и многими другими писателями), указавъ „рудименты материнскаго права въ обычаяхъ и нравахъ“, его „отголоски въ мифахъ и сагахъ“. При этомъ онъ бросилъ нѣсколько свѣтлыхъ лучей на организацию

¹) Lippert, „Geschichte der Familie, 1884, S. 5. Эту же мысль мы проводимъ въ Rechtsstaat u. Socialismus, § 30.

примитивныхъ человѣческихъ обществъ, гдѣ „чужой и врагъ“—идентичныя понятія, и чужимъ является всякій, кто не связанъ съ данной тѣсной группой. (мы называемъ ее ордой; см. ниже) узами крови или брака ¹⁾).

Въ германскихъ древностяхъ Липпертъ находитъ „болѣе новую форму семьи въ противоположность къ естественной материнской“, такую форму, „въ которой мужъ является господиномъ надъ стадами и рабами“ и въ которой „жена принадлежитъ своему мужу, какъ часть его имущества, а дѣти принадлежать ему не потому, что онъ ихъ произвелъ и не въ такомъ только случаѣ, а потому, что ему принадлежитъ мать ²⁾“. Эта „древняя семья“ идетъ рука объ руку съ „развивающимся рабствомъ“, которое, несомнѣнно, является результатомъ зарождающагося отцовскаго права (въ болѣе древнемъ смыслѣ) ³⁾.

Липпертъ знакомитъ насъ съ разнообразными переходными формами между этой древней семьей и болѣе новой, отцовской. Продолженіе стараго союза, или распаденіе на отдѣльныя семьи, этотъ повсюду постепенно возникающій вопросъ связанъ въ значительной степени съ характеромъ собственности и родомъ занятій ⁴⁾. Мы не можемъ утверждать, что Липпертъ совершенно выяснилъ намъ этотъ переходъ подъ влияніемъ обусловливающихъ его категоричныхъ мотивовъ; мы поговоримъ еще объ этомъ въ соответствующемъ мѣстѣ нашего изложенія, но мы должны признать, что Липпертъ, насколько намъ извѣстно, впервые провозгласилъ и доказалъ подходящими примѣрами фактъ такого развитія;

¹⁾ Ср. Rassenkampf, S. 195. Rechtsstaat u. Socialismus, § 29.

²⁾ Lippert, Familie, S. 95.

³⁾ Ibidem, S. 141.

⁴⁾ Ibidem, S. 221.

онъ впервые обратилъ наше вниманіе на фактъ противоположности старой семьи и новой, въ которой живемъ *мы*, а это—не малая заслуга, такъ какъ разрѣшеніе этой запутанной задачи представляло немаловажныя трудности. „Мы привыкли считать семейныя отношенія естественными, вѣчно-существующими; но имѣемъ ли мы понятіе, спрашиваетъ Липпертъ, какими окольными путями шло человѣчество, пока оно выработало на первый взглядъ столь легко достижимую форму бытія?“¹⁾ Эти окольные пути Липпертъ намѣтилъ съ большимъ искусствомъ. Задача дальнѣйшаго изслѣдованія—установить и выяснить каждый этапъ этого длиннаго пути, каждое уклоненіе въ ту или иную сторону, каждую перекрестную тропу, каждый шагъ впередъ и назадъ.

Что касается Липперта, то онъ въ своемъ неутомимомъ поступательномъ стремленіи обратился къ третьей соціологической задачѣ, по объему и трудности превосходящей объ первыя (*Religion* и *Familie*); ибо съ „духовенствомъ“ (*Priesterthum*), какъ соціальнымъ институтомъ, тѣсно связано почти *все*, что имѣетъ значеніе для соціологіи. Такъ какъ духовенство всегда и всюду стремилось овладѣть всѣми сферами соціальной жизни, то уже по самому характеру предмета „Исторія духовенства“ должна охватить важнѣйшія отрасли соціальной жизни,—религію, право, господство, государство и общество. Липпертъ не отступилъ предъ этими трудностями и далъ намъ въ своей исторіи духовенства сочиненіе громадной важности для соціологіи,—сочиненіе, которое прокладываетъ новые пути въ различнѣйшихъ направленіяхъ.

Основная мысль книги связана съ липпертовой теоріей „культы душъ“ (*Seelenkult*). По этой теоріи „культъ душъ“

¹⁾ Ibidem, S 2.6.

есть корень всѣхъ религій, характеръ которыхъ, въ свою очередь, опредѣляетъ обряды культа. Опираясь на доказательства своихъ прежнихъ сочиненій, Липпертъ продолжаетъ: „Въ особенности, не подлежитъ сомнѣнію, что невидимое, хотя бы оно и обнаруживалось въ явленіяхъ природы, воображается, не какъ сила природы, а какъ личный *духъ*, и что представленіе о немъ создается изъ представленія о человѣческой душѣ“.

Представленіе о силахъ природы прямо непостижимо для примитивныхъ людей; наоборотъ, лишь только они начинаютъ логически мыслить, представленіе о личномъ *духѣ* возникаетъ у нихъ при каждомъ случаѣ смерти. Твердо усвоивъ эту истину, мы поймемъ, что разнообразное и запутанное сплетеніе обрядовъ культа вытекаетъ изъ логики людей, и что, слѣдовательно, существенное сходство этихъ обрядовъ въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ земли объясняется единствомъ человѣческой логики. Въ послѣднихъ словахъ заключается программа сочиненія и въ то же время научное оправданіе, можетъ быть, слишкомъ общаго характера его. Въ сущности, это—идея Бастіана, которую тотъ однако выразилъ менѣе ясно, постоянно говоря объ идеяхъ и душѣ народовъ, тогда какъ Липпертъ просто провозгласилъ основаніемъ и корнемъ соціологіи „единство *человѣческой логики*“; этой логики, въ примѣненіи къ одному и тому же факту (культу души), нельзя отрицать „въ разнообразномъ запутанномъ сплетеніи обрядностей культа“: отсюда вытекаетъ единство принципа этихъ обрядностей въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ земли. Липпертъ блестяще доказалъ дѣйствительное существованіе этого единства. Но возникновеніе культа и развитіе его формъ Липпертъ могъ выяснитъ намъ только на почвѣ изложенія прежнихъ формъ жизни соответственныхъ народовъ и племенъ, такъ какъ, хотя генезисъ

культы души и лежитъ повсюду въ примитивнѣйшей логикѣ людей, однако формы этого кulta развиваются соотвѣтственно социальнымъ формамъ жизни отдѣльныхъ группъ: поэтому Липперту пришлось обратить свое вниманіе на эти послѣднія, благодаря чему онъ былъ принужденъ включить въ свое изложеніе важнѣйшія вопросы соціологіи. Здѣсь намъ невозможно ни войти въ разсмотрѣніе деталей его изложенія развитія духовенства у всѣхъ народовъ, ни разъяснить чисто-соціологическіе вопросы, затронутые имъ въ этомъ изложеніи; мы коснемся лишь здѣсь взгляда Липперта на основной вопросъ всякой соціологіи, а именно на возникновеніе государственной организаціи, и сдѣлаемъ это на томъ основаніи, что его взглядъ существенно отличается отъ нашего, который мы отстаивали во всѣхъ прежнихъ сочиненіяхъ и который лежитъ въ основаніи послѣдующаго изложенія. Мы держимся того возрѣнія, что всякая государственная организація и потому всякое культурное развитіе начинается съ момента продолжительнаго поработенія одной орды другою; поэтому мы, не колеблясь, признаемъ грубѣйшихъ варваровъ-побѣдителей слѣпымъ орудіемъ человѣческаго прогресса, могущественными помощниками,—болѣе того, первыми творцами культуры. Наоборотъ, Липпертъ въ неопровержимомъ фактѣ такого основанія государствъ, повидимому, усматриваетъ побѣду „некультурности“ надъ „культурой“, возникающей и развивающейся, по его мнѣнію, въ „мирной“ совмѣстной жизни примитивной орды. Липпертъ защищаетъ свой взглядъ съ нѣкоторой страстностью и плохо отзываясь о противоположномъ взглядѣ, встрѣчающемся въ нѣкоторыхъ „учебникахъ“ (?). Мы открыто признаемъ, что намъ взглядъ Лип-

1) Geschichte des Priesterthums, S. 13.

перта кажется симпатичнѣе, чѣмъ нашъ собственный; мы бы охотно приняли его, если бы только были убѣждены въ его истинности. Пока однако мы оставимъ этотъ вопросъ открытымъ и сведемъ только относящіяся сюда утвержденія Липперта.

„Исторія Мексики,—пишетъ онъ,—говорить о смѣнѣ одного поработенія другимъ и о вторженіи побѣдителей, но послѣдними были всегда *грубые сыны некультуры*, которымъ доставалось владычество; ни одинъ изъ этихъ народовъ—побѣдителей,—тольтековъ, хихимековъ, ацтековъ,—слѣдуя другъ за другомъ, не принесли съ собою культуры въ мирную страну Анагуака. Наоборотъ, и здѣсь часто повторялось одно и то же зрѣлище: никто не упоминаетъ о тѣхъ племенахъ, которыя въ теченіе столѣтій, можетъ быть, даже тысячелѣтій, собирали въ этихъ горныхъ долинахъ песчинку за песчинкой для зданія культуры, — объ этихъ „хорошихъ хозяйкахъ“ исторіи; между тѣмъ бедуиновъ, постоянно налетавшихъ изъ некультурныхъ пустынь, быть можетъ, часто побѣждаемыхъ и изгоняемыхъ, но наконецъ превратившихъ *культурнаго чловѣка въ раба* одного объединеннаго народа,—этихъ бедуиновъ восхваляютъ, какъ творцовъ великаго. Въ учебникахъ они называются основателями культуры, какъ будто они принесли ее съ собой изъ пустыни. Тотъ, кто симпатизируетъ неумоимо работающему мирному племени, долженъ быть доволенъ уже тѣмъ, что *предметъ ея симпатіи* не обвиняютъ въ гнилой „порчѣ“, которую нужно было развѣять струей здороваго воздуха пустынь. Къ счастью, завоеватели не всегда склонны развѣвать эту „порчу“, часто готовы воспринять полезнѣйшіе ея плоды, даже увеличить и расширить ихъ *силой организаціи*“¹⁾.

¹⁾ Geschichte des Priesterthums, I, 238.

Липпертъ—настолько искренній человекъ, что даже не утаиваетъ, что на его сужденіе по этому вопросу не остались безъ вліянія „симпатіи“ къ одной сторонѣ, именно, къ побѣжденнымъ. Одно это должно уже внушить недовѣріе къ объективности его сужденія; съ другой стороны, онъ такъ откровененъ, что признаетъ за этими „грубыми сынами некультуры“ „силу организаци“, которая способна „увеличивать и расширять“ культуру „мирнаго племени“. Мы очень благодарны ему за оба эти признанія; впоследствии намъ представится случай доказать ему, что, напротивъ, эта „сила организаци“ есть неоцѣнимое свойство „грубыхъ сыновъ некультуры“, и „мирному племени“ при этой сильной организаци приходится не „собирать песчинку за песчинкой“, а громоздить камень на камень „для зданія культуры“. Однако, какъ уже сказано, мы оставимъ пока этотъ спорный вопросъ открытымъ и познакомимся съ дальнѣйшими разъясненіями и доказательствами теоріи Липперта.

Древняя имперія инковъ, по Гарциласо де-ла-Вега, была основана племенемъ завоевателей, покорившимъ древнихъ перуанцевъ; этимъ завоеваніемъ, по мнѣнію Гарциласо, а за нимъ и всѣхъ прочихъ историковъ, начинается перуанская культура. Липпертъ отказывается отъ такого взгляда и примыкаетъ къ воззрѣнію одного англійскаго путешественника (Гутчинсона), который, какъ очевидецъ, будто бы убѣдился, „что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ медленно прогрессирующей культурной работой, начавшейся задолго до времени инковъ“. Такое воззрѣніе, думаетъ Липпертъ, станетъ со временемъ господствующимъ, и теперь уже мы считаемъ себя въ правѣ разсматривать имперію инковъ съ той же самой точки зрѣнія, какъ и родственныя имперіи тольтековъ и хихимековъ, другими словами, видѣть въ этой имперіи господство энергичнаго завоевателя надъ народами, создавшими осѣд-

лую культуру еще до завоеванія“. Последнее можетъ быть вполне справедливо, хотя и не оправдываетъ еще теоріи Липперта. Мы повсюду видимъ, какъ „культурныя“ государства подчиняются болѣе или менѣе „варварскимъ“ завоевателямъ,—такъ, на примѣръ, Китай—монголамъ, римская имперія—готамъ и другимъ германскимъ племенамъ. Инки могутъ быть не первыми завоевателями Перу, они могутъ быть не англо-саксами, а норманами Перу. Итакъ, исторія инковъ, во всякомъ случаѣ, еще не подтверждаетъ теоріи Липперта о *generatio aequivoca* культуры.

Для дальнѣйшаго подкрѣпленія этой теоріи онъ ссылается еще на древній Египетъ. Здѣсь „историческія явленія“ кажутся Липперту „почти тождественными съ тѣми, которыя сплотили государство инковъ“. Это—правда; но эти явленія допускаютъ тоже двойное пониманіе, и взглядъ Липперта, по нашему мнѣнію, еще менѣе подтверждается ими, чѣмъ примѣрами Перу и Мексики. „Какъ тамъ (въ Перу) низменность у священнаго озера, такъ здѣсь среди пустынь и степей *тучная островная земля* у устьевъ рѣки, прежде всего, манила къ прочному завладѣнію; тѣснимыя подвижными ордами хищниковъ къ самому берегу моря, племена дельты должны были, прочно осѣвъ, поддерживать жизнь предумотрительномъ трудомъ, сдѣлать первые шаги культуры, овладѣть водами, почувствовать себя, сравнительно съ варварами, людьми вышаго человѣческаго достоинства“. Не забудемъ при этомъ изложеніи о томъ, что Липпертъ говоритъ о предметъ своей „симпатіи“. „Въ первобытное время,—продолжаетъ онъ,—можно допустить существованье извѣстнаго числа небольшихъ племенъ, которыя, хотя и ведутъ бродячій, пастушескій образъ жизни, и только иногда обрабатываютъ, подобно нынѣшнимъ африканцамъ, клочокъ земли, однако уже не покидаютъ предѣловъ определенной области.

Плодородная наносная почва благопріятствовала такому ограниченію: „красная земля“ пустынь оставалась для номадовъ“. Послѣ этого довольно аподиктичнаго изображенія осѣдлости и культуры „мирнаго рода“ на низовьяхъ Нила, Липпертъ продолжаетъ, какъ бы подѣ вліяніемъ невольнао закравшихся въ него сомнѣній: „Какимъ образомъ въ первобытное время племена низовьевъ установили между собой политическую связь,—этого мы, конечно, не знаемъ. Она могла, впрочемъ, стать необходимой, благодаря вторженію орды номадовъ, которыя, какъ и донинѣ, блуждали по степямъ и сосѣдней пустынѣ. Несомнѣнно, что въ историческое время объединяющее господство надъ культурными племенами установлено было, какъ въ Мексикѣ некультурными племенами, такъ здѣсь племенами болѣе юной культуры; къ нимъ, прежде всего, мы должны отнести раскинувшіяся по пустынѣ племена равнинъ“... ¹⁾.

Можетъ ли это изложеніе фактовъ убѣдить насъ въ справедливости теоріи Липперта, какъ бы симпатичной она намъ ни казалась? Липпертъ не умѣетъ объяснить, „какъ въ первобытныя времена племена низовьевъ установили политическую связь“. Мы, конечно, сумѣли бы объяснить, но только при помощи апостеріорнаго положенія, которому учить насъ *историческое* время; оно гласитъ: политическая связь (т. е. организація) въ первыя времена была установлена, по всей вѣроятности, поработеніемъ со стороны „сыновъ безкультурности“. Это объясненіе покажется несимпатичнымъ Липперту; несимпатично оно и намъ, но мы считаемъ его единственно „правильнымъ“, и ниже постараемся еще болѣе обосновать его. И Липпертъ говоритъ: „Несомнѣнно, въ историческое время объединяющее господство надъ культурными племенами появилось со стороны некультурныхъ племенъ“.

¹⁾ Lippert, Priesterthum, I, 380.

Что касается насъ, то мы того мнѣнія, что соціологическіе законы остаются тѣми же, имѣемъ ли мы историческое доказательство ихъ дѣйствія, или нѣтъ; геологической методъ Люелля вполне примѣнимъ и въ соціологіи¹⁾. Мы думаемъ, что „объединяющее господство грубыхъ сыновъ безкультурности“ всегда нужно было для того, чтобы привести „мирное племя къ политической связи“, къ организаціи и, вообще, обусловленному ею культурному развитію. Знаетъ ли Липпертъ другое объясненіе?.. Онъ открыто признается, что не знаетъ. Тогда пусть онъ проститъ намъ, если мы назовемъ попросту *конструкціей* его теорію, продиктованную симпатіей къ однимъ, и, слѣдовательно, антипатіей къ другимъ. Но, какъ сказано выше, мы оставляемъ еще этотъ вопросъ открытымъ: возможно, что культура появилась въ одной странѣ съ покореніемъ однихъ другими въ другой зародилось са- мобытно (*autogenetish*) среди „мирнаго племени“. Только послѣднее предположеніе нуждается въ неопровержимыхъ доказательствахъ, такъ какъ оно стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ данными историческихъ временъ.

Этими замѣчаніями о содержаніи трудовъ Липперта мы и ограничимся; здѣсь невозможно хотя бы намѣтить ходъ его изслѣдованія о развитіи духовенства; тѣмъ болѣе невозможно собрать массу историческихъ и соціологическихъ вопросовъ, на которые онъ смотритъ съ новой точки зрѣнія. Мы такъ резюмируемъ наше мнѣніе о Липпертѣ: онъ, въ большинствѣ случаевъ, умѣетъ оживить соціологической матеріаль, собранный другими, и, поистинѣ, искусно приводить его въ стройный видъ.

Контомъ, Спенсеромъ, Бастіаномъ и Липпертомъ ограничимъ мы перечень корифеевъ соціологіи. То, что другіе

¹⁾ Ср. *Rassenkampf*, S. 172.

сдѣлали для соціологіи, отступаетъ на второй планъ, и подробнѣе будетъ изложено примѣнительно къ отдѣльнымъ вопросамъ въ соответствующихъ мѣстахъ дальнѣйшаго изложенія. Здѣсь же намъ предстоитъ разсмотрѣть еще нѣкоторыя отрасли знанія и области изслѣдованія, которыя касаются отдѣльныхъ сторонъ соціологіи, важнѣйшихъ вопросовъ ея, и которыя коллективнымъ дѣйствіемъ готовятъ во многихъ отношеніяхъ почву для этой науки.

На первомъ планѣ стоитъ государственное право и политическая экономія; для представителей этихъ наукъ выясненіе понятія „общества“ является тяжелой задачей, надъ которой они честно поработали. Мы въ другомъ мѣстѣ дали оцѣнку сдѣланнаго въ этомъ направленіи Молемъ, Штейномъ и Гнейстомъ ¹⁾. Здѣсь только нужно припомнить, что у этихъ ученыхъ государствовѣдовъ „общество“ является, по преимуществу, *экономическимъ* понятіемъ. Именно, Штейнъ всегда подразумѣваетъ подъ нимъ „хозяйственные“ группы людей, при чемъ онъ, конечно, имѣетъ въ виду отношеніе ихъ къ „государству“, какъ къ политической силѣ, возвышающейся надъ „обществомъ“. Это одностороннее, исключительно-экономическое пониманіе „общества“, въ виду „соціального вопроса“, господствуетъ во всей политической экономіи, и поэтому у насъ подъ „соціальной наукой“ привыкли понимать, прежде всего, политическую экономію. Впрочемъ, этому много поспособствовали Кэри со своими „основами соціальной науки“, гдѣ онъ толкуетъ исключительно о политической экономіи. Именно, этимъ и объясняется тотъ фактъ, что Беренбахъ въ своемъ очеркѣ „Die Socialwissenschaften“, посвященномъ исторіи соціальной науки, трактуетъ преимущественно о политической экономіи, оста-

¹⁾ См. Phil. Staatsr. § 12; Rechtsstaat u. Social. II. § 14—22, 28.

навливаясь подробно на ея отношеніи къ „соціальному вопросу“; при чемъ онъ не проводитъ строгой границы между соціологіей и наукой о народномъ хозяйствѣ. Точно также Менгеръ въ своемъ сочиненіи „О методахъ соціальныхъ наукъ“ говоритъ исключительно о методѣ политической экономіи, на которую онъ смотритъ, какъ на соціальную науку *κατ'ἑξοχήν*. Не смотря на такую односторонность политико-экономовъ, нельзя отрицать ихъ громаднаго значенія и важности для соціологіи; это значеніе заключается въ томъ, что политическая экономія была первой наукой, которая, рассматривая лишь дѣйствія людей, признала однако экономическіе законы, господствующіе надъ этими дѣйствіями и опредѣляющіе ихъ. Больше того: политическая экономія должна была, по природѣ вещей, говорить не о хозяйничающихъ индивидахъ, для которыхъ не обязательны никакія правила и нормы, но о соціальныхъ группахъ, только и существующихъ для науки о народномъ хозяйствѣ, т. е. о крупныхъ землевладѣльцахъ, промышленникахъ, купцахъ, ремесленникахъ, рабочихъ, земледѣльцахъ и т. д. Наконецъ, политической экономіи сама собой навязывалась идея законѣрнаго развитія, когда она наблюдала законѣрные, обусловленные внѣшними факторами переходы изъ одной экономической фазы развитія въ другую. Такимъ образомъ, политическая экономія явилась наилучшей подготовительной школой для соціологіи, а политико-экономическое мышленіе—первыми шагами мышленія соціологическаго.

Эти переходы изъ политической экономіи въ соціологію нигдѣ не выступаютъ такъ ясно, какъ у Кэри, что, конечно, составляетъ заслугу не только политической экономіи, но и многосторонности Кэри, кругозоръ котораго далеко выходилъ за предѣлы исключительно хозяйственныхъ процессовъ общественной жизни. Человѣкъ, защищавшій единство

наукъ въ духѣ Конта и старавшійся доказать *единство закона* для всѣхъ явленій жизни, не могъ удовлетвориться узкими рамками изученія хозяйственныхъ процессовъ. Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемся съ очень поучительными экскурсами въ самыя различныя соціологическія области ¹⁾.

Къ политико-экономистамъ, какъ пионерамъ соціологіи, примыкають социалисты. Изучая отношеніе работающихъ классовъ къ собственникамъ, отношеніе крупной промышленности къ мелкой и т. д., въ его закономѣрномъ развитіи, они выполняютъ значительную часть работы и для соціологіи ²⁾.

На ряду съ политической экономіей, сравнительное правовѣдѣніе, которое Постъ пытался поставить на высоту „естественной исторіи права“, а въ послѣднее время и „науки о правѣ на соціологической основѣ“, собрало для соціологіи драгоцѣнный матеріалъ и выдвинуло не мало основныхъ идей. Право обнимаетъ весь общественный строй, такъ какъ каждая сфера общественной жизни создаетъ себѣ свое право; слѣдовательно, можно разсматривать всякую сферу общественной жизни съ точки зрѣнія права.

Спорадическія попытки сравнительнаго правовѣдѣнія уже давно доказали одинаковость и аналогичность права и его развитія у разныхъ народовъ, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени. Объяснить эту аналогичность историческимъ родствомъ и заимствованіемъ оказалось невозможнымъ; и мы уже видѣли, какъ Бастіанъ протестуетъ противъ такихъ

¹⁾ Кэри. Основы соціальной науки. См. также предисловіе Stöpel'я къ нѣмецкому переводу сочиненія Кэри: *Einheit des Gesetzes*. Berlin, 1877.

²⁾ Срв. *Rechtsstaat und Socialismus*, кн. II.

объяснений и замѣняетъ ихъ психологическимъ объясненіемъ, опирающимся на духъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, сравнительное изученіе права должно было близко подойти къ идеѣ закономѣрнаго развитія его у всѣхъ народовъ. Отъ этой идеи оставался одинъ только шагъ до „Естественнаго закона права“ („Naturgesetz des Rechts“) и „Естественной науки права“ (Naturwissenschaft des Rechts) (таковы заглавія двухъ первыхъ сочиненій Поста 1867 и 1872)¹⁾. Надъ этой задачей Альбертъ Германъ Постъ неустанно работаетъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Скоро онъ въ такой степени отрезвился и настолько эмансипировался отъ своей естественно-философской идеи, проводимой имъ въ двухъ первыхъ указанныхъ сочиненіяхъ („міровая исторія есть развитіе силъ матеріи путемъ спеціализаціи всеобщихъ типовъ“ и т. п.), что въ цѣломъ рядѣ сочиненій²⁾ почти объективно собралъ очень интересный матеріалъ для сравнительнаго правовѣдѣнія. Общее направленіе идей—отъ сравнительнаго правовѣдѣнія чрезъ этнологію къ социологіи—характеризуется заглавіями этихъ сочиненій Поста. Въ то время, какъ первыя его статьи и приуготовительныя работы относятся къ области „всеобщаго сравнительнаго правовѣдѣнія“ (1875 и 1876 г.), свои „Матеріалы“ („Bausteine“) онъ уже собираетъ (въ 1880 и 1881 гг.) для „сравнительно-этнологическаго обоснованія правовѣдѣнія“; а въ своемъ слѣдующемъ сочиненіи „Основы права“ („Die Grundlage des Rechts“, 1884) пытается „построить всеобщее правовѣдѣніе на социологическомъ базисѣ“. Итакъ, мы видимъ, какъ научныя идеи и работы изъ всѣхъ соед-

¹⁾ Ср. о нихъ мое Philosophische Staatsrecht, стр. 168.

²⁾ Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit (1875); Ursprung des Rechts (1876); Anfänge des Staats- und Rechts-Leben (1878); Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft (1880).

нихъ областей (этнологіи, политической экономіи, правовѣдѣнія) стремятся къ соціологіи и способствуютъ ея обоснованію.

Въ видѣ переживаній, уцѣлѣвшихъ отъ „естественно-философскихъ“ взглядовъ, лежащихъ въ основаніи двухъ первыхъ работъ объ „естественной наукѣ“ права, Постъ перенесъ въ свои позднѣйшія сочиненія идею „общественнаго организма“, — организма, который возвышается надъ естественнымъ, какъ образованіе высшаго порядка. Высказываясь безусловно противъ такого понятія (такъ какъ ему ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности), мы однако не станемъ о немъ спорить съ Постомъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ все рѣже говоритъ о такомъ общественномъ „организмѣ“, а въ послѣднемъ сочиненіи совершенно умалчиваетъ о немъ.

Если мы въ прежнихъ сочиненіяхъ Поста отбросимъ это неправильное понятіе, то мы можемъ объявить себя солидарными съ его основными взглядами на развитіе правовой и государственной жизни вообще. „Существуютъ, говоритъ онъ, опредѣленные законы развитія всякаго органическаго образованія, которое возникаетъ въ предѣлахъ человѣческихъ расъ и возвышается надъ отдѣльными людьми (т. е., попросту сказать, законы развитія человѣческаго общества); эти законы развитія можно открыть сравненіемъ соотвѣтственныхъ періодовъ развитія всѣхъ живущихъ на землѣ и исчезнувшихъ общественныхъ организмовъ. Установить эти законы — ближайшая задача государствѣдѣнія и правовѣдѣнія будущаго“¹⁾.

По мнѣнію Поста, развитіе этихъ „общественныхъ организмовъ“ проходитъ нѣсколько фазъ, первую изъ которыхъ

¹⁾ Ursprung d. Rechts, S. 7

онъ называетъ „фазой родового союза“ (geschlechtsgenossenschaftliche), а также фазой „мирнаго союза“ (friedensgenossenschaftliche). „Примитивнѣйшей формой организаціи въ жизни человѣческихъ обществъ является родовой союзъ— соединеніе нѣкотораго числа людей на почвѣ общности крови для (?) защиты и охраны“. „Союзъ для защиты и охраны“ замѣтно напоминаетъ *contrat social*; по нашему мнѣнію, примитивнѣйшей формой общественной организаціи является „примитивная орда“, какъ первый извѣстный намъ естественный фактъ; но эта орда отнюдь не является „соединеніемъ“, такъ какъ соединеніе предполагаетъ предшествующую обособленность и разрозненность, а тѣмъ болѣе она не является „соединеніемъ для защиты и охраны“, такъ какъ такое соединеніе предполагаетъ „общественный договоръ“. Въ концѣ концовъ, съ небольшой поправкой, можно бы считать этотъ „родовой союзъ“ первоначальнѣйшей соціальной формой, если бы только можно было согласиться съ дѣлаемой Постомъ характеристикой процесса дальнѣйшаго развитія вплоть до вышихъ соціальныхъ формъ. А это трудно,—и трудно потому, что Постъ не объяснилъ и не обосновалъ этого развитія, полагая, что оно свободно слѣдуетъ внутреннему закону прогресса.

„Изъ этой формы,—пишетъ Постъ,—вытекаетъ всякаго рода организація, и къ ней, въ концѣ концовъ, можно свести всякую форму организаціи. Родовой союзъ есть правильная форма организаціи охотничьихъ и кочевыхъ народовъ; путемъ внутренняго роста онъ часто расширяется за предѣлы сперва, вѣроятно, узко ограниченнаго круга въ обширное племя, или родъ съ развитыми, въ извѣстной степени, учрежденіями“. Все это очень неясно. „Путемъ внутренняго роста“ это развитіе не совершалось никогда, а между тѣмъ, о побудительныхъ моментахъ, о факторахъ этого развитія

Постъ не говорить ни слова. „Совершается!“ говорить онъ и успокаивается на томъ, что въ основѣ этихъ измѣненій лежитъ „законъ“. „По наступленіи осѣдлости, старый родовой союзъ до извѣстной степени распадается“¹⁾. Какимъ образомъ, подъ влияніемъ какихъ причинъ наступаетъ эта осѣдлость,—этимъ Постъ не интересуется вовсе. „Она наступаетъ,—говоритъ онъ,—при чемъ распадается родовой союзъ“,—и довольно!—а затѣмъ можно перейти къ дальнѣйшему. Такое изложеніе не удовлетворительно, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія соціолога. Нельзя не признать заслугъ Поста, выразившихся въ старательномъ и часто цѣлесообразномъ собираніи матеріала и неутомимомъ стремленіи къ соціологическимъ изслѣдованіямъ въ области правовѣдѣнія. Но его изложеніе соціального развитія не проникаетъ въ глубину вопроса и доказываетъ, что самому Посту неясны характеръ и сущность этого развитія. Его послѣднее сочиненіе: „Основы права и очеркъ его развитія“ („Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte“ мало удовлетворительно въ упомянутомъ отношеніи, хотя и отличается во всѣхъ другихъ отношеніяхъ большими достоинствами и, главнымъ образомъ, большою ясностью. Не станемъ останавливаться на его старыхъ ошибкахъ, повторенныхъ имъ и здѣсь, будто, напримѣръ, *человѣческая раса*, какъ всякая органическая раса нашей планеты, какъ цѣлое, представляетъ біологическій организмъ“²⁾ и т. п.; но мы не можемъ не упрекнуть Поста въ томъ, что онъ и въ основныхъ вопросахъ удержалъ вышеприведенные ложные взгляды на соціальное развитіе и въ этомъ своемъ послѣднемъ сочиненіи. Пользуясь относящейся къ

¹⁾ Постъ, Ursprung des Rechts, S. 11.

²⁾ Grundlagen und Grundzüge, 16.

этому вопросу литературой, онъ могъ бы съ того времени исправить нѣкоторыя свои ошибки. Какое, напр., научное обоснованіе дать онъ слѣдующему воззрѣнію: „Происхожденіе массы индивидовъ отъ общей матери, общаго отца или общихъ родителей служить базисомъ для возникновенія рода. Съ разрастаніемъ потомства генеративный процессъ продолжается, и, такимъ образомъ, родъ превращается въ родовой союзъ, а спустя нѣсколько поколѣній—въ племя, затѣмъ въ народъ, и наконецъ—въ расу“. Это—вполнѣ наивное воззрѣніе, въ основѣ котораго лежитъ библейскій рассказъ; послѣдовательно придерживаясь его, мы незамѣтно придемъ къ Адаму и Евѣ! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать научнымъ объясненіемъ прогресса слѣдующія слова Поста: „Съ распаденіемъ племеннаго общежитія выступаютъ отдѣльныя права и обязанности членовъ племени другъ къ другу“¹⁾; точно также неудовлетворительно все то, что онъ говоритъ „о постепенномъ распаденіи первоначальнаго общежитія“²⁾, послѣ чего индивидъ мало-по-малу развивается въ субъекта правъ“³⁾, и „медленно изъ мира возникаетъ право“⁴⁾. Все это самыя общія и банальныя положенія и утвержденія, которыя, отличаясь совершенной неясностью, рѣшительно ничего выяснить не могутъ⁵⁾.

1) Grundlagen und Grundzüge, стр. 75.

2) Ibidem, стр. 76.

3) Ibidem, стр. 83.

4) Ibidem, стр. 87.

5) Сюда относится и слѣдующее мѣсто: «Съ постепеннымъ развитіемъ родового государства возникаютъ уже сословныя различія», S. 102. Если все развивается *постепенно*, такъ что намъ нѣтъ нужды знать, какъ и какимъ образомъ это происходитъ, тогда вся соціологія теряетъ смыслъ.

Не смотря на указанные частные недостатки и слабыя стороны изложенія Поста, нужно быть благодарнымъ ему за собранный имъ, обработанный и упорядоченный матеріаль. Онъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ неутомимый пропагаторъ идеи „естественной науки права“, „этнологически-сравнительнаго правовѣдѣнія“, наконецъ „соціальной науки“. Задачу этой послѣдней науки онъ понимаетъ согласно съ Бастианомъ: „Стремленіе познать существо человѣческаго духа изъ осадковъ его въ различныхъ сферахъ народной жизни—такова великая основная мысль соціальной науки нашихъ дней. Эта мысль лежитъ и въ основѣ соціологической юриспруденціи. Она пытается вывести сущность человѣческаго правосознанія изъ проявленій его въ правовыхъ воззрѣніяхъ и правовыхъ институтахъ всѣхъ народовъ земли“. Слѣд., и у Поста, какъ у Бастиана, „духъ“ и „сознаніе“ являются первичнымъ принципомъ,—такъ сказать, міровымъ началомъ, и, въ качествѣ такового, цѣлью всякаго изслѣдованія; всѣ же соціальныя явленія—только ередства для изученія этой внутренней стимулирующей силы всего существующаго. Намъ представится еще случай обосновать нашъ взглядъ, отличающійся отъ вышеуказанныхъ, согласно которому естественно-необходимыя явленія должны быть признаны первичнымъ началомъ, отъ котораго, какъ аромать отъ цвѣтка, отдѣляется „духъ“: не правовые институты—осадокъ правосознанія, а, напротивъ, правовое сознаніе—осадокъ правовыхъ институтовъ. Исторія создаетъ духъ, а не духъ—исторію!

Если политическая экономія, сравнительное правовѣдѣніе и богословіе занимались только отдѣльными сторонами соціальной жизни и изслѣдовали только отдѣльныя области соціологін, то существовали еще и другія философ-

скія и историческія дисциплины, которыя занимались от части высшей соціологической проблемой, отчасти важнѣйшими изъ предметовъ соціологии, хотя и не подъ этимъ именемъ.

Изъ философскихъ дисциплинъ здѣсь мы назовемъ только философію исторіи. Предметомъ ея является историческое развитіе человѣчества, въ которомъ она ищетъ „философскую идею“. Ясно, какъ близко подходитъ она къ высшей соціологической задачѣ, а потому не зачѣмъ распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ для соціологии историко-философская литература.

Относительно этой историко-философской литературы Рохолль далъ возможно исчерпывающее, увѣчанное преміей сочиненіе, въ которомъ указано все то, что сдѣлано въ этой области до 1876 г. Награду Рохолль честно заслужилъ. Велико мастерство, съ которымъ онъ заставляетъ говорить всѣхъ философовъ исторіи міра, не выдавая даже самому проницательному читателю своихъ собственныхъ мыслей. Цѣлая книга, и ни одной собственной мысли!—авторъ очевидно понималъ, какъ получаютъ награды! Всякій, кто хочетъ получить представленіе о томъ, какъ понимали философы исторію человѣчества, пусть прочтетъ эту книгу. При этомъ въ головѣ получится полный сумбуръ; когда же читатель придетъ въ себя и разберется въ хаосѣ мыслей, ему покажется, что Рохолль ввелъ его въ галерею дураковъ. Въ сущности, философія исторіи издавна была недисциплинарна. Философы говорятъ объ „идеѣ исторіи человѣчества“, не имѣя о самой исторіи хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго представленія. Ибо что значитъ болѣе или менѣе извѣстная средне-европейская исторія въ сравненіи съ дѣйствительной исторіей *всего* человѣчества нашей земли, которая оставалась философамъ исторіи неизвѣстной?! Какъ

дѣтски-наивно сужденіе философіи исторіи о цѣломъ, только ничтожная часть котораго ей извѣстна!

Однако соціологія въ идеяхъ философовъ исторіи о перво-бытномъ состояніи людей, о развитіи историческихъ государствъ и народовъ найдетъ нѣкоторое подтвержденіе своихъ собственныхъ возрѣній. Но важнѣйшее различіе между соціологіей и философіей исторіи заключается въ слѣдующемъ: философія исторіи хотѣла произнести приговоръ относительно цѣлаго, котораго она не знала; соціологія понимаетъ, что она не знаетъ цѣлаго, а слѣд. не можетъ имѣть сужденія о немъ; она хочетъ только высказать мнѣніе о *процессѣ*, который всегда и всюду происходитъ одинаково,—тысячи лѣтъ тому назадъ совершенно такъ же, какъ и въ наши дни. Соціологія напередъ отказывается отъ выясненія цѣлаго,—отъ выясненія начала, конца и цѣли прогресса. Это ея рѣшительное преимущество предъ философіей исторіи; конечно здѣсь соціологія извлекаетъ хорошій урокъ изъ неудачъ философіи исторіи.

Переходъ отъ послѣдней къ первой не всюду совершился такъ непосредственно, какъ во Франціи. Въ Германіи посредствующимъ звеномъ между ними явилась такъ называемая исторія культуры. Исторія человѣческой культуры отъ ея начала до нынѣшнихъ дней—это почти уже соціологія,—во всякомъ случаѣ она легко можетъ стать ею. Кольбъ, Генне и особенно Гелльвальдъ оказали здѣсь большія услуги. Они исправили много заблужденій и ошибокъ философіи исторіи. Они внесли полное отрезвленіе въ пониманіе развитія человѣчества. Неумомимый Гелльвальдъ собралъ весь антропологическій и этнологическій матеріалъ и расширилъ горизонтъ исторіи культуры до началъ доисторической эпохи. Въ послѣдней области къ нему со всѣхъ сторонъ пришли на помощь изслѣдователи доисторическихъ временъ,

особенно Лёббокъ, Тайлоръ и Каспари. Наконецъ антропология и этнографія (Völkerkunde) въ лицѣ Вайтца, Герлянда, Пешеля ¹⁾ содѣйствовала собиранію и упорядоченію цѣннаго для соціологіи матеріала.

Итакъ у соціологіи нѣтъ недостатка въ матеріалѣ; одухотворяющую силу она получила отъ Конта, Спенсера, Бастіана, Липперта; ей нужна лишь дальнѣйшая неустанная разработка. Пожелаемъ же, чтобы у нея не было недостатка въ людяхъ, которые бы учились ей и разрабатывали ее!

¹⁾ Я не имѣлъ случая цитировать въ Rassenkampf'ѣ извѣстный всякому гимназисту компендіумъ «Народовѣдѣніе» Пешеля. Альфредъ Кирхгофъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ, увѣряя съ большимъ нахальствомъ въ Liter. Centralblatt, что «авторъ не знаетъ Пешеля!» Издателю новыхъ изданій Пешеля я охотно прощаю эту не лишнюю ловкости рекламу.

II.

Основанія и основныя понятія.

§ 1. Три класса явленій.

Уже давно извѣстно, что подраздѣленія и классификація—хорошее средство познанія. И чѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ они матеріалу и цѣли, тѣмъ болѣе пользы можно извлечь изъ нихъ для познанія. Поэтому совокупность окружающихъ насъ явленій,—то, что мы называемъ „міромъ явленій“,—издавна классифицировалась и подраздѣлялась для пользы нашего познанія. Съ успѣхами знанія однако измѣняется и классификація, такъ какъ постоянно люди открываютъ все болѣе и болѣе глубокия, болѣе существенныя основанія для нея.

Такъ, на примѣръ, поверхностное наблюденіе противопоставляетъ неодушевленной природѣ область одушевленной. Другое дѣленіе обыкновенно основывается на томъ различіи явленій, что одни изъ нихъ познаются чувствами, другія—

разумомъ и нашими духовными силами: первая называются чувственными, вторыя—духовными.

Прогрессъ познанія раздѣлилъ неодушевленную природу на органическую и неорганическую. Признавая на ряду съ явленіями органическаго міра еще особый классъ явленій, источникомъ и началомъ которыхъ признается человѣческая душа,—явленій, которыя называются психическими, мы получаемъ тройное раздѣленіе окружающихъ насъ явленій на неорганическія, органическія и психическія ¹⁾. Уже изъ самаго названія видно, какія группы и виды явленій подходятъ подъ эти рубрики. Точно такъ же ясно, что это дѣленіе органически связано съ данной стадіей человѣческаго знанія. Оно связано съ познаніемъ различія между органическими и неорганическими явленіями, съ научнымъ убѣжденіемъ, что свойственная людямъ, живущая въ людяхъ душа (Psyche) является причиной всѣхъ человѣческихъ поступковъ, всего человѣческаго поведенія и всѣхъ явленій, вызванныхъ имъ. Если бы это убѣжденіе измѣнилось, если бы наука пришла къ тому выводу, что никакой „души“ въ человѣкѣ не существуетъ, что мысль и вся, такъ называемая, душевная жизнь человѣка есть не что иное, какъ проявленіе физиологическихъ функций организма,—въ такомъ случаѣ отпала бы „душа“, какъ принципъ классификаціи, исчезла бы особая категорія психическихъ явленій, при чемъ всѣ явленія, подводимыя подъ эту категорію въ настоящее время, вполне подошли бы подъ категорію

¹⁾ Привожу одинъ примѣръ изъ тысячи: Рюмелинъ въ своей рѣчи о законахъ исторіи говоритъ «о явленіяхъ неодушевленной природы, органическаго и психическаго міра (Reden und Aufsätze, Neue Folge, стр. 118.

явленій органическихъ. Такимъ образомъ, подраздѣленія суть временныя вспомогательныя средства познанія, а приобрѣтенное знаніе, со своей стороны,—базисъ для новыхъ подраздѣленій.

Но можетъ случиться, что, при встрѣчѣ съ какимъ-либо новымъ явленіемъ, мы не представляемъ себѣ ясно, къ какому роду извѣстныхъ до сихъ поръ явленій оно принадлежитъ и къ какой изъ установленныхъ категорій его слѣдуетъ отнести. Въ такихъ случаяхъ наши приемы могутъ быть очень различны. Или мы попытаемся, по возможности, втиснуть эти новыя явленія въ одну изъ существующихъ категорій, или установимъ для нихъ особое подраздѣленіе, или, наконецъ, найдя для нихъ общую характерную черту, которая свойственна *исключительно* имъ, мы создадимъ для нихъ самостоятельную категорію, новый видъ. Такой случай возникновенія новаго рода явленій имѣлъ мѣсто въ новѣйшее время: именно, нашъ познающій духъ натолкнулся на „соціальныя“ явленія, которыя по многимъ причинамъ пришлось признать за особый классъ, такъ какъ невозможно было рѣшить, въ какомъ изъ существующихъ классовъ слѣдуетъ ихъ отнести.

Причины, говорившія за образованіе изъ этихъ явленій особаго класса, были слѣдующія: ихъ нельзя было отнести ни къ органическимъ, ни къ неорганическимъ тѣламъ, они не обладали характерными чертами неодушевленныхъ или одушевленныхъ предметовъ; они не были чисто психическимъ явленіемъ, т. е. не возникали изъ *индивидуальной* психики; а такъ какъ они все-таки существовали, господствуя надъ массами людей, противъ ихъ сознанія и воли, то предъ систематиками и предстала задача, рѣшить которую они и пытались однимъ изъ вышеприведенныхъ способовъ.

Соціальными явленіями преимущественно были признаны тѣ, которыя происходятъ въ государствѣ: государственные перевороты, борьба партій, политическія стремленія и т. д. Одни пытались просто отнести всѣ эти явленія къ классу „органическихъ“. Въдѣ на старыхъ квартирахъ, гдѣ мы уже устроились по домашнему, намъ такъ уютно, что мы при увеличеніи семьи всегда предпочитаемъ немного потѣсниться, лишь бы избѣжать тягостнаго переселенія на новую квартиру. Такимъ путемъ возникло такъ называемое „органическое ученье о государствѣ“, и Шеффле въ своемъ трехтомномъ сочиненіи ясно показалъ, что все то, что мы называемъ соціальными явленіями, въ сущности—не что иное, какъ „органическія функціи соціальнаго тѣла“, которое, какъ всякій животный организмъ, обладаетъ клѣтками, тканями, нервами, мускулами, мясомъ, костями и кровью. И теперь еще не только въ Германіи, но и во Франціи есть люди, которые вѣрятъ ему на слово; мы не изъ ихъ числа. Другіе, обладавшіе нѣсколько меньшей фантазіей и болѣе склонные къ размышленію, хотя и не менѣе трепетавшіе предъ гибелью старыхъ категорій, вышли изъ затрудненія слѣдующимъ образомъ. Все то, что происходитъ въ государствѣ и съ государствомъ, все это, конечно, дѣло человѣка. А все, что дѣлаетъ человѣкъ, возникаетъ изъ находящейся въ немъ души: поэтому и соціальныя явленія относятся къ категоріи психическихъ. Правда, *соціальное* явленіе отличается отъ *индивидуальной* мысли или чувства; но такое различіе можно провести въ дальнѣйшихъ „подраздѣленіяхъ“; тѣмъ не менѣе „психическое“ все-таки остается „психическимъ“. Снова, вмѣсто множества примѣровъ, процитируемъ одного Рюмелина, который лежитъ предъ нами; этотъ высокоуважаемый ученый разсматриваетъ соціальныя явленія, какъ психическія, и

вслѣдствіе этого „соціальныя законы, какъ особый видъ психическихъ“¹⁾).

Но отождествленіе соціальныхъ явленій съ психическими такъ же мало удовлетворяетъ насъ, какъ отождествленіе ихъ съ органическими. Намъ кажется всего правильнѣе раздѣлить явленія окружающаго насъ міра, подлежащія нашему воспріятію и наблюденію, на три разряда: на физическія, духовныя и соціальныя.

Эти послѣднія мы выдѣляемъ въ особый родъ явленій потому, что они образуютъ особую группу, отличающуюся многими принципиально характерными чертами; вслѣдствіе чего, съ точки зрѣнія научнаго изслѣдованія, намъ и представляется цѣлесообразнымъ выдѣлить ихъ въ особую группу.

Каковы же эти характерныя черты? Безъ сомнѣнія, мы не въ состояніи воспринимать соціальныхъ явленій „чувствами“, и потому существуетъ разумное основаніе причислить ихъ къ духовнымъ. Но, съ другой стороны, соціальныя явленія возникаютъ единственно изъ коллективнаго дѣйствія множества людей, между тѣмъ какъ явленія, попросту названныя нами духовными, фактически связаны только съ душой индивида, находятъ въ ней свой исходный моментъ и, такъ сказать, свою единственную почву (Terrain).

Такъ, напр., всѣ душевыя настроенія, вся научная дѣятельность, всякое художественное проявленіе человѣческаго духа, всѣ созданія его въ наукѣ и искусствѣ, насколько они могутъ быть воспринимаемы умомъ, всѣ мысли и идеи, исходящія изъ человѣческаго духа, представляютъ изъ себя предметы духовнаго воспріятія, духовныя явленія.

Напротивъ, къ соціальнымъ явленіямъ относятся всѣ

¹⁾ Рюмелинъ, Ueber sociale Gesetze (in der Zeitschrift f. d. Staatswiss. 1868, стр. 134) und l. c., стр. 118.

взаимоотношенія людей, слѣдовательно, всѣ государственныя, правовыя и экономическія отношенія. Необходимое предположеніе множества людей,—наличность которыхъ не требуется при духовныхъ явленіяхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, но безъ которыхъ немислимы явленія социальныя,—это необходимое предположеніе—характерная черта социальныхъ явленій.

Подобно тому, какъ существуетъ только одинъ и единый міръ, окружающій насъ, а классификація его явленій служить лишь вспомогательнымъ средствомъ нашего познанія, такъ въ идеѣ существуетъ только *одна* наука, ставящая себѣ задачей изслѣдованіе законовъ этихъ явленій; ибо, какъ мы доказали уже въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, всякая наука исключительно стремится къ изслѣдованію законовъ, управляющихъ послѣдовательностью и развитіемъ явленій.

Но, сообразно съ дѣленіемъ явленій на нѣсколько родовъ, равно какъ съ потребностью раздѣленія труда въ области науки, издавна признано необходимымъ дѣленіе наукъ на нѣсколько классовъ, имѣющихъ предметомъ особыя виды явленій.

Самая извѣстная и употребительная изъ всѣхъ классификацій дѣлитъ науки, соотвѣтственно дѣленію явленій на физическія и духовныя, на „естественныя и духовныя науки“ (послѣднія называются также моральными и морально-политическими).

Естественныя науки имѣютъ дѣло съ явленіями въ сферѣ неорганической и органической природы и съ управляющими ими (физическими) законами; духовныя науки изслѣдуютъ законы, управляющіе человѣческимъ духомъ и его развитіемъ. Когда Контъ и вслѣдъ за нимъ Кетлэ ука-

¹⁾ Phil. Staatsrecht, § 1; Rechtsstaat u. Soc., § 1.

зали для науки новую область явленій—явленій соціаль-
ныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали утверждать, что и эти
явленія, подобно всѣмъ другимъ, управляются *постоянными*
законами, тогда на первый планъ долженъ былъ выступить
3v вопросъ о сущности и понятіи *соціального закона*.

Конечно, не легко было дать себѣ отчетъ въ томъ, что
такое соціальный законъ. А между тѣмъ, отъ яснаго, позитивнаго
опредѣленія понятія соціального закона зависитъ
самый вопросъ о наукѣ соціальныхъ явленій,—вопросъ о су-
ществованіи соціологіи.

Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы сперва
должны припомнить понятіе естественнаго закона вообще;
перенося это понятіе въ область соціальныхъ явленій, мы
получимъ выведенное изъ него понятіе соціального есте-
ственнаго закона, или просто соціального закона, при чемъ
сперва только въ абстракціи, независимо отъ того, суще-
ствуетъ онъ, въ дѣйствительности, или нѣтъ; наконецъ, мы
разсмотримъ всѣ возраженія противъ существованія такого
соціального закона, и только послѣ ихъ опроверженія мы по-
лучимъ возможность вступить на почву соціальной науки.
Ибо мы должны твердо помнить, что *безъ соціальныхъ законовъ*
нѣтъ *соціальной науки*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемся съ явленіями
всегда въ одной и той же формѣ *послѣдовательности* или
4 1/2 *существованія*, мы говоримъ о законѣ, лежащемъ въ
основѣ такого единообразія (*Gleichförmigkeit*). Конечно, это
лишь аналогія, или метафора, образъ которой заимствованъ
у политической жизни. Если законъ что-либо повелѣваетъ,
то это во всѣхъ соответствующихъ случаяхъ происходитъ
въ предписанной закономъ формѣ. Когда мы въ природѣ
встрѣчаемся съ явленіемъ, повторяющимся въ одной и той же
формѣ, тогда мы для большей ясности представляемъ себѣ

дѣло такъ, какъ будто бы это единообразіе было слѣд-
ствиемъ какой-нибудь высшей воплощенной въ законъ воли
и кратко говоримъ о законѣ этого явленія. При помощи
этой метафоры мы для ряда явленій получаемъ весьма по-
нятное выраженіе, простую формулу ¹⁾.

Теперь спрашивается: можно ли установить такіе законы
для социальныхъ явленій, — иными словами, существуютъ ли
социальные законы? Мы должны будемъ утвердительно от-
вѣтить на этотъ вопросъ, если въ социальной области намъ
встрѣятся единообразія въ послѣдовательности и сосуще-
ствованіи явленій, о которыхъ опытъ и исторія скажутъ
намъ, что они всегда повторяются, и если, такимъ образомъ,
мы окажемся въ состояніи это постоянное единообразіе припи-
сать—совершенно такъ же, какъ въ физической сферѣ—пред-
полагаемой фиктивной высшей воли, „закону“. Дѣло об-
стоитъ именно такъ. Взаимное отношеніе социальныхъ группъ,
образованіе социальныхъ союзовъ, развитіе и распаденія
ихъ безспорно раскрываютъ предъ нами рядъ такихъ еди-
нообразій, и потому мы можемъ поставить изслѣдованію въ
социальной области цѣль—найти для этихъ единообразій
простѣйшія формулы, социальные законы.

Сами по себѣ всѣ эти мысли такъ ясны и очевидны,
что, будь онѣ признаны всѣми, не стоило бы терять много
словъ для ихъ доказательства. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ,
и многіе рѣшительно возстаютъ противъ установленія со-
циальныхъ законовъ, т. е. естественныхъ законовъ социаль-
наго развитія. Причина такого разномыслія кроется въ стрем-
леніи къ признанію человѣческой „свободы воли“, въ боязни,
что признаніе естественнаго закона социального развитія
нанесетъ смертельный ударъ этой свободѣ воли. Внутреннюю

¹⁾ Ср. Милль, Логика, I, глава 4.

борьбу этихъ принциповъ, нерѣшительное колебаніе между законами природы и свободой воли въ отношеніи социальныхъ явленій рисуютъ намъ наглядно признанія Рюмелина, написанныя съ искренностью, заслуживающей уваженія. Въ молодости этотъ ученый склонялся къ тому, что въ социальной области (которую онъ, какъ мы видѣли, признавалъ подвидомъ психической) существуетъ естественный законъ. Свой взглядъ онъ высказалъ въ академической рѣчи „О понятіи социального закона“ („Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes“). Это было въ 1868 году. Давъ общее опредѣленіе естественнаго закона въ томъ смыслѣ, что это „выраженіе обозначаетъ элементарное, постоянное, распознаваемое во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствіе силъ“, онъ ставитъ себѣ вопросъ: „примѣнимо ли къ процессамъ одушевленной природы понятіе закона, заимствованное у процессовъ природы неодушевленной?“ Тогда Рюмелинъ, хотя и безъ большой увѣренности, отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно. По его мнѣнію, „существуетъ три рода силъ: физическія, органическія и психическія. Четвертый координированный родъ невысказанъ. Соціальныя явленія—видъ психическихъ. *Существуетъ два рода психическихъ явленій: психологическія и социальныя*“.

Существованіе законъ Рюмелинъ, кажется, почти безусловно признаетъ въ области политической экономіи. Такъ какъ эта наука „открыто или молчаливо исходитъ изъ того основанія, что люди отъ природы имѣютъ склонность создавать себѣ по возможности въ изобиліи съ возможно меньшими затратами внѣшнія средства, служація для удовлетворенія инстинкта самосохраненія“, то ему „кажется“, что „политическая экономія въ правѣ называть законами свои основныя положенія о движеніи цѣнъ и заработной платы, о конкуренціи и денежномъ обращеніи; ибо эти положенія,

указывая намъ постоянныя основныя формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ, прямо соотвѣтствуютъ вышеустановленнымъ требованіямъ, которыми характеризуется законъ. Болѣе критически Рюмелинъ относится къ такъ называемымъ статистическимъ законамъ; онъ самъ еще не знаетъ, признавать ли ему ихъ социальными законами. Слѣдующія размышленія должны облегчить ему рѣшеніе этого вопроса. „Психологія изучаетъ душевныя силы на типическихъ индивидахъ, какъ характерныя признаки рода; социальныя науки занимаютъ изученіемъ этихъ силъ въ ихъ *массовомъ дѣйствіи*, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе на тѣ эффекты, измѣненія и модификаціи, которыя возникаютъ благодаря моменту массоваго дѣйствія. Соціальный законъ долженъ поэтому быть выраженіемъ элементарной основной формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ“.

Статистическіе законы, какъ ему кажется, не совсѣмъ подходятъ подъ эту характеристику социальнаго закона. Эта мысль подкрѣпляется вѣскими соображеніями. Всего, что статистики объявляютъ закономъ,—„социальнымъ закономъ“ онъ признать не можетъ,—и, пожалуй, не безъ основанія. Въ относящихся сюда взглядахъ статистиковъ (преимущественно Кетлэ), по его мнѣнію, „важныя истины неразрывно переплетены съ болѣе или менѣе грубыми заблужденіями“; въ этомъ мы должны съ нимъ согласиться.

Не удовлетворенный, заканчиваетъ онъ свои „поиски за социальными законами“. „Не много удалось намъ добыть“, думаетъ онъ, „но это не должно служить упрекомъ „отрасли социальныхъ наукъ“. „Самыя молодые науки,—такъ утѣшаетъ Рюмелинъ социологовъ,—всегда самыя трудныя; ибо онѣ занимаютъ проблемами, которыя прежде были совсѣмъ незамѣчены, или къ которымъ прежде не было средствъ приступить“. Онъ увѣряетъ, что онъ „очень высококо мнитъ о

будущности статистики, о научномъ значеніи, которое приобрѣтетъ развивающееся и прогрессирующее методическое наблюденіе фактовъ“. Короче сказать, онъ не оставляетъ надежды, что, можетъ быть, удастся выяснить *истинные соціальныя* законы; однако не скрываетъ своихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Это было въ 1868 г.

Спустя 10 лѣтъ, въ 1878 г. Рюмелинъ снова произноситъ рѣчь о „законахъ исторіи“. Здѣсь онъ даетъ намъ отчетъ въ своихъ дальнѣйшихъ размышленіяхъ объ этой проблемѣ и сообщаетъ намъ, сбылись ли надежды, которыя онъ питалъ 10 лѣтъ тому назадъ относительно „соціальныхъ законовъ“?

Эти надежды не сбылись. Постарѣвшій на 10 лѣтъ ученый открыто выражаетъ свое разочарованіе: 10 лѣтъ тому назадъ у него были надежды, хотя и не безъ важныхъ сомнѣній. Первые теперь разбиты; послѣднія, напротивъ, какъ онъ теперь глубоко убѣжденъ, вполне оправдались. „Я былъ того мнѣнія,—съ горечью рассказываетъ на этотъ разъ Рюмелинъ,—что такіе законы (соціальные) должны существовать и что у статистики особенно много средствъ ихъ открыть. Много лѣтъ я не упускалъ изъ виду задачи найти законы такого рода и искалъ ихъ не только въ статистикѣ и въ ученіи объ обществѣ, но и у историковъ и философовъ. При этомъ я встрѣтился съ многочисленными единообразіями, съ эмпирическими истинами огромной важности, съ несомнѣнной причинной зависимостью, но никогда я не встрѣчалъ положенія, которое соотвѣтствовало бы выставленной мною формулѣ закона, какъ постоянной и неизмѣнной формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ“. Рюмелинъ старается выяснитъ причину этого тщетнаго исканія соціальнаго закона; онъ „склоняется“ къ тому мнѣнію, *„что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ неправильно поставленной за-*

дачей и что вообще нельзя найти того, чего онъ искалъ“. Внутреннюю причину этой невозможности найти социальныя законы онъ видитъ въ томъ, что „физическія и психическія явленія въ такой степени отличны другъ отъ друга, что даже не допускаютъ сравненія“; что „между матеріальнымъ бытіемъ и пространственнымъ движеніемъ, съ одной стороны, воспріятіемъ, мыслью и волей, съ другой, лежитъ глубокая пропасть, черезъ которую до сихъ поръ не переброшенъ мостъ, вслѣдствіе чего было бы даже „странно, если бы одна и та же формулировка понятія закона была примѣнима къ обѣимъ областямъ“. Мы видимъ, что Рюмелинъ въ зрѣломъ возрастѣ вновь на всѣхъ парусахъ пустился въ море дуализма, и нечему удивляться, что онъ, признавъ принципиальную противоположность между матеріей и духомъ, отрицаетъ всякую возможность закона въ области духа просто потому, что въ этой области царствуетъ „свобода человѣческой воли“. И вотъ на защиту этого стараго тезиса выступаютъ старыя аргументы.—„Кто отрицаетъ свободу воли, тотъ обязанъ указать законы природы, опредѣляющіе волю и исключаютъ свободу. Детерминизмъ дѣлаетъ такія попытки, утверждая, напр., что человѣческая воля съ естественной необходимостью опредѣляется сильнѣйшимъ мотивомъ. Но вѣдь это, очевидно, бессодержательная тавтологія (?), ибо никто не объяснитъ намъ, что, кромѣ воли, дѣлаетъ мотивъ сильнѣйшимъ!“

Удивительныя бредни! Почему внѣшнія условія не могутъ сдѣлать мотивъ сильнѣйшимъ и какимъ образомъ *deus ex machina*, называемое волей, можетъ усилить мотивъ, т. е. внѣшній моментъ? Этотъ внѣшній моментъ дѣйствуетъ съ присущей ему силой, какъ паръ на локомотивъ; нуждается ли локомотивъ еще въ посредничествѣ воли для того, чтобы сила пара побѣдила силу инерціи? Такъ же мало нуждаются

люди въ мнимомъ посредничествѣ и помощи „воли“, чтобы сдѣлать сильнѣйшимъ самъ по себѣ сильнѣйшій мотивъ. Различіе между локомотивомъ и человѣкомъ заключается только въ *сознаніи*, т. е. въ томъ внутреннемъ чувствѣ, которое, какъ внутреннее око, *видитъ* эти внутренніе процессы, ихъ сознаетъ и такимъ образомъ *наблюдаетъ* борьбу мотивовъ и побѣду сильнѣйшаго. Только вульгарная мысль отождествляетъ это сознаніе со свободной волей, только она считаетъ за актъ свободной воли сознаніе того факта, что перевѣсъ на сторонѣ сильнѣйшаго мотива. Все это давно извѣстныя истины, которыя однако еще не скоро убѣдятъ сторонниковъ дуализма и свободы воли, такъ какъ силу духовной инертности и духовнаго консерватизма не такъ легко побѣдить!

Если непоколебимо стоять на точкѣ зрѣнія дуализма матеріи и духа, то, конечно, невозможно допустить социальнаго закона въ смыслѣ естественнаго закона социальнаго развитія. Поэтому Рюмелинъ со своей точки зрѣнія совершенно правъ; отвергая всякій социальный законъ и всякій „законъ исторіи“, онъ остается вполне послѣдовательнымъ. Слѣдующія слова его рѣчи вполне логичны. „Я долженъ назвать противорѣчивой и въ частностяхъ совершенно непонятной ту теорію, которая приписываетъ (?) единичной человѣческой душѣ свободу воли въ смыслѣ разумнаго или неразумнаго самоопредѣленія въ широкой сферѣ прирожденныхъ способностей, и тѣмъ не менѣе въ различныхъ состояніяхъ исторіи человѣчества или отдѣльныхъ народовъ и временъ допускаетъ строгую детерминацію и необходимость. Психологическій и историческій индетерминизмъ обуславливаютъ другъ друга... Если весь комплексъ общественныхъ отношеній, въ которыя я поставленъ, опредѣляетъ все мое мышленіе и поведеніе или предоставляетъ

мнѣ крошечное поле индивидуальной самостоятельности, въ такомъ случаѣ о свободѣ и вмѣненіи не можетъ быть рѣчи. Но если я могу изъ самого себя извлечь новый рядъ дѣйствій, если я могу дать себѣ любое развитіе, отстоять свою *индивидуальность въ разрѣзъ съ мнѣніями* и привычками другихъ, тогда и у цѣлаго общества нельзя отрицать свободы дѣйствій, ничѣмъ необусловленнаго поступательнаго движенія по новому пути, тогда необходимость заключается только въ общихъ предѣлахъ человѣческаго дѣйствія и въ неизбѣжномъ вліяніи общества на индивида“.

При этомъ упорной приверженности къ традиціонному дуалистическому воззрѣнію сильно содѣйствуетъ ошибочное мнѣніе, будто „естественно - законная опредѣленность и необходимость“ исключаетъ всякую разумную дѣятельность и всякую „совѣсть“. Такъ, напр., Рюмелинъ говоритъ: „Намъ предлагаютъ рѣшеніе, что воля съ безусловной необходимостью опредѣляется, какъ продуктъ, во-первыхъ, индивидуальнаго характера, обусловленнаго наслѣдственностью, воспитаніемъ, образомъ жизни, и во-вторыхъ, конкретныхъ обстоятельствъ даннаго случая. Если при этомъ допускаютъ, что въ числѣ наслѣдственныхъ качествъ находится и умственная способность, и совѣсть, и что онѣ могутъ по своему содѣйствовать при процессѣ хотѣнія, то съ такимъ отвѣтомъ, пожалуй, и можно согласиться; только въ такомъ случаѣ говорить о естественно-законной опредѣленности и необходимости воли—значитъ бесплодно спорить о словахъ“. Какъ будто бы разумъ и наклонности не могутъ быть и дѣйствительно не суть продукты естественно - законныхъ процессовъ! Какъ будто бы совѣмъ нельзя говорить объ естественно-законномъ развитіи разума, хотѣнія и воли (т. е. вызваннаго и обусловленнаго мотивами хотѣнія)!

Путемъ такихъ ошибокъ Рюмелинъ (какъ вѣрный пред-

ставитель цѣльнаго дуалистическаго міровоззрѣнія) приходитъ къ выводу, который онъ, по его мнѣнію, „доказалъ“, — къ выводу, что „психологическій законъ совсѣмъ иного характера и рода, чѣмъ физическій, и потому не можетъ быть подведенъ вмѣстѣ съ послѣднимъ подъ одну и ту же формулу“. Какъ уже сказано, все это вполнѣ *логично*; ошибочна лишь предпосылка о свободѣ воли и о самоопредѣленіи. У Рюмелина было, конечно, основаніе (и это его извиняетъ) сказать, что ему не доказали до очевидности, что индивидъ всецѣло обусловленъ обществомъ; съ этимъ мы, конечно, согласны. „Я не могу убѣдиться, что все изслѣдованіе объ отношеніяхъ между личностью и обществомъ сдѣлало хоть одинъ шагъ дальше понятія внутренняго и всесторонняго взаимодействія, въ которомъ, хотя и въ различной степени, находятся все, являясь въ одно и то же время субъектомъ и объектомъ, оказывая влияніе и подчиняясь ему“. Но этотъ недостатокъ убѣдительнаго доказательства нисколько не измѣняетъ факта несвободы воли, и дѣло философа-мыслителя — не ждать пока приведутъ доказательство другіе, а самому и непосредственно разсмотрѣть вопросъ, выяснитъ, какъ обстоитъ въ дѣйствительности дѣло.

Если бы Рюмелинъ сдѣлалъ это непредубѣжденно (чему, конечно, значительно мѣшала его дуализмъ), то онъ, можетъ быть, отказался бы отъ своего ложнаго предположенія о свободѣ воли, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ не менѣе ложныхъ выводовъ изъ него: тогда онъ не держалъ бы длинной рѣчи о томъ, какъ гениальные люди дѣлаютъ міровую исторію, — рѣчи, которой *свѣтскому* профессору не подобаетъ держать въ нѣмецкомъ университетѣ въ концѣ XIX вѣка! Мы говоримъ — „свѣтскому“, ибо принятая Рюмелиномъ точка зрѣнія попросту теологическая; по самой природѣ вещей, она вполнѣ соотвѣтствуетъ любой теологической системѣ.

Дуализмъ духа и матеріи есть основа всѣхъ религій, а эти послѣднія—душевная потребность массъ; свобода и самоопредѣленіе, какъ необходимыя послѣдствія дуализма, являются интегральной составною частью всякой религіозной системы. Поэтому мы совѣмъ не намѣрены опровергать здѣсь дуализмъ, тѣмъ болѣе, что современная философія и естествознаніе избавляютъ насъ отъ труда обосновать монизмъ. Послѣдній настолько же справедливъ и вѣренъ, насколько первый необходимъ для чувства большинства людей. Для этого большинства мы не пишемъ; оно можетъ не читать нашей книги. Мы обращаемся къ послѣдователямъ монизма и ставимъ себѣ задачу—развить его выводы въ соціальной области, что и должно быть единственной и исключительной задачей соціологін.

§ 2. Общіе законы.

Приводимыя современнымъ естествознаніемъ неопровержимыя доказательства той истины, что и „духъ человѣка“ подлежитъ физическимъ законамъ, что возникающія въ индивидѣ душевныя явленія не что иное, какъ продуктъ матеріи, какъ слѣдствіе физическихъ законовъ,—эти доказательства оказались и въ новѣйшее время еще недостаточными для того, чтобы убѣдить скептиковъ въ непреложности естественныхъ законовъ въ области *соціальныхъ* явленій. Между „душевными“ явленіями, опредѣляемыми законами матеріи, и соціальнымъ міромъ все еще стоитъ, вводя въ заблужденіе и смущая мысль, призракъ человѣческой свободы, которая будто бы управляетъ и распоряжается соціальными отношеніями по своему усмотрѣнію. Вѣдь монизмъ ограничился въ своихъ указаніяхъ и доказательствахъ областью *духовныхъ* явленій, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь мо-

нистическое естествознаніе доказало какъ безусловное господство физическихъ законовъ, такъ и невозможность существованія другихъ факторовъ; въ области же соціальныхъ явленій монизму только еще предстоитъ одержать побѣду. Дуализмъ, потерпѣвъ поражение въ сферѣ чисто духовныхъ явленій, отступилъ на поле соціальныхъ явленій и держится еще здѣсь въ своихъ сильныхъ окопахъ. Пока врагъ не вытѣсненъ и отсюда, триумфъ монизма не полонъ. Эта задача, еще подлежащая рѣшенію, также, между прочимъ, дѣлаетъ необходимымъ наше подраздѣленіе и различіе духовныхъ и соціальныхъ явленій другъ отъ друга; ибо, согласно старому тактическому правилу, нужно раздробить непріятельское войско для того, чтобы затѣмъ напасть отдѣльно на разрозненные отряды его. Кореннымъ вопросомъ монизма въ соціальной области, — вопросомъ, отъ благопріятнаго рѣшенія котораго зависитъ самое бытіе его, является вопросъ о существованіи общихъ законовъ, дѣйствующихъ не только въ области физическихъ и духовныхъ, но и въ области соціальныхъ явленій. Если такіе законы существуютъ, тогда монистическая теорія справедлива и обоснована; если такихъ законовъ не найти, — тогда монизмъ такая же недоказанная гипотеза, какъ и дуализмъ.

Вопросъ о существованіи такихъ общихъ законовъ, проявляющихся одинаково какъ въ физической и духовной, такъ и въ соціальной сферѣ, этотъ вопросъ, за рѣшеніе котораго неоднократно принимались, все еще встрѣчаетъ, какъ мы видѣли, рѣшительную оппозицію.

Въ послѣднемъ, впрочемъ, сами виноваты первые защитники монизма въ сферѣ соціальныхъ явленій. Съ большой горячностью, но недостаточно убѣдительно, вѣрили они въ то, что законы притяженія и отталкиванія, тяжести и т. п., найденные въ области явленій физическихъ, можно перене-

сти и въ область явленій соціальныхъ. Другіе думали въ соціальныхъ образованіяхъ найти подобіе животнаго организма и всѣ примѣнимыя къ нему законы считали примѣнимыми и господствующими въ соціальной области. Мы уже указали въ другомъ мѣстѣ на неправильность и недопустимость подобныхъ предположеній, а ниже еще будемъ говорить объ этомъ подробнѣе.

Впрочемъ, эти ошибки въ частностихъ ни въ какомъ случаѣ не колеблуть правильности той основной мысли, что, дѣйствительно, существуютъ общіе законы, одинаково господствующіе въ физической, духовной и соціальной области. Отъ ихъ познанія зависитъ научная допустимость социологіи; только доказательство ихъ существованія и значенія можетъ дать почву социологіи, какъ наукѣ.

На нѣкоторые изъ нихъ мы здѣсь и укажемъ.

Но предварительно мы должны еще отвѣтить на вопросъ, поскольку, вообще, можно признать существованіе однихъ и тѣхъ же общихъ законовъ для такихъ разнородныхъ явленій, какъ физическія, духовныя и соціальныя?

Ясно, что при отвѣтѣ на этотъ вопросъ не слѣдуетъ касаться слишкомъ специальныхъ и побочныхъ подробностей: тамъ, гдѣ начинаются специфическія особенности одной изъ этихъ областей, тамъ кончается общее между ними. Гдѣ начинается физическая природа, тамъ прекращается общность законовъ, дѣйствительныхъ для духовной и соціальной.

Мы должны быть, конечно, готовы встрѣтить возраженіе, что мы черпаемъ эти всеобщіе законы изъ той отдаленной сферы абстракціи, гдѣ все частное исчезаетъ въ простомъ понятіи бытія: этотъ упрекъ несправедливъ, ибо мы не станемъ искать общихъ законовъ въ высшей сферѣ понятія бытія, гдѣ ихъ, конечно, легко было бы найти, хотя бы они, въ такомъ случаѣ, не имѣли никакого значенія. Мы постараемся

найти ихъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ модальностей бытія (Existenz Modalitäten), близко граничащей съ особенностями вышеупомянутыхъ трехъ областей, и если намъ это удастся, мы сочтемъ нашу задачу рѣшенной. Исканіе этихъ законовъ въ низшей сферѣ одной изъ этихъ областей, а именно въ сферѣ физическихъ явленій природы, было главной ошибкой нашихъ предшественниковъ. Мы не впадемъ въ такую же ошибку. Мы не станемъ, подобно своимъ предшественникамъ, обобщать органическіе законы жизни, принадлежащіе исключительно къ области физической природы, не станемъ распространять ихъ на спеціальныя области психическихъ и соціальныхъ явленій. Но мы можемъ и должны искать наши общіе законы въ сферѣ модальностей бытія всего сущаго и удовлетвориться тѣмъ, что въ найденныхъ здѣсь законахъ мы имѣемъ ключъ, который, по выраженію Бастіана, „открываетъ всѣ двери“.

Теперь мы перейдемъ къ примѣрному перечисленію этихъ всеобщихъ законовъ.

а) Законъ причинности.

Какъ въ области физическихъ и духовныхъ явленій, такъ и въ соціальной дѣйствуетъ законъ причинности. Каждое соціальное явленіе есть необходимый результатъ предшествующихъ причинъ. Ни одно соціальное явленіе не возникаетъ безпричинно изъ „ничего“ индивидуальныхъ причудъ (aus dem Nichts individueller Launen). Принципъ достаточнаго основанія примѣнимъ и къ соціальной области. Каждое соціальное явленіе, будетъ ли оно государственнымъ, правовымъ или хозяйственнымъ, должно имѣть въ одной или многихъ соціальныхъ причинахъ свое достаточное основаніе. При этомъ здѣсь такъ же, какъ въ физической и духовной обла-

сти, между причиной и слѣдствіемъ должно существовать отношеніе равенства, или пропорціональности силы. Индивидуальный фактъ никогда не создастъ соціального, какъ это зачастую намъ кажется. Дѣйствіе личности никогда не создастъ и не измѣнитъ соціального состоянія: только одно соціальное состояніе создаетъ другое. Указать въ каждомъ данномъ случаѣ эту истинную зависимость—задача прагматической исторіографіи.

в) Законъ развитія.

На ряду съ закономъ причинности,—можетъ быть, какъ выводъ изъ него,—существуетъ законъ развитія. Каждое соціальное явленіе есть лишь моментъ, мгновенная фаза развитія, которое движется отъ начала къ концу, хотя бы послѣдній еще оставался невидимъ. Каждая соціальная организація, каждое государство, каждое право, каждое общество, каждая отрасль хозяйства подлежатъ эволюціи. Мы можемъ ясно различить ея начало, ея расцвѣтъ, часто паденіе и исчезновеніе ея.

Конечно, нельзя смѣшивать внѣшнее проявленіе этого закона въ соціальной области съ его внѣшними проявленіями въ области физической и видѣть въ соціальныхъ образованіяхъ клѣтки, ростки, стебли, плоды, или даже яйца, зародыши, органы дыханья и пищеваренья и т. д.; такія аналогіи удаляютъ отъ истины, затемняютъ научный взглядъ и не приводятъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Проявленіе закона развитія въ соціальной области имѣетъ характеръ соціальныи и при каждомъ спеціальному явленіи въ этой области соотвѣтствуетъ особому характеру этого явленія.

Всякій желающій достигнуть серьезныхъ научныхъ ре-

зультатовъ не долженъ удаляться отъ вопроса, т. е. отъ соціального характера этихъ явленій, и не долженъ искать проявленій этого закона въ другихъ областяхъ.

с) Законъ правильности развитія.

Само по себѣ понятіе развитія еще не заключаетъ въ себѣ понятія правильности, т. е. развитія, проходящаго чрезъ рядъ одинаковыхъ и подобныхъ другъ другу фазъ. Но *de facto* развитіе всего сущаго во всѣхъ трехъ областяхъ явленій правильно, или, другими словами, закономѣрно. Установленіе этого закона правильности составляетъ великую заслугу историческихъ школъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ наукахъ, какъ, напр., въ наукѣ права, политической экономіи, даже въ наукѣ о языкѣ, которую мы, согласно данному нами выше опредѣленію соціальныхъ наукъ, тоже относимъ къ послѣднимъ, такъ какъ языкъ мы признаемъ соціальнымъ явленіемъ. Эта правильность развитія, которой мы удивляемся во всей физической природѣ и которая господствуетъ въ духовной области, имѣетъ мѣсто и въ области соціальныхъ явленій, наприм., государства, права, народнаго хозяйства, языка.

d) Законъ періодичности.

Правильность развитія переходитъ во всѣхъ областяхъ явленій въ извѣстную періодичность, которая всюду, гдѣ мы можемъ окинуть взоромъ ходъ развитія на всемъ его протяженіи, начинается съ возникновенія, проходитъ черезъ фазы укрѣпленія и совершенствованія и оканчивается упадкомъ и уничтоженіемъ. Конечно, эти фазы развитія въ каждой отдѣльной области явленій проявляются особо: въ области органическихъ явленій переливаются соки, крѣпнеть

тѣло, растутъ органы и т. д.; въ психической области возникаетъ мысль, пріобрѣтаетъ убѣдительность, распространяется, становится популярной, потомъ опять теряетъ и распространенность, и популярность, наконецъ отвергается, какъ ничто; въ соціальной области возникаетъ соціальное отношеніе въ небольшомъ масштабѣ, распространяется, постепенно признается, оказываетъ рѣшающее вліяніе на большія массы, потомъ смѣняется другими отношеніями, растворяется въ нихъ и пропадаетъ безъ слѣда. Однимъ словомъ, въ каждой изъ трехъ областей законъ періодичности проявляется особымъ образомъ, но существуетъ онъ всюду, какъ общій законъ.

е) Законъ сложности.

Подобно тому, какъ въ физической природѣ мы не знаемъ никакой простой матеріи, а только соединенія ея; подобно тому, какъ въ духовной области мы встрѣчаемся только съ соединеніями (наши представленія и мысли, а также наши духовныя силы являются таковыми), — точно такъ же и соціальныя образованія, окружающія насъ, являются соединеніями, т. е. образованіями, состоящими изъ составныхъ частей и возникшими изъ простыхъ элементовъ. Каждое государство, каждый народъ, каждое племя представляются сложными, — и притомъ въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ. Каждое право, каждая правовая норма есть совокупность болѣе простыхъ элементовъ, сложное цѣлое, возникшее изъ возрѣній, представленій, идей и принциповъ; каждое общественное хозяйство есть совокупность положеній, дѣятельностей, отношеній; каждый языкъ — совокупность безконечно разнообразныхъ лингвистическихъ элементовъ.

Такая всюду господствующая сложность дѣлаетъ возможнымъ анализъ, который въ области физическихъ явле-

ній ведетъ къ основнымъ элементамъ, въ области духовныхъ явленій къ высшимъ понятіямъ и простѣйшимъ духовнымъ функціямъ, въ соціальной области къ простѣйшимъ соціальнымъ образованіямъ, т. е. отъ государства и народа къ примитивной ордѣ, отъ развитого правового института къ зарождающемуся фактическому отношенію, отъ сложнѣйшаго общественнаго хозяйства къ простѣйшему матеріальному удовлетворенію потребностей, отъ литературы, находящейся на высшей ступени развитія, къ простѣйшему выраженію мыслей посредствомъ голоса и жестовъ.

г) Взаимодѣйствіе разнороднаго.

Во всѣхъ явленіяхъ физическаго, духовнаго и соціальнаго міра результатомъ сложности является взаимодѣйствіе разнородныхъ элементовъ, реагирующихъ другъ на друга. Проявляясь разнообразно въ отдѣльныхъ областяхъ, это взаимодѣйствіе является однако повсюду первѣйшимъ и важнѣйшимъ мотивомъ всякаго развитія. О важности той роли, какую эта сила играетъ въ соціальномъ процессѣ, догадывались ужъ давно, но ошибочно искали ее въ реакціяхъ, существующихъ между отдѣльными людьми (индивидуализмъ и атомизмъ) и называли ее то любовью и ненавистью, то общежительнымъ инстинктомъ и взаимной борьбой (*bellum omnium contra omnes*). Ошибка такого пониманія, съ нашей точки зрѣнія, представляется очевидной. Между человѣкомъ и человѣкомъ не существуетъ всеобщихъ, дѣйствующихъ вездѣ и всегда взаимодѣйствій, такъ какъ того взаимодѣйствія, какое существуетъ между членами одной группы, нѣтъ между членами другой. Здѣсь оно можетъ выразиться въ любви и стремленіи къ общежитію, тамъ въ ненависти и жаднѣ борьбы. Поэтому, смотря по тому, обра-

щали ли вниманіе философы на внутреннюю жизнь отдѣльной группы, или на отношенія группъ другъ къ другу—нормальными и существенными признавались то одни отношенія, то другія. Но ни одно изъ этихъ утвержденій не было истиннымъ, такъ какъ ни одно не было общимъ. Для того, чтобы установить для присущей социальнымъ явленіямъ силы взаимодѣйствія общій, всегда и всюду дѣйствующій законъ, необходимо признать разнородными элементами не отдѣльныхъ индивидовъ, а отдѣльныя социальныя группы, и тогда для взаимодѣйствія этихъ разнородныхъ элементовъ, несомнѣнно, можно найти общую формулу. Ибо *эти* разнородные элементы, т. е. отдѣльныя группы, оказываютъ другъ на друга воздѣйствіе, которое въ своей внутренней основѣ всегда и всюду одно и то же, возникаетъ изъ одного и того же побужденія (Regung), подчиняется одному и тому же закону, хотя и проявляется въ различнѣйшихъ формахъ, въ зависимости отъ организациі отдѣльныхъ группъ, равно какъ отъ времени и обстоятельствъ. Отыскивая для этого взаимодѣйствія разнородныхъ элементовъ точную и всеобщую формулу, определенное выраженіе, мы подвергаемся уже опасности запутаться въ пустыхъ аналогіяхъ и неправильно обобщить формулу, примѣнимую только къ той или иной специальной области явленій. Говоря, напр., о системѣ всасыванія разнородныхъ элементовъ, мы переносимъ одно изъ проявленій общаго закона взаимодѣйствія, — дѣйствительное, можетъ быть, въ физической области,—на социальную область, гдѣ она окажется только безсодержательной аналогіей. Съ другой стороны, нерѣдко проявленія этого закона взаимодѣйствія въ физической,—а именно въ неорганической и растительной области,—называютъ борьбой за существованіе, что является, очевидно, мало подходящимъ образомъ, заимствованнымъ изъ животнаго и социальнаго міра.

Итакъ, желая остаться при общемъ законѣ, дѣйствующемъ во всѣхъ областяхъ явленій, мы должны удовольствоваться констатированіемъ *взаимодѣйствія разнороднаго*, и только. Болѣе же точное опредѣленіе проявленій этого всеобщаго закона мы должны предоставить въ каждой отдѣльной области явленій особой, соотвѣтствующей этому проявленію, формулѣ.

g) Всеобщая цѣлесообразность.

Въ видѣ болѣе точной характеристики этого всеобщаго взаимодѣйствія разнороднаго, можно указать еще на цѣлесообразность, но, конечно, въ совершенно опредѣленномъ, специальномъ смыслѣ.

Всеобщее взаимодѣйствіе разнороднаго всюду создаетъ условія, благоприятствующія *дальнѣшему развитію* соотвѣтствующихъ явленій; въ отношеніи къ такому *естественному прогрессу*, во всѣхъ областяхъ явленій дѣйствуетъ законъ *цѣлесообразнаго* взаимодѣйствія.

Въ физической области естествознаніе доказало повсемѣстное существованіе этой цѣлесообразности естественнаго взаимодѣйствія; ботаникъ знаетъ, „для чего“ служатъ растенію листья; зоологъ знаетъ, „для чего“ существуютъ органы дыханья у птицъ и, вообще, различные органы у животныхъ; въ духовной области цѣлесообразность естественнаго развитія тоже признана; въ соціальной области, конечно, она оспаривается многими. Чѣмъ упорнѣй защищали ее одни (консерваторы, манчестерцы, оптимисты), тѣмъ ожесточеннѣй нападали на нее другіе (революціонеры, социалисты, пессимисты). Но, не смотря на всѣ противорѣчія, въ одномъ пунктѣ сходятся всѣ: каждое соціальное образованіе, каждый продуктъ исторіи служитъ опредѣленной цѣли.

Можно спорить о значеніи и нравственности этой цѣлесообразности; но законъ всеобщей цѣлесообразности имѣеть лишь то въ виду, что во всѣхъ областяхъ явленій ничего не возникаетъ и не происходитъ безцѣльно. И поскольку въ социальной области не происходитъ ничего безцѣльнаго—можно и здѣсь говорить объ имманентной разумности всѣхъ социальныхъ явленій.

h) Тождество силъ.

Взаимодѣйствіе разнородныхъ элементовъ всѣхъ соединеній является результатомъ извѣстныхъ силъ, присущихъ этимъ элементамъ, или возникающихъ изъ ихъ соприкосновенія. Силы эти въ каждой изъ различныхъ областей явленій остаются во все время одинаковыми. Этотъ фактъ мы называемъ тождествомъ силъ. Подобно тому, какъ силы, дѣйствующія въ физической области, были отъ начала тѣми же, что и теперь,—такъ точно неизмѣнны и тождественны силы въ духовной и социальной области. Въ первой—мысль, чувство, воля издавна одинаково дѣйствовали на человѣка и одинаково опредѣляли его поступки; во второй—тѣ активныя причины, о которыхъ мы можемъ судить по вызываемымъ ими дѣйствіямъ, были всегда однѣ и тѣ же. Такимъ образомъ, тождество силъ является общимъ закономъ, съ которымъ мы встречаемся во всѣхъ областяхъ явленій.

i) Тождество процессовъ ¹⁾.

Необходимымъ слѣдствіемъ предыдущаго закона является неизмѣнное тождество процессовъ во всѣхъ областяхъ

¹⁾ Ср. Rassenkampf, стр. 172.

явленій. Въ области физической оно давно признано; никто не сомнѣвается въ томъ, что согрѣвающая сила, присущая солнечнымъ лучамъ и отъ вѣка дѣйствующая на влажную почву, всегда производила и будетъ производить одни и тѣ же растительные процессы, или что морскія волны, разбивающіяся о скалистый берегъ, всегда вызывали такія же слѣдствія, какъ и теперь. И точно такъ же въ чисто-духовной области никто не сомнѣвается въ томъ, что духовная сила человѣка имѣла слѣдствіемъ во все времена и во всехъ странахъ одни и тѣ же духовныя процессы. Всегда и всюду люди мыслятъ, чувствуютъ, говорятъ; и даже видимые продукты этихъ духовныхъ процессовъ всегда и всюду одни и тѣ же, отличаясь другъ отъ друга только формой, сообразно времени и обстоятельствамъ. Камчадалъ поетъ свою пѣсню такъ же, какъ и французъ; китайскій мыслитель тысячи лѣтъ тому назадъ философствовалъ такъ же, какъ кенигсбергскій мудрецъ; тысячи лѣтъ тому назадъ строитель пирамидъ такъ же создавалъ свои художественные планы, какъ и архитекторъ современной Европы. Такимъ образомъ, вѣчное *тождество* процессовъ въ духовной области—очевидно. Гораздо менѣе сознается тождество процессовъ въ социальной области, хотя и здѣсь оно таково же. Недостаточное пониманіе этого закона есть результатъ неправильнаго пониманія конститутивныхъ элементовъ социальныхъ явленій; именно потому, что такими элементами, вмѣсто естественныхъ социальныхъ группъ, считаютъ *индивидовъ*, до сихъ поръ не могутъ найти тождества силъ, дѣйствующихъ въ социальной области. Напротивъ, какъ только мы признаемъ элементомъ социальныхъ явленій социальную группу, мы необходимо придемъ къ познанію вѣчнаго тождества социальныхъ процессовъ. Всегда и всюду тождественнымъ образомъ возникаетъ право, и точно такъ же государство, языкъ

религія и т. д.; экономическіе процессы, подчиненные тѣмъ же силамъ, тоже вѣчно тождественны и только различны въ своихъ проявленіяхъ, въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ.

к) Законъ параллелизма.

Во всѣхъ сферахъ явленій мы встрѣчаемъ повсюду аналогичныя явленія, хотя и не знаемъ первой причины такого подобія. Въ физической области подобіе это приписываютъ попросту идентичности дѣйствующихъ силъ; напротивъ, въ духовной области уже болѣе склонны понимать его, какъ результатъ извѣстныхъ совпаденій, а въ социальной области его приписываютъ, по большей части, родству или историческимъ отношеніямъ. Въ дѣйствительности, въ основѣ всѣхъ этихъ подобій во всѣхъ областяхъ явленій лежитъ нѣчто первоначальное, — и это нѣчто, неизвѣстное намъ въ его дѣйствительной опредѣленности, мы можемъ свести пока къ закону параллелизма: принятіе этой формулы предохраняетъ насъ отъ завѣдомо фальшивыхъ и ошибочныхъ объясненій ¹⁾.

¹⁾ „Согласно съ психологическими аксіомами этнологіи, при встрѣчѣ съ одинаковостью явленій сначала всегда слѣдуетъ имѣть въ виду всеобщіе элементарные законы, и только по устраненіи всякой возможности нйти въ нихъ объясненіе загадки можно обратиться къ историческимъ отношеніямъ, поскольку они допустимы. Въ этомъ пунктѣ каждодневно увеличивающійся матеріалъ для доказательства этнологическихъ параллелей образумить и убѣдить, наконецъ, самыхъ тупыхъ, ибо въ виду того, что подобное знаніе параллелей является уже апіористически даннымъ, не замѣтить его не можетъ никто, кромѣ слѣпыхъ, пока имъ не снимутъ бѣльма съ глазъ». Бастіанъ, *Vorgeschichte der Ethnologie*, стр. 19.

Въ физической области постоянно встрѣчающіеся намъ параллелизмы мы сводимъ безъ всякихъ колебаній къ одинаковости дѣйствующихъ силъ и естественныхъ процессовъ; въ духовной и социальной области, напротивъ, по возможности, избѣгаютъ такого объясненія. Причина этого лежитъ отчасти въ распространенной теоріи моногенизма, имѣющей подъ рукой, въ единомъ происхожденіи отъ Адама и Евы, очень удобное объясненіе такихъ параллелизмовъ. Кого не удовлетворяетъ это объясненіе, какъ слишкомъ невозможное, тому не остается ничего иного, какъ свести многочисленные параллелизмы въ духовной и социальной области такъ же, какъ и въ физической, къ всеобщему дѣйствующему во всѣхъ областяхъ явленій закону параллелизма.

Существованіе этихъ общихъ законовъ, управляющихъ всѣми областями явленій, есть одно изъ сильнѣйшихъ и поразительнѣйшихъ доказательствъ единства принципа, на которомъ покоится вообще міръ явленій, важнѣйшая опора монизма, самое основательное опроверженіе дуализма. Изъ разсмотрѣнія этихъ законовъ видна несостоятельность попытокъ свести міръ явленій къ двумъ принципамъ: къ матеріи и духу, ибо эти законы неопровержимо доказываютъ что модальности бытія во всѣхъ группахъ явленій—однѣ и тѣ же, и, какъ таковыя, должны быть сведены только къ одному и единому принципу. Называйте его природой, или Богомъ, или великимъ неизвѣстнымъ Принципомъ, приводящимъ въ движеніе міръ—онъ останется однимъ и тѣмъ же. Во всякомъ случаѣ существуетъ единый принципъ, на который намъ указываютъ общіе и тождественные законы міра явленій; этотъ принципъ мы признаемъ Всемогущимъ, но сущности его мы не въ состояніи постичь. Только къ

одному выводу можемъ мы прійти изъ познанія этихъ общихъ законовъ и еще болѣе изъ доказательства ихъ дѣйствія и господства во всѣхъ областяхъ явленій. Этотъ выводъ таковъ: общій принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, всегда и вездѣ слѣдуетъ, такъ сказать, одной и той же политикѣ, послѣдовательной и остающейся вѣрной себѣ; всегда и вездѣ во всѣхъ областяхъ явленій онъ проявляется однимъ и тѣмъ же образомъ, въ одномъ и томъ же тонѣ. Этотъ необходимый выводъ имѣетъ безконечно важное значеніе для науки.

§ 3. Понятіе, задачи, объемъ и значеніе социологіи.

Нечего говорить, что перечисленные нами выше общіе законы не познаются а priori. Наоборотъ, они не что иное, какъ выраженіе отношеній, познаваемыхъ нами только при внимательномъ разсмотрѣннн явленій всѣхъ трехъ областей. Эти индуктивныя знанія, къ которымъ мы пришли послѣ длинной умственной работы, изъ дидактическихъ соображеній мы помѣщаемъ въ началѣ нашего изложенія. Конечно, такимъ образомъ, нашъ порядокъ изложенія обратенъ естественному порядку познанія, но мы избираемъ его съ той цѣлью, чтобы на слѣдующихъ выводахъ намъ легче было доказать всеобщую примѣнимость вышеустановленныхъ законовъ. Временное предвосхищеніе результатовъ изслѣдованія есть не что иное, какъ дидактическій пріемъ.

Общіе законы господствуютъ, конечно, во всѣхъ трехъ областяхъ явленій, но въ каждой изъ нихъ они принимаютъ форму, адекватную характеру этихъ особыхъ явленій. Можно говорить о „специфической энергіи“ этихъ общихъ законовъ, въ силу которой они въ каждой отдѣльной области явленій переводятся на языкъ этой области. Пояснимъ на-

ши мысли примѣромъ. Цѣлесообразность развитія есть всеобщій законъ. Но въ области растительной жизни онъ проявляется въ характерѣ и формѣ организаціи и роста отдѣльныхъ органовъ, и даетъ ботанику возможность для роста растений установить цѣлый рядъ спеціальныхъ законовъ, вытекающихъ изъ общаго закона цѣлесообразности развитія

Въ соціальной области общій законъ цѣлесообразности развитія проявляется въ томъ, что, напр., отправляющаяся на завоеваніе орда выбираетъ себѣ предводителя, который начальствуетъ надъ нею въ войнѣ, и т. д. Это выраженіе общаго закона въ каждой спеціальной области въ спеціальной формѣ, соответствующей явленіямъ этой области, даетъ соціологу возможность говорить о спеціальныхъ соціальныхъ законахъ, которые есть не что иное, какъ спеціальное приспособленіе общихъ законовъ къ особому характеру и особымъ условіямъ соціальныхъ явленій. Ясно, что такихъ соціальныхъ законовъ больше, чѣмъ общихъ, такъ какъ каждый изъ послѣднихъ, въ соотвѣтствіи съ разнообразнѣйшими отношеніями и требованіями соціальныхъ явленій, такъ сказать, распадается и спеціализируется на массу особыхъ соціальныхъ законовъ.

Задача соціології состоитъ въ томъ, чтобы указать примѣнимость общихъ законовъ къ соціальнымъ явленіямъ, чтобы указать далѣе, какія именно соціальныя отношенія и формы создаются въ соціальной области этими общими законами, и какіе особые *соціальныя законы* и нормы для соціальной области возникаютъ изъ общихъ законовъ.

Вступивши въ эту спеціальную область соціальныхъ явленій, мы должны, прежде всего, объясниться относительно сущности и понятія этихъ явленій, ограничить ихъ область отъ всѣхъ другихъ областей, постараться окинуть ее однимъ общимъ взглядомъ, наконецъ указать въ ней важнѣйшія

группы явлений. При этомъ мы придемъ въ соприкосновеніе съ тѣми спеціальными науками, которыя занимаются отдѣльными группами этихъ явленій и которыя мы въ правѣ назвать однимъ общимъ именемъ „соціальныхъ наукъ“.

Подъ соціальными явленіями мы понимаемъ отношенія, возникающія изъ взаимодѣйствія человѣческихъ группъ и общеній. Послѣднія представляютъ соціальныя *элементы* возникающихъ, благодаря имъ, отношеній. Первоначальнѣйшими и простѣйшими соціальными элементами мы должны признать примитивныя человѣческія орды, которыя, по нашему мнѣнію, обоснованному въ другомъ мѣстѣ (Rassenkampf, стр. 56), существовали въ первобытныя времена въ большомъ количествѣ.

Всѣ позднѣйшія и дальнѣйшія комбинаціи и соединенія этихъ простѣйшихъ соціальныхъ элементовъ въ большія общенія, племена, общины, народности, государства и націи, все это—*соціальныя явленія*. Но, кромѣ соціальныхъ отношеній, существующихъ между соціальными элементами и образовавшимися изъ нихъ общеніями, возникаютъ, путемъ взаимодѣйствія и вліянія ихъ на индивидуальный умъ, соціально-психическія явленія, какъ языкъ, нравы, религія, право и т. д.

Всѣ эти явленія входятъ въ область соціологіи; она должна подвергнуть разсмотрѣнію, со своей точки зрѣнія, всѣ эти явленія и доказать примѣнимость *соціальныхъ законовъ* къ ихъ развитію.

Конечно, отдѣльныя изъ этихъ группъ явленій, сами по себѣ, являются предметомъ самостоятельныхъ наукъ; но это нисколько не можетъ помѣшать соціологіи подвергнуть ихъ разсмотрѣнію со своей соціально-научной точки зрѣнія; тѣмъ болѣе, что они до сихъ поръ разсматривались съ односторонне-индивидуалистической точки зрѣнія, задачей же соціологіи является выясненіе соціальнаго происхожденія этихъ

явленій, соціального характера и способа ихъ возникновенія и соціальныхъ законовъ ихъ развитія.

Поэтому соціологія должна изучить, съ соціологической точки зрѣнія, одну за другой отдѣльныя изъ этихъ группъ явленій, а значить и отдѣльныя науки, предметомъ которыхъ онѣ служатъ.

Такъ какъ субстратомъ всѣхъ соціальныхъ явленій является человѣческой родъ, то собственнымъ предметомъ, научнымъ объектомъ соціологіи можно назвать человѣчество. Ясно, что правильное или ложное пониманіе естественно-исторической природы человѣчества должно имѣть рѣшающее вліяніе на характеръ соціологіи, на ея удачи и неудачи. Малѣйшая ошибка, сдѣланная нами въ естественно-исторической концепціи человѣчества, его начала и развитія, отзовется на дальнѣйшемъ построеніи науки во сто и тысячу разъ большими ошибками. А между тѣмъ до сихъ поръ вся соціальная наука въ естественно-историческомъ пониманіи человѣчества допускала очень грубую ошибку, совершенно искажающую сущность этого естественнаго явленія: всякое соціальное изслѣдованіе понимало до сихъ поръ подъ человѣчествомъ генеалогически единый родъ и предполагало его единое происхожденіе, а существующее разнообразіе расъ и типовъ оно считало разьединеніемъ первоначально едиааго, развѣтвленіями отпрысковъ одного и того же ствола. Эта кардинальная ошибка въ пониманіи человѣчества, очевидно, должна была сбить съ истиннаго пути изслѣдованія всю соціальную науку; ибо въ своихъ дальнѣйшихъ выводахъ она не могла руководствоваться фактомъ первоначальнаго множества и разнообразія расъ; кромѣ того, исходя изъ ложной идеи единства въ концепціи развитія человѣчества, наука не могла не прійти къ цѣлому ряду ошибокъ и заблужденій.

Слѣдующей кардинальной ошибкой социологическихъ изслѣдованій, ошибкой, обусловленной первой и вытекающей изъ нея, является мысль, будто человѣчество или отдѣльные народы развиваются въ культурномъ и социальномъ отношеніи такъ же спонтанно, какъ растительный и животный организмъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ просто о переходахъ отъ охотничьей жизни къ скотоводческой, къ земледѣлію, къ военной жизни и такъ далѣе до индустриализма, при чемъ воображаютъ, что однѣ и тѣ же социальныя группы, въ силу присущаго имъ эволюціоннаго инстинкта, повинуются внутреннимъ законамъ развитія, проходятъ различныя стадіи культуры. При этомъ забываютъ тотъ фактъ, что *соціальнымъ группамъ*, такъ же, какъ всѣмъ другимъ существамъ и явленіямъ, присущъ законъ инертности, и что „переходъ“ изъ одного социальнаго состоянія въ другое всегда обусловленъ *адекватными* социальными причинами и вліяніями.

Желая избѣжать упомянутыхъ здѣсь ошибокъ, мы должны принять во вниманіе не только *множественное* (vielheitlich) происхожденіе, но и *многообразное* развитіе различныхъ, какъ координированныхъ, такъ и субординированныхъ социальныхъ группъ; мы должны твердо усвоить законъ, что каждая социальная группа, въ силу инертности, пребываетъ въ данномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока вліяніе другой группы (и это вліяніе мы называемъ социальнымъ *κατ' ἐξοχήν*) не переведетъ ее въ другое.

Другими словами, каждое измѣненіе въ состояніи социальной группы должно всегда имѣть *достаточное социальное основаніе*, и этимъ основаніемъ является всегда вліяніе со стороны другой социальной группы. Исторія и опытъ въ достаточной степени иллюстрируютъ этотъ законъ. Отсюда для *метода* социологическаго изслѣдованія вытекаютъ важныя положенія: во-первыхъ, при констатированіи всякаго измѣненія въ со-

стояніи соціальной группы всегда необходимо изслѣдовать, какимъ вліяніемъ со стороны другой группы было вызвано это измѣненіе, и во-вторыхъ, быстрое и разнообразное развитіе,—т. е. послѣдовательная смѣна различныхъ соціальныхъ состояній—только тамъ возможно, гдѣ возможно и фактически существуетъ продолжительное взаимодѣйствіе разнообразныхъ и, разнородныхъ соціальныхъ группъ, т. е. въ государствѣ и системѣ государствъ. Такимъ образомъ, мы близко подходимъ къ сущности и понятію соціального *явленія*, соціального процесса. Процессъ этотъ всегда наступаетъ тамъ, гдѣ приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, вступаютъ въ сферу взаимодѣйствія двѣ или нѣсколько соціальныхъ группъ. Пока единая, однородная соціальная группа не попала подъ вліяніе другой, и сама не можетъ оказать вліянія на другую, до тѣхъ поръ она пребываетъ въ разъ установившемся звѣроподобномъ состояніи. По тому-то мы и встрѣчаемъ въ замкнутыхъ и отдаленныхъ уголкахъ земли орды, которыя понынѣ находятся въ томъ же примитивномъ состояніи, въ какомъ находились ихъ предки милліоны лѣтъ тому назадъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ элементарными, примитивными соціальными явленіями, или—точнѣе—съ соціальными элементами, а отнюдь не съ соціальнымъ *процессомъ*, и слѣдовательно не съ соціальнымъ *развитіемъ*.

Но съ того момента, какъ одна соціальная группа подпадаетъ подъ вліяніе, подвергается воздѣйствію другой, неизбежно начинается игра естественныхъ силъ, обуславливающихъ соціальныи *процессъ*. Въ особенности, при столкновеніи двухъ разнородныхъ соціальныхъ группъ естественная тенденція каждой изъ нихъ эксплуатировать другую всегда и вездѣ даетъ первый толчокъ къ началу этого процесса; но эта тенденція въ такой степени присуща, естественна,

неустранима въ каждой человѣческой группѣ, что нельзя себѣ представить взаимодействія двухъ социальныхъ группъ безъ появленія этой тенденціи и, слѣдовательно, безъ наступленія социальнаго процесса.

Течение этого процесса, обусловливается какъ природными качествами естественно-научной категоріи: „человѣкъ“, такъ и стремленіями, свойственными всѣмъ человѣческимъ ордамъ и социальнымъ общеніямъ (стремленіями, на которыя можно смотрѣть, какъ на дѣйствующія въ обществахъ „силы“); а такъ какъ эти орды и общенія отличаются другъ отъ друга лишь индивидуально, или, въ крайнемъ случаѣ, видовыми признаками, сохраняя всюду однѣ и тѣ же характерныя *признаки рода*, то характеръ этого процесса, *по существу*, вездѣ одинаковъ.

Тѣмъ не менѣе, процессъ этотъ, благодаря безконечному разнообразію человѣческихъ ордъ и племенъ, благодаря различіямъ взаимодействующихъ и воздѣйствующихъ другъ на друга социальныхъ образований и общеній, обусловленнымъ многообразнѣйшими отношеніями ихъ между собой, наконецъ, благодаря временнымъ и мѣстнымъ вліяніямъ, — этотъ процессъ представляетъ въ пространствѣ и времени безконечное разнообразіе индивидуальныхъ различій. Отыскать во всѣхъ этихъ столь различныхъ процессахъ социальнаго развитія социальные законы, дѣйствующіе въ нихъ и управляющіе ими, объяснить все это пестрое разнообразіе социальнаго развитія изъ дѣйствій *простѣйшихъ силъ*, свести къ одному знаменателю безчисленныя образования социальнаго процесса — такова великая, и отнюдь не легкая, задача социологіи.

Общая характерная черта свойственна всѣмъ социальнымъ законамъ (впрочемъ и всѣмъ общимъ законамъ): всѣ они объясняютъ развитіе (*das Werden*) явленій, но никогда

не объясняютъ ихъ перваго возникновенія, ихъ начала. Эту ограниченность соціальныхъ законовъ должно имѣть ввиду тѣмъ болѣе, что человѣческій духъ обладаетъ весьма опасной для всѣхъ наукъ тенденціей всегда искать *генезиса*, всегда стремиться къ познанію возникновія, первоначала явленій; а между тѣмъ при помощи всѣхъ законовъ природы, и слѣдовательно, всѣхъ соціальныхъ законовъ онъ въ состояніи познать только вѣчное развитіе—*das Werden*—явленій.

Такимъ образомъ, всѣ вопросы о первомъ возникновеніи, о первоначалѣ человѣческаго общества не относятся къ соціологіи (да относятся ли они и, вообще, къ какой-нибудь наукѣ?). Соціологія начинается съ человѣчества, состоящаго, какъ это доказано и признано, изъ безчисленнаго количества разнородныхъ соціальныхъ группъ. Вопросъ, *какимъ образомъ* оно пришло къ такому состоянію, не входитъ въ ея область.

Ограничивая задачи соціологіи рамками существующаго и отказываясь отъ вопросовъ о первомъ возникновеніи, мы позволяемъ себѣ указать на то, что величайшія научныя открытія и изобрѣтенія касаются только бытія, но не возникновенія. Открытіе Коперника имѣетъ въ виду только законъ мирового движенія, вращенія планетъ, и не задается вопросами объ ихъ возникновеніи. Открытіе Гарвеемъ кровообращенія основано на совершающемся на нашихъ глазахъ процессѣ и вполне игнорируетъ вопросъ о созданіи человѣка; и мы будемъ только справедливы къ великому англійскому естествоиспытателю, если скажемъ, что нѣсколько столѣтій спустя, когда люди окончательно откажутся отъ рѣшенія вопроса о „происхожденіи“ человѣка, его изслѣдованія о *законахъ бытія*, о „борьбѣ за существованіе“, „приспособленіи“ и „наслѣдственности“ все еще будутъ цѣниться, какъ безсмертная заслуга предъ наукой.

Намъ не хотѣлось бы кончить эту главу, не остановившись на важности познанія социальныхъ законовъ спеціально для историографіи и политики.

Много разъ доказывалось, что историографія можетъ подняться до уровня науки, только принявъ въ соображеніе социальныя законы, только излагая естественно законное развитіе; и, тѣмъ не менѣе, эта истина все еще встрѣчаетъ упорные протесты. Мы могли бы однако на безчисленныхъ примѣрахъ изъ сочиненій выдающихся историковъ показать, какой ущербъ научной цѣнности этихъ сочиненій приноситъ недостаточное знакомство съ социальными законами. Самая обычная ошибка, встрѣчающаяся у всѣхъ почти историковъ, особенно у тѣхъ, которые занимаются исторіей отдельныхъ націй, состоитъ въ томъ, что они считаютъ наблюдаемые ими явленія *индивидуальными*, свойственными лишь одной этой націи; между тѣмъ какъ знакомство съ социальными законами научило бы ихъ смотрѣть на эти явленія, какъ на проявленіе общаго социального закона.

Давно ли во всѣхъ нѣмецкихъ историческихъ книгахъ и историко-философскихъ сочиненіяхъ о Германіи политическая раздробленность ея приписывалась индивидуалистическимъ стремленіемъ, присущимъ нѣмецкому народу? Между тѣмъ князь Бисмаркъ сумѣлъ основательно искоренить это пресловутое нѣмецкое стремленіе къ индивидуализму и теперь еще выметаетъ его послѣдніе слѣды. Если бы историки и философы исторіи не погрузились такъ односторонне въ свой предметъ, если бы они были знакомы и считались съ законами, управляющими историческимъ движеніемъ, они должны были бы знать, что всегда и всюду періоды партикуляристической раздробленности смѣняются періодами универсального объединенія, и что эта періодичность развитія представляетъ естественно-необходимый все-

общій законъ. Ихъ изложеніе въ этомъ пунктѣ ближе пошло бы къ истинѣ и приобрѣло бы научную цѣнность.

Или другой примѣръ: столь выдающійся и замѣчательный историкъ, какъ Курціусъ, говоритъ о грекахъ, что „приобрѣтательный инстинктъ, отъ природы присущій характеру грековъ, рано увлекъ ихъ къ разнообразной дѣятельности“¹⁾.

Свойственно ли это стремленіе только характеру „грековъ“? Не свойственно ли оно также „сеμίтамъ“, о которыхъ Курціусъ рассказываетъ, что греки „питали къ нимъ національную антипатію“²⁾? Былъ ли у „семитовъ“ „приобрѣтательный инстинктъ менѣе „вкоренившимся“, или онъ менѣе „побуждалъ ихъ къ разнообразной дѣятельности“? Развѣ испанцы не ради „приобрѣтенія“ отправились въ Америку, англичане и голландцы—въ Индію, португальцы—въ Африку? Что же, кромѣ „приобрѣтательныхъ стремленій“, „побудило всѣ эти народы къ разнообразной дѣятельности“? Развѣ это стремленіе, равно какъ вызванная имъ дѣятельность, не есть обще-соціальное явленіе, покоящееся на общихъ соціальныхъ законахъ? И развѣ не является научнымъ заблужденіемъ признаніе общихъ соціальныхъ явленій индивидуальными особенностями тѣхъ именно народовъ, у которыхъ они случайно были замѣчены. Заимствуемъ еще одинъ примѣръ у Курціуса.

„По воззрѣнію грековъ, у которыхъ была потребность найти конкретнаго виновника для всякаго великаго дѣла, не заботясь объ исторической преемственности, весь государственный строй считается продуктомъ законодательства Ликурга“. Мы не можемъ не спросить, только ли „грекамъ“ свойственно такое воззрѣніе? Не страдаетъ ли истина и

¹⁾ Griechische Geschichte, I, 123.

²⁾ Ibidem, 44.

наука, когда игнорируется столь важный фактъ, что такая подстановка одного и единаго законодателя, какъ творца правового и государственнаго порядка, создававшагося въ теченіе столѣтій, есть социальное-психическое явленіе, встрѣчающееся *у всѣхъ* народовъ?

Исторія, какъ наука, выиграла бы очень много, если бы историки подмѣтили ту истину, что во мнимыхъ „индивидуальныхъ особенностяхъ“ описываемыхъ ими народовъ скрываются, въ сущности, лишь проявленія общихъ социальныхъ или социальное-психическихъ законовъ!

Можно привести безчисленное множество примѣровъ ограниченнаго историческаго кругозора, ложнаго изложенія у лучшихъ историковъ всѣхъ временъ и народовъ.

Но мы предпочитаемъ подробно разъяснить общія причины этихъ ошибокъ и ограниченности въ пониманіи историческихъ явленій. Историки утверждаютъ, „что исторія, какъ бы ея ни опредѣляли и систематизировали, никогда не превратится въ естественно-научную, или социологическую дисциплину, такъ какъ къ силамъ природы въ теллуристическомъ и антропологическомъ смыслѣ, равно какъ къ движенію социальныхъ массъ,—двумъ факторамъ міровой и народной исторіи, присоединяется еще третій—сила индивидуальности, которая не поддается ни естественно-научной, ни социологической формулировкѣ и оцѣнкѣ“. . .¹⁾ На это мы отвѣчаемъ: поскольку, дѣйствительно, дѣло касается индиви-

¹⁾ Возраженіе противъ „исторіи, какъ естественной науки“, сдѣланное мнѣ извѣстнымъ историкомъ R. v. Krones въ критической статьѣ о моей книгѣ: „Rassenkampf“, я рѣшаюсь выставить какъ типическое возраженіе, съ точки зрѣнія историковъ, вообще; ибо рельефнѣе и точнѣе нельзя выразить господствующее пониманіе задачи исторіи.

дуальности,—т. е. изображенія отдѣльныхъ личностей, несомнѣнно, исторія не можетъ воспользоваться ни естественно-научной, ни соціологической методой; но, прибавимъ мы, поскольку она имѣетъ задачей *такія* изображенія, она — чистое *искусство*; ибо всякое искусство, въ противоположность наукѣ, занимающейся всеобщимъ, закономѣрнымъ, схематическимъ, изучаетъ только *индивидуальное* (которое, конечно, можетъ быть *типическимъ*). Дѣло однако въ томъ, что чаще всего историкъ ошибается, надѣясь найти нѣчто индивидуальное въ изображеніи народа, націи, племени, или, вообще, въ изображеніи дѣйствій соціальныхъ группъ. Ибо индивидуальны, собственно, лишь отдѣльныя личности (и въ отношеніи къ нимъ историческое изложеніе можетъ слѣдовать своимъ художественно-творческимъ стремленіямъ), но, когда историку приходится изображать общества, жизнь и дѣятельность ихъ, стремленіе „къ индивидуализаціи“ основывается въ большинствѣ случаевъ на заблужденіи, на близорукости; здѣсь наука исторіи должна (и, конечно, въ состояніи) „прибѣгнуть къ оцѣнкѣ и формулировкѣ естественно-научной и соціологической“. Въ самомъ дѣлѣ, соціальная группа, коллективное существо никогда не дѣйствуетъ по „индивидуальнымъ“ мотивамъ или стремленіямъ, но единственно и всегда по „естественно-научнымъ и соціологическимъ“ законамъ. Усвоеніе этого факта будетъ знаменовать большой прогрессъ въ исторіи, а этотъ фактъ исторія можетъ почерпнуть только у соціологіи.

Для политики соціологія имѣетъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ для исторіи. Между тѣмъ, какъ теперь политика совершенно не считается—и вполне основательно—наукою, соціологія дѣлаетъ изъ нея полноправную отрасль знанія.

Что представляетъ теперь политика? Стремленіе къ вла-

сти. Каждое государство, каждая партія, каждая котерія, каждый человекъ стремится къ ней при помощи тѣхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи; матеріальныя средства всегда подкрѣпляются—поскольку возможно—логическими доказательствами. Эти доказательства и аргументы называются теоріей политики. Гдѣ критерій ихъ правильности? Его нѣтъ! Въ сущности, съ точки зрѣнія достигнутаго успѣха, признается правильной та политика, которая привела къ нему. Но не идеи, доказательства и аргументы, а перевѣсъ *силы* ведетъ къ успѣху. Эта сила является, въ концѣ концовъ, лучшей политикой,—такъ, по крайней мѣрѣ, теперь обстоитъ дѣло. Соціологія должна дать совершенно иное направленіе политикѣ,—разумѣется, политикѣ, какъ отрасли науки, а не какъ практикѣ.

Соціологія, наблюдая историческій процессъ, должна вывести изъ него социальныя законы, т. е. законы развитія политической жизни. Если эти законы познаны правильно,—они должны проявиться въ настоящемъ и будущемъ каждаго политическаго развитія, они должны управлять настоящимъ и будущимъ такъ же, какъ они управляли прошедшимъ. Но, въ такомъ случаѣ, на мѣсто шаткихъ политическихъ комбинацій и вѣроятностей выступаетъ трезвый, покоящийся на позитивномъ социальномъ знаніи политическій расчетъ и *предвидѣніе будущаго*.

Послѣднія слова вызовутъ, пожалуй, недобѣрчивую улыбку,—и, конечно, не безъ основанія. Подобныя обѣщанія оказывались уже столько разъ пустыми сказками, если не шарлатанствомъ, что теперь обыкновенно не принимаютъ въ серьезъ утвержденій о возможности научной политики, предусматривающей будущее. Уже Огюсть Контъ говорилъ о „позитивной политикѣ“, которая, вмѣсто того, чтобы судить и улучшать, „должна создать научную систему кон-

цепцій, которой еще не начерталь и даже не намѣтилъ ни одинъ философъ; и однако какъ много ложнаго и ошибочнаго далъ намъ самъ Контъ относительно развитія политическихъ отношеній новаго времени. Какъ далекъ онъ былъ самъ отъ истины въ политикѣ! А Томасъ Бокль! При всѣхъ своихъ притязаніяхъ на полное познаніе „законовъ исторіи“, онъ, въ концѣ концовъ, предсказаль прекращеніе войнъ, всеобщій миръ—и что же стало съ тѣхъ поръ изъ его предсказаній!

На такія возраженія и вполне обоснованныя сомнѣнія мы отвѣтимъ въ немногихъ словахъ. Контъ, Бокль и еще нѣкоторые другіе великіе мыслители справедливо признавали возможность социальной науки и чуткой душой предчувствовали существованіе социальныхъ законовъ,—но, несомнѣнно, прежніе социологи не вышли за предѣлы этихъ предчувствій, они не приблизились къ истиннымъ основаніямъ социальной науки, а тѣмъ болѣе не постигли ея истинныхъ законовъ; мало того, имъ не удалось даже найти *начала* того *пути*, который ведетъ къ истинной наукѣ. Этимъ началомъ, этимъ исходнымъ моментомъ является *политенизмъ*. Путемъ же, ведущимъ къ наукѣ, является наблюденіе и изслѣдованіе взаимныхъ естественныхъ отношеній разнородныхъ человѣческихъ группъ другъ къ другу. Вступивъ на этотъ путь уже въ нашемъ сочиненіи „Rassenkampf“, мы пойдемъ теперь дальше по этому же пути¹⁾.

¹⁾ Мнѣ доставляетъ большое самоудовлетвореніе возможность констатировать, что критика признала серьезную важность этого моего исходнаго момента и объявила его, *во всякомъ случаѣ*, достойнымъ вниманія. Альфредъ Кенигсбергъ пишетъ объ этомъ въ «Neue Freie Presse» (9 авг. 1869 г.) слѣдующее: «Признаніе происхожденія человѣчества отъ многихъ паръ есть Колумбово яйцо. Оно объяс-

Какъ наука о человѣческомъ обществѣ и о социальныхъ законахъ, социологія представляетъ, очевидно, фундаментъ всѣхъ наукъ, занимающихся отдѣльными частями человѣческаго общества, отдѣльными направленіями человѣческой дѣятельности, наконецъ отдѣльными проявленіями общественной жизни. Такими науками, входящими, какъ видовыя

входятъ весьма просто и безъ всякихъ натяжекъ почти всѣ историческія событія, въ особенности первоначальный фактъ покоренія болѣе слабой орды болѣе сильной, организацію господства съ раздѣленіемъ труда и происходящей отсюда культурой. Можно повторять слова, сказанныя отцомъ желѣзныхъ дорогъ Стефенсономъ при взглядѣ на хорошую машину: «какъ трудно было напасть на мысль объ этой машинѣ, потому что она такъ проста». Рецензентъ «*Rassegna critica*» (Неаполь, 1883 г., нояб. 9) заключаетъ свои разсужденія о «*Rassenkampf*» слѣдующими словами: «*Due punti ci sembrano soprattutto meritare lode in questo libro... cioè l'affermazione schietta dal naturalismo e il considerare come elemento dell'esplicazione storica non l'individuo o la psicologia dell'individuo, secondo che avviene di sovente, ma i gruppi sociali*». Подобное же признаніе содержитъ и рецензія въ «*Globus*» 1884, нояб. 4, «*Ausland*», 1884, нояб. 2, «*Journal des Economistes*, окт. 1883, «*Revue philosophique*» Рибо, май 1884 г., и другія критическія замѣтки. Если при такомъ единогласіи критики, появившей мою книгу «*Der Rassenkampf*», г. профессоръ Альфредъ Кирхгофъ въ *Centralblatt* жалуется, что онъ не знаетъ, чего я хочу (?!), то это, очевидно, не моя вина. Конечно, г. профессоръ Кирхгофъ — географъ, онъ не занимался социологіей, и не знаетъ ни относящейся сюда литературы, ни вообще вопросовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Изъ того, что онъ помѣстилъ мою книгу подъ рубрикой «*Этнографія*», слѣдуетъ заключить, что онъ, видимо, считаетъ социологію географической дисциплиной.

понятія въ составъ *общаго ученія объ обществѣ*, какъ понятія родового, являются: наука о человѣкѣ, какъ отдѣльномъ существѣ,—антропология; наука, занимающаяся описаніемъ, характеристикой и сравненіемъ различныхъ существующихъ народовъ и человѣческихъ племенъ, — этнографія; наука, имѣющая дѣло съ соціальными общеніями, организованными на началахъ господства,—наука о государствѣ; науки объ отдѣльныхъ соціальныхъ институтахъ, удовлетворяющихъ соціально-психическимъ потребностямъ людей,—языковѣдніе, богословіе, правовѣдніе, наука объ искусствѣ и т. д.; наконецъ, науки объ институтахъ, вызванныхъ матеріальными потребностями человѣка, какъ соціального единства, — политическая экономія и т. д. Не слѣдуетъ удивляться тому, что все эти науки выработались и развились гораздо раньше соціологіи, въ которой собственно онѣ должны бы найти свое начало и основаніе, ибо такой порядокъ лежитъ въ природѣ вещей и вполне соответствуетъ нормальному ходу развитія познающаго человѣческаго духа.

Совершенно такъ же и въ области естествознанія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сначала появилась ботаника, зоология и минералогія, и только позднѣе—геологія, геогнозія и палеонтологія, а между тѣмъ, эти послѣднія науки служатъ основаніемъ первыхъ. Точно такъ же, наконецъ, медицина старше физиологіи, хотя она въ ней коренится и на ней основана.

Такое явленіе объясняется очень просто. Прежде всего объектами наблюденія и изслѣдованія становятся явленія, учрежденія и отношенія, встрѣчающіяся намъ въ конкретной формѣ. На вопросъ объ ихъ возникновеніи сначала отвѣчаютъ успокоивающей гипотезой или самымъ простымъ объясненіемъ. Возьмемъ примѣръ. Люди живутъ подъ законами, образующими *право*. Они изслѣдуютъ сущность

этого явления, объясняют и истолковывают его, сравнивают съ другими правами, изучают исторію права и т. д. Относительно начала и происхожденія законовъ сначала удовлетворяются простѣйшимъ объясненіемъ: въ одинъ прекрасный день они даны законодателемъ. Подобное же мы наблюдаемъ въ религіи, гдѣ поверхностное объясненіе происхожденія ея гласитъ: Богъ возвѣстилъ истину пророкамъ и основателямъ религій.

Съ прогрессомъ рефлексіи, съ успѣхами отдѣльныхъ наукъ возрѣніе на происхожденіе изучаемыхъ ими явленій должно было углубиться, при чемъ полученные такимъ образомъ результаты оказались въ противорѣчій съ допущенными вначалѣ поверхностными гипотезами. Такимъ путемъ, на примѣръ, правовѣдѣніе пришло къ ученію объ историческомъ происхожденіи права, „о народномъ духѣ“; такимъ путемъ религіозная доктрина пришла къ той истинѣ, что религія является результатомъ душевной потребности людей, и т. д. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ болѣе глубокаго познанія этихъ социальныхъ наукъ явилось постепенное сближеніе ихъ другъ съ другомъ на общей почвѣ, въ которой таятся зародыши всѣхъ этихъ социально-психическихъ образованій: этой общей почвой, для которой не сразу найдено было общее названіе, и является социальная наука.

Когда оказалось, что объекты каждой изъ этихъ отдѣльныхъ наукъ, т. е. социально-психическія образованія права, религіи, языка, искусства, философіи, существуютъ у всѣхъ народовъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ, въ болѣе или менѣе несовершенномъ или совершенномъ видѣ, смотря по степени развитія даннаго народа или племени, то сама собой возникла мысль о наблюденіи этихъ различій у различныхъ народовъ и о сравненіи этихъ социально-психиче-

скихъ образованій. Такъ дошли до *сравнительнаго изученія* права, религій, языка, а чрезъ такое изученіе и отъ него— до анализа *той общей почвы*, въ которой, повидимому, берутъ начало всѣ источники отдѣльныхъ наукъ, и которую сперва называли исторіей культуры, этнографіей, этнологіей (Бастіанъ) и которую всего точнѣе слѣдуетъ назвать социальной наукой.

Изучая природу человѣческихъ обществъ, эта наука открываетъ истинное происхожденіе всѣхъ тѣхъ социальнопсихическихъ образованій, которыя уже и прежде являлись предметомъ особыхъ наукъ.

Поэтому мы можемъ признать социологию философской основой всѣхъ „социальныхъ“ наукъ; социологіи предстоитъ задача указать связь всѣхъ этихъ наукъ на ихъ общей почвѣ и отношеніе къ этой почвѣ каждой изъ нихъ.

§ 4. Субстраты социальнѣхъ законовъ.

Законы могутъ проявляться лишь на субстратахъ, эти субстраты являются ихъ необходимымъ предположеніемъ; ибо мы познаемъ законы только по ихъ проявленіямъ въ извѣстныхъ тѣлахъ или извѣстныхъ силахъ, обнаруживающихся въ нихъ. Закона тяжести нельзя понять безъ падающаго тѣла, на которомъ обнаруживается сила тяжести. Говоря о притяженіи, мы должны себѣ представить тѣло, на которомъ проявляется эта сила.

Спрашивается теперь, каковы же субстраты социальнѣхъ законовъ, каковы *носители* силъ, изъ обнаруженія которыхъ мы заключаемъ о наличности социальнѣхъ законовъ? Такимъ субстратомъ, очевидно, не можетъ быть индивидъ, такъ какъ на индивидъ можетъ обнаружиться или психическій, или физическій законъ, но, ни въ коемъ случаѣ, не социаль-

ный. Не является ли такимъ субстратомъ „человѣчествѣ“ Такъ, дѣйствительно, нѣкоторые и думали, но это было крупной ошибкой. Тамъ, гдѣ должно быть на лицо взаимодѣйствіе, или, такъ сказать, игра силъ, тамъ должны существовать разнородные элементы.

Когда говорятъ о человѣчествѣ, какъ о единствѣ, то, очевидно, упускаютъ изъ виду множественность разнородныхъ элементовъ, которая необходима для того, чтобы противоположныя силы могли прійти въ дѣйствіе.

Это разсужденіе, съ одной стороны, а съ другой—тотъ фактъ, что мы никогда и нигдѣ на землѣ, ни въ настоящемъ, ни въ давно прошедшемъ не встрѣчаемъ единство человѣчества; что мы всегда и всюду, начиная съ древнѣйшихъ временъ, находимъ человѣчество состоящимъ изъ разнородныхъ этническихъ элементовъ,—все это заставило меня признать исходнымъ моментомъ всѣхъ социологическихъ изслѣдованій первоначальное множество разнородныхъ этническихъ элементовъ ¹⁾. Я предпринялъ обоснованіе этой полигенистической гипотезы въ *Rassenkampf*“ и могу съ удовольствіемъ констатировать, что она признана

¹⁾ «Понятіе силы,—справедливо говоритъ Каспери,—предполагаетъ отношеніе къ другой противоположной силѣ, которую называютъ сопротивленіемъ. Сила безъ всякаго сопротивленія была бы безсильной силой, слѣдовательно, невысказанной, невозможной. Кто говоритъ о силѣ, долженъ одновременно подразумѣвать и *механическое сопротивление*, иначе онъ противорѣчитъ самому себѣ. Поэтому каждый философъ-изслѣдователь, который воспитанъ на естествознаніи и занимался механикой, понимаетъ, что необходимо предположить первоначальное множество дискретныхъ носителей силы: центровъ силы (у Демокрита), или монады (у Лейбница), реаловъ (у Гербарта), дипамидъ (у Редтебахера)». (Kosmos I, 9).

правильной со стороны компететныхъ лицъ. И даже величайшій авторитетъ въ этой области, Бастіанъ отозвался о ней, какъ о „доказанной самою природою“, признавая мои „сопоставленія этой теоріи съ дарвинизмомъ“, выставленныя для ея защиты, совершенно излишними.

Однако, въ виду громадной фундаментальной важности, которую имѣетъ эта гипотеза для всей воздвигнутой на ней соціологической системы, я не рѣшаюсь удовлетвориться простымъ согласіемъ со мной того или другого авторитета, но постараюсь предъявить читателю какъ мнѣнія нѣкоторыхъ писателей, такъ и научный матеріаль, подтверждающій эту гипотезу.

Прежде всего, я позволю себѣ процитировать здѣсь, какъ свидѣтеля въ пользу „первобытнаго множества“ и „постоянства“ человѣческихъ расъ, еще одинъ естественно-научный авторитетъ перваго ранга—Карла Фохта ¹⁾.

„Конечно, ни одному человѣку никогда не пришло бы въ голову,—говоритъ этотъ изслѣдователь въ своихъ лекціяхъ о людяхъ ²⁾,—сомнѣніе въ различіи отдѣльныхъ видовъ людей, если бы постоянно не твердили объ единствѣ, если бы, вопреки всѣмъ очевиднымъ фактамъ, не держались за мнѣ, который только потому кажется такимъ убѣдитель-

1) Карлъ Фохтъ, „Исторія философіи“, т. 1, стр. 100.

¹⁾ Замѣчу, что изъ старыхъ естествоиспытателей сторонниками полигенизма были Кювье, Бюффонъ, Ласепедъ, Бурдахъ; изъ философовъ Уевель (Spuren der Gottheit) считаетъ негровъ за особый родъ людей различнаго происхожденія отъ другихъ расъ. Бори (Bory) и Фьерей (Vierey) стоятъ за полигенизмъ. Церти говоритъ объ этомъ: «Очень вѣроятно, что въ различныхъ мѣстахъ земли люди обладаютъ особыми свойствами и появились въ различныя времена, вообще очень отдаленныя отъ нашихъ» (Ethnographie, 1859, стр. 386).

²⁾ Giessen, 1863, I, 284.

нымъ, что какъ онъ, такъ и все, что съ нимъ связано, отрицаетъ всякую позитивную науку.

„Изъ всѣхъ нашихъ преданій, уходящихъ въ самую съдую древность, мы видимъ, что люди, путешествуя и открывая новыя, неизвѣстныя дотоль страны, вездѣ встрѣчали туземцевъ, казавшихся имъ не менѣе своеобразными, чѣмъ животное и растительное царства“... „Большіе острова, всѣ климаты и континенты отъ самыхъ жаркихъ до самыхъ холодныхъ постоянно оказываются уже заселенными, когда туда являются мореплаватели и завоеватели“. Затѣмъ Фохтъ справедливо указываетъ, что даже „тѣ религіозныя саги, которыя часто удивительнымъ образомъ изображаютъ возникновеніе человѣческаго рода, въ дѣйствительности ограничиваются всегда возникновеніемъ *одного племени*, которое считается привилегированнымъ; и даже въ этихъ сагахъ то здѣсь, то тамъ проскальзываетъ мысль, что даже при первомъ сотвореніи родоначальника земля уже была населена въ *какомъ-либо шюмъ мьстѣ*“ (примѣромъ служить библейскій разсказъ). „Единственный фактъ, изъ котораго мы должны исходить, есть первоначальное распространеніе человѣчества по всей землѣ и *первоначальное* различіе людей, разсѣянныхъ по земной поверхности, другъ отъ друга. Если бы еще больше теряли времени на теоретическія изслѣдованія о происхожденіи человѣческаго рода и различіи человѣческихъ видовъ, если бы еще больше приводили доказательства и умозаключеній въ пользу первоначальнаго единства человѣческаго рода, все-таки останется несомнѣннымъ, что нельзя найти ни одного историческаго или, какъ мы раньше доказали, геологическаго факта въ подтвержденіе этого воображаемаго единства. Какъ далеко мы ни заглянемъ въ прошлое, всюду мы находимъ *различнаго рода* *человѣческія группы, расселенія въ различныхъ частяхъ землѣ*“.

„Вполнѣ установлено не только различіе расъ, но и ихъ *постоянство* во времени. Мы уже пытались доказать, что однѣ и тѣ же расы можно прослѣдить до временъ доисторическихъ, до свайныхъ построекъ и каменнаго періода, до періода пещеръ и наносной земли. Изъ египетскихъ памятниковъ можно доказать, что негры появились въ Египтъ при 12-й династіи, почти за 2300 лѣтъ до Рождества Христова, что тѣ же охоты на негровъ-рабовъ, какіе происходятъ отъ времени до времени еще и теперь, повторялись и въ то время при различнѣйшихъ династіяхъ, какъ это указываетъ триумфальное шествіе Тотмеса IV почти за 1700 лѣтъ и Рамзеса III почти за 1300 лѣтъ до Рождества Христова. На этихъ памятникахъ изображены длинныя вереницы плѣнныхъ негровъ, характерныя черты лица и цвѣтъ которыхъ воспроизведены въ деталяхъ съ замѣчательной точностью; изображены египетскіе писцы, заносящіе въ реестры рабовъ съ женами и дѣтьми, при чемъ не забыта даже своеобразная прическа негрскихъ дѣтей, волосы которыхъ связаны въ пучокъ. Больше того: многія лица отличаются характерными особенностями отдѣльныхъ негрскихъ племенъ южнаго Египта; заботливый художникъ отмѣчаетъ даже цвѣткомъ лотоса южное происхожденіе такихъ негровъ. И не только негры, но и нубійцы, берберы, сами древніе египтяне изображаются постоянно съ ихъ характерными особенностями, которыя остались вполнѣ неизмѣнными до настоящаго дня. Далѣе Фохтъ цитируетъ доказанныя положенія Брокъ, Мортонъ и Жомара объ идентичности типа теперешнихъ феллаховъ съ египтянами временъ фараоновъ — и затѣмъ продолжаетъ: „То же самое постоянство и неизмѣнность характерныхъ чертъ можно убѣдительно доказать и на остальныхъ расахъ, съ которыми египтяне приходили въ столкновеніе. На памятникахъ также легко можно различить евре-

евъ, какъ тартаровъ или скифовъ, съ которыми воевалъ Рамзесъ III“.

„Точно такъ же мы видимъ на ассирийскихъ и индйскихъ памятникахъ воспроизведеніе характерныхъ чертъ расъ, еще и теперъ населяющихъ эти мѣстности, такъ что, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи постоянство человѣческихъ расъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія“. Рядомъ съ такимъ постоянствомъ „естественныхъ расъ“ человечества, Фохтъ признаетъ за ними „извѣстную гибкость“, въ силу которой онѣ, будучи поставлены въ другія условія жизни, претерпѣваютъ извѣстныя измѣненія“. Но эти измѣненія ни въ коемъ случаѣ не выходятъ за предѣлы извѣстнаго, весьма ограниченного максимума и никогда не стираютъ существенныхъ особенностей расы; поэтому ошибочно, основываясь на отдѣльныхъ доказанныхъ примѣрахъ незначительныхъ измѣненій, вызванныхъ перемѣщеніемъ человѣческой расы въ совершенно чуждую ей среду, утверждать, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что эти измѣненія неизмѣнно прогрессируютъ съ теченіемъ времени, и, въ концѣ концовъ, приводятъ къ совершенной уtratѣ существенныхъ расовыхъ особенностей, къ измѣненію расы. „Мы можемъ, слѣдовательно, прійти къ тому выводу, что всѣ примѣры, которыми досихъ поръ хотѣли доказать фактъ измѣненія человѣческихъ расъ, благодаря простому вліянію измѣненной среды, переселенію въ другія страны и т. д., въ высшей степени неубѣдительны и ни въ какомъ случаѣ не задѣваютъ болѣе глубокихъ характерныхъ расовыхъ чертъ. Итакъ, эти измѣненія, которыхъ мы, впрочемъ, не отрицаемъ вполнѣ, ни въ какомъ случаѣ, хотя бы даже и самымъ отдаленнымъ образомъ, не могутъ объяснить разнообразія человѣческаго рода“... „Придерживаясь фактовъ, говоритъ въ заключеніе Фохтъ, — мы должны

принять за исходный моментъ *первоначальное* основное различіе расъ" 1).

Мы слишкомъ отклонились бы въ сторону, если бы послѣдовали за его дальнѣйшими превосходными разсужденіями, которыми онъ съ поразительной основательностью не только обнаруживаетъ полную совмѣстимость ученія Дарвина съ полигенизмомъ, но въ то же время доказываетъ, что послѣдній является *необходимымъ выводомъ* изъ перваго.

Два важнѣйшихъ положенія, защищаемыхъ Фохтомъ, — о первоначальномъ „множествѣ и различіи“ человѣческихъ видовъ и о постоянствѣ ихъ, — нашли блестящее подтвержденіе и дальнѣйшее обоснованіе въ антропологическихъ и краниологическихъ изслѣдованіяхъ съ того времени значительно двинувшихся впередъ.

Исходнымъ моментомъ изслѣдованій, которыя постепенно привели къ этому выводу, служило стремленіе найти для отдѣльныхъ извѣстныхъ народовъ, специфическій, имъ присущій типъ. Дѣло въ томъ, что поверхностное наблюденіе вначалѣ привело къ той мысли, что отдѣльные народы являются отдѣльными *генеалогическими* единствами, въ которыхъ наследственно сохраняется особенный и опредѣленный антропологическій типъ. Но когда стали пытаться установить эти особенности типовъ путемъ точнаго изслѣдованія, то оказалось, что невозможно приписать ни одному изъ извѣстныхъ историческихъ народовъ исключительно ему свойственный типъ. Въ виду этого хотѣли ограничиться установленіемъ „средняго типа“ для каждаго народа. Но и это оказалось невозможнымъ. „У европейскихъ культурныхъ народовъ, — говоритъ Вирховъ, — индивидуальныя различія растутъ и умножаются до такой степени, что скоро окажется

1) Ibidem, II, S. 241.

вообще невозможнымъ установить средній типъ для каждаго изъ этихъ народовъ ¹⁾.

Въ виду такой трудности, Вирховъ объявилъ, 10 лѣтъ тому назадъ, „требованіемъ науки“ установленіе „первобытнаго типа“ каждаго народа. И что же? Вирховъ потратилъ не мало усилій, прилежанья и труда на отысканіе этого „прототипа“, и, если онъ не нашелъ его уже въ своихъ первыхъ изслѣдованіяхъ, объектомъ которыхъ были нѣмцы, то въ этомъ вина не его, ибо ошибочна самая мысль, будто какой-либо изъ историческихъ народовъ является генеалогическимъ единствомъ.

И вотъ Вирховъ послѣ утомительныхъ изслѣдованій открылъ, вмѣсто искомаго „прототипа“ германцевъ, ту истину, что „допущеніе простого, первобытно-германскаго типа пока еще является вполне произвольнымъ“. „Никто не доказалъ, что всѣ германцы обладали одной и той-же формой черепа, или, другими словами, что германцы съ самаго начала были единой націей (!), чистѣйшимъ типомъ которой слѣдуетъ признать свевовъ и франковъ. Если германцы и славяне — подраздѣленія одного индо-германскаго племени, если славянская брахицефалія не препятствуетъ допущенію общности происхожденія (?) славянъ и долихоцефалическихъ германцевъ, въ такомъ случаѣ можно думать, что нахожденіе мезоцефалическихъ и даже брахицефалическихъ германцевъ, не происшедшихъ отъ смѣшенія съ славянами, является скорѣе благопріятнымъ обстоятельствомъ; ибо тогда заполняется глубокая пропасть и облегчается пониманіе, первоначальнаго родства благодаря отысканію дѣйствительныхъ посредствующихъ типовъ. Если нѣкогда на далекомъ

¹⁾ Virchow, «Beitrage z. physischen Antropologie d. Deutschen», 1877.

востокъ существовала общая племенная земля германской націи, то мнѣ кажется очень возможнымъ, что уже оттуда были принесены въ позднѣйшую отчизну такія различія...“ Мы видимъ, какъ осторожно, съ какими колебаніями констатируетъ Вирховъ несуществующее антропологическое единство нѣмецкаго народа. Онъ требуетъ, впрочемъ, еще дальнѣйшихъ изслѣдованій относительно этого предмета. Можетъ быть, еще окажется, говоритъ онъ, что, въ дѣйствительности, въ Германіи издревле существовали *разнородныя племена* германцевъ, которыя и двигались другъ за другомъ съ востока на западъ, все болѣе и болѣе распространяясь на западъ“.

Фактъ „разнообразія племенъ“,—смутное предположеніе, мелькающее передъ антропологомъ, какъ выводъ, составленный на основаніи его краниологическаго матеріала, — для соціолога представляется не подлежащимъ никакому сомнѣнію, возникающимъ изъ природы вещей; и только національный предрасудокъ заставляеть насъ называть племенами „германцевъ“ тѣ, во всякомъ случаѣ, чуждыя другъ другу племена, изъ которыхъ со временемъ создалось „германское“ единство, какъ результатъ близкаго соприкосновенія и общности культурнаго развитія.

Но для насъ является цѣнной уже та уступка антрополога, что „этотъ (германскій) общій типъ *едина далеко не въ такой степени, въ какой это предполагалось до сихъ поръ.*“

Съ прогрессомъ краниологическихъ изслѣдованій все болѣе и болѣе приходятъ къ тому убѣжденію, что не можетъ быть рѣчи объ „единомъ типѣ“ даже у самыхъ отдаленныхъ племенъ,—у племенъ, повидимому, совершенно отрѣзанныхъ отъ міровой исторіи, не знавшихъ ни переселеній, ни смѣшеній народовъ. Такъ, благодаря наличности *нѣсколькихъ* типовъ у древнихъ фризовъ, Вирховъ приходитъ къ слѣдую-

щему предположенію: „возможно, что здѣсь *до нихъ* были другіе народы, которые были покорены ими и кровь которыхъ смѣшалась съ ихъ кровью“. Но фактъ такого смѣшенія обнаруживается изъ краниологическихъ изслѣдованій какъ надъ нынѣшними финнами и лапландцами, или надъ веддами, живущими внутри Цейлона въ дикомъ состояніи и, повидимому, отрѣшенными отъ міра, такъ и надъ черепами, вырытыми изъ древне-троянскихъ могилъ ¹⁾. Въ то время, какъ Вирховъ, отправившись на поиски одного прототипа, долженъ былъ постепенно противъ своей воли констатировать повсюду отсутствіе такового и признать съ нѣкоторымъ разочарованіемъ и самоотреченіемъ фактъ первоначального множества типовъ у всѣхъ изслѣдованныхъ имъ племень, извѣстный краниологъ Колльманъ общность этого факта возвелъ въ научно обоснованный тезисъ.

Колльманъ уже въ 1883 году высказалъ результатъ своихъ краниологическихъ изслѣдованій, утверждая, что „слѣды различныхъ антропологическихъ элементовъ можно доказать у каждаго народа. Уже много столѣтій народы Европы не состоятъ изъ единой расы, и въ настоящее время нѣтъ ни одной мѣстности, настолько уединенной, чтобъ она могла дать намъ чистую расу“. Что эта разнородность расъ не есть результатъ позднѣйшаго процесса дифференцированія, что она существуетъ съ допотопныхъ временъ и остается всегда одинаковой, это подтверждается многочисленными фактами новѣйшихъ краниологическихъ изслѣдованій. „Широкое сравненіе допотопныхъ и нынѣшнихъ череповъ, — пишетъ Колльманъ, — установило, что расовыя особенности, замѣчаемыя на черепѣ и скелетѣ, не измѣнились съ допотопныхъ временъ. Слѣдовательно, съ того времени, чело-¹⁾

¹⁾ Ср. Virchow; Weddes und Alttrojanische Schädel und Gräber.

не варьируется, въ дарвиновскомъ смыслѣ этого слова, подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Его расовыя отличія съ большимъ постоянствомъ противятся внѣшнимъ вліяніямъ и *продолжаютъ существовать* вопреки послѣднимъ. Этотъ важный результатъ краніологическаго изслѣдованія, конечно, стоитъ въ противорѣчій съ господствующимъ возрѣніемъ, признающимъ, напротивъ, постоянное измѣненіе чело-вѣка. Но при строгомъ размышленіи нужно признать, что приведенные мною факты могутъ быть объяснены исключи-тельно и только съ моей точки зрѣнія“. Указавъ на мнѣнія выдающихся естествоиспытателей, какъ Кювье, Гёксли, Рю-тимейеръ, утверждающихъ, что многимъ животнымъ—и въ ихъ числѣ чело-вѣку нильской долины, по Кювье, и чело-вѣку вообще, по Рютимейеру—свойственъ характеръ *постояннаго типа*, онъ продолжаетъ: „Но чело-вѣкъ по веѣмъ признакамъ, которые онъ оставилъ намъ въ своихъ *могилахъ* относится къ послѣднему (т. е. къ *постоянному типу*). Съ тѣхъ поръ какъ онъ блуждаетъ по Европѣ, у него не измѣ-нились ни остеологическія черты расы, ни остеологическіе признаки разновидностей. Поразительнымъ примѣромъ ши-рокаго распространенія этого правила, не говоря о многомъ другомъ, является различіе между папуасами и малайцами. Съ незапамятныхъ временъ живутъ они другъ подлѣ друга въ однихъ и тѣхъ же тропическихъ странахъ, которыя фи-зически такъ одинаковы и тѣмъ не менѣе они отличны другъ отъ друга“. Точно такъ же и для первобытныхъ временъ Европы и для ея настоящаго, наличность *значительнаго числа разнородныхъ расъ*, а также и взаимодѣйствія между ними (пенетраціи) является доказаннымъ фактомъ. „Эта пенетра-ція,—говоритъ Колльманъ,—привела къ тому, что теперь, какъ и *тысячи лѣтъ тому назадъ*, всюду въ Европѣ живутъ другъ подлѣ друга представители различныхъ расъ, вслѣдствіе

чего каждый народъ и каждое государство *содержать въ различныхъ пропорціяхъ* части различныхъ расъ. Это заключеніе я вывелъ изъ сравненія болѣе 3000 череповъ европейскихъ народовъ“.

Мало того, даже тѣ краниологи, которые подъ вліяніемъ національныхъ мотивовъ считаютъ дѣломъ чести признаніе единства и „чистоты“ ихъ собственнаго племени, какъ, напр., Гельдеръ, выступившій за „расовое единство“ германцевъ,— и тѣ вынуждены признать неопровержимый фактъ расоваго различія внутри „расоваго единства“, допуская существованіе „пяти типовъ“ въ предѣлахъ „германскаго племени“. Но отсюда слѣдуетъ только то, что Гельдеръ *пока* находитъ на своихъ экземплярахъ пять особыхъ типовъ, и это не исключаетъ, очевидно, возможности для другого исследователя указать еще другіе типы, какъ не исключаетъ возможности существованія въ прошломъ бѣльшаго количества ихъ ¹⁾). Специально для Швейцаріи „Гидсъ и Рютимейеръ со всѣмъ аппаратомъ строгаго научнаго метода доказали, что, начиная съ періода свайныхъ построекъ до нашихъ дней, въ Швейцаріи жили *по меньшей мѣрѣ* 3 различныхъ расы и что ихъ потомки существуютъ еще и теперь“ ²⁾).

¹⁾ Для соціальной науки должно остаться безразличнымъ, что краниологи, какъ Колльманъ, заключаютъ компромиссъ съ дарвинизмомъ и его гипотетическимъ единымъ происхожденіемъ, по которому этотъ первый періодъ раздробленія и дифференціаціи необходимо начинается съ общаго племени. Соціальная наука можетъ удовлетвориться фактами, констатированными для времени послѣ потопа и взять ихъ исходнымъ моментомъ, и охотно уступаетъ защитникамъ мнѣю дарвинистической точки зрѣнія пустую гипотезу въ видахъ спасенія общаго племени.

²⁾ Срв. Колльманъ, Die Autochthonen Amerikas въ Zeitschrift für

То же „антропологическое“ разнообразіе, по выраженію Кольмана, которое можно прослѣдить до самыхъ первобытныхъ временъ у европейскаго населенія, можно констатировать и у туземцевъ Америки.

„Прежде думали, что одна раса распространена по цѣлому континенту—отъ Капъ-Горна до большихъ сѣверныхъ озеръ. Противъ унитарнаго воззрѣнія впервые привелъ факты рѣшающаго значенія Андрей Рецій (Andreas Retzius). Онъ доказалъ, что въ Америкѣ находятся 2 расы,—на западѣ короткоголовая, на востокѣ—длинноголовая. Къ этому воззрѣнію присоединился и Вирховъ, который думаетъ, что съ точки зрѣнія классифицирующей антропологіи факты заставляютъ прийти къ заключенію, что среди туземнаго населенія Америки нѣтъ единства расы“. Исслѣдованные Кольманомъ американскіе черепа дали слѣдующіе результаты: всѣ степени длины череповъ отъ крайней долихоцефалии до крайней брахицефалии встрѣчаются на американскомъ континентѣ... Какъ въ сѣверной, такъ и въ южной части континента туземное населеніе состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же расъ. Мѣняются лишь процентныя отношенія... Итакъ можно говорить только объ *американскихъ* человѣческихъ *расахъ*...

„Я хочу добавить, что нѣтъ никакой надежды найти единство расы, хотя бы внутри небольшой области,—такъ, чтобы, напр., отдѣльное племя, на сѣверѣ, или на югѣ, состояло только изъ долихоцефаловъ или только изъ брахице-

Anthropologie, 1883. Далѣе: Die statistischen Erhebungen über die Farbe der Augen und Haare in den Schulden der Schweiz, 1881. Craniologische Gräberfunde in der Schweiz, 1883. Ueber den Werth pithekoider Formen und die Wirkung der Correlation auf dem Gesichtsschädel des Menschen, 1883.

фаловъ... Народы Мендь-Бильдера или Клиффъ-Двеллера состояли уже изъ тѣхъ *самыхъ расъ*, какія встрѣчались и позже.

„Всѣ народы состоятъ изъ нѣсколькихъ расъ, точно такъ же, какъ люди перваго допотопнаго періода въ Европѣ, или наши предки эпохи охотничьяго быта, строители свайныхъ жилищъ, германцы и кельты“...

Блестящее подтвержденіе кольмановой теоріи „пенетраціи“ дали наблюденія его ученика Пассавана въ западной Африкѣ, наблюденія, результаты которыхъ онъ обнаружилъ въ своихъ „Краниологическихъ изысканіяхъ о неграхъ и негрскихъ народахъ“. Первымъ мѣстомъ, съ котораго Пассаванъ началъ свои изслѣдованія на аффриканской почвѣ, было французское владѣніе Горэ (Gorée), черное населеніе котораго принадлежитъ къ „племенамъ“ серовъ и іолоффовъ.

„Прежде всего, я тамъ впервые испыталъ,—пишетъ Пассаванъ,—какъ трудно для начинающаго различать физиогноміи негровъ другъ отъ друга. *Вначалѣ казалось, что всѣ имѣютъ одно и то же лицо*, и лишь послѣ долгой, многонедѣльной практики мнѣ удалось настолько познакомиться съ физиогноміями, что я могъ, дѣйствительно, дать себѣ отчетъ въ индивидуальныхъ различіяхъ черныхъ людей“. Личный опытъ Пассавана только подтверждаетъ тотъ уже давно извѣстный фактъ, что поверхностное наблюденіе, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не замѣчаетъ дѣйствительно существующихъ безчисленныхъ различій человѣческаго типа, чѣмъ и объясняется весь предшествующій ходъ развитія антропологии—а именно, то обстоятельство, что вначалѣ она признавала группы во всемъ человѣчествѣ (различая ихъ по грубѣйшимъ, бьющимъ въ глаза признакамъ, напр., по цвѣту кожи), а затѣмъ прогрессирующее знакомство, съ человѣчествомъ, какъ объектомъ наблюденія, заставило

ее признать безчисленное разнообразіе внутри каждой изъ этихъ группъ.

Такъ, напримѣръ, Кювье дѣлилъ человѣчество только на 3 расы: манголовъ, негровъ, кавказцевъ. Блюменбахъ могъ уже различить 5 человѣческихъ типовъ, и на этихъ различіяхъ построилъ свои 5 расъ. Ласепедъ и Рюмери прибавили шестую расу; Бори видѣлъ уже 15 расъ; Демуленъ 16; Вайцъ нашелъ недостаточнымъ и это число и объявилъ, что теоретически, вообще, нельзя установить числа различныхъ расъ, такъ какъ иначе онъ былъ бы принужденъ установить гораздо большее число ихъ, именно нѣсколько сотъ, противъ чего возстаетъ его *этическое* чувство. По счастью, американскіе изслѣдователи не придерживаются столь безсмысленныхъ европейскихъ предразсудковъ и мужественно дѣлятъ человѣчество на большее и большее число расъ, не заботясь о библіи и европейской этикѣ.

Такъ, число расъ, принятое Муртономъ, Ноттомъ, Глиддономъ, доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ, при чемъ эти антропологи еще не исчерпали всѣхъ расъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что ничто не мѣшаетъ прогрессирующему познанію открывать все больше и больше человѣческихъ расъ. Изслѣдованія Пассавана о негрскихъ народахъ, вновь подтверждаютъ, что таковъ естественно-законный и необходимый ходъ антропологическаго познанія.

Прежде негрскіе народы Африки дѣлились на 4 главныхъ расы: негритовъ, конго-негровъ, каффровъ и готтентотовъ. „Дѣленіе негровъ на четыре большія народныя группы,—справедливо говоритъ Пассаванъ,—находится въ связи съ уснѣхомъ нашихъ этнографическихъ знаній, является плодомъ нашихъ ученыхъ путешествій“.

„Неустрасимые наблюдатели, прошедшіе отдѣльныя части или цѣлые континенты, постепенно расширили настоль-

ко наше знакомство съ населеніемъ, превышающимъ 151 миллионъ людей, что теперь можно выдѣлить, *по крайней мѣрѣ, нѣсколько большихъ этническихъ группъ*“. Пассаванъ какъ разъ находитъ, что въ Африкѣ существуетъ „по меньшей мѣрѣ, 3 расы негровъ“, къ которымъ онъ, впрочемъ, не причисляетъ еще берберовъ и народовъ Беджа (прежде называвшихся эѳіопами).

Кромѣ этихъ трехъ расъ, берберовъ и народовъ Беджа „существуютъ еще племена, занимающія переходную среднюю ступень отъ берберовъ и Беджа къ неграмъ, и другія племена, въ которыхъ различные типы такъ перемѣшались и растворились, что не можетъ быть и рѣчи о причисленіи ихъ къ какой-нибудь опредѣленной расѣ

Такимъ образомъ въ Африкѣ, гдѣ видѣли нѣкогда одну только черную расу, теперь, по мнѣнію Пассавана, имѣется уже 7 этническихъ группъ. Но что однако говорятъ различные изслѣдователи Африки относительно состава этихъ отдѣльныхъ группъ?

Послушаемъ, что говоритъ о „негритахъ“ Гартманъ: „Негриты представляютъ столь многочисленныя племенные уклоненія, что мы должны совершенно отказаться отъ поверхностнаго представленія о негрѣ съ курчавыми волосами, плоскимъ носомъ, толстыми губами, черной, какъ смоль, кожей“.

И здѣсь опять безконечныя разнообразія! Но въ чемъ состоятъ эти послѣднія и каковы различія, которыя при болѣе внимательномъ наблюденіи постоянно ведутъ къ установленію все большаго и большаго числа расъ? Отвѣтъ очень простъ „Дѣло идетъ, — говоритъ Колльманъ ¹⁾, — преимущественно о чисто анатомическихъ признакахъ, характери-

1) Craniologische Gräberfunde der Schweiz, 1883.

зующихъ „расу“... по *костямъ* можно открыть физическіе или матеріальные признаки ея“. Что касается научной тенденціи къ установленію все большаго числа расъ, то она основывается на томъ, что специфическіе признаки могутъ быть указаны на костяхъ черепа только при помощи весьма сложныхъ изслѣдованій ¹⁾).

Однако, вознаграждаютъ ли трудъ эти изслѣдованія? Не представляютъ ли всѣ эти разнообразія въ строеніи костей человѣка капризную игру природы, встрѣчающуюся внѣ всякихъ правилъ и законовъ въ безконечныхъ, вѣчно мѣняющихся комбинаціяхъ? На такой вопросъ современная краниологія даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ. „Скелеть,—говоритъ Рютимейеръ,—является тѣмъ органомъ, который съ наибольшимъ постоянствомъ сохраняетъ разъ полученные имъ формы, такъ что даже при скрещиваніи оба взаимно дѣйствующихъ фактора не создаютъ третьей формы, но продолжаютъ существовать другъ подлѣ друга; вліяніе скрещиванія на скелеть можно сравнить съ механическимъ, а не химическимъ дѣйствіемъ“. Точно такъ же Фохтъ рѣшительно отстаиваетъ постоянство расовыхъ чертъ, наблюдаемое всего лучше на скелетѣ. Пассаванъ считаетъ „форму черепа постоянной, передаваемой по наслѣдству расовой чертой“. „Извѣстна масса примѣровъ, пишетъ онъ, говорящихъ за то, что типъ расы остается постояннымъ, или позднѣе, путемъ регресса, проявляется вновь.

Очень убѣдительны замѣчанія объ этомъ Колльмана: „Если бы на ряду съ плодовитымъ скрещиваніемъ не существовало чрезвычайно упорнаго противодѣйствія признаковъ, характеризующихъ разновидность, внѣшнимъ вліяніямъ, то уже давно среди людей должно было бы господствовать

¹⁾ Ibidem.

полное однообразіе формъ. Но краниологія можетъ доказать, и каждый безпристрастный наблюдатель подтвердить, что въ дѣйствительности наблюдается противоположное“. Въ другомъ мѣстѣ онъ уже замѣчаетъ: „Салонная жизнь можетъ благопріятствовать исчезновенію твердости костей и силы мускуловъ, уменьшенію рукъ и ногъ; однако видовые признаки, которые индивидъ носитъ на себѣ, какъ наслѣдіе древняго происхожденія, неизмѣнно останутся на своемъ мѣстѣ, не смотря на цилиндръ и лакированные сапоги“.

Какой слѣдуетъ сдѣлать выводъ изъ этихъ двухъ фактовъ,—факта постоянства расовыхъ чертъ и факта все еще необозримаго множества человѣческихъ разновидностей или расъ, отличающихся другъ друга этими чертами? Очевидно, отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что мы должны представить себѣ первоначальное существованіе людей на землѣ, еще прежде, чѣмъ появилось смѣшеніе, „пенетрація“ расъ, въ видѣ безчисленнаго множества разнородныхъ человѣческихъ ордъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ особыя специфическія расовыя черты, остающіяся до сихъ поръ постоянными, не смотря на многочисленность скрещиваній.

Если расовыя черты *лишь* по наслѣдству переходятъ отъ поколѣній къ поколѣніямъ; если незамѣтно возникновенія новыхъ, а, наоборотъ, *лишь* старыя вѣчно проявляются вновь; если теперь налицо безчисленное количество расовыхъ чертъ, распространяющихся *путемъ* пенетраціи и наслѣдственности все шире и шире (что, конечно, не исключаетъ факта вымиранія и исчезновенія многихъ видовъ), если эти черты оказываются постоянными и древними (могильныя раскопки!),—то не должны ли мы отсюда заключить, что уже вначалѣ существовало множество разнородныхъ человѣческихъ ордъ, представлявшихъ собою отдѣльныя разновидности и расы? (Съ безчисленнымъ множествомъ

первыхъ „паръ“ никогда не согласится лишь возрѣніе сжившееся съ библейскимъ преданіемъ и современнымъ понятіемъ о семьѣ!).

Мы хотимъ опровергнуть еще одно возраженіе. Не слишкомъ ли мы преувеличиваемъ, говоря о безчисленномъ множествѣ расъ, въ то время, какъ антропология и краниология, даже признающія полигенизмъ, говорятъ только объ ограниченномъ и скромномъ числѣ! Конечно, послѣднее—фактъ; необходимо однако принять во вниманіе, какимъ минимальнымъ числомъ признаковъ антропология и краниология частью сами себя ограничиваютъ, частью ограничены природою вещей. Кто же повѣритъ, будто черты расовыхъ различій существуютъ только на черепѣ или на скелетѣ, гдѣ ихъ почти исключительно приходится искать антропологамъ и краниологамъ?

Очевидно, въ силу закона соотношенія (Correlation), черепнымъ различіямъ соотвѣтствуютъ аналогичныя различія частью въ тончайшихъ чертахъ человѣческаго лица, частью въ мозговыхъ извилинахъ; но, конечно, это область еще совершенно намъ неизвѣстная, такъ какъ она отчасти недоступна такимъ изслѣдованіямъ, которыя мы производимъ на костяхъ, отчасти слишкомъ тонка для нашего воспріятія, приспособленнаго лишь къ грубымъ явленіямъ.

Относительно многихъ тѣлесныхъ признаковъ, доступныхъ нашему изученію, совсѣмъ приходится отказаться отъ *историческихъ* изслѣдованій, такъ какъ соотвѣтствующія части тѣла и органы подвергаются полному тлѣнію и уничтоженію (напр., носы и уши); однако никто не сомнѣвается, что на этихъ частяхъ тѣла довольно сильно выражается расовое различіе.

Итакъ, мы не слишкомъ предвосхищаемъ антропологическую истину, признавъ, что существуетъ (и всегда суще-

ствовало) несравненно большее число человеческих разновидностей, чѣмъ въ состояніи установить теперешняя антропология съ ея ограниченными средствами. Въ виду этого мы избираемъ выставленную нами въ *Rassenkampf* и не опровергнутую критикой полигенетическую гипотезу — исходнымъ моментомъ дальнѣйшихъ социальна-научныхъ изслѣдованій ¹⁾.

§ 5. Понятіе и сущность социальнаго закона.

Изъ фактовъ, сопоставленныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, становится очевиднымъ, что теперь болѣе уже не существуетъ расъ въ антропологическомъ смыслѣ — „расъ“, обособленныхъ и взаимно-исключающихъ другъ друга. Но существовали ли когда нибудь такія расы? Логика несомнѣнно допускаетъ такое заключеніе: отъ смѣшаннаго къ несмѣшанному, отъ сложнаго къ простому, хотя мы и не можемъ теперь постигнуть такое примитивное состояніе при помощи какихъ бы то ни было средствъ историческихъ и доисторическихъ изысканій. Выводъ, который допускается логикой, мы можемъ избрать исходнымъ моментомъ нашихъ

¹⁾ Не смотря на то, что Вастіанъ, какъ уже было упомянуто, считаетъ такое доказательство излишнимъ, такъ какъ полигенизмъ основанъ «на самой природѣ вещей», однако профессоръ географіи Альфредъ Кирхгофъ (выдвигавшій себя за «яраго дарвиниста»), въ *Liter. Centralblatt* объявилъ эту теорію несомвѣстимой съ дарвинизмомъ. Это обстоятельство доказываетъ, что правильное пониманіе ученія Дарвина еще не получило желательнаго распространенія, почему я и долженъ считать все еще необходимыми приведенныя доказательства.

дедукцій, хотя это будетъ только научной *ипотезой*. Въ противоположность первоначальнымъ естественнымъ группамъ, въ теченіе исторіи и въ настоящемъ мы имѣемъ дѣло только съ человѣческими группами, которыя антропологически многообразно смѣшались,—что однако не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на ихъ взаимныя соціальныя отношенія. Въ соціологическомъ анализѣ эти группы относятся другъ къ другу, какъ *разнородныя*; ибо тѣ признаки, которые создаютъ эту разнородность, опредѣляются совершенно иными моментами, не имѣющими ничего общаго со строеніемъ костей и черепа. Родство или отчужденность группъ могли быть нѣкогда *чисто* антропологическими фактами, коррелатами особенностей въ черепахъ и костяхъ, но на всемъ протяженіи исторіи и въ настоящемъ мы видимъ въ этомъ родствѣ и отчужденности культурныя состоянія и отношенія, которыя являются болѣе чѣмъ необходимыми коррелатами и слѣдствіями совершенно иныхъ, не антропологическихъ, но соціологическихъ моментовъ.

Соціологическіе или, собственно, соціальныя моменты субъективно порождающіе чувство солидарности съ группой, и объективно являющіеся основаніемъ для признанія принадлежности къ группѣ,—заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, рожденіе въ группѣ, т.-е. отъ ея членовъ; затѣмъ, воспитаніе внутри группы. Это послѣднее, главнымъ образомъ, дѣлаетъ личность субъективно и объективно членомъ группы, благодаря усвоенію ея языка, нравовъ, религіи, воззрѣній и обычаевъ.

Изъ всѣхъ этихъ моментовъ вырастаетъ извѣстная общность интереса, которая связываетъ съ группами всѣхъ ея сочленовъ и, слѣдовательно, каждую личность; чувство этой общности интереса есть патриотизмъ въ его первобытной формѣ.

Такія единичныя сингенетическія группы представляютъ простые элементы, изъ которыхъ исходятъ социальныя дѣйствія; эти дѣйствія, прежде всего, влекутъ за собой социальныя соединенія двухъ или нѣсколькихъ такихъ простыхъ элементовъ. Эти вторичные многообразные социальные комплексы, образованію которыхъ въ дальнѣйшемъ способствуютъ разнообразнѣйшіе политическіе, экономическіе, національные и духовные интересы, вступаютъ всегда въ тѣ же законѣрныя отношенія, которыя присущи простѣйшимъ элементамъ въ силу ихъ социальной природы, такъ что черезъ все постоянно умножающіеся и усложняющіеся комплексы проходитъ всегда одно и то же теченіе, вызвавшее самыя первоначальныя взаимодействія, хотя оно несомнѣнно измѣняется и усложняется, благодаря вновь появляющимся комбинаціямъ и культурнымъ измѣненіямъ. Эти социальные элементы и ихъ соединенія суть субъекты историческаго процесса, а эти постоянно умножающіеся и усложняющіеся дѣйствія составляютъ его содержание.

Разсмотрѣвъ эти дѣйствія, которыя мы будемъ называть социальными, въ виду того, что они исходятъ отъ социальныхъ элементовъ, мы найдемъ, что, по своей сущности и своимъ тенденціямъ, они представляютъ, не смотря на незначительныя модификаціи во времени и пространствѣ, удивительное единообразіе, и даже, болѣе того, тождественность и единосущность (*Wesensgleichheit*). И подобно тому, какъ мы въ другихъ областяхъ всякое подобное единообразіе подчиняемъ и подводимъ подъ обуславливающій его законъ, такъ и въ специально-социальной области мы будемъ говорить о законахъ и называть ихъ специально-социальными законами. Для насъ социальный законъ означаетъ предполагаемую норму, къ которой сводятся конкретные процессы въ социальной области, и сообразно съ которой воздѣйствуютъ

другъ на друга и развиваются социальныя [элементы, т. е. сингенетическія группы *).

Занятія социальной наукой заключаются исключительно и только въ изслѣдованіи и изученіи такихъ социальныхъ законовъ, въ обнаруженіи ихъ дѣйствій вездѣ, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ этническіе и социальные элементы. Пока изслѣдованіе не было направлено на эти указанные здѣсь моменты, существовали попытки

*) Мысль о существованіи такого закона, по которому развиваются самыя отдаленныя и чуждыя другъ другу народности, пришла въ голову и Токвиллю, когда онъ сравнивалъ состояніе дикихъ американскихъ племенъ съ разсказами о древнѣйшей исторіи Европы. „Когда я замѣчаю сходство между институтами нашихъ предковъ германцевъ и институтами бродячихъ племенъ Сѣверной Америки, между обычаями, описанными Тацитомъ, и обычаями, свидѣтелями которыхъ мнѣ иногда приходилось быть, я не могу отрѣшиться отъ мысли, что одна и та же причина произвела въ двухъ полушаріяхъ одни и тѣ же слѣдствія и что среди видимаго разнообразія человеческихъ дѣлъ можно найти небольшое число производящихъ фактовъ, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ другіе („La Democratie en Amerique, I, стр. 27). Теперь, когда этнографическій горизонтъ сталъ значительно шире, социология подтверждаетъ предположенія Токвилля и приступаетъ уже къ изслѣдованію и точному опредѣленію этихъ „производищъ фактовъ“. „Этнологіей“, говоритъ Achelis, неопровержимо доказано, что опредѣленные явленія народной жизни оказываются одинаковыми у совершенно различныхъ народовъ, наюгда, насколько извѣстно, не стоявшихъ въ какомъ-нибудь отношеніи другъ къ другу... Отсюда слѣдуетъ, ... что совершенная общность природы человеческой расы (т. е. рода!) обнаруживается всюду одинаково у всѣхъ различныхъ народовъ! (Ethnologie und Geschichte, „Ausland“, Nr. 4, 1881).

открыть (finden) или обосновать социальную науку, — но она не была ни открыта, ни обоснована.

Конечно, философы истории и социологи знали, что для обоснования социальной науки (или философии истории) необходима *закономерность* развития, доказанное существование социальных законов (объ этомъ безпрестанно говорить Контъ, а также Кэри); но они не знали, *идь*, въ какихъ отношеніяхъ и явленіяхъ слѣдуетъ искать эту закономерность. Одни (напр., Вольтеръ) искали ее въ развитіи *человѣчества*. Но если субстратомъ такого развитія признать челоуѣчество, какъ цѣлое, — въ такомъ случаѣ приходится допустить одно изъ двухъ, движеніе впередъ или назадъ, прогрессъ или регрессъ. Последнее склонны были допустить тѣ, кто, какъ Руссо, исходили изъ гипотетическаго счастливаго естественнаго состоянія и затѣмъ доказывали непрерывно возрастающую порчу и развращенность. Большинство придерживалось однако противоположныхъ взглядовъ и стремилось доказать прогрессивность развитія, — а именно движеніе отъ первобытной дикости къ возрастающей цивилизаціи (сюда относятся все почти „историки культуры“). Оба направленія были одинаково ложны, и ошибка ихъ коренится въ признаніи „человѣчества“ *единымъ* субстратомъ развитія. Это возрѣніе господствуетъ съ давнихъ поръ, и его придерживаются почти все философы истории и социологи. Для того, чтобы доказать его, имъ приходится сѣзуть свой историческій кругозоръ, не смотрѣть ни вправо, ни влѣво, признать челоуѣчествомъ его незначительную часть. Для этой цѣли они пользуются, главнымъ образомъ, поверхностнымъ слоемъ европейской, или, точнѣе, лишь греко-римско-нѣмецкой или французской истории: то, что они открываютъ *здѣсь*, они объявляютъ развитіемъ всего челоуѣчества. Такъ, напр., Контъ говоритъ о періодѣ политеизма, лежащемъ между первоначальнымъ и современнымъ.

начальнымъ фетишизмомъ и современнымъ (!) монотеизмомъ, и при этомъ утверждаетъ, что въ теченіе этого періода чело- вѣчество (!) возвысилось до моногаміи ¹⁾). Ясно, о какой дроби „человѣчества“ идетъ здѣсь рѣчь; объ остальномъ Контъ не заботится — иначе ему пришлось бы отказаться отъ „за- кономѣрности“ развитія, отъ возвышенія „человѣчества“ до моногаміи.

Не было недостатка въ трезвыхъ умахъ, которымъ не импонировалъ этотъ родъ „закономѣрнаго“ развитія, кото- рые ясно видѣли скрывающійся подъ нимъ очевидный само- обманъ. Недовольные такой воображаемой закономѣрностью и такими воображаемыми законами, они старались отыскать ихъ на другомъ пути. Это были статистики съ Кетле во главѣ.

Кетле тоже знаетъ, что безъ доказательства закономѣр- ности и законовъ невозможна наука о людяхъ, что веѣмъ поведеніемъ людей точно такъ же должны управлять постоян- ные законы, какъ и явленіями, входящими въ сферу естество- знанія. Онъ жалуется, что философы еще не дошли до по- знанія этихъ законовъ. „Дѣйствительно, либо вслѣдствіе недовѣрія къ своимъ собственнымъ силамъ, либо вслѣдствіе нежеланія подчинить законамъ кажущійся результатъ сво- бодныхъ и случайныхъ причинъ, — во всякомъ случаѣ при изученіи моральныхъ явленій мы считаемъ необходимымъ отказаться отъ того пути, которому мы слѣдовали при из- ученіи другихъ законовъ природы“ ²⁾). Совершенно справед- ливо думаетъ Кетле, что, если наука о людяхъ хочетъ прійти къ познанію и обнаруженію законовъ, управляющихъ ихъ

¹⁾ Comte-Rig. II, 230 „c'est pendant cette periode que l'humanité (!) s'est élevée à la monogamie.

²⁾ L'Homme, I.

поведеніемъ и поступками, она должна игнорировать личность и направить свои наблюденія *не на индивида*.

„Прежде всего, мы должны *забыть объ изолированномъ* чело-вѣкѣ и разсматривать его только какъ особь своего вида. Лишивъ его индивидуальности, мы устраиваемъ все случайное; индивидуальныя особенности, оказывающія незначи-тельное дѣйствіе на массу, или вовсе не оказывающія его, изгладятся сами собой и дадутъ намъ возможность постигнуть общіе результаты“¹⁾...

Приведя въ примѣръ кругъ, начерченный мѣломъ на доскѣ, окружность котораго отчетливо видна издали, но при разсмотрѣннн въ лупу оказывается безформенной мас-сой мѣловой пыли,—Кетле продолжаетъ: „Точно такимъ же образомъ мы изучаемъ законы, управляющіе *человѣческимъ* *родомъ*; если мы будемъ наблюдать ихъ вблизи (здѣсь онъ разумѣетъ наблюденіе надъ *индивидомъ*),— мы окажемся не въ состояннн ихъ понять, ибо намъ бросятся въ глаза только индивидуальныя особенности, которымъ нѣтъ числа...“

Кетле пришелъ, такимъ образомъ, къ тому *отрицатель-ному* выводу, что наука о людяхъ должна игнорировать ин-дивида. Чѣмъ же замѣнилъ Кетле этотъ ложно выбранный объектъ науки, отъ котораго ему пришлось отказаться? Какъ мы уже упомянули выше, совершенно безсодержательнымъ, пустымъ понятіемъ, которое онъ называетъ то „человѣче-скимъ видомъ“, то „обществомъ“, то „соціальной системой“. Въ этомъ главная ошибка Кетле. Къ *позитивному* познанію того, что собственно должно служить *объектомъ наблюденн* этой науки о чело-вѣкѣ, Кетле не пришелъ; и мы увидимъ, почему и какъ недостатокъ этого позитивнаго познанія свелъ къ нулю всѣ его научныя труды. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ

¹⁾ Ibidem, 5.

сдѣлать, избравъ для отысканія законмѣрности и законовъ объектомъ наблюденія пустое понятіе „человѣчества“, „общества“ или „общественной системы“?. Этому понятію не соотвѣтствуетъ *никакое конкретное явленіе*, которое можно бы наблюдать; ибо каждое конкретное явленіе въ природѣ *ограничено* и только потому доступно научному анализу. Неограниченное, неопредѣленное, безконечное не можетъ стать предметомъ научнаго наблюденія и изслѣдованія. Такимъ неуловимымъ, неопредѣленнымъ и неопредѣлимымъ явленіемъ оказывается у Кетле понятіе „человѣчества“, „общества“ и „общественной системы“; о такой объектѣ должны разбитыя всякія научныя попытки, такъ какъ онъ совершенно недоступенъ наблюденію, являющемуся базисомъ всякой науки. Понятія „человѣчества“ и „общества“ такъ же легко могутъ быть предметомъ науки, какъ *время* или *пространство*: только въ своемъ конкретномъ проявленіи, какъ *конкретныя единства*, они доступны наблюденію и изученію. Съ полнымъ основаніемъ Кетле не признаетъ такимъ единствомъ индивида, но другого единства онъ не нашелъ. „Человѣчскій родъ“, „общество“, „соціальная система“—неопредѣленные и туманныя понятія.

Кетле, какъ мы видѣли, надѣялся выйти изъ этого затруднительнаго положенія при помощи „большого числа“. Для него „большое число“—волшебная палочка, посредствомъ которой онъ изъ громоздкой массы „человѣческаго рода“, „общества“, „соціальной системы“ создаетъ научныя понятія изящной и тонкой работы; пользуясь „большимъ числомъ“, онъ открываетъ законмѣрность и законы повсюду, гдѣ раньше царилъ слѣпой хаосъ. Его операціи очень просты; къ сожалѣнію, они далеко не въ такой степени правильны и неопровержимы...

Нужно сосчитывать любыя явленія въ области соціаль-

ной жизни (или въ любой другой области) и сравнивать полученныя количества этихъ явленій, повторяющихся въ различныя эпохи; при этомъ возможно одно изъ двухъ: либо числа указываютъ извѣстную правильность, либо нѣтъ. Въ первомъ случаѣ статистики радуются „закоу большого числа“; во второмъ,—они молчатъ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ оказывается первое, такъ какъ все отношенія и процессы въ мірѣ обладаютъ числовою стороною,—все можетъ быть сосчитано. Но у всехъ чиселъ, какъ таковыхъ, есть свойство—при извѣстной высотѣ давать извѣстныя пропорціи. Эта высота необходимо должна быть когда-нибудь достигнута. Такова природа числа, которая, повидимому, передается отношеніямъ и процессамъ, подлежащимъ счисленію.

Возьмемъ примѣромъ любое *редкое* событіе изъ повседневной жизни. Сумасшедшій взлѣзаетъ на башню и бросается съ ея вершины на мостовую. Такого случая въ извѣстномъ городѣ не бывало съ незапамятныхъ временъ; онъ совершенно единиченъ. Конечно, на немъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть доказана закономѣрность. Если онъ болѣе не повторится, онъ не подлежитъ никакой статистической разработкѣ. Но этимъ не исключается возможность его повторенія въ будущемъ. Если въ нашемъ распоряженіи длинный рядъ лѣтъ и такой случай произошелъ хотя бы только дважды, уже у насъ имѣется точка опоры для статистической „закономѣрности“. Можно сказать, что событіе это повторяется въ теченіе столькихъ-то лѣтъ. Очевидно, если считать событія и явленія, которыя происходятъ ежедневно и ежечасно, изъ которыхъ слагается человѣческая жизнь, то возможность установленія численныхъ отношеній будетъ еще значительно больше. Самое большое число этихъ событій (напр., рожденій, браковъ, смертныхъ случаевъ и т. д.)

среди опредѣленной и постоянной группы людей должно повторяться съ большой правильностью: тутъ статистика празднуетъ дешевый триумфъ. Но, спросимъ мы, объясняетъ ли констатированіе правильности естественныхъ процессовъ управляющій ими законъ? Ни въ коемъ случаѣ. *Число* всегда есть только доказательство или признакъ существованія закономѣрности; оно свидѣтельствуетъ о ней, но не объясняетъ ее.

Всѣ выводы статистики не въ силахъ открыть или объяснить намъ малѣйшій „законъ“, касающійся „человѣчества“, „общества“ и „общественной системы“. Законъ большого числа, есть законъ числа, но не законъ сосчитанныхъ явленій; социальная же наука хочетъ знать законъ самыхъ социальныхъ явленій,—и не только съ ихъ численной стороны. Заслуги статистики могутъ быть велики; какъ *методъ* изслѣдованія, она имѣетъ свое значеніе; но искомые законы социальныхъ явленій никогда не могутъ быть найдены при помощи статистическихъ изслѣдованій. Счетъ явленій и сопоставленіе ихъ числовыхъ отношеній въ предѣлахъ извѣстнаго періода времени есть чисто механико-арифметическая дѣятельность, не имѣющая ничего общаго съ отысканіемъ и выясненіемъ законовъ этихъ явленій. Статистическія изслѣдованія Кетле сослужили наукѣ большую службу, но онъ не достигъ той цѣли, къ которой онъ собственно шелъ,—цѣли доказать *закономѣрность* и законы *социальныхъ явленій*. Законъ числа отвлекъ его отъ законовъ социальныхъ явленій. Источникъ такой ошибки лежалъ въ неясности представленій о *предметѣ* социальной науки, въ неясности понятій „человѣческаго рода“ и „общества“, лежащихъ въ основаніи его изслѣдованій и дѣлающихъ, вслѣдствіе своей неопредѣленности и неуловимости, невозможнымъ строгій и точный научный анализъ. Въ своемъ болѣе позднемъ трудѣ: „Къ естественной

исторіи общества¹⁾ онъ попытался избѣгнуть неясности этихъ понятій, занявшись преимущественно изученіемъ отдѣльныхъ социальныхъ общеній, но онъ не только не пришелъ къ ясному возрѣнію на „народность“, „націю“ и „человѣчество“, а, наоборотъ, снова впалъ въ ошибку, которой, судя по предыдущему, отъ него нельзя было ожидать; ошибка эта состоитъ въ томъ, что для выясненія сущности и природы этихъ образованій, онъ обращается къ личности, къ индивиду, какъ ихъ мнимому источнику и началу. Вслѣдствіе этого онъ, подобно всему индивидуалистическому и атомистическому направленію въ государственной наукѣ, заранее обрекъ себя на непониманіе природы социальныхъ общеній.

Значительный прогрессъ по сравненію съ философами исторіи и Контомъ, а также и Кетле, представляетъ, какъ мы уже упоминали выше, философія и социологія Спенсера признающаго вмѣстѣ съ ними необходимость и возможность социальной науки²⁾. Прогрессомъ въ сравненіи съ Контомъ является тотъ фактъ, что Спенсеръ не въ такой степени выдвигаетъ на первый планъ *единство* въ развитіи *человѣчества*, какъ субъекта социальныхъ законовъ, а, наоборотъ, говоритъ о совершающемся вездѣ и всегда развитіи социальныхъ общеній. Съ другой стороны, онъ не старается рѣшить проблему этого закономернаго развитія помощью „большого числа“. Напротивъ, Спенсеръ усматриваетъ рѣшеніе этой проблемы въ своей формулѣ эволюціи.

Этотъ законъ эволюціи, конечно, можно признать „общимъ закономъ“, стоящимъ къ социальнымъ явленіямъ въ извѣстномъ, хотя и очень отдаленномъ отношеніи; но ни въ

¹⁾ Zur Naturgeschichte der Gesellschaft. Нѣмецкій переводъ Адлера, Гамбургъ, 1856 г.

²⁾ См. объ этомъ его введеніе въ социальную науку I. 2—3 гл.

коемъ случаѣ нельзя признать его „соціальнымъ закономъ“. Слѣдующее положеніе является исходнымъ моментомъ теоріи Спенсера: каждая наука, изучая въ прошломъ генеалогію различныхъ явленій, должна прійти къ тому убѣжденію, что составные элементы извѣстнаго явленія нѣкогда находились въ состояніи *диффузіи*, но затѣмъ, изучая исторію его развитія, она встрѣчается съ постепенной *концентраціей* нѣкогда разрозненныхъ его элементовъ. Изъ этого Спенсеръ заключаетъ, что искомая имъ формула общаго закона развитія должна охватить собою эти два противоположныхъ процесса, а именно: *концентрацію* и *диффузію*. Такой формулой и является его законъ эволюціи. Онъ гласитъ: каждое познаваемое явленіе находится въ состояніи непрерывнаго измѣненія; это измѣненіе заключается либо въ процессѣ возникновенія (*im Werden*), либо въ процессѣ исчезновенія (*im Vergessen*); первый состоитъ въ интеграціи (или концентраціи) матеріи и разсѣиваніи движенія, что Спенсеръ называетъ *эволюціей*; послѣдній состоитъ въ дезинтеграціи (разложеніи) матеріи и поглощеніи движенія, что Спенсеръ называетъ *диссолюціей*.

И дѣйствительно, Спенсеру удается доказать примѣнимость этой формулы ко всѣмъ областямъ явленій; при этомъ онъ обнаруживаетъ много ума и остроумія. Дѣло однако въ томъ, что эта общая формула такъ далека отъ конкретныхъ явленій, что она, никоимъ образомъ, не можетъ уяснить намъ ихъ природы; тѣмъ болѣе она не можетъ замѣнить дѣйствительнаго ихъ закона. Формула эта ко всему примѣнима и ничего не объясняетъ. Въ сущности, она доказываетъ только то, что существуетъ общій законъ движенія. Въ глубину этого закона формула не проникаетъ, она остается на его поверхности.

Въ частности, въ соціальной области произвольность эта

выступает съ наибольшей очевидностью. Хотя эта формула въ извѣстномъ—не прямомъ, а переносномъ—смыслѣ и *применима* къ социальнымъ процессамъ, — однако она не выясняетъ ихъ.

Спенсеръ, напр., слѣдующимъ образомъ оперируетъ съ этой формулой въ социальной области:

„Пока существуютъ лишь небольшія бродячія формы людей, безъ всякой организаціи, взаимные конфликты этихъ группъ едва ли могутъ вызвать какое-либо измѣненіе въ ихъ структурѣ. Но когда появляется институтъ предводительства, самъ по себѣ вызывающій такіе конфликты, и въ особенности, когда конфликты эти приводятъ къ постоянному порабощенію одной группы другою, тогда возникаютъ уже начатки государственной организаціи“...¹⁾

Конечно, можно констатировать отдаленную аналогію отношеній между закономъ эволюціи и социальнымъ процессомъ объединенія социальныхъ составныхъ элементовъ въ государственную организацію; но объяснить этотъ процессъ формула эволюціи не можетъ. Для его объясненія мы должны прибѣгнуть къ *социальному* закону. Такимъ закономъ является стремленіе каждой социальной группы подчинить себѣ каждую другую социальную группу, встрѣчающуюся на ея пути, стремленіе къ порабощенію, къ господству. Источникомъ этого стремленія въ конечной инстанціи является „забота о жизни“, присущая каждой группѣ. *Этотъ* исключительно социальный законъ вполне объясняетъ намъ социальный процессъ. Благодаря ему, болѣе сильное изъ мелкихъ бродячихъ группъ стремится поработить болѣе слабое, поставить его на службу своимъ цѣлямъ; изъ этого стремленія сама собой возникаетъ необходимость всѣхъ тѣхъ „структуръ“ или

¹⁾ Sociologie, стр. 15.

организаций, которыя наконецъ порождаютъ „государство“. Общий законъ Спенсера примѣнимъ и къ этимъ процессамъ, но Спенсеръ не касается „соціального закона“, который только и объясняетъ ихъ.

Эта слабая сторона Соціологии Спенсера компенсируется вполне, какъ упомянуто выше, безконечною массой правильныхъ наблюденій надъ соціальными явленіями и процессами; при этомъ его формула эволюціи оказывается настолько безобидной, что ни въ коемъ случаѣ не можетъ помѣшать правильному пониманію этихъ явленій и процессовъ: въ этомъ ея большое преимущество предъ другими общими формулами. Кроме того, важное значеніе соціологии Спенсера заключается въ доказательствѣ закономернаго развитія соціально-психическихъ явленій, обнаруживающемъ геніальность и мастерство, которыя съ тѣхъ поръ достигнуты были однимъ только Бастианомъ. Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній объ этомъ направленіи соціальной психологии Спенсера.

Этнографическія и доисторическія изслѣдованія уже давно обнаружили тотъ замѣчательный фактъ, что въ многообразнѣйшихъ общественныхъ явленіяхъ, не смотря на различіе климатовъ и странъ, наблюдается послѣдовательная и логическая смѣна измѣненій, или, другими словами, развитіе. Такъ, историки первобытной культуры констатировали развитіе отъ костяной утвари до каменныхъ орудій, затѣмъ до бронзоваго и желѣзнаго вѣка, — развитіе, которое можно обнаружить, только сопоставляя въ одинъ рядъ самые различные, разсѣянные во всѣхъ странахъ свѣта остатки прошлаго, принадлежавшіе различнѣйшимъ народамъ. При этомъ по большей части, не только нельзя доказать это развитіе на отдѣльныхъ человѣческихъ группахъ, но, наоборотъ, можно открыть множество человѣческихъ группъ, которыя до сихъ

поръ, не подчиняясь закону развитія, *неподвижно* стоять на той или иной фазѣ его. То же самое явленіе встрѣчаетъ исследователь и въ другихъ областяхъ соціальной жизни, какъ, напр., въ религіи, нравахъ, правѣ, культурѣ и т. д.

Между фетишизмомъ, антропоморфизмомъ, политеизмомъ, монотеизмомъ и свободомыслящимъ атеизмомъ философствующій человѣческій духъ находитъ логическую связь, строго законмѣрное развитіе; а между тѣмъ почти невозможно доказать это развитіе на одной и той же человѣческой группѣ. И теперь еще много человѣческихъ группъ, которыя, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, поклоняются фетишамъ, представляютъ Бога въ образѣ человѣка, населяютъ свое небо толпами боговъ, или, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, признаютъ одного и единаго Іегову. Наоборотъ, у нѣкоторыхъ философовъ древности мы встрѣчаемъ уже свободомыслящій атеизмъ.

Можно привести безчисленное количество примѣровъ такого соціально-психическаго развитія, обнаруживаемаго только при помощи сопоставленія различнѣйшихъ народовъ, время и странъ. Соціологическія работы Спенсера и „этнологическія“ Бастіана полнымъ-полны такими примѣрами. Ближайшимъ объясненіемъ такого безспорно „законмѣрнаго развитія“ было бы, конечно, пониманіе человѣчества, какъ единства, представляющаго въ своемъ законмѣрномъ единомъ соціальномъ развитіи естественный субстратъ соціально-психической эволюціи.

Но такое часто допускаемое объясненіе противорѣчитъ упомянутому факту несоотвѣтствія дѣйствительнаго состоянія человѣчества съ этимъ конструированнымъ развитіемъ. Если мы прослѣдимъ развитіе какого бы то ни было соціально-психическаго явленія, мы найдемъ одни и тѣ же фазы развитія въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, у раз-

личнѣйшихъ народовъ. Возьмемъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Для европейца XIX ст. очень заманчиво конструировать „соціальное развитіе“, идущее отъ состоянія беспорядочной „свободной“ любви къ полиандріи затѣмъ, полигаміи, наконецъ достигающее „пышнаго цвѣта человѣческаго развитія“, — моногаміи.

На подобныхъ конструкціяхъ основываются часто изслѣдованія Спенсера, сопоставленіе „проявленій мысли народовъ“ у Бастіана, а въ новѣйшее время талантливый обобщенія Липперта (Семья, Духовенство и пр.). Всѣ эти конструкціи очень красивы, имъ нельзя отказать въ логической послѣдовательности (логической!) и „закономѣрности“. Не слѣдуетъ только называть это развитіе социальнымъ, отождествлять его съ *социальнымъ* развитіемъ. Субстратомъ *социально-психическаго* развитія никогда не является единое человѣчество; но въ безконечномъ разнообразіи его проявленій мы имѣемъ во всякое время возможность найти отдѣльные элементы для созданія логической схемы социальнопсихическаго развитія. Такъ, напр., теперь, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ, мы находимъ человѣческія группы, которыя живутъ въ беспорядочной, „свободной“ любви, мы находимъ племена и народы, гдѣ господствовала и господствуетъ теперь полиандрія, полигамія и моногамія. Слѣдовательно, нельзя отождествлять развитіе социальныхъ институтовъ съ развитіемъ самого человѣчества, съ тѣмъ, что мы называемъ въ собственномъ смыслѣ слова *социальнымъ* развитіемъ. Бастіанъ въ этомъ социальнопсихическомъ развитіи, какъ мы его можемъ назвать, видитъ правильныя и закономѣрныя проявленія развитія „мысли народовъ“ и кладетъ эту мысль народовъ въ основаніе своей „науки о челоуѣкѣ“; точно такъ же Спенсеръ на такомъ характерѣ развитія строитъ свою социологию ¹⁾. Все это до извѣстной степени не лишено осно-

¹⁾ Bastian, Der Völkergeleauke, заключение и passim.

ванія. Разумѣется, социальна-психическія явленія относятся также къ наукѣ о людяхъ; обнаруженіе единой „мысли народовъ“ во всѣхъ ея проявленіяхъ доставляетъ этой наукѣ драгоцѣнный матеріалъ; „изслѣдованіе законовъ роста чело-вѣческаго духа, проявляющихся въ общественномъ творчествѣ мысли“ (Бастіанъ) можно разсматривать, какъ интегральную часть социологіи, или этнологіи, по терминологіи Бастіана, ибо, конечно, справедливо, что „всюду и вездѣ болѣе проницательный анализъ.—если только онъ не вводится въ заблужденіе мѣстной окраской, прежде всего бросающейся въ глаза,—приходить къ обнаруженію тождественности основ-ныхъ представленій“¹⁾. Все это такъ, но все это еще не обра-зуетъ ни ядра социологіи, ни ядра „науки о чело-вѣкѣ вообще“; законы и законобѣрные процессы развитія, открытые въ соци-ально-психической области, не слѣдуетъ отождествлять съ *соци-альными* законами и социальными процессами развитія. Необ-ходимо различать социальные вопросы отъ социальна-психиче-скихъ. Первые обнимаютъ отношенія чело-вѣческихъ группъ и обществъ другъ къ другу; вторые—совокупность проявле-ній „мысли народовъ“, къ которымъ относятся всѣ социальна-психическія образованія въ области религіи, нравовъ, права и культуры. Только законы, открытые въ чисто социальна-й области, т. е. тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ раз-личныхъ чело-вѣческихъ группъ другъ къ другу, мы назы-ваемъ социальными законами; законы же, относящіеся къ области, говоря словами Бастіана, „общественнаго творче-ства мысли“, правильнѣе всего назвать законами социаль-но-психическими.

¹⁾ Bastian, Der Völkergedauke, S. 178.

III.

Соціальные элементы и ихъ соединенія.

§ 1. Примитивная орда.

(Женская община, материнское право, бракъ путемъ похищенія, отцовская семья, собственность и господство)

Подобно тому, какъ индивидуальное самосознаніе просыпается лишь послѣ того, какъ человѣческой духъ въ безсознательномъ состояніи проходитъ первыя стадіи своего развитія; подобно тому, какъ пробудившійся интересъ къ созерцанію природы обращается, прежде всего, къ наиболѣе сложнымъ естественнымъ явленіямъ и только путемъ утомительнаго анализа переходитъ къ ихъ составнымъ частямъ и элементамъ, — такъ точно и проснувшееся политическое мышленіе обращаетъ, прежде всего, вниманіе на чрезвычайно сложные соціальные явленія, какъ, напр., племя и родъ, и только современная соціальная наука должна съ трудомъ при помощи сложнаго научнаго анализа пробить себѣ путь къ примитивной ордѣ для того, чтобы реконструировать картину первобытнаго строя соціальныхъ обществъ по рѣдкимъ соціальнымъ переживаніямъ, сохранившимся въ преданіяхъ.

Часто живой примѣръ дикихъ ордъ представляетъ полезную подмогу для соціальной науки въ этой трудной работѣ ¹⁾.

Такимъ удержавшимся еще въ традиціяхъ цивилизованныхъ народовъ переживаніемъ, прежняя распространенность котораго подтверждается живымъ настоящимъ дикихъ племенъ, — переживаніемъ, которое служитъ для соціологіи нитью Ариадны, выводящей ее изъ лабиринта сложнѣйшихъ соціальныхъ общеній исторіи и нашего времени къ открытію примитивной орды, — является такъ называемое „*материнское право*“.

Имѣя исключительно въ виду возникшую тысячи лѣтъ тому назадъ въ Европѣ организацію „семьи“ съ „отцомъ“ во главѣ, европейская наука, согласно традиціямъ азіатскихъ народовъ со временъ грековъ и римлянъ, считала эту организацію созданною самой „природой“, существующей отъ вѣка, образующей истинное зерно всѣхъ позднѣйшихъ соціальныхъ образованій.

Только зрѣлое размышленіе новѣйшаго времени въ связи съ основательными изслѣдованіями доказали ложность такого предположенія и установили тотъ фактъ, что теперешней формѣ „отцовской семьи“ (Vaterfamilie) предше-

¹⁾ Прекрасное изображеніе примитивной орды даетъ намъ Дарвинъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я никогда не забуду своего удивленія, когда я впервые увидѣлъ толпу огнеземельцевъ на дикомъ обрывистомъ морскомъ берегу. У меня въ головѣ промелькнула мысль: таковы были наши предки. Эти люди были совсѣмъ наги и раскрашены; ихъ длинные волосы спутаны, изъ ихъ рта текла отъ волненія слюна, ихъ видъ былъ дикъ, растерянъ и недовѣрчивъ. Они не знаютъ никакихъ ремеслъ; какъ дикіе звѣри, они живутъ добычей. У нихъ нѣтъ правительства; они беспощадны къ тому, кто не изъ ихъ племени». (Abstamm d. Menschen, II, 356. Срв. Rassenkampf, стр. 195 и сл.).

ствовало время, когда группа, соединенная тѣснымъ кровнымъ родствомъ, концентрировалась исключительно и только вокругъ матери, какъ основательницы ея.

До настоящаго времени довольствовались доказательствомъ существованія историческаго, или, если угодно, доисторическаго факта материнской семьи, равно какъ вытекающаго изъ этого факта материнскаго права, отъ котораго сохранилось не мало слѣдовъ и въ позднѣйшихъ вѣкахъ. Эти доказательства надо считать вполне достаточными, благодаря изслѣдованіямъ Бахофена, Жиро-Тейлона, Макъ-Леннана, Киншипа, а въ новѣйшее время Липперта, Даргуна и Вилькена. Въ частности, Даргунъ въ послѣднее время указалъ на несомнѣнные слѣды существовавшаго нѣкогда материнскаго права и въ германскихъ юридическихъ нормахъ и обычаяхъ. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ пренебрегали именно тѣмъ, что, по нашему мнѣнію, является наиболѣе важнымъ *объясненіемъ* материнской семьи, какъ *необходимаго слѣдствія* социальнаго строя примитивной орды. Такое объясненіе не только необходимо для правильнаго пониманія и оцѣнки материнской семьи,—оно способствуетъ также пониманію примитивной орды и даже больше того—впервые даетъ прочное обоснованіе этой выставленной почти гипотетически примитивнѣйшей формѣ организациіи человѣческаго общежитія. Примитивную орду нельзя понимать, какъ форму организациіи, только что и впервые вышедшую изъ рукъ „творца“: вѣдь въ отдаленныхъ частяхъ свѣта существуютъ даже и теперь примитивныя орды. Подъ нею мы понимаемъ такую группу людей, которая основана на простѣйшихъ животнo-человѣческихъ инстинктахъ, которая въ социальныхъ отношеніяхъ своихъ и социальной организациіи еще не является результатомъ социальныхъ переворотовъ и усложненій. Жизнь такой орды опредѣляется исключительно и только

самыми простыми и естественными инстинктами, врожденными человѣку.

Послѣ потребностей, создаваемыхъ голодомъ и жаждой, удовлетвореніе которыхъ требуетъ ряда занятій отъ членовъ орды, обуславливаетъ значительную часть ихъ стремленій и поступковъ,—половое влеченіе является, конечно, самымъ могущественнымъ факторомъ въ жизни примитивныхъ членовъ орды.

Если мы примемъ во вниманіе половой инстинктъ мужчинъ въ примитивной ордѣ, мы поймемъ, что первоначальной формой половыхъ отношеній, какъ это подтверждается примѣрами изъ жизни современныхъ дикарей, являлась временная связь то съ однимъ, то съ другимъ женскимъ индивидомъ орды въ зависимости отъ случайной встрѣчи, или моментальнаго предпочтенія,— другими словами, первоначальной формой половыхъ отношеній была общность женъ (Weibergemeinschaft)¹⁾.

Необходимымъ слѣдствіемъ общности женъ является отсутствіе какой-бы то ни было кровной родственной связи между мужчинами и ихъ дѣтьми. Другими словами: при системѣ общности женъ совсѣмъ нѣтъ *отцовъ*, такъ какъ они, по общему правилу, неизвѣстны. Единственной кровною связью (въ отличіе отъ родовой связи, обнимающей всѣхъ членовъ орды) остается только фактъ материнства (Mutter-schaft). Поэтому при примитивной системѣ общности женъ не можетъ быть никакой другой семьи, кромѣ материнской,— то-есть существуетъ явная принадлежность дѣтей ихъ матери и возникающій отсюда авторитетъ матери надъ дѣтьми и

¹⁾ Историческіе примѣры общности женъ см. у Поста: *Geschlechts-genossenschaft der Urzeit*, стр. 16.

„семьей“,—другими словами, гинекократія и материнское право.

Эта первобытная организація семьи, говоря вообще, исчезла уже къ началу историческихъ временъ. Но тотъ фактъ, что она еще долго жила въ традиціяхъ и воспоминаніяхъ, доказывается не только ея многочисленными слѣдами, собранными вышеупомянутыми изслѣдователями, но также и тенденціозными вымыслами, которые сложились позднѣе при господствѣ противоположной системы и имѣли своей цѣлью обосновать и оправдать *подчиненное* положеніе женщинъ.

Къ такимъ тенденціознымъ вымысламъ, прежде всего, относится библейское преданіе, по которому женщина является вторичнымъ твореніемъ Бога и происходитъ изъ ребра мужчины, чѣмъ и оправдывается господство послѣдняго надъ первой.

Возможно, что это—одинъ изъ самыхъ раннихъ примѣровъ того, какъ всякое *фактическое* господство безъ труда находить теоретическое обоснованіе своего права“.

Лишь только пало господство женщинъ, теоретики новаго общественнаго строя (профессора государственнаго права!) стали выводить ихъ происхожденіе отъ жалкаго мужскаго ребра. Свалились только съ ногъ,—за поруганіемъ дѣло не станеть!

Подобнымъ же образомъ въ позднѣйшее время происхожденіе порабощенныхъ и низшихъ классовъ выводилось отъ младшаго потомка Ноя, между тѣмъ какъ господствующимъ предоставлялось право вести свой родъ отъ привилегированнаго первенца.

Таковы всегда генеалогическіе приемы и тенденціозная ложь историковъ.

Что первоначальная гинекократія всюду перешла въ

позднѣйшую андрократію,—это фактъ; но, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ остается неразъясненнымъ вопросъ, какимъ образомъ это произошло, какіе естественные моменты и факторы произвели такой переворотъ въ первобытномъ общественномъ устройствѣ; а между тѣмъ доисторическія, а также этнографическія и антропологическія изслѣдованія даютъ намъ возможность установить фактъ, необходимымъ и легко объяснимымъ слѣдствіемъ котораго долженъ былъ явиться упомянутый переворотъ. Этотъ фактъ—бракъ путемъ похищенія, понимаемый въ настоящемъ смыслѣ, то-есть какъ экзогамическая связь.

Обычай похищенія женщинъ, какъ въ первобытныя времена, такъ и у современныхъ дикарей, много разъ описанъ этнографами и этнологами и установленъ ими, какъ несомнѣнный фактъ. Но при этомъ слишкомъ мало значенія придавали обстоятельству, которое является душой этого обычая, опредѣляетъ всю его сущность; мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что объектомъ похищенія всегда и вездѣ являются женщины *чужой* орды, *чужого* племени.

Съ неопровержимой очевидностью выступаетъ такой характеръ похищенія, если мы представимъ себѣ устройство орды при примитивномъ господствѣ женщинъ. Въ предѣлахъ орды вполнѣ невозможно похищеніе женъ: гдѣ существуетъ господство женщинъ, материнская семья и материнское право,—тамъ похищеніе женъ можетъ практиковаться только по отношенію къ женщинамъ чужой орды; гинеократическое же устройство орды даетъ много основаній примѣнять его именно въ такомъ направленіи.

Не говоря уже о томъ, что при естественныхъ разбойничьихъ набѣгахъ и войнахъ разноплеменныхъ ордъ, кромѣ скота и другого имущества, которымъ можно удовлетворить свой голодь, чужая женщина всегда и вездѣ представляетъ

драгоценнѣйшую добычу,—при гинекократическомъ устройствѣ похищенная у чужого племени жена оказывается тѣмъ дороже, что, въ противоположность женщинамъ собственной орды, ее можно поставить въ зависимое положеніе и держать исключительно для себя, какъ индивидуальную собственность, между тѣмъ какъ единоплеменные жены, во-первыхъ, общи для всѣхъ соплеменниковъ, а во-вторыхъ, пользуются господствующимъ положеніемъ, освященнымъ обычаемъ.

Въ виду такого неблагоприятнаго для мужчинъ положенія въ собственной ордѣ, жена, похищенная изъ чужого племени, имѣетъ много преимуществъ. Она не раздѣляетъ привилегій туземныхъ женщинъ; ей приходится занять по отношенію къ своему господину служебное положеніе, быть его собственностью, рабынею,—принадлежать исключительно ему. Поэтому нечему удивляться, что преимущества, присущія обычаю похищенія женъ, ведутъ къ его повсемѣтному широкому распространенію: онъ является первымъ шагомъ къ эмансипаціи мужчинъ въ примитивной ордѣ!

И дѣйствительно, въ началѣ исторической эпохи намъ повсюду встрѣчаются преданія о похищеніи женъ; достаточно вспомнить только о похищеніи греческой Елены малоазійскимъ принцемъ, открывающемъ греческую исторію, и о похищеніи сабинянокъ, открывающемъ римскую; точно также характерно и то, что отецъ европейской исторіографіи, Геродотъ начинаетъ свой трудъ разсказомъ о взаимномъ похищеніи женъ греками и азіатцами.

Изъ *факта* похищенія женъ самымъ естественнымъ образомъ развивается институтъ хищническаго брака (*Raubehe*), общее и широко распространенное господство котораго во всѣхъ частяхъ свѣта доказывается переживаніями, сохранившимися почти повсюду еще до нашихъ дней ¹⁾.

¹⁾ Post, l. c. стр. 54; Dargun, Mutterrecht и Raubehe, стр. 78.

Съ распространеніемъ обычая похищенія женъ и хищническаго брака, паденіе гинекократіи, материнскаго права и материнской семьи стало неизбѣжнымъ. Единоплеменные женщины не могли удержать своего положенія въ виду конкуренціи чужихъ. Самая привлекательность новаго и чужого обезпечивала уже за похищенными женщинами извѣстное преимущество предъ своими. Конечно, это нововведеніе могло быть грубымъ прегрѣшеніемъ противъ святого обычая прежняго времени, но оно давало мужчинамъ несомнѣнно очень желанный случай сбросить тяжелое иго женскаго господства и, опираясь на обладаніе чужими женщинами, избавиться отъ гнета стариннаго обычая, потерявшаго свой *raison d'être* и потому уже признаваемого „неразумнымъ“.

Гинекократія была низвержена и вмѣстѣ съ ней пала *материнская семья* и *материнское право*. Господство мужчинъ и отцовская семья, основанная, благодаря чужимъ похищеннымъ женамъ, распространились и на женщинъ своего племени, которымъ пришлось подчиниться неизбѣжной судьбѣ. Исчезъ добрый старый обычай; возобладали новый неизвѣстный дотолѣ обычно-правовой институтъ: *отчество* (*Vaterschaft*) *отцовская семья*, *отцовское право*.

Въ связи съ этимъ нововведеніемъ и благодаря ему, возникаетъ фактъ, имѣющій громадное значеніе для соціального развитія человѣчества: мы имѣемъ въ виду усложнившіяся отношенія между двумя разнородными этническими группами. Похищеніе женъ и хищнической бракъ явились первыми петлями все болѣе и болѣе расширяющейся соціальной сѣти, охватывающей все большее и большее число человѣческихъ ордъ.

Такимъ образомъ началось сліяніе разнородныхъ этническихъ группъ; процессъ этотъ до сихъ поръ подвигается

впередъ безконечными извилистыми путями, опредѣляя содержаніе и форму многообразныхъ социальныхъ группъ, представляющихъ въ зависимости отъ того или иного характера ассимиляціоннаго процесса безконечное многообразіе индивидуальныхъ формъ. Но этотъ процессъ этническихъ усложненій и сліяній, возникшій впервые благодаря похищенію женъ и хищническому браку, ускоряется еще другими способствующими его развитію факторами, а именно организаціей господства и всѣми правовыми институтами, обусловленными ею.

Похищеніе женъ—не единственный поводъ къ первымъ враждебнымъ столкновеніямъ между разноплеменными ордами; ибо къ враждебнымъ нападеніямъ и набѣгамъ побуждаетъ также похищеніе имущества, — обстоятельство, имѣющее мѣсто всегда и всюду, даже до нашихъ дней между чуждыми другъ другу группами людей. Разбойничьи набѣги, производимые часто и неожиданно, въ зависимости отъ обстоятельствъ и степени нужды, доставляя побѣдителю добычу изъ скота, имущества и женщинъ, въ большинствѣ случаевъ являются только переходной ступенью къ болѣе интенсивнымъ военнымъ походамъ, результатомъ которыхъ оказывается покореніе чужихъ ордъ и ихъ продолжительное поработеніе, а смотря по обстоятельствамъ, и занятіе земли ¹⁾.

¹⁾ О томъ, какъ примитивныя племена относятся другъ къ другу, можно составить себѣ представленіе, наблюдая даже теперь уже довольно культурное племя бедуиновъ. Одинъ новѣйшій французскій путешественникъ пишетъ о нихъ: «Нападать на караваны, разъ они не въ союзѣ съ его племенемъ, разгонять ихъ стражу, отнимать ихъ добро, убивать тѣхъ, кто ихъ защищаетъ, особенно если это горожане,—таковы доблести, которыя онъ (бедуинъ) цѣнитъ всего выше. У насъ были бы отправлены на галеры, какъ грабители

Тамъ, гдѣ обстоятельства и взаимныя отношенія сдѣлали возможнымъ такое усложненіе соціальной жизни, имѣется уже готовая почва для культурнаго развитія (доказательства этого см. въ *Rassenkampf*, стр. 231). Но больше всего другого основаніемъ для такого развитія служить возникшій при указанныхъ условіяхъ институтъ *собственности*. На то, что собственность возникла одновременно съ господствомъ одной группы надъ другой и именно, какъ средство поддержать это господство, мы указали уже въ другомъ мѣствѣ (*Rechtsstaat* и *Socialismus*, стр. 344). Поэтому намъ предстоитъ здѣсь сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній, которыя отчасти необходимы для точнаго выясненія вопроса, отчасти вызваны позднѣйшими сочиненіями другихъ лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ прежнимъ обоснованіемъ собственности.

Прежде всего, мы предупреждаемъ, что подъ собственностью, возникающей какъ *средство господства*, мы понимаемъ лишь поземельную собственность. Мы думаемъ, что нужно, вообще, строго различать собственность на движимыя вещи отъ собственности на недвижимыя. Только вслѣдствіе бѣдности нашего языка мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи двухъ различныхъ названій для обозначенія этихъ двухъ совершенно различныхъ понятій. Что общаго, спрашиваемъ мы, между понятіемъ неограниченнаго обладанія (*Innehabung*), свободнаго распоряженія движимой вещью и тѣмъ *правовымъ отношеніемъ*, въ силу котораго участокъ земли можетъ находиться въ исключительномъ пользованіи одного лица? А между тѣмъ, для обозначенія этихъ двухъ различныхъ по существу понятій — движимой и недвижимой соб-

большихъ дорогъ, всѣ самые благородные герои бедуинскихъ легендъ (*Gabriel Charms, Voyage en Syrie. Revue des deux Mondes* 15 авг. 81).

ственности— европейскіе языки обладаютъ однимъ только терминомъ „собственность“.

Этотъ недостатокъ языка является въ наукѣ причиной полной неясности и путаницы понятій. О сущности и возникновеніи „собственности“, то-есть отдѣльной или частной собственности (ибо общественная собственность является отрицаніемъ собственности), всегда говорилось въ томъ смыслѣ, какъ будто бы этому слову должно соответствовать только *одно* понятіе. Результатомъ этого явилось то, что взгляды и мнѣнія, справедливыя въ отношеніи къ движимой собственности, безъ дальнѣйшихъ околичностей переносились на совершенно чуждое этому понятію понятіе собственности поземельной, вслѣдствіе чего и произошло крупное недоразумѣніе.

Такъ, напримѣръ, нѣкоторые усматриваютъ причину появленія частной собственности въ трудѣ индивида и право частной собственности признаютъ естественнымъ правомъ личности на плоды своего труда и усилій. Это объясненіе, конечно, вполне примѣнимо ко всякой движимой собственности, а также къ плодамъ почвы, которую кто-нибудь самъ обрабатывалъ. Но ни въ какомъ случаѣ оно не простирается на поземельную собственность и на плоды *чужого труда*. И точно такъ же, сводя, какъ это сдѣлалъ недавно Даргунъ, возникновеніе собственности къ фактическому владѣнію движимостями (оружіемъ, украшеніемъ и т. п.), мы нисколько не объясняемъ этимъ частной собственности на недвижимости; ибо между движимой и недвижимой собственностью лежитъ непроходимая пропасть: вторая никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ развиваться изъ первой, какъ ея аналогія; различіе, существующее, между обоими этими понятіями и фактами, дѣлаетъ такое развитіе невозможнымъ. Индивидуальная собственность на движимыя вещи съ неза-

памятныхъ временъ существуетъ вездѣ, гдѣ существуетъ человѣкъ, такъ какъ она соотвѣтствуетъ естественнымъ и необходимымъ житейскимъ привычкамъ и потребностямъ и является ихъ простымъ слѣдствіемъ. Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ поземельной собственностью. Ясно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о созданіи объектовъ собственности, въ родѣ предметовъ украшенія или оружія: теорія труда, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не примѣнима къ поземельной собственности. Ея объекты—не дѣло человѣческихъ рукъ, и природа вещей дѣлаетъ людей только ихъ временными владѣльцами; точно такъ же объ оккупаци, денци и владѣніи землей можно говорить только въ очень ограниченномъ и переносномъ смыслѣ, а именно настолько, насколько индивидъ можетъ лично оградить и охранить клочокъ земли, предупреждая возможность вторженія.

Во всякомъ случаѣ, такое объясненіе собственности условно непримѣнимо къ большимъ участкамъ земли, о которыхъ, въ данномъ случаѣ, только и идетъ рѣчь. Здѣсь собственность *никогда* не можетъ быть физическимъ фактомъ; поэтому ея нельзя выводить изъ физическаго факта (оккупаци, труда, владѣнія и проч.). И если словоупотребленіе переноситъ факты, создающіе движимую собственность, на крупную поземельную собственность, то, разумѣется, оно дѣлаетъ это лишь въ фигуральномъ смыслѣ. Если о землѣ говорятъ, что она оккупирована, что она находится въ чьемъ-либо владѣніи, то это только метафоры или юридическія фикціи. Природа земли не терпитъ подобныхъ фактовъ; о происхожденіи поземельной собственности, благодаря труду, оккупаци, или владѣнію, нельзя говорить въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ. Напротивъ, природѣ этого объекта соотвѣтствуетъ лишь *одно* отношеніе къ человѣку, а именно пользованіе, или, точнѣе, общественное пользованіе многихъ.

Поэтому только такое общественное пользованіе многихъ людей можетъ быть первою формою поземельной собственности, и только это общественное пользованіе можетъ практиковаться, очевидно, естественными, примитивными группами людей, или ордами, которыхъ мы встрѣчаемъ повсюду на зарѣ социальнаго развитія. Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ для подтвержденія этого факта: у примитивныхъ ордъ мы до сего дня находимъ общественное пользованіе той землей, на которой они или совсѣмъ осѣли, или находятся временно ¹⁾. Подобно тому какъ общественная собственность на движимыя вещи по природѣ вещей невозможна и невысказима, такъ точно невозможна и невысказима частная собственность на землю: въ послѣднемъ случаѣ коллективная собственность есть первый и естественнѣйшій фактъ.

То, что теперь называется частной поземельной собственностью, ни въ какомъ случаѣ не фактъ, а тѣмъ паче не естественный и не примитивный; въ большинствѣ случаевъ это чисто *правовое отношеніе, предполагающее сложную социальную организацію*. Элементы этого сложнаго предположенія заключаются въ слѣдующемъ. Прежде всего, организація господства, достаточно сильная для того, чтобы заставить подвластныхъ подчиниться господствующимъ; ибо только такая организація даетъ возможность отдѣльнымъ членамъ господствующаго класса эксплуатировать *рабочія силы* подчиненнаго класса для обработки и утилизованія своей земли, а слѣдовательно для осуществленія своей собственности. Безъ обладанія такими силами не было бы собственности вовсе, или она была бы иллюзіей; только благодаря пользованію чужими силами могла возникнуть и приобрести значеніе поземельная собственность.

¹⁾ На этой ступени развитія нѣтъ собственности на недвижимыя вещи. Lippert, Priesterthum, I. 35.

Слѣдующимъ предположеніемъ является возможность исключенія одного изъ пользованія плодами земли въ пользу другого, въ связи съ охраной-пріобрѣтаемыхъ такимъ путемъ движимыхъ благъ силой организованной общности отъ нападений со стороны отдѣльныхъ индивидовъ. Безъ возможности такого исключенія и безъ такой охраны не стоило бы трудиться надъ добываніемъ плодовъ земли, такъ какъ они были бы добычей перваго встрѣчнаго грабителя.

Короче говоря, поземельная собственность есть правовое отношеніе, которое необходимо предполагаетъ извѣстную организацію господства и основанную на ней извѣстную правовую охрану.

Итакъ „коллективная собственность“, принадлежащая примитивной ордѣ на занятую, или заселенную ею землю, является не настоящею собственностью, а только фактическимъ общественнымъ пользованіемъ землей. Ибо „собственнымъ“ (сigen) является лишь то, что „особо принадлежитъ“ (signét) индивиду; предпосылкой „собственнаго“ является *обособленность* (Gesondertsein), если только не имѣть въ виду белѣе сложныхъ и развитыхъ правовыхъ отношеній. Въ примитивной жизни можно говорить о собственности только, какъ объ особой собственности, и противоположностью собственнаго является *необособленное*, поэтому не собственное, а слѣдовательно коллективное. Только позднѣйшая, искусственная юриспруденція переноситъ понятіе собственности, то-есть частной собственности, на юридическое лицо, искусственно созданное изъ многихъ физическихъ лицъ. О такой общественной или коллективной собственности не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ примитивной ордѣ: это было бы неправильное перенесеніе современнаго праваго понятія въ примитивныя времена. Если, такимъ образомъ, мы оставимъ

въ сторонѣ фактическое общественное пользованіе заселенной землей единоплеменной орды, мы найдемъ начало недвижимой частной собственности только тамъ, гдѣ одна орда покоряетъ другую затѣмъ, чтобы эксплуатировать ея рабочія силы. Только съ того момента, когда появляются *покоренные, исключенные* изъ пользованія извѣстными благами, надъ добываніемъ которыхъ они должны трудиться, когда пользованіе этими благами предоставляется исключительно ихъ господамъ, интересы которыхъ охраняются и защищаются организованнымъ общеніемъ, только тогда возникаетъ недвижимая частная собственность, или частная собственность на недвижимыя вещи. Возникнувъ съ первой организаціей господства и благодаря ей, она вначалѣ составляетъ ея единственное содержаніе, ея высшую цѣль. Эта первая организація господства, въ которой на ряду съ частной собственностью достигается все бѣльшаго и бѣльшаго развитія отцовская семья, отцовское право и отцовская власть, есть зерно государства. Пока эта организація господства распространяется на племя, ведущее кочевой образъ жизни, бродящее съ мѣста на мѣсто, пока ни господа, ни рабы не имѣютъ постояннаго мѣстожителства, мы еще не называемъ ее государствомъ. Это названіе мы даемъ только той организаціи, которая охватываетъ народъ, имѣющей прочную осѣдлость, осуществляющей, въ отличіе отъ другихъ спеціальныхъ общеній и подобныхъ организацій, территориальное верховенство надъ занятой имъ территоріей.

§ 2. Государство.

Государство есть явленіе соціальное, то-есть такое, которое обязано какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и своимъ развитіемъ закономѣрному дѣйствию соціальныхъ элементовъ,

Первое дѣйствіе состоитъ въ порабощеніи одной социальной группы другою, въ организаціи господства одной группы надъ другою. При этомъ господствующая группа является всегда меньшинствомъ, восполняющимъ свою недостаточную численность перевѣсомъ военной дисциплины и умственнымъ превосходствомъ. Какъ только основано государство, мы можемъ наблюдать въ немъ двойную жизнь, то-есть двойкій комплексъ стремленій и воздѣйствій. Такъ, мы можемъ ясно отличить коллективную дѣятельность государства, какъ *единого* социального образованія, отъ стремленій и дѣйствій, совершаемыхъ внутри его, социальными его элементами.

Коллективная дѣятельность государства исходитъ отъ господствующаго класса или группы, опирающейся въ какой-нибудь формѣ на подчиненные классы и увлекающей ихъ за собой. Эта коллективная дѣятельность направлена на что либо внѣшнее, въ большинствѣ случаевъ на другія государства или социальные группы. Ихъ цѣль всегда одна и та же: оборона отъ нападений, увеличеніе могущества, увеличеніе территоріи, — другими словами, завоеваніе въ его различныхъ формахъ. Въ своемъ послѣднемъ основаніи эта внѣшняя дѣятельность коренится въ „заботѣ о жизни“ (*Lebensfürsorge*), по подходящему выраженію Липперта.

Социальные дѣйствія внутри государства происходятъ между отдѣльными его социальными элементами и возникаютъ естественно и необходимо изъ взаимнаго положенія, занимаемаго ими въ государствѣ.

Ихъ тенденція, по существу, идентична съ тенденціей коллективной дѣятельности всего государства. Ихъ первоисточникъ—забота о жизни; отсюда возникаетъ стремленіе къ власти. Это стремленіе у господствующихъ классовъ выражается въ *эксплуатаціи*, какъ можно болѣе интенсивной и,

слѣдовательно, въ порабощеніи классовъ подчиненныхъ; у послѣднихъ оно проявляется въ увеличеніи силы сопротивленія, въ уменьшеніи и ослабленіи своей зависимости.

Таковы простѣйшія стремленія, лежація въ основѣ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго развитія государства; ими всегда и повсюду объясняется какъ внѣшняя, такъ и внутренняя исторія государствъ. Конечно, къ этимъ простѣйшимъ стремленіямъ, которыя всегда и всюду остаются одинаковыми, присоединяется различіе мѣстныхъ и національныхъ условій, сообщающее индивидуальную окраску исторіи отдѣльныхъ государствъ.

Явленія, которыя всего ближе касаются насъ, съ которыми мы неразрывно срослись, всего труднѣе поддаются объясненію; поэтому и существо государства даже до сихъ поръ не выяснено наукой. „Правда, существуетъ масса опредѣленій („Begriffsbestimmungen“) понятія государства: ихъ почти столько же, сколько учителей государственнаго права; но совершенно напрасный трудъ искать вѣрное опредѣленіе понятія въ учебникахъ и системахъ государственнаго права. Современная схоластика особое опредѣленіе понятія государства сдѣлала предметомъ „ученія“, и въ Берлинѣ уже появился „первый томъ“ сочиненія „О понятіи государства“¹⁾. Существуетъ уже исторія этого ученія и методика его. Недостааетъ только „опредѣленія этого Ученія объ опредѣленіи государства“! Само собою понятно, что такое пустословіе не только не выясняетъ вопроса, но, наоборотъ, еще болѣе затемняетъ его.

Одни, напримѣръ, удовлетворяются общей фразой, объявляя государство „организованной народной личностью“ (Блюнчли), или „высшей формой личности“, или „органи-

¹⁾ Сочиненіе Роттебургъ.

момъ свободы“. Другіе прибѣгаютъ къ образу, сравненію или аналогіи, и называютъ государство „живымъ существомъ“, „организмомъ“ и т. п. О послѣднихъ Книсъ ¹⁾ справедливо замѣчаетъ, что „образы и сравненія, предлагаемыя вмѣсто научныхъ понятій, свидѣтельствуютъ всегда о неясности мысли“. Рѣшительнымъ шагомъ впередъ является утвержденіе Шульце ²⁾ въ параграфѣ о „Методѣ опредѣленія понятія государства“ (!), что „все дѣло въ томъ, чтобы въ массѣ историческихъ явленій отдѣлить существенное отъ несущественнаго“. Опредѣленіе, къ которому приходитъ Шульце послѣ методическаго изслѣдованія проявившихся въ исторіи отличительныхъ чертъ государства, заключается въ слѣдующемъ: „Государство есть соединеніе осѣдлаго народа въ органическое общеніе, стоящее подъ верховной властью и опредѣленной конституціей, для осуществленія всѣхъ общихъ цѣлей человѣческой жизни—и прежде всего—для установленія правового порядка“.

Это опредѣленіе было бы гораздо лучше, если бы изъ него исключить кое-что лишнее,—напримѣръ, слова „въ органическое общеніе“, такъ какъ заключающееся въ нихъ нѣсколько туманное понятіе, во всякомъ случаѣ, уже выражено предшествующими словами объ „осѣдломъ народѣ“. Разъ сказано „народъ“, да еще „осѣдлый“, то тѣмъ самымъ указано уже на органическое общеніе. И точно такъ же осѣдлый народъ есть уже государство,—„осѣдлому народу“ не зачѣмъ „соединяться“ въ государство. Также излишне упоминаніе о „конституціи“: если при этомъ разумѣется писанная конституція, то она отнюдь не является необхо-

¹⁾ Knies. *Statistic, als Wissenschaft*. 1850, с. 90.

²⁾ Schälze. *Einkl. in das Deutsche Staatsrecht*, S. 116.

димой характерной чертой государства, а если неписанная, то, во всякомъ случаѣ, она уже содержится въ понятіи „осѣдлаго народа“.

Если бы учителя государственнаго права включали въ опредѣленіе понятія государства только его существенные признаки, встрѣчающіеся всегда и вездѣ во всѣхъ государствахъ,—то въ этомъ пунктѣ не трудно было бы достигнуть единомыслія, ибо такихъ признаковъ имѣется только *два*: каждое государство является совокупностью учрежденій, имѣющихъ цѣлью *господство* однихъ надъ другими, и именно *меньшинства* надъ *большинствомъ*. Поэтому государство есть организациа господства меньшинства надъ большинствомъ. Это единственно правильное и самое общее опредѣленіе, соотвѣтствующее каждому и объемлющее всѣ государства ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ Шульце въ другихъ мѣстахъ своей книги совсѣмъ близко подходитъ къ этому опредѣленію; такъ, на примѣръ, въ § 41 онъ говоритъ: «Существующія государства повсюду представляютъ то явленіе, что въ нихъ люди подчинены *господствующей власти*, что они, какъ сочлены государственнаго общества принуждаются къ извѣстнымъ дѣйствіямъ даже путемъ физической силы». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (§ 160): „Въ понятіи государства заключается, какъ *существенный признакъ*, наличность *высшей господствующей власти*“.

Терингъ въ своей «Цѣли въ правѣ» опредѣляетъ государство какъ «общество, являющееся носителемъ упорядоченной и дисциплинированной принудительной власти» (I, 360). Болѣе ясное понятіе «государства» опредѣляется здѣсь гораздо менѣе яснымъ понятіемъ «общества»; впрочемъ, въ основѣ этого опредѣленія лежитъ французская теорія народнаго «суверенитета», не выдерживающая критики. Въ дальнѣйшихъ выводахъ *Терингъ* опредѣляетъ государство,

Что касается попытокъ ввести въ опредѣленіе государства, какъ существенный признакъ, *ту или иную цѣль его* (всеобщее благополучіе, реализація права и т. д.), то эти попытки безусловно не выдерживаютъ критики. Нѣтъ государства, основаннаго для *какой-нибудь одной изъ этихъ цѣлей*, но существовало и существуетъ очень много государствъ, которыя не подходятъ подъ такое опредѣленіе, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на *стремленіе* къ подобнымъ цѣлямъ, а *все-таки вѣдь это государства!* Конечно, каждая организація господства при благопріятныхъ условіяхъ развитія со временемъ съ естественною необходимостью усваиваетъ стремленія, соотвѣтствующія этимъ цѣлямъ; слѣдовательно, каждое государство при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ служить этимъ цѣлямъ. Больше того, достигнувъ извѣстной ступени развитія, каждое государство, дѣйствительно, стремится къ осуществленію этихъ цѣлей, напимѣръ, права, благосостоянія и такъ далѣе. Но въ виду того, что опредѣленіе понятія государства должно принимать во вниманіе не только извѣстную ступень развитія его, но должно простирается на государства, которыя не достигли и не достигнутъ этой ступени развитія, то въ правильномъ опредѣленіи государства нѣтъ и не можетъ быть мѣста указаніямъ его цѣли. Такія указанія цѣли, включенныя въ опредѣленіе государства, только затемняютъ

какъ «организацію соціальнаго принужденія». Предположивъ, что онъ понимаетъ правильно «соціальное принужденіе», можно признать это опредѣленіе очень близко подходящимъ къ существу дѣла. Мы въ нашемъ «Phil. Staatsr.» (1876) опредѣлили государство, какъ «организацію господства однихъ надъ другими». Такъ какъ понятіе «господства» уже понятія «принужденія», то отсюда слѣдуетъ, что наше опредѣленіе много яснѣе опредѣленія Геринга.

тотъ фактъ, что вначалѣ *единственной цѣлью* основанія государства было *господство* однихъ надъ другими, и что основанная *для этой цѣли* организація съ естественною необходимостью пришла къ такимъ результатамъ, которыхъ, во всякомъ случаѣ, не предвидѣли основатели государства и которыхъ, слѣдовательно, они не имѣли и не могли имѣть въ виду. Естественные необходимые результаты государственнаго развитія не слѣдуетъ приписывать, *какъ преднамѣренную цѣль*, свободной волѣ основателей государства. Какъ и всѣ люди, послѣдніе дѣйствовали, руководствуясь только своей непосредственной пользой, но социальное развитіе достигаетъ своихъ естественно-законныхъ результатовъ, возвышающихся надъ эгоистическими стремленіями людей.

Кромѣ признака господства, — и именно господства меньшинства надъ большинствомъ, — есть еще другой признакъ, характеризующій природу государства, признакъ, который до сихъ поръ не былъ замѣченъ профессорами государственнаго права, хотя онъ имѣется на лицо всегда и вездѣ при всякой организаціи господства. Мы разумѣемъ *этническую разнородность* (ethnische Heterogenität) господствующихъ и подвластныхъ.

Впервые мы указали на этотъ существенный моментъ понятія государства въ нашихъ прежнихъ сочиненіяхъ, и „авторитеты государственнаго права“, не будучи въ состояніи намъ возразить, отвѣтили намъ упорнымъ молчаніемъ: *E pur si muove!* *Никогда и нигдѣ государства не возникали иначе, какъ черезъ поработеніе чужихъ племенъ однимъ или нѣсколькими союзными и объединенными племенами.*

И это вовсе не случайное обстоятельство, а, наоборотъ, какъ мы указали, глубоко коренится въ самой природѣ изучаемаго явленія. Поэтому на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ государства безъ первоначальной этнической разнородности

между господствующими и подвластными, и лишь въ послѣдствіи соціальное развитіе государства влечетъ за собою соціальное сближеніе и *національное сліяніе*.

Не придавая значенія факту разноплеменности, Спенсеръ высказываетъ однако предположеніе, совпадающее въ основѣ съ нашимъ взглядомъ и подкрѣпляющее его. Въ противоположность наивнымъ воззрѣніямъ, по которымъ народъ возникаетъ путемъ постепеннаго размноженія одного племени (изъ одной семьи), Спенсеръ говоритъ: „никакое племя не становится народомъ путемъ простаго размноженія“ (*No tribe becomes a nation by simple growth*).

Такимъ образомъ нація могла возникнуть не путемъ простаго размноженія и роста одного племени, но исключительно путемъ сліянія (*Zusammentreffen*) нѣсколькихъ племенъ,—таково мнѣніе Спенсера. Это сліяніе, по нашему мнѣнію, совершается *всегда* (быть можетъ, за исключеніемъ рѣдкихъ неизвѣстныхъ намъ случаевъ) посредствомъ насильственнаго подчиненія однихъ племенъ другимъ. И Спенсеръ, очевидно, допускаетъ такой же насильственный способъ сліянія, ибо хотя онъ и не утверждаетъ это прямо, однако онъ говоритъ, что „ни одно большое общество (нація) не образовалось изъ непосредственнаго соединенія меньшихъ обществъ (слѣдовательно, примитивныхъ ордъ!); (*no great society is formed by the direct union of the smallest societies*)¹⁾. Этимъ онъ хочетъ сказать, что большая нація необходимымъ образомъ уже содержитъ въ себѣ множество меньшихъ націй, то-есть меньшихъ организацій господства, и что, слѣдовательно, она состоитъ изъ нѣкотораго числа *этническихъ соединеній, составленныхъ уже изъ разнородныхъ элементовъ*, что она, является, такъ сказать, соединеніемъ въ степени X.

¹⁾ Principles of sociology, I, 575.

Разсмотримъ необходимыя послѣдствія основанія государства, то-есть послѣдствія подчиненія одного народа однимъ или нѣсколькими побѣдоносными племенами, соединившимися воедино.

Причину этого подчиненія мы уже намѣтили: это „забота о жизни“. Люди, по своей природѣ, въ естественно-необходимомъ стремленіи къ улучшенію своего матеріальнаго положенія, не могутъ обойтись безъ услугъ другихъ людей. Если бы человѣкъ, въ борьбѣ за свое существованіе, не нуждался въ услугахъ другихъ людей, никогда бы не возникло государство; развитіе человѣчества пошло бы совсѣмъ инымъ путемъ, или, можетъ быть, не было бы вообще никакого развитія.

Можетъ ли культурный человѣкъ жить безъ услугъ людей? Нѣтъ. Но такой культурный человѣкъ, который не можетъ отказаться отъ услугъ другихъ людей, существуетъ уже съ незапамятныхъ временъ, и мы не знаемъ ни одного момента исторіи, когда бы мы могли представить себѣ возможность отказаться отъ подобныхъ услугъ.

Услуги, которыми пользуется человѣкъ, не легки. Чѣмъ дальше мы возвращаемся къ примитивнымъ и грубымъ временамъ, тѣмъ тяжелѣе были эти услуги, тѣмъ тяжелѣе онѣ должны были быть. Если мы въ развитіи отдѣльныхъ культурныхъ обществъ видимъ прогрессъ, то несомнѣнными признаками его является физическое *обмѣненіе* этихъ услугъ. Стремленіе къ такому прогрессу мы можемъ наблюдать по днямъ и часамъ въ развитіи экономическихъ отношеній настоящаго времени.

Это стремленіе есть единственно истинное и правильное содержаніе такъ называемой соціальной политики. Но нѣкогда (какъ и теперь еще въ такъ называемыхъ „некультурныхъ“ странахъ) эти *услуги* должны были быть безчело-

вѣчны. Чего только не вынуждены были дѣлать люди безъ вспомогательныхъ средствъ культуры, безъ знанія и безъ машинъ! ¹⁾).

Еще и теперь нѣкоторыя правительства, въ видѣ помилованія посылаютъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, или измѣнниковъ въ рудники, хорошо понимая выгодныя послѣдствія такого акта милости; точно такъ нѣкогда побѣжденные и покоренные въ интересахъ побѣдителей осуждались на рабскую службу.

Такая служба въ примитивномъ некультурномъ состояніи была невыносимо тяжелой. На такую службу никогда не обрекала человѣческая орда *своихъ собственныхъ членовъ*: никогда люди не подвергали своего *сочеловѣка* (употребляя это слово въ примитивнѣйшемъ смыслѣ) столь тяжелой и невыносимой участи. Да и зачѣмъ было имъ насиловать свою *естественную привязанность* къ своимъ „собратьямъ“, къ

¹⁾ Еще въ началѣ XVII столѣтія корабельный капитанъ Пантеро Пантера въ своемъ сочиненіи *D'Armata navale* (1614) слѣдующимъ образомъ говоритъ о службѣ гребцовъ на галерахъ: «за большую плату можно достать солдатъ и экипажъ для галеръ; но нѣтъ никакой возможности уговорить *свободныхъ* людей взять на себя гребную службу, приковать себя къ цѣпи, подвергнуть себя палочнымъ ударамъ и всевозможнымъ страданьямъ галерной службы». (А между тѣмъ, для того, чтобы галеры могли правильно маневрировать, гребцами *нужно* управлять при помощи цѣпей, палочныхъ ударовъ и т. п.). Пантеро Пантера совѣтуетъ поэтому присуждать къ этой рабской службѣ, прежде всего, преступниковъ и т. под. Такимъ образомъ, еще въ XVII столѣтіи служба на галерахъ была *по необходимости* такъ тяжела, что нельзя было найти для ея исполненія свободныхъ людей! (*Jurieu de la Graviere, La fin d'une grande Marine; въ Rev. d. d. Mondes, 1 ноября 1884*).

своимъ „сородичамъ“, когда всегда было достаточно *чужихъ*, угнетать которыхъ, подчинять и обрекать на тяжелую службу признавалось *благороднымъ и прекраснымъ подвигомъ!*... Поэтому *чужіе* побѣждались соединенными силами подъ предводительствомъ старѣйшаго и сильнѣйшаго, на чужихъ налагали послѣ суровой побѣдоносной борьбы ярмо неволи, чужіе обращались въ рабство.

Такимъ образомъ сама природа, щедро надѣливши людей потребностями и чувствами, тѣмъ самымъ положила основаніе такому образованію государствъ. Она сдѣлала необходимымъ для людей человѣческой трудъ; она внушила людямъ сочувствіе къ „роднымъ по крови и племени“ и смертельную вражду къ чужимъ; она *заставила* людей стремиться къ порабощенію чужихъ.

Такое порабощеніе, въ связи съ удовлетвореніемъ потребностей при помощи труда порабощенныхъ, даетъ важнѣйшее содержаніе человѣческой исторіи; эти процессы, форма которыхъ мѣняется, тогда какъ содержаніе остается неизмѣннымъ, наполняютъ собою лѣтописи исторіи, начиная съ доисторическихъ временъ и до новѣйшаго плана образованія государства Конго!

Разсмотримъ теперь порядокъ, возникшій вслѣдствіе такого основанія государствъ. Одни распоряжаются и приказываютъ, другіе работаютъ и подчиняются силѣ. Насилія не могутъ быть продолжительными; всякая война раньше или позже должна стихнуть. Болѣе слабые по силѣ и энергіи прекращаютъ бесплодное сопротивленіе. Такимъ образомъ природа содѣйствуетъ тому, чтобы порядокъ, созданный перевѣсомъ силы, сталъ мирнымъ и постояннымъ. *Миръ* и постоянство—элементы *порядка*; постоянный мирный порядокъ создаетъ обычай, нравы и *право*. Враждебное столкновеніе разнородныхъ соціальныхъ элементовъ неравной

силы другъ съ другомъ составляетъ первое условіе право-образования; ибо порядокъ, установленный силой однихъ, слабостью и инертностью другихъ, превращается съ установленіемъ мирныхъ отношеній въ *правовой порядокъ*. Вышеуказанное предположеніе такого порядка—*неравенство силъ*, ибо равныя силы должны были бы либо взаимно уничтожить другъ друга, либо, что вѣроятнѣй, соединившись другъ съ другомъ, подчинить себѣ третью, слабѣйшую силу; это неравенство налагаетъ на порядокъ, на *каждое право* особый, ему присущій отпечатокъ. Каждое и всякое право есть не что иное, какъ *упорядоченное неравенство*. Мужъ господствуетъ надъ женою, отецъ, въ цвѣтъ своихъ силъ, надъ малолѣтними дѣтьми, собственникъ исключаетъ не собственниковъ отъ пользованія плодами его собственности: каждое изъ этихъ *установленій неравенства* есть *право*.

Ошибочно считать право *равнымъ распределеніемъ* благъ; безумство вѣрить, что можетъ существовать право, *равное для всѣхъ*. Въ дѣйствительности, право возникаетъ только въ государствѣ; государство же есть организація неравенства, а право есть выраженіе, норма, которой фиксируется это неравенство.

Право, такимъ образомъ, является *формой* государственнаго строя; постараемся теперь постигнуть *сущность* его. Благодаря своему происхожденію, государственный строй образуется изъ господствующаго меньшинства и подвластнаго большинства. Такова всегда и вездѣ природа государства, ибо такова природа всякаго вообще господства.

Но чего *хочетъ* господствующее меньшинство?—Того, чего оно *должно хотѣть*: жить и притомъ жить лучше, чѣмъ оно жило бы безъ труда подвластнаго большинства. Результатомъ этой господствующей въ государствѣ воли является совокупный *хозяйственный трудъ*, совершающійся благодаря

принудительной силѣ господства, при чемъ на долю подчиненнаго большинства, конечно, выпадаетъ большее бремя труда, то-есть собственно все бремя несвободнаго труда, тогда какъ господствующіе приносятъ свою не менѣ цѣнную долю труда въ видѣ свободныхъ дѣйствій для поддержанія государственной общности.

Такимъ образомъ создается, основанная при помощи принужденія организація труда, къ которой установленіе организаціи господства и весь государственный правовой строй относится, какъ средство къ цѣли.

Характеръ этого хозяйственнаго труда опредѣляется, конечно, естественными условіями почвы, климата, плодородія, изобилія благъ, среди которыхъ живетъ государство.

Если побѣдоносная орда покорить населеніе, блуждающее по плодородной странѣ, она заставитъ его заняться обработкой земли, она прикрѣпитъ его къ землѣ и станетъ сама осѣдлой для того, чтобъ эксплуатировать богатства почвы и трудъ людей. Ясные слѣды такой принудительной организаціи труда до сихъ поръ носятъ европейскія земледѣльческія государства, въ которыхъ среди многочисленнаго земледѣльческаго населенія разбросанъ по всей странѣ тѣсно сплоченный господствующій классъ землевладѣльцевъ.

Напротивъ, обширная степная страна обрекаетъ побѣдоносную орду на совершенно иную социальную организацію. Такая орда распредѣлитъ покоренныхъ или собранныхъ въ различныхъ экскурсіяхъ рабовъ между своими членами; она поведетъ ихъ съ собой, поручивъ имъ самыя тяжелыя работы по уходу за скотомъ. Здѣсь рабы и слуги переносятъ шатры, стерегутъ скотъ, исполняютъ другія связанныя съ этимъ работы, и такое *кочевое государство* продолжаетъ функционировать, какъ прочно осѣвшее государство крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ послѣднемъ засѣвшій въ своемъ дворѣ или замкѣ господинъ властвуетъ надъ расселившейся вокругъ толпой крестьянъ и вассаловъ, заставляя ихъ обрабатывать землю, изъ плодовъ которой удѣляетъ рабочимъ лишь самое необходимое, а все остальное беретъ себѣ; въ кочевомъ государствѣ номадовъ повелитель изъ своего шатра управляетъ своими многочисленными слугами, которые присматриваютъ за его стадами и пользуются изъ доходовъ необходимѣйшей пищей для поддержанія жизни, между тѣмъ какъ родъ предводителя, живя въ довольствѣ и достаткѣ, капитализируетъ излишекъ дохода.

И опять-таки иную форму принимаетъ принудительная организація труда тамъ, гдѣ узкая береговая полоса, какъ, напримѣръ, Финикія, или нѣсколько острововъ среди моря, какъ Венеція, лишаютъ побѣдителей возможности принудить покоренное населеніе къ обработкѣ земли или уходу за кочующими стадами. Здѣсь преобладающій духъ спекуляціи даетъ другое направленіе сильнѣйшей группѣ, въ ея стремленіи эксплуатировать подневольный трудъ покореннаго народа. Послѣдній принуждается къ постройкѣ кораблей и корабельной службѣ, и такимъ образомъ господствующей группѣ открывается возможность заниматься мореплаваніемъ, завязывать сношенія съ далекими берегами и пріобрѣтать богатство и силу морской торговлей.

Такая организація труда, по существу остающаяся всегда неизмѣнной, возможна и мыслима исключительно и только благодаря принужденію, *государственному порядку и дисциплинѣ*; вначалѣ она требуетъ отъ рабочихъ классовъ невыразимыхъ жертвъ здоровьемъ и жизнью, но съ возрастаніемъ культуры участіе въ матеріальныхъ и моральныхъ благахъ становится доступнымъ и для рабочихъ классовъ. Этотъ общественный, хотя всегда неравномѣрно распределенный

трудъ составляетъ существенное содержаніе государства; въ этомъ трудѣ всегда и всюду заключается его задача; этимъ трудомъ осуществляетъ оно свою цѣль, если только можно говорить о задачѣ и цѣли тамъ, гдѣ всецѣло господствуютъ слѣбныя силы. Наконецъ этотъ общественный трудъ создаетъ и способствуетъ созданію высшихъ нравственныхъ благъ человѣчества, называемыхъ нами цивилизаціей ¹⁾).

§ 3. Государство, какъ организація хозяйства.

Мотивъ къ основанію примитивнѣйшаго государственнаго строя былъ, какъ мы видѣли, *экономическимъ*. Для однихъ дѣло шло о томъ, какъ бы достигнуть высшей ступени матеріальнаго благосостоянія. Этотъ мотивъ никогда не остается пассивнымъ вслѣдствіе внутренней природы человѣка. Онъ находится въ постоянномъ дѣйствіи, пріобрѣтаетъ все большую напряженность, и не только ведетъ къ основанію первоначальныхъ организацій господства, но безпрестанно поддерживаетъ ихъ *развитіе*. Если мы хотимъ провѣрить истинность того положенія, что всегда и всюду экономическіе мотивы являются причиной всякаго соціального движенія, обуславливаютъ все государственное и соціальное развитіе: то намъ нужно только разсмотрѣть любое историческое событіе, любой государственный переворотъ, нужно только изслѣдовать ихъ *причины*: въ основѣ этихъ событій мы всегда и всюду найдемъ экономическіе побужденія и мотивы. До иначе и быть не можетъ, такъ какъ причиной человѣческихъ поступковъ являются, прежде всего, матеріальныя потребности ²⁾).

¹⁾ Для дополненія вышесказаннаго см. въ Rassenkampf, стр. 201, Herrschaftsorganisation und Kultur.

²⁾ «Дѣйствительными стимулами являются всегда и только прак-

Потребность удовлетворенія матеріальныхъ потребностей необходимо приводить къ порабощенію и эксплуатаціи чело-вѣческой силы; природа, создавъ первоначальную множе-ственность и разнородность чело-вѣческихъ ордъ, идетъ на-встрѣчу этому побужденію, котораго нельзя удовлетворить безъ принужденія и насилія надъ другими людьми. И точно такъ же въ дальнѣйшемъ развитіи организаціи господства и государственнаго строя эта естественная противоположность чело-вѣческихъ группъ играетъ важную роль, способствующую развитію чело-вѣчества. Ибо безопасное удовле-твореніе чело-вѣческихъ потребностей облегчается, благодаря на-личности племенныхъ и соціальныхъ различій, которыя способствуютъ забвенію всякой „гуманности“, раздуваютъ и поддерживаютъ вѣчную борьбу. Два главныхъ фактора соціального процесса—*удовлетвореніе потребностей* путемъ *порабощенія чужихъ*; таковы два, *повидимому*, незамѣтныхъ и незначительныхъ средства, при помощи которыхъ природа такъ много создала въ области соціального развитія; таковы невидимые рычаги, которыми она сообщаетъ движеніе чело-вѣчеству, создаетъ „исторію“ его. Она позаботилась о без-конечности этого развитія, съ одной стороны, не давая умолкнуть потребностямъ людей и вызывая за всякимъ удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей появленіе но-выхъ, высшихъ и „болѣе благородныхъ“, а съ другой сторо-ны, образуя искусственныя „соціальныя“ разнородности тамъ, гдѣ *естественныя* грозятъ прекратиться, такъ что борьба, которая сначала велась между чело-вѣческими группами, раз-

тическія потребности; люди стараются только придать имъ прочное законное основаніе, приурочивъ ихъ къ опредѣленнымъ и постоян-нымъ словамъ, говоритъ Брунсъ о развитіи римскаго права въ Энциклопедіи Гольцендорфа, стр. 91.

личными по природѣ, ведется затѣмъ между социальными различными группами. Такимъ образомъ, вѣчно дѣйствующій инстинктъ удовлетворенія потребностей находитъ всегда достаточно сильный стимулъ къ борьбѣ въ разнородности человѣческихъ группъ, чѣмъ бы эта разнородность ни вызывалась—наружнымъ ли видомъ, цвѣтомъ или запахомъ, родомъ пищи, или нравами, религіей, богатствомъ, общественнымъ положеніемъ, профессіей, интересами.

Итакъ въ процессѣ социальнаго развитія мы имѣемъ дѣло, въ сущности, всегда съ одними и тѣми же *двумя факторами, содѣйствующими этому развитію*,—со стремленіемъ къ удовлетворенію потребностей и съ необходимымъ для этого удовлетворенія порабощеніемъ разнородныхъ человѣческихъ группъ, или, другими словами, съ вѣчной *борьбой за господство*. Только эти два вѣчно идентичные факторы въ теченіе социальнаго развитія достигаютъ все высшихъ ступеней, встрѣчаются все въ новой формѣ.

Что на примитивнѣйшей ступени было лишь потребностью простого сохраненія жизни, то на высшей принимаетъ видъ потребности удовлетворенія честолюбія, славолюбія, династическихъ или, наконецъ, иныхъ разнообразнѣйшихъ идеальныхъ интересовъ; что на примитивнѣйшей ступени было борьбой *антропологически* различныхъ ордъ на жизнь и смерть, то на высшей ступени развитія, достигнутой нами, обращается въ борьбу социальныхъ группъ, классовъ, словій и политическихъ партій.

Трудности, съ которыми для социологіи сопряжено изображеніе этого хода развитія, обусловлены тѣмъ, что это развитіе не знаетъ скачковъ, но, какъ всякое развитіе въ природѣ, совершается постепенно и потому представляетъ такой безконечно длинный рядъ незамѣтныхъ переходовъ и фазъ, что объ ихъ безчисленное множество разбиваются

всѣ усилія и стремленія науки; поэтому она должна ограничиться изученіемъ незначительнаго числа сравнительно произвольно выбранныхъ состояній, которыя она выставитъ въ видѣ примѣровъ.

Нельзя не упомянуть, что и при соціальномъ развитіи повторяется тотъ параллелизмъ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ другихъ сферахъ явленій, параллелизмъ между послѣдовательностью и сосуществованіемъ, между развитіемъ во времени и одновременнымъ существованіемъ въ каждый данный моментъ. Картина соціальнаго развитія *во времени*, начиная съ простѣйшаго удовлетворенія потребностей и грубѣйшей борьбы за существованіе до высшихъ ступеней потребностей утонченной цивилизаціи и до борьбы политическихъ партій, ведущейся въ предѣлахъ развитога права, эта картина со всѣми ея незамѣтными отбѣнками живо выступаетъ предъ нами, если мы обратимся къ изученію внутренней соціальной структуры государства, достигшаго высшей ступени развитія, если отъ пролетарія, трудящагося въ потѣ лица своего за свой насущный хлѣбъ, мы подыдемся на высшую общественную ступень къ государственному челоуѣку, борющемуся за свое господствующее положеніе или за свои политическіе принципы, если мы пройдемъ эту лѣстницу, принимая во вниманіе не только удовлетвореніе потребностей, но также и *способъ* борьбы, и тѣ формы, въ которыхъ ведется эта борьба за существованіе и удовлетвореніе потребностей.

Но это замѣчаніе мы дѣлаемъ только мимоходомъ, прежде чѣмъ обратиться къ ближайшему анализу соціальнаго развитія, созданнаго и приводимаго въ движеніе существующей организаціей господства.

Только въ примитивнѣйшихъ челоуѣческихъ ордахъ царствуетъ равенство,—то-есть никто не работаетъ для другихъ

только тамъ удовлетвореніе потребностей совершается безъ порабощенія однихъ другими, безъ приказанія и повиновенія, безъ господства и зависимости. Тамъ нѣтъ предводителей и подданныхъ: одинаково бѣдственное положеніе — участь всѣхъ.

„Когда Ринкъ спросилъ никобарцевъ, кто у нихъ предводитель, они отвѣтили ему со смѣхомъ, что у одного не можетъ быть силы противъ столь многихъ“. Такихъ примѣровъ масса. У гайдаевъ въ Америкѣ, „кажется, царить полное равенство“. У калифорнійскихъ племенъ, „повидимому, каждый пользуется совершенной свободой (each individual does as he likes). У навайовъ „каждый—суверень по собственному праву“¹⁾. „У орды эскимосовъ, австралійцевъ и фиджійцевъ нѣтъ даже тѣхъ социальныхъ различій, которыя образуются путемъ продолжительнаго предводительства. Ихъ сочлены не подчинены никакому контролю, за исключеніемъ того, который практикуется во временахъ болѣе сильнымъ, богатымъ, опытнымъ; у нихъ нѣтъ даже въ зародышѣ неравенства“²⁾.

Подчиненію однихъ для блага другихъ противодѣйствуетъ здѣсь чувство равенства, преданности другъ другу, „кровнаго родства“. Это то самое чувство, которое мы въ позднѣйшія времена находимъ между сочленами господствующихъ классовъ въ Европѣ.

„Szlacheic na zagrodzie rōwny wojewodzie“, говорится у поляковъ—„бѣднѣйшій шляхтичъ равенъ воеводѣ“. Это равенство сингенетической группы³⁾.

1) Эти примѣры изъ Спенсера: Political institutions, стр. 331; ср. также стр. 320.

2) Спенсеръ, Sociology, I, 490.

3) См. Rassenkampf, стр. 240.

Изъ такого состоянія равной свободы и независимости и одинаковой нищеты примитивная орда выходитъ лишь тогда, когда чужая орда встрѣчается на ея пути, что происходитъ, по большей части, вслѣдствіе кочевокъ и завоевательныхъ походовъ. Если она подчиняетъ себѣ чужую орду, тогда прежнее примитивное удовлетвореніе потребностей достигается легче, тогда ея экономическая жизнь подымается на высшую ступень, — появляется „излишекъ труда“ (Mehrarbeit) однихъ въ пользу другихъ.

Если бы господствующій классъ удовлетворился разъ навсегда этой высшей ступенью своей хозяйственной жизни и, довольствуясь достиженіемъ болѣе легкаго способа удовлетворенія потребностей, могъ бы оградить свое государство отъ всякаго внѣшняго вліянія, какъ помышлялъ Ликургъ,—тогда развитіе могло бы остановиться. Но планы Ликурга никогда не могли осуществиться: „замкнутыя государства“ невозможны, хотя бы ихъ окружили китайской стѣной.

Причины, не допускающія такого застоя, разнообразны. Во-первыхъ, постоянный ростъ потребностей не только у господствующаго класса, но и у подвластныхъ. По мѣрѣ удовлетворенія потребность растетъ—этотъ законъ имѣетъ универсальное значеніе. Во-вторыхъ, замкнутое государство дѣлается предметомъ алчности и жадности со стороны другихъ государствъ и народностей. Наконецъ, въ-третьихъ, *по мѣрѣ роста чужой, соседней или отдаленной силы государство должно постоянно увеличивать средства своей собственной защиты, сопротивленія и нападенія.* Въ виду этихъ вѣчно и всюду существующихъ причинъ, каждая организація государства, хотя и не испытывающая внѣшнихъ толчковъ, даже противъ своей воли вовлекается въ потокъ „исторіи“; развитіе ея не можетъ остановиться. Всему этому причиной вѣчный *всесторонній* ростъ потребностей.

Стремленіе къ удовлетворенію потребностей призываетъ государство къ жизни, а вѣчный ростъ потребностей побуждаетъ его къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, къ увеличенію своей территоріи и своихъ силъ. Въ сущности, одно и то же стремленіе одушевляетъ и каждую социальную часть государства, и государство, какъ *цѣлое*,—разница только въ томъ, что государственный порядокъ вводитъ въ тѣсныя границы это стремленіе составныхъ частей государства внутри его, вслѣдствіе чего оно проявляется только въ *мирной* борьбѣ за господство, между тѣмъ какъ во внѣ оно выступаетъ въ формахъ „человѣкоубійственной“ войны. Но естественная законмѣрность этого стремленія приводитъ къ естественной необходимости какъ социальной, такъ и интернаціональной борьбы. Какъ ни неизбежна послѣдняя, она не можетъ продолжаться вѣчно, не можетъ быть длительнымъ состояніемъ. Она изнуряетъ физически и духовно; слишкомъ долго продолжаясь, уничтожая *средства удовлетворенія потребностей самихъ побѣдителей*, она отнимаетъ всякую цѣну у самой побѣды. Спокойствіе и миръ, слѣдовательно, такая же всеобщая потребность, какъ повторяющаяся по временамъ война. Эта потребность сдѣлала нѣкогда возможнымъ основаніе государства, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, болѣе сильныя *принуждены* были бы истреблять болѣе слабыхъ. Но спокойствіе и миръ не имѣютъ никакой цѣны безъ пользованія благами, и такъ какъ война всегда предпринимается для удовлетворенія возрастающихъ потребностей,—слѣдовательно, миръ долженъ доставить большее количество благъ. Чтò пріобрѣла война, долженъ обезпечить миръ. Такъ какъ все-таки только одна сторона можетъ остаться побѣдительницей, то, очевидно, миръ можетъ только для нея увеличить сумму благъ. Отсюда слѣдуетъ само собою ограниченіе, стѣсненіе и притѣсненіе для дру-

гой стороны. Это неравное состояніе должно быть поддержано и въ мирное время: достигается это не безъ извѣстной траты силъ, труда и заботъ. Надо употребить рядъ средствъ, надо найти и сохранить подходящія учрежденія. Это дѣлаетъ *господствующій* и *владычущій* классъ. А подвластный и лишенный собственности? Онъ подчиняется закону побѣдителя, но тѣмъ не менѣе заботливо охраняетъ поставленные ему границы и не только напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы эти границы не сузились къ его вреду, но медленно и постепенно старается ихъ расширить, захватить больше мѣста и свободы.

Такимъ образомъ то, что намъ кажется миромъ, есть вѣчно продолжающаяся, неслышная борьба изъ-за прочно установленныхъ границъ государственнаго порядка.

Во имя чего и какими средствами ведется эта борьба и въ чемъ состоитъ ея сущность?

Ближайшимъ предметомъ этой борьбы является размѣръ взаимныхъ правъ: обдѣленные правами ведутъ борьбу противъ всѣхъ ограниченій, установленныхъ господствующими и привилегированными въ интересахъ поддержанія своего господства. Такихъ ограниченій существуетъ много, но нѣкоторыя изъ нихъ представляются наиболѣе важными и потому постоянно встрѣчаются у разныхъ народовъ: таково запрещеніе брака, недопущеніе къ должностямъ и почестямъ, неспособность во владѣніи землей. Сохраненіе этихъ и имъ подобныхъ ограниченій есть *conditio sine qua non* сохраненія господства. Противъ нихъ и направляется мирная борьба безправнаго класса. Дѣло всегда идетъ о томъ, чтобы сначала смягчить ограничительныя мѣры, а затѣмъ и вовсе ихъ уничтожить.

Каковы же мирныя средства борьбы? Государственный строй, организація господства въ интересахъ цѣлаго должны

въ силу необходимости допустить лишенныхъ правъ къ нѣкоторымъ, хотя и ограниченнымъ, публичнымъ правамъ и функціямъ. Не повсюду примѣнялась спартанская суровость и жестокость, не повсюду устраивались охоты на лишнихъ илотовъ (подобно тому, какъ въ наше время австралійскіе колонисты охотятся за тамошними туземцами!). Въ Спартѣ, конечно, илоты не могли вести никакой мирной борьбы, но именно потому такое посподство не было прочнымъ и уступило мѣсто *иному* порядку вещей.

Гдѣ только подвластные въ интересахъ цѣлаго пользуются малѣйшими правами, осуществляютъ ничтожнѣйшія функціи, тамъ они пользуются ими, какъ рычагомъ, для расширенія правовой сферы и для уничтоженія препятствующихъ имъ ограниченій. Благосостояніе и просвѣщеніе являются двумя условіями такой мирной борьбы. Первое есть необходимое слѣдствіе благосостоянія цѣлаго. Если господствующій классъ богатъ, необходимо долженъ подняться и уровень благосостоянія подвластныхъ. Иначе не можетъ быть, ибо извѣстный уровень благосостоянія подвластныхъ необходимъ господствующимъ для ненаружимаго наслажденія жизнью. *L'appétit vient en mangeant.* Взойдя на первую ступень по лѣстницѣ жизненныхъ благъ, человѣкъ неизбежно *стремится* подняться на дальнѣйшую ступень. Нельзя также герметически закупорить мысль;—больше того: такъ какъ, на ряду съ общими естественными процессами, на возникновеніе идей оказываютъ преимущественное вліяніе *соціальныя событія и факты*, положеніе подвластныхъ классовъ въ дѣлѣ умственнаго развитія оказывается *болѣе выгоднымъ*, чѣмъ положеніе высшихъ, съ момента освобожденія отъ слишкомъ тяжелаго бремени и слишкомъ гнетущей нужды. Воздѣйствіе внѣшняго міра, соціальныхъ фактовъ и отношеній, на господствующій классъ менѣе интенсивно. Жизнь вокругъ нихъ те-

четь тише и спокойнѣе, она не вызываетъ въ нихъ никакого сильнаго противодѣйствія,—она убаюкиваетъ ихъ умственную жизнь. Иначе обстоитъ дѣло внизу, въ клокочущемъ омутѣ „народа“. Конечно, массы изнемогаютъ тамъ подъ тяжелымъ гнетомъ суровой жизни и прозябаютъ въ тупоуміи,—но, чуть только этотъ гнетъ хоть немного ослабѣетъ или окажется безсильнымъ въ отношеніи къ мощной натурѣ, тѣмъ могущественнѣе бываетъ духовная реакція. Вообще говоря, среди подвластныхъ классовъ жизнь порождаетъ больше идей.

Но нѣкоторая доля благосостоянія и идей, какъ было извѣстно уже Аристотелю, образуетъ ферментъ, приводящій въ броженіе массы. Нуженъ лишь благоприятный случай. Внешняя опасность, паденіе государства, дозволенное или допущенное народное собраніе, мятежъ большихъ размѣровъ,—и въ плотной стѣнѣ пробита первая брешь. Начало сдѣлано, и дальнѣйшее развитіе на *ἀγορά* и на форумѣ неизбежно. Одни и тѣ же факторы дѣйствуютъ, метода вѣчно остается той же, и въ концѣ концовъ, вѣчно тотъ же результатъ. „*Vae victis!*“ раздается вначалѣ процесса и „*vae victis!*“ часто слышно въ концѣ его.

§ 4. Образованіе сословій и организація господства.

Соціальная борьба никогда не происходитъ такъ просто, какъ мы ее сейчасъ изобразили. Можетъ быть, она была бы такой, если бъ въ государствѣ существовало только два строго обособленныхъ класса—господствующіе и подвластные; но экономическое развитіе и историческіе факты создаютъ множество классовъ и сословій; однообразное же политическое стремленіе всѣхъ классовъ создаетъ сложный государственный строй, сложное общественное право, благодаря которому, кромѣ самыхъ высшихъ и самыхъ низ-

шихъ, абсолютно господствующихъ и абсолютно не свободныхъ, возникаютъ и существуютъ среднія сословія и классы, которые являются только относительно господствующими и подвластными. Они могутъ держать въ зависимости низшіе классы; высшіе классы, въ свою очередь, держать ихъ самихъ въ зависимости; или въ извѣстныхъ сферахъ жизни они могутъ быть въ зависимости и подчиненіи, въ другихъ могутъ господствовать и распоряжаться низшими. Такія отношенія господства очень разнообразны.

Простѣйшая организація господства, состоящая изъ господъ и рабовъ, простое римское „civitas“, получаетъ извнѣ отъ появляющихся въ немъ иностранныхъ торговцевъ первый толчокъ, нарушающій его равновѣсіе. Этотъ періодъ времени и его расшатывающее вліяніе на примитивный государственный строй великолѣпно изображаетъ намъ Цезарь въ своихъ воспоминаніяхъ. Бельгійцы,—пишетъ онъ,—были храбрѣе всѣхъ галловъ „propterea quod a cultu atque humanitate provinciae longissime absunt, minimeque ad eos mercatores saepe comment atque ea quae ad effeminandos animos pertinent, important“.

Слѣдовательно, mercatores, ищущіе прибыли купцы, которые стучатся въ ворота примитивнаго civitas и получаютъ пропускъ благодаря привлекательности ихъ „тонкихъ издѣлій“ для простыхъ дикарей, купцы эти являются тѣмъ началомъ, которое колеблетъ окаменѣвшій покой примитивнаго государственнаго строя, знающаго лишь господъ и рабовъ, абсолютно господствующихъ и абсолютно подвластныхъ. Несомнѣнно, это—піонеры культуры. Къ самымъ негостепріимнымъ берегамъ, въ неизвѣстнѣйшія страны, непроходимѣйшія мѣстности, стремятся они — эти „миссіонеры“ торговли. Они ставятъ на карту имущество и жизнь, и велѣдъ за тысячами изъ нихъ, падающими жерт-

вой, слѣдуютъ безстрашно новыя тысячи, — и все это ради „прибыли“. Что всегда было такъ, въ этомъ ручаются намъ не только классическія свидѣтельства, въ родѣ только что цитированнаго, не только исторія европейскихъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта, но сверхъ того, еще живая дѣйствительность. Кто еще недавно мужественно прошелъ по непроходимымъ дорогамъ неизвѣстной части свѣта, къ верховьямъ Конго и Нигера, къ дикимъ племенамъ, которыя смотрятъ на чужихъ такъ же, какъ на лѣснаго звѣря, какъ на хорошую добычу? Купецъ со своими товарами, смѣлый ганзеецъ, „барышникъ-торговецъ“, по слѣдамъ котораго слѣдуютъ „господа-рыцари“ и „политики-патріоты“, если только ему достанется хорошая прибыль.

Такъ было всегда, такъ происходитъ теперь, такъ всегда и будетъ. Коротко говоря, примитивный государственный строй со своими двумя социальными элементами, со своими господами и рабами, знакомится съ купцомъ, который является, какъ гость, и дешево предлагаетъ товары. Онъ лично свободенъ и умѣетъ сохранить свою свободу. Онъ не принадлежитъ ни къ господамъ, ни къ рабамъ, но скоро онъ становится потребностью для тѣхъ и другихъ. Его привезенные издалека товары нравятся имъ; они *рождаютъ* потребности, которыя нуждаются въ удовлетвореніи. Одни *работаютъ* больше, другіе *сберегаютъ* больше, чтобы только быть въ состояніи достать эти новыя неизвѣстныя до сихъ поръ средства удовлетворенія новыхъ потребностей. Люди становятся, по выраженію Цицерона, „женственный“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, появляется культура и человѣчность ¹⁾.

¹⁾ И Тацитъ знаетъ, что «*per commercia cultus*»; не трудно замѣтить, что и онъ подъ этой «*commercia*» подразумѣваетъ извнѣ приходящихъ купцовъ. Тома Аквинскій тоже говорить о купцахъ,

Люди научаются цѣнить чужестранца и терпѣть его; а онъ въ этомъ находитъ себѣ прибыль. Въ чужой землѣ онъ высматриваетъ неизвѣстныя до того времени сокровища почвы, флоры и фауны. Ему охотно даютъ ихъ, такъ какъ они раньше и безъ него вовсе не имѣли цѣны.

За временными посѣщеніями слѣдуетъ переселеніе; за первыми переселенцами слѣдуютъ всегда массами другіе. Между господами и рабами возникаетъ среднее сословіе, лично свободное, но не принимающее непосредственнаго участія въ господствѣ, образующее свою корпорацію на своей собственной территоріи (впослѣдствіи городъ), заключающее съ господами государственно-правовые договоры, создающіе себѣ, такимъ образомъ, прочную правовую сферу права, отграниченную и строго отличную отъ права другихъ классовъ, высшихъ и низшихъ ¹⁾. Такъ въ политическое развитіе, а постепенно и въ социальную борьбу вступаетъ новый социальный элементъ, новое сословіе. Теперь прогрессъ развитія идетъ прямо и гораздо быстрѣе прежняго. Внѣшняя торговля оплодотворила внутренній трудъ и производство; возникаютъ ремесла и мастерства. Каждая новая вѣтвь хозяйственнаго труда ведетъ къ образованію тѣсной группы работниковъ, которая, сплотившись во имя однихъ и тѣхъ же интересовъ, требуетъ своего права, стремится къ нему,

какъ о чужихъ въ государствѣ; онъ считаетъ даже желательнымъ, чтобы граждане государства, *cives*, воздерживались отъ всякихъ торговыхъ дѣлъ и предоставили ихъ чужимъ, «*extraneis*», такъ какъ «*per negotiationis usum cupiditas in cordibus civium traducitur*». См. Thomae d. Acquin opuscula Venetiis 1587, p. 298. (De regimine principum).

¹⁾ Объ историческихъ слѣдахъ такого начала европейскаго торговаго сословія см. *Rassenkampf*, стр. 332.

борется за него. Но это право есть лишь санкція пріобрѣтенной силы, безпрепятственное пользованіе ею, или, другими словами, господство въ предѣлахъ государственнаго строя. Въ чемъ же заключается эта сила отдѣльныхъ соціальныхъ элементовъ и какъ осуществляютъ они свое господство въ государствѣ? Средства силы могутъ быть различны, смотря по времени и обстоятельствамъ; сущность силы всегда одна и та же. Именно, она состоитъ въ свободномъ обладаніи средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Отъ размѣровъ этого обладанья зависитъ величина силы. Мы видѣли, что человѣкъ не можетъ обойтись безъ услугъ другихъ людей, если только онъ возвысился надъ самымъ низкимъ уровнемъ животнаго удовлетворенія потребностей. Къ обладанію средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей, являющихся основой каждой силы, относится также, какъ интегральная часть, обладаніе, или, лучше сказать, свободное распоряженіе человѣческими силами и человѣческимъ трудомъ. Безъ него всякое имущество мертво и лишено цѣны, если только нельзя при его помощи пріобрѣсти человѣческой трудъ. Въ такомъ случаѣ, и владѣлецъ богатѣйшихъ сокровищъ не имѣетъ никакой *силы*. Величина послѣдней опредѣляется исключительно коэффициентомъ находящихся въ услуженіи человѣческихъ силъ, а не мертвымъ имуществомъ, хотя обыкновенно (но все-таки не всегда) количество имущества пропорціонально величинѣ служебной силы.

Существуетъ форма непосредственнаго распоряженія человѣческими услугами, — слѣдовательно, форма силы безъ предшествующаго участія въ дѣлѣ мертваго имущества, — а именно та форма, когда основатели государственнаго строя обезпечиваютъ за собой услуги холоповъ и рабовъ. Она является результатомъ физическаго и духовнаго пре-

восходства, прочной военной организаціи и дисциплины и прирожденнаго политическаго искусства. Сила, приобрѣтенная такимъ образомъ, можетъ со временемъ увеличиться и укрѣпиться при помощи разнообразныхъ матеріальныхъ и моральныхъ средствъ, но она можетъ также пасть вслѣдствіе слабости и недисциплинированности властвующихъ, или вслѣдствіе энергичнаго сопротивленія подвластныхъ.

Далѣе, къ матеріальнымъ средствамъ увеличенія и сохраненія силы относится мертвое имущество: запасы предметовъ потребленія и учрежденія для болѣе легкаго ихъ производства. При помощи такихъ матеріальныхъ средствъ облегчается и обезпечивается постоянное и непрерывное пользованіе человѣческимъ трудомъ. Но самымъ сильнымъ нравственнымъ средствомъ такого обезпеченія является чисто естественный моментъ: привычка. Мы настоятельно указывали въ нашемъ „Философскомъ госуд. правѣ“ на всепобѣждающую силу привычки въ государственныхъ и правовыхъ отношеніяхъ¹⁾. Къ нашему удовольствію, мы можемъ здѣсь привести слѣдующія слова изъ одного новѣйшаго сочиненія на ту же тему²⁾: „Таинственна сила привычки въ ея тихомъ, демоническомъ господствѣ,—въ томъ, какъ она властвуетъ въ поступкахъ и мысляхъ надъ ничтожной жизнью индивидовъ и великой исторіей человѣчества. Невидимое стремленіе всѣхъ земныхъ явленій и предметовъ быть устойчивыми въ вѣчной смѣнѣ, уловить хоть одинъ моментъ постоянства и покоя среди текущаго безъ остановки движенія, противопоставить безконечнымъ колебаніямъ маятника ихъ упорядоченную равномѣрность,—это стремленіе собственно даетъ центръ тяжести и равновѣсіе всей духовной дѣятель-

¹⁾ Phil. Staatsr. § 23.

²⁾ v. Mittelstädt, Gegen die Freiheitsstufen.

ности человѣческаго рода. Сначала *естественная наклонность* къ однообразному повторенію тѣхъ самыхъ фактовъ движенія, затѣмъ превращеніе этихъ повтореній въ законѣрную и прочную привычку—какъ много сознательныхъ мыслей и хотѣній постепенно, благодаря этому, превращаются въ бессознательную функцію бездушнаго механизма!..“

Безъ неуклоннаго дѣйствія этой таинственной силы были невозможны привычка и порядокъ, обычай и законъ, благодаря которымъ культурная исторія однимъ поколѣніемъ завѣщается другому. Привычка, а слѣдовательно сама природа, — могущественнѣйшая союзница господствующихъ классовъ. Она становится элементомъ ихъ силы; своимъ неуклоннымъ дѣйствіемъ она создаетъ остальные нравственные опоры этой силы: порядокъ, обычай и право. Къ этому прибавляются нравственные связи, соединяющія людей одного и того же языка и религіи; ибо какъ бы ни отличались въ обоихъ этихъ отношеніяхъ господствующіе отъ подвластныхъ, они всегда умѣли хотя бы только внѣшнимъ образомъ ассимилировать себя подвластныхъ въ сферѣ языка и религіи, къ чему, впрочемъ, необходимо вела самая природа отношеній ¹⁾.

На этихъ средствахъ покоится сила и господство первыхъ основателей государствъ, ими же эта сила поддерживается и впредь. — Но инымъ образомъ и способомъ создается сила вновь возникающихъ среднихъ классовъ.

Исходнымъ моментомъ является простое обладаніе матеріальными благами. Чѣмъ болѣе необходимы блага, находящіяся въ ихъ обладаніи для прочихъ членовъ государства, тѣмъ больше эквивалентовъ послѣдніе вынуждены предложить владѣльцамъ этихъ благъ за ихъ уступку, —

¹⁾ Объ этомъ процессѣ ассимиляціи см. Rassenkampf, стр. 253.

будутъ ли этими эквивалентами другія блага, пригодныя для полученія извѣстнаго труда, или непосредственное исполненіе труда, или, наконецъ, предоставленіе права для требованія его исполненія. Короче, за уступку матеріальныхъ благъ, находящихся во владѣніи среднихъ классовъ, должны быть даны такіе эквиваленты, которые могутъ быть сведены къ исполненію извѣстныхъ работъ. Такимъ путемъ и средній классъ получаетъ свою часть общественной силы въ государствѣ и, осуществляя эту силу, принимаетъ участіе въ государственномъ господствѣ. Съ увеличеніемъ этой силы, являющейся результатомъ труда, прилежанія, изобрѣтательности, спекуляціи и сбереженія, средній классъ можетъ стать рѣшающимъ факторомъ общественной жизни въ государствѣ.

Само собою разумѣется, что обладаніе матеріальными благами только въ *государствѣ* можетъ стать источникомъ силы; ибо внѣ государства или во времена кулачнаго права и анархіи эти блага достаются преобладающей физической силѣ, и сами по себѣ они не имѣютъ и не создаютъ никакой силы. Только въ государствѣ простая экономическая сила (какъ кратко мы можемъ ее назвать) пріобрѣла себѣ право и достигла участія въ государственномъ господствѣ.

Поясимъ теперь наглядно и детально, *какимъ образомъ* среднее сословіе осуществляетъ свое господство. Господство это, въ концѣ концовъ, всегда заключается въ эксплуатаціи чьихъ-нибудь услугъ и труда. Кого же, въ данномъ случаѣ, эксплуатируетъ третье сословіе? Конечно, не сословіе господъ, не господствующій классъ. Рабочая сила доставляется либо подвластнымъ народомъ, либо призванными откуда-нибудь наемными рабочими. Но въ чемъ состоитъ эквивалентъ, уплачиваемый *господствующимъ классомъ* за блага, доставляемыя ему среднимъ сословіемъ? Этотъ

эквивалентъ состоитъ либо въ богатствахъ почвы, на которыя господствующій классъ имѣетъ „верховное право“, либо въ продуктахъ фауны, составляющихъ „господское добро“, въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, добываемыхъ путемъ принудительнаго труда подвластнаго народа, либо, наконецъ, въ передачѣ правъ, въ силу которыхъ различныя обязанности подвластнаго народа уступаются среднему сословію, какъ, напримѣръ, исключительное право торговли необходимыми средствами удовлетворенія всеобщихъ потребностей, устройство ярмарокъ и такъ далѣе. Поскольку господствующее сословіе принуждено согласиться на такое вознагражденіе, и отдѣльные члены его въ силу закона и права могутъ быть принуждены къ исполненію своихъ обязанностей въ отношеніи къ среднему сословію, постольку и можно говорить о силѣ средняго класса надъ господствующимъ сословіемъ, не смотря на то, что послѣднему до извѣстнаго момента государственнаго развитія исключительно принадлежатъ политическія преимущества и права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходство надъ среднимъ сословіемъ. Но и сила, и господство обоихъ классовъ, въ концѣ концовъ, сводятся къ исполненію извѣстной работы и службы со стороны подвластнаго народа. *Послѣдній* уже благодаря своей многочисленности представляетъ въ государствѣ громаднѣйшую массу человѣческихъ силъ; поэтому онъ образуетъ огромный резервуаръ силы, которымъ питается весь государственный аппаратъ: изъ него черпается та масса человѣческихъ услугъ, которыя необходимы для упражненія силы, для осуществленія господства высшихъ классовъ. Другими словами, всякое осуществленіе господства въ государствѣ ложится тяжелымъ бременемъ на его низшіе, всегда многочисленные слои. Позднѣе мы постараемся рѣшить вопросъ, увеличивается ли это бремя съ увеличеніемъ числа и разнообразія

сословій, появляющихся съ прогрессомъ государственной жизни; сперва же обратимся къ изученію этого прогрессирующаго образованія сословій.

Матеріальныя потребности создаютъ среднее сословіе; потребности совершенно иного характера съ самаго начала совмѣстной жизни людей ведутъ къ образованію другого сословія, которому суждено оказать впослѣдствіи могучее вліяніе на развитіе государственнаго строя. Какимъ образомъ человѣческое мышленіе, обезпокоенное загадкой бытія, стремится настоятельно къ успокоенію и находитъ его въ религіозныхъ представленіяхъ; какимъ образомъ эти представленія побуждаютъ его къ созданію религіознаго культа,—все это мы объяснили въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Необходимость отправления культа создала *профессію священниковъ*. Какъ происходилъ этотъ соціально-психическій процессъ, черезъ какія фазы своего развитія онъ прошелъ, объ этомъ мы не станемъ здѣсь распространяться ²⁾. Фактъ тотъ, что эти религіозныя потребности всегда и вездѣ раньше или позже ведутъ къ образованію *сословія священниковъ*, которое, какъ сословіе, стремится *сохранить* и увеличить свою силу.

Въ чемъ же состоитъ сила этого сословія?

Сущность ея, какъ и сущность всякой силы, вообще, состоитъ въ возможности распоряжаться человѣческими услугами и рабочей силой человѣка. Только *форма*, въ которой различныя сословія обладаютъ этой возможностью, характеръ и способъ, которыми они добиваются человѣческихъ услугъ, являются различными, соотвѣтственно различнымъ свойствамъ находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Между тѣмъ

¹⁾ Rassenkampf, стр. 137.

²⁾ См. Geschichte des Priesterthums, Липперта.

какъ господствующее сословіе вынуждаетъ эти человѣческія услуги непосредственно превосходствомъ силы и обдуманности, а затѣмъ уже въ упорядоченной организаціи исполняетъ свои функціи господъ и распорядителей, оказывая тѣмъ цѣлому извѣстныя неотрицаемыя услуги, между тѣмъ какъ торговецъ доставляетъ, какъ господствующему сословію, такъ и подчиненному народу, матеріальныя блага и за это получаетъ свой эквивалентъ,—сословіе священниковъ заботится объ *обрядахъ культа*, при чемъ оно идетъ навстрѣчу неустранимымъ потребностямъ человѣческаго чувства, и такимъ образомъ обезпечиваетъ себѣ средства силы, будь то обладаніе матеріальными благами или непосредственныя услуги людей. Такимъ образомъ три сословія отличаются другъ отъ друга только той *пользой*, которую они приносятъ своимъ подвластнымъ; *вознагражденіе* получаемое ими можно свести всегда къ одному и тому же: въ послѣдней инстанціи оно состоитъ въ большей или меньшей суммѣ человѣческихъ услугъ, которыя доставляются или *in natura*, или матеріализируются въ благахъ, или обезпечиваются въ правахъ, привилегіяхъ и „верховенствѣ“.

Съ точки зрѣнія „просвѣщенія“, конечно, легко можетъ возникнуть возраженіе, что услуги, оказываемыя сословіемъ священниковъ, фиктивны и не могутъ сравняться по цѣнности съ вознагражденіемъ за него, добываемымъ въ потѣ лица; то же можно сказать и относительно труда сословія господъ; но всѣ эти возраженія разбиваются о тотъ несомнѣнный *фактъ*, что религіозныя потребности людей требуютъ такъ же настоятельно удовлетворенія, какъ и матеріальныя, и что сословіе господъ въ соціальной экономіи имѣетъ свое необходимое и неустранимое назначеніе. Впрочемъ, соціологія должна отказаться отъ всякой подобной *критики природы*: для нея интересны только факты и ихъ за-

коносообразность; вопросъ о томъ, не могло ли быть иначе или лучше, съ социологической точки зрѣнія не можетъ быть даже поставленъ, ибо социальныя явленія необходимо вытекаютъ изъ природы людей и природы ихъ отношеній.

Соціологія дошла до познанія, что извѣстныя намъ социальныя явленія, къ каковымъ принадлежитъ и образованіе сословій, вполне соотвѣтствуютъ природѣ людей и природѣ ихъ взаимныхъ отношеній: не было бы господъ, если бы они не могли найти рабовъ; не было бы священниковъ, если бы они не нашли вѣрующихъ; не было бы торговцевъ, если бы они не нашли покупателей, и т. д.

Явленіе образованія сословій можно свести на такой всеобщій законъ: каждая всеобщая и, слѣдовательно, *соціальная* потребность создаетъ лицъ, ее удовлетворяющихъ, вслѣдствіе чего на почвѣ каждой социальной потребности возникаетъ *сословіе*.

Поскольку послѣднее можетъ удовлетворить социальную потребность, постольку оно, во-первыхъ, необходимо и, во-вторыхъ, получаетъ за это удовлетвореніе эквивалентъ, который, въ концѣ концовъ, можно свести къ человѣческимъ услугамъ, къ опредѣленному участию въ обладаніи существующими средствами господства. Употребляя полученную такимъ образомъ силу, каждое сословіе принимаетъ соотвѣтствующее участіе въ государственномъ господствѣ.

Ограничивается ли число сословій въ государствѣ численными здѣсь сословіями господъ, священниковъ, торговцевъ и крестьянъ, завершается ли этимъ процессъ образованія сословій? Ни въ коемъ случаѣ. Изъ того, что мы выше сказали о безконечно и безмѣрно растущихъ потребностяхъ людей, само собою вытекаетъ, что вновь возникающія съ развитіемъ культуры потребности создаютъ новые профессиональные классы и сословія. Чѣмъ развитѣе и про-

грессивнѣе государственный организмъ, чѣмъ могущественнѣй и великолѣпнѣй культура, тѣмъ многочисленнѣе профессиональные классы и сословія, тѣмъ сложнѣе организація господства и взаимная зависимость различныхъ социальныхъ классовъ, *факторовъ силы*. Итакъ можно сказать, что развитіе сословій идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей.

Такимъ образомъ, прежде всего, мы должны обратить вниманіе на развитіе потребностей. Мы говорили уже о матеріальныхъ и интеллектуальныхъ (моральныхъ) потребностяхъ; онѣ коренятся въ природѣ людей; ихъ можно бы назвать первичными потребностями. Но, кромѣ нихъ, культурная жизнь создаетъ все новыя потребности, которыя можно назвать вторичными. Къ послѣднимъ относятся тѣ, которыхъ некультурный, или стоящій на низшей ступени культуры человекъ не чувствуетъ вовсе, и которыя даютъ себя чувствовать только по мѣрѣ развитія культуры *культурному человеку*.

Возьмемъ ближайшій примѣръ. На низшей ступени культуры священникъ является въ то же время и врачомъ: люди еще не чувствуютъ потребности въ свѣтскомъ врачѣ. Процессъ, въ силу котораго рядомъ съ религіозными потребностями возникаетъ потребность въ помощи и лѣченіи врача, можно было бы назвать процессомъ дифференціаціи потребностей. Благодаря этой потребности, на болѣе высокой ступени развитія возникаетъ сословіе врачей, которое въ цивилизованныхъ государствахъ создаетъ себѣ организацію, достигаетъ социального положенія и старается юридически его опредѣлить и упрочить.

Такимъ же образомъ въ культурномъ государствѣ, изъ отношеній *оборота* и государственнаго правопорядка выросла потребность въ правовой защитѣ; эта потребность создала

сословіе юристовъ, сила котораго въ государствѣ соотвѣтствуетъ величинѣ, значенію и всеобщности этой потребности. Извѣстно, какое вліяніе имѣеть это сословіе на политическую жизнь современныхъ государствъ, извѣстно какимъ оно обладаетъ могуществомъ и силой. Потребность государственнаго управленія перенести на нѣкоторое число должностныхъ лицъ и раздѣлить между ними отдѣльные акты господства въ разросшемся государствѣ, въ связи съ потребностью народа вступить съ означенными лицами въ сношеніе,—создаетъ сословіе бюрократіи, имѣющее свои интересы, обладающее силой и, слѣдовательно, осуществляющее въ своей сферѣ господство.

Изъ сословія торговцевъ и ремесленниковъ, въ свою очередь, происходятъ различные классы и сословія, вслѣдствіе ставшаго необходимымъ раздѣленія труда и вслѣдствіе размножающихся потребностей въ многочисленныхъ продуктахъ и благахъ, которыя доставляетъ торговля или производитъ промышленность.

Въ современномъ культурномъ государствѣ рѣзко противопоставляется крупная индустрія, какъ сословіе, мелкому ремеслу; рабочее сословіе—сословію капиталистовъ и предпринимателей; сельско-хозяйственное производство—промышленности и т. д., и т. д. У каждаго изъ этихъ сословій—свои интересы, которые оно преслѣдуетъ, своя сила, которую оно старается удержать и увеличить; каждое изъ нихъ ложится бременемъ на всѣ остальные сословія, болѣе или менѣе тяжелымъ, смотря по своей собственной силѣ и по степени сопротивленія другихъ; иными словами, каждое принимаетъ участіе въ политическомъ господствѣ по мѣрѣ своихъ силъ. Только эта сила (мы уже знаемъ, въ чемъ она состоитъ) является критеріемъ и мѣриломъ участія каждаго изъ этихъ сословій въ государственной власти. Участіе это

проявляется въ большемъ или меньшемъ вліяніи на отдѣльныя дѣйствія государства какъ по внутреннему, такъ и по международному управленію.

Подобно тому, какъ изъ средняго сословія, путемъ приспособленія къ различнымъ потребностямъ, возникаютъ вслѣдствіе раздѣленія труда и спеціализаціи, различныя сословія мелкой и крупной промышленности и торговли, точно такъ же изъ единого первоначально сословія господъ, сообразно болѣе развитымъ потребностямъ усовершенствованнаго военнаго искусства создается особый рыцарскій классъ, который потомъ, усилившись годными элементами изъ другихъ сословій, образуетъ нынѣшнее военное сословіе. И если въ новѣйшее время въ нѣкоторыхъ государствахъ сдѣлана была, сообразно съ господствующими доктринами, попытка уничтожить это сословіе, какъ нѣчто самостоятельное, и посредствомъ всеобщей воинской повинности растворить его въ массѣ народа, то еще вопросъ, удастся ли эта попытка, не окажется ли природа вещей сильнѣе доктринерскихъ стремленій и, въ концѣ концовъ, соотвѣтственно настоятельнымъ и насущнымъ потребностямъ, не выдетъ ли побѣдоносно изъ этихъ хаотическихъ стремленій обособленное замкнутое военное сословіе?

§ 5. Двойственный характеръ возникновенія сословій.

Мы видѣли, что одни сословія (сословіе господъ, крестьянъ, торговцевъ) произошли изъ столкновенія разнородныхъ этническихъ элементовъ, что различіе и особенности ихъ—*первоначальны*, возникли въ догосударственное время и поэтому легче сохраняются въ государствѣ, такъ какъ антропологическая и нравственная обособленность усиливаютъ обособленность и замкнутость позднѣйшихъ сословій и часть въ государствѣ.

Но мы видѣли также, что есть сословія (священники, крупная промышленность въ противоположность мелкой, ученое сословіе, законники, бюрократія и такъ далѣе), которыя только въ государствѣ выдѣлились изъ одного или нѣсколькихъ сословій и только благодаря процессу дифференціаціи обособились въ качествѣ отдѣльнаго сословія; и эти, такъ сказать, вторичныя сословія въ своей обособленности, въ охраненіи своихъ частныхъ интересовъ, во всемъ своемъ поведеніи, въ политической борьбѣ и стремленіяхъ вполне усвоиваютъ себѣ природу первоначальныхъ, копируютъ ихъ. Такое явленіе въ социальной сферѣ совпадаетъ *со всеобщимъ закономъ*, который мы поэтому должны вкратцѣ объяснить, прежде чѣмъ отмѣтить его специфическое выраженіе въ области социальной.

Противоположность первоначальнаго (или первичнаго) и вторичнаго образованія сословій въ области органическаго міра имѣетъ свою аналогію въ наслѣдственности и приспособленіи. Эти два вида возникновенія органическихъ типовъ, въ сущности, противорѣчатъ другъ другу. Вся задача антропологии заключается въ разрѣшеніи этого противорѣчія, или въ устраненіи одного изъ этихъ двухъ тезисовъ. Постановка вопроса такова: чтò является вѣчно образующимъ принципомъ въ органическомъ мірѣ—наслѣдственность или приспособленіе? Мудрость тысячелѣтій, которую нельзя игнорировать, отвѣчаетъ: наслѣдственность; радикальный матеріализмъ новаго времени: приспособленіе („человѣкъ есть то, чтò онъ ѣстъ“); дарвинизмъ пытается примирить оба противорѣчія и говорить: и то, и другое,—и наслѣдственность, и приспособленіе! Попытаемся же рѣшить, какой отвѣтъ ближе къ истинѣ. Самое поверхностное знакомство съ органическими явленіями учитъ насъ, что наслѣдственность есть могучій образующій принципъ въ органическомъ мірѣ; орга-

ническія образованія таковы, какими были ихъ творцы. Это ясно; это—общее правило. Но органической міръ представляетъ намъ также исключительныя явленія, которыхъ мы не можемъ объяснить посредствомъ закона наслѣдственности. Если намъ встрѣчаются (не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія) органическія формы, не похожія на своихъ родителей, то мы стараемся какимъ-нибудь образомъ объяснить эти непонятныя для насъ отклоненія. Среди этихъ попытокъ объясненія Дарвинова попытка объяснить ихъ посредствомъ теоріи приспособленія—самая остроумная и господствуетъ до сихъ поръ повсюду.

Эта теорія попросту гласитъ: чего нельзя объяснить наслѣдственностью, то слѣдуетъ объяснить способностью организмовъ приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, къ каковому приспособленію принуждаетъ и побуждаетъ ихъ борьба за существованіе.

Эта теорія, сама по себѣ, была бы мало вѣроятна и съ трудомъ проложила бы себѣ дорогу, если бы геній Дарвина не указалъ и не привелъ для ея подтвержденія массы естественно-научныхъ фактовъ. Это рѣшило дѣло. Дарвинъ показываетъ на массѣ отдѣльныхъ случаевъ, какъ организмы въ своемъ образованіи приспособляются къ внѣшнимъ условіямъ и въ то же время измѣняютъ типъ, ставшій у нихъ отчасти наслѣдственнымъ; больше того, онъ старается, хотя въ данномъ случаѣ и съ ничтожными результатами, доказать, что каждое измѣненіе, явившееся слѣдствіемъ приспособленія, въ силу наслѣдственности переносится на потомство.

Мы думаемъ, что насколько законъ наслѣдственности несомнѣненъ, насколько онъ является общепризнаннымъ фактомъ, настолько законъ приспособленія остается только гипотезой, которая, не смотря на множество подтверждающихъ

ее единичныхъ примѣровъ, еще далека отъ того, чтобы считаться окончательно и неопровержимо доказанной.

Главная причина возникновенія этой ошибочной идеи о происхожденіи видовъ путемъ приспособленія, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ:

Естественныя образованія возникаютъ двоякимъ путемъ— первообразнымъ и вторичнымъ. Въ природѣ существуютъ, такъ сказать, два противоположныхъ теченія, которыя постоянно встрѣчаются,—и которыя могутъ быть названы „оригинальностью“ и „подражаніемъ“.

То, что природа создаетъ оригинально, неизвѣстнымъ намъ „творческимъ“ способомъ, нерѣдко возникаетъ и подъ влияніемъ внѣшнихъ, хорошо намъ понятныхъ и очевидныхъ причинъ; этотъ послѣдній видъ происхожденія ученіе Дарвина называетъ *эволюціоннымъ*¹⁾.

Автогенизмъ и эволюціонизмъ помогаютъ другъ другу. Это сбиваетъ насъ съ толку. Передъ каждой органической формой мы стоимъ въ недоумѣніи: генетична она или эволюціонна? Одно и то же явленіе, одинъ и тотъ же

¹⁾ Какъ какъ послѣдній способъ возникновенія, вторичный, эволюціонный, болѣе понятенъ для насъ, между тѣмъ какъ первообразный въ области органической природы совершенно ускользаетъ отъ нашего пониманія, то этимъ и объясняется, почему мы всегда и всюду склонны отдавать предпочтеніе вторичному, эволюціонному способу возникновенія, что Дарвинъ и Геккель дѣлаютъ въ органической, а социологи—въ социологической области. Если сказать, что существуетъ единственный способъ возникновенія, который мы можемъ представить себѣ и понять, то это можетъ быть и вѣрно, но не логично утверждать, что въ природѣ нѣтъ другого способа возникновенія, кромѣ того, который можетъ быть понятъ человѣческимъ умомъ.

типъ (это доказано на многихъ примѣрахъ) можетъ возникнуть такъ и иначе, ибо въ сущности это одинъ и тотъ же естественный способъ: художникъ можетъ нарисовать оригинальную картину, но онъ можетъ и воспроизвести, *скопировать* ее.

Но, подобно тому, какъ ложно было бы заключеніе, будто художникъ, выставившій копию, не способенъ создать оригинала и все имъ нарисованное можетъ быть только копіей, точно такъ же ложно Дарвиново заключеніе отъ многихъ примѣровъ эволюціонизма къ возникновенію совокупности организмовъ путемъ эволюціи. Безъ сомнѣнія, у насъ имѣются примѣры возникновенія разновидностей человѣческаго типа путемъ приспособленія и эволюціи, но заключеніе отъ этихъ *единичныхъ* явленій къ возникновенію всѣхъ человѣческихъ разновидностей вторичнымъ путемъ было бы нелогичнымъ и поэтому неосновательнымъ.

Впрочемъ, двойкій характеръ возникновенія легко объяснимъ. Если географическое положеніе и устройство орды еще теперь въ состояніи оказывать значительное вліяніе на модификацію органическаго типа, то какъ велико должно было быть вліяніе этого агента на *первоначальное* развитіе разновидностей! Этотъ факторъ породилъ, такъ сказать, генетическія различія; онъ еще и теперь дѣйствуетъ въ ослабленной степени; но первоначальное генетическое дѣйствіе всюду оказывается продолжительнымъ и постояннымъ. Конечно, благодаря этому, пріобрѣтаетъ кажущуюся вѣроятность теорія, которая признаетъ только вторичное дѣйствіе и, безконечно удлинняя кратковременность дѣйствія этихъ вторичныхъ факторовъ, устраняетъ, такимъ образомъ, необходимость признанія первоначальныхъ способовъ возникновенія разновидностей. Но эта операція только *аристотѣтически* правильна, она имѣетъ лишь ло-

гическую цѣну, логическую правильность; по существу, она не въ состояніи опровергнуть первообразнаго генетическаго способа возникновенія, о которомъ свидѣтельствуетъ рядъ другихъ моментовъ. Какъ въ области органической природы, такъ и въ соціальной области встрѣчаемъ мы первичные и вторичные, генетическіе и эволюціонные способы возникновенія явленій.

Такъ, общественное *неравенство* возникаетъ и первообразно при столкновеніи разнородныхъ этническихъ элементовъ неравной силы, и эволюціонно при долговременномъ господствѣ однихъ надъ другими, хотя и однородными элементами, обезсиленными вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій и отношеній.

Такъ, на ряду съ первообразнымъ возникновеніемъ государства путемъ поработенія и подчиненія, можетъ быть, *какъ рѣдкое исключеніе*, имѣло мѣсто вторичное возникновеніе его (?) путемъ мирнаго процесса, создающаго полное отдѣленіе и обособленность болѣе сильныхъ элементовъ народа отъ нуждающихся въ ихъ защитѣ болѣе слабыхъ. Наконецъ, сословія и классы обыкновенно возникаютъ первообразно изъ разнородныхъ этническихъ элементовъ или изъ такихъ, которые въ моментъ сліянія находятся на *различныхъ ступеняхъ развитія* и вступаютъ въ постоянный союзъ и организацію. Но на ряду съ этимъ первообразнымъ способомъ возникновенія существуютъ многочисленныя примѣры образованія сословій и классовъ вторичнымъ, эволюціоннымъ путемъ, ибо, какъ мы уже видѣли, въ силу различныхъ обстоятельствъ, условій и склонностей одни берутся за одно, другіе за другое занятіе, а различныя занятія обособляются въ классы и сословія.

Но какъ бы ни возникла соціальная группа—первообразно или эволюціонно,—ея характеръ, какъ группы, класса или

сословія, какъ фактора соціального развитія, остается неизмѣннымъ. Каждая группа, каждое сословіе, возникшее первообразно или эволюціонно, стремится къ осуществленію своихъ *интересовъ*, старается охранить ихъ, содѣйствовать имъ, пріобрѣсти силу, увеличить ее, завоевать участіе въ политическомъ господствѣ, соотвѣтствующее этой силѣ. Такое постоянное и естественно-необходимое *стремленіе* приводитъ каждую спеціальную группу всегда къ одной и той же *политикѣ*; и такъ какъ въ первоначальныхъ сословіяхъ естественная обособленность отъ другихъ и сингенетическая связь способствуетъ сохраненію и увеличенію ихъ силы, то каждая возникшая эволюціоннымъ образомъ группа стремится пріобрѣсти характерныя черты и качества первоначальной.

Отсюда — рѣзко выраженное стремленіе всѣхъ соціальныхъ группъ къ кастовой исключительности и обособленности отъ другихъ, тенденція сохранить и увеличить свою силу путемъ эндогаміи, или путемъ целебата (безбрачія) окончательно порвать всѣ связи съ остальными соціальными группами и, такимъ образомъ, предотвратить раздробленіе и ослабленіе своей силы.

§ 6. Общество.

Совокупность возникшихъ въ государствѣ соціальныхъ группъ, общеній, классовъ и сословія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и воздѣйствіи другъ на друга принято называть, въ противоположность государству, обществомъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, общество не есть ничто обособленное отъ государства, а то же государство, только разсматриваемое съ иной точки зрѣнія. Но въ болѣе узкомъ и спеціальному смыслѣ обществомъ называется каждая отдѣльная изъ такихъ группъ, со-

средоточенная вокругъ какого-нибудь общаго интереса или нѣсколькихъ общихъ интересовъ,—другими словами, каждая группа, объединенная общностью одного или нѣсколькихъ интересовъ. Такой двойной смыслъ, придаваемыйъ выраженію „общество“, часто является причиной путаницы и неясности, которыя увеличиваются еще тѣмъ, что, во-первыхъ, „общества“ или социальныя группы въ государствѣ не отдѣляются строго другъ отъ друга, а часто входятъ одна въ другую, взаимно перекрещиваются, такъ что одни и тѣ же люди въ силу однихъ интересовъ входятъ въ составъ одной общественной группы, въ силу другихъ — въ составъ другой. Такъ, напримѣръ, чиновникъ можетъ быть въ то же время и крупнымъ собственникомъ, и ревностнымъ членомъ религіознаго общества, и сахарозаводчикомъ. Въ социальной борьбѣ изъ-за матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ его точка зрѣнія въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ опредѣляется этими многообразными интересами.

Во-вторыхъ, культурное развитіе нѣкоторыхъ общественныхъ группъ выводитъ извѣстные интересы далеко за предѣлы отдѣльнаго государства, такъ что образуются извѣстныя социальныя группы, состоящія изъ членовъ нѣсколькихъ государствъ; таковы, напримѣръ, интересы религіи, національности, социальнаго положенія въ государственной системѣ (напримѣръ, социализма и т. д.). Пока эти отношенія не изучены, точно не расчленены и не освѣщены научно, до тѣхъ поръ будетъ существовать неясность въ понятіи общества. Эта неясность ни въ какомъ случаѣ не будетъ устранена такими расплывчатыми опредѣленіями, въ духѣ Гегеля, какъ, напримѣръ, слѣдующее опредѣленіе Теринга: „Общество можно опредѣлить, какъ фактическую организацію жизни для другихъ и посредствомъ другихъ; а такъ какъ самыми лучшими сторонами своего бытія личность

обязана исключительно другимъ, то общество является, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимой формой жизни *для себя*; такимъ образомъ оно является въ дѣйствительности *формой человеческой жизни вообще*“ 1). Что даютъ, что объясняютъ такія опредѣленія, которыя одинаково примѣнимы ко всему? Вставимъ въ это опредѣленіе, вмѣсто „общества“, любое понятіе, напримѣръ, государство или народное хозяйство и тому подобное—оно будетъ такъ же хорошо или такъ же худо соответствовать этому понятію, какъ понятію общества. И дѣйствительно, ученые часто опредѣляютъ государство, какъ „форму человѣческой жизни“, „порядокъ человѣческой жизни“, и т. п. Такими общими мѣстами ничего не скажешь; это шаблоны, подходящіе ко всему, но ничего не уясняющіе. Нечему, конечно, удивляться, что Герингъ такимъ образомъ опредѣляетъ явленія жизни: это происходитъ вслѣдствіе того, что онъ, какъ романистъ, по поводу каждаго явленія жизни, вмѣсто того, чтобы разумно осмыслить его, прежде всего спрашиваетъ, что говорятъ о немъ римскіе юристы,— и такимъ образомъ хочетъ понять явленія жизни только при помощи римско-правовыхъ опредѣленій! И къ выше-приведенному ничего не говорящему опредѣленію общества пришелъ онъ путемъ изученія римскаго понятія „societas“. Впрочемъ и другимъ удалось иными путями прійти къ подобнымъ же опредѣленіямъ соціальныхъ явленій, которыя, вмѣсто того, чтобы объяснить дѣло, только еще больше запутываютъ его. Насколько предпочтительнѣй въ сравненіи съ такими туманными опредѣленіями опредѣленіе Спенсера: „*Постолитство отношеній* между сочленами образуютъ индивидуальность цѣлаго въ отличіе отъ индивидуальности его сочленовъ“.

1) Ihering, Zweck im Recht. I, 45; Schafle, Fam. und Erbe.

Такъ объясняетъ Спенсеръ понятіе общества, какъ единства¹⁾. „Постоянство отношеній“ соединяетъ множество людей въ общество. Многообразіе этихъ отношеній создаетъ многообразіе общественныхъ союзовъ, и мы знаемъ, что одинъ и тотъ же индивидъ можетъ быть связанъ различными отношеніями съ нѣсколькими общественными группами. Конечно, наука сдѣлала бы большой шагъ впередъ, если бы она совсѣмъ отказалась отъ понятія „общества“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, о которомъ мы только что говорили (такъ какъ оно не представляетъ ничего реального и только соотвѣтствуетъ извѣстному пониманію народной жизни), и пользовалась словомъ „общество“ только въ смыслѣ конкретной, связанной „постоянными отношеніями“ группы людей. Благодаря этому исчезла бы всякая неясность.

Шеффле, называющій эти общественные союзы „массовыми аггломератами“ или „сложными тканями“, справедливо замѣчаетъ, что „общественная теорія, къ удивленію, еще не сумѣла отвести въ своей системѣ опредѣленнаго мѣста для индифферентныхъ по общему правилу (?), но въ извѣстные моменты крайне воспримчивыхъ основныхъ тканей (Grundgewebe), а свалила ихъ со всевозможными другими понятіями въ кучу „общества“, будто бы лежащаго посрединѣ между индивидомъ и государствомъ,—общества, которое въ такомъ хаотическомъ состояніи, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительности, не существуетъ²⁾. Впрочемъ, Шеффле очевидно не сознаетъ, что такое пониманіе „общества“ и его туманное опредѣленіе, какъ явленія, лежащаго между го-

¹⁾ ...«it is the permanence of the relations among component parts which constitutes the individuality of a whole as distinguished from the individualities of its parts». Pr. of soc. I. 465.

²⁾ Schäffle, Ban und Leben, I, 292.

сударствомъ и индивидомъ, было неизбѣжнымъ *началомъ* ученія объ обществѣ, зародышъ котораго слѣдуетъ искать въ „гражданскомъ обществѣ“ Шлецера, а затѣмъ Гегеля, и развитію котораго данъ былъ сильный толчокъ *широкимъ опредѣленіемъ* общества Моля, Штейна и Гнейста ¹⁾. Но теперь, когда вышеуказанное широкое понятіе общества, которому фактически не соотвѣтствуетъ никакой реальности, уже въ достаточной степени выяснено, это выраженіе въ такомъ значеніи представляется совершенно излишнимъ. Если намъ возразить, что совокупность вѣхъ общественныхъ союзовъ въ государствѣ связана извѣстными „постоянными отношеніями“ (какъ, напр., общей территоріей, правительствомъ и т. п.) и поэтому представляеть „общество“, то мы отвѣтимъ, что для такого „общества“ существуетъ вполне соотвѣтствующее названіе „народъ“. Итакъ понятіе общества, въ широкомъ смыслѣ этого слова, уже сыграло свою роль и можетъ удалиться со сцены! Это понятіе должно употребляться только для обозначенія отдѣльныхъ соціальныхъ группъ въ государствѣ, или же внѣ государства, если извѣстные интересы и отношенія выходятъ за предѣлы государственной жизни.

§ 7. Общества.

Не наше дѣло перечислять всѣ существующія въ государствѣ общества, въ ихъ цѣломъ, и еще менѣе—изобразать каждое изъ нихъ въ отдѣльномъ его историческомъ развитіи. Каждый общественный союзъ является особой проблемой; одну изъ такихъ проблемъ пытается рѣшить и, дѣйствительно, удачно рѣшаетъ Липпертъ въ своей „Исторіи духовенства“. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное сословіе

¹⁾ Ср. Phil. Staatsr. § 12 Rechtsstaat und Soc., стр. 158.

каждый социальный классъ, каждая профессія могли бы составить предметъ социологически-историческаго изслѣдованія. Такое изслѣдованіе вывело бы насъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Здѣсь мы должны ограничиться раскрытіемъ социальныхъ связей, тѣхъ „отношеній“, которыя связываютъ и объединяютъ отдѣльныя группы, которыя поддерживаютъ между ними единство,—ограничиться разъясненіемъ общихъ принциповъ, на которыхъ покоится ихъ сила въ государствѣ; ибо и здѣсь необходимо изображеніе индивидуальнаго предоставить исторіи: социологія можетъ точно опредѣлить лишь общія формы явленій, ихъ законы. А тотъ фактъ, что возникновеніе и развитіе обществъ проявляются въ одинаковыхъ формахъ, или, иными словами, управляются „законами“, доказывается уже тѣмъ простымъ соображеніемъ, что потребности, коренящіяся всегда въ одной и той же природѣ людей, равно какъ ихъ ростъ и развитіе—всегда одни и тѣ же; сословія же, классы и общественные союзы, какъ мы видѣли, соответствуютъ этимъ потребностямъ и ихъ росту. Такимъ образомъ, выросшія на общей почвѣ социальные образования идентичны. По существу своей природы, они имѣютъ одни и тѣ же принципы жизни, одни и тѣ же стремленія, и развитіе ихъ силы и господства зависитъ только отъ бѣльшаго или меньшаго числа средствъ, которыя съ самаго начала находятся въ ихъ распоряженіи, или которыя они въ состояніи добыть и пріобрѣсти. Социальные союзы поэтому отличаются другъ отъ друга только *степенью*; по своей сущности, они тождественны другъ другу; ихъ тенденція всегда одна и та же.

Каковы же связи, соединяющія большинство людей въ общество?

Какъ вообще въ социологін, такъ и здѣсь мы должны исходить изъ первоначальнаго или первичнаго состоянія,

не поддающагося дальнѣйшему анализу, возникновеніе котораго намъ неизвѣстно. Первая связь, объединяющая людей, есть общежитіе орды ¹⁾ По нашему мнѣнію, эта связь естественна; всѣ же остальные, напротивъ, эволюціонны, такъ какъ онѣ возникаютъ благодаря социальному прогрессу. Этимъ мы ни въ коемъ случаѣ не желаемъ сказать, что послѣднія связи не естественны: различіе между ними заключается въ томъ, что возникновеніе послѣднихъ намъ извѣстно, а возникновеніе первой—нѣтъ ²⁾. Сущность этой связи представляется человѣку, который скованъ ею, какъ противоположность „чужому“, и только позднѣйшее размышленіе объявляетъ причиной этой общности одинаковое происхожденіе (отъ бога, героя, и т. под.). Анализируя существо этой общности, мы найдемъ, что фактъ совместной жизни, *кровное родство* и возникшая отсюда общность языка, религіозныхъ представленій, нравовъ и образа жизни являются цементомъ этой общности, и что отличіе чужихъ отъ своихъ состоитъ, именно, въ присутствіи у первыхъ изъ нихъ общности указанныхъ *проявленій и функций жизни*.

Въ сущности, нѣтъ никакихъ другихъ социальныхъ связей, кромѣ существовавшихъ въ примитивной ордѣ, то-есть, кромѣ факта совместной жизни, кровнаго родства, множества матеріальныхъ и интеллектуальныхъ потребностей, а слѣдовательно и множества интересовъ по отношенію къ ихъ удовлетворенію; нѣтъ никакихъ социальныхъ противоположностей, которыя не были бы основаны на отсутствіи той или

¹⁾ Необходимость этого исходнаго момента, какъ мы видѣли, признавалъ и Спенсеръ, говоря: «social evolution begins, with small simple aggregates». *Sociology*, I, 570.

²⁾ О противоположности «естественнаго» и «искусственнаго» въ социальныхъ учрежденіяхъ см. *Rechtsstaat und Soc.* § 329.

другой изъ упомянутыхъ объединяющихъ связей. Такъ какъ условіемъ всего соціального развитія является отчасти объединеніе разнородныхъ этническихъ элементовъ, отчасти обособленіе и дифференцированіе однородныхъ элементовъ, то отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: объединяющіеся элементы остаются всегда связанными другъ съ другомъ общими интересами и, въ случаѣ ихъ отсутствія, приходятъ въ соціальное противорѣчіе другъ къ другу; либо происшедшія отъ однороднаго соціального элемента группы создаютъ извѣстные общіе интересы, соединяющіе ихъ другъ съ другомъ и, такъ сказать, обособляющіе ихъ отъ той соціальной почвы, на которой они возникли. Первое происходитъ при основаніи государственнаго строя, или при постепенномъ образованіи средняго сословія изъ чуждыхъ элементовъ; второе—при постепенномъ образованіи такихъ сословій, какъ духовенство, солдаты, ученые, а также при образованіи отдѣльныхъ промышленныхъ профессій и классовъ.

Такимъ образомъ, основаніе перваго государственнаго строя тотчасъ же вызываетъ къ жизни два общественныхъ класса—господъ и рабовъ, холоповъ или крестьянъ.

Къ соціальнымъ связямъ, создающимъ общее *племенное чувство* и объединяющимъ съ самаго начала указанные элементы государства, прибавляется теперь новый объединяющій моментъ: общіе интересы господства у однихъ, общая участь подчиненности у другихъ. *Племенное чувство* усиливается *чувствомъ сословнымъ*. Но нельзя утверждать что появленіемъ противоположности между господствомъ и подчиненностью должна обостриться первоначально существовавшая противоположность разнородныхъ элементовъ это увеличеніе разобщающихъ моментовъ необходимымъ образомъ уравнивается фактомъ совмѣстной жизни и

вообще всѣми тѣми связями, которыя возникаютъ сами собой изъ этого факта путемъ привычки и приспособленія, и къ которымъ впослѣдствіи присоединяется медленная ассимиляція путемъ такихъ соціально-психическихъ явленій, какъ языкъ, нравы, культурныя представленія и культурная дѣятельность. Всѣ эти вновь возникающія связи, которыя у подвластныхъ классовъ могутъ усилиться еще естественнымъ чувствомъ уваженія къ господствующему классу, достаточно интенсивны для того, чтобъ указанные два соціальныхъ класса въ противоположность чужимъ этническимъ группамъ казались *однимъ и единственнымъ цѣлымъ*. Тѣмъ не менѣе, сословное различіе, невозможность кровнаго родства (запрещенное *connubium*), отношеніе господства и возникающая отсюда противоположность интересовъ всегда, въ большей или меньшей степени, поддерживаютъ между ними разобщенность.

Таково-же развитіе отношеній при появленіи чужого сословія купцовъ. Сперва они совершенно чужіе; языкъ, нравы, религія, прозвище, — вообще все, что объединяетъ отдѣльныя соціальныя группы, у нихъ совершенно отлично и отдѣляетъ вновь появившуюся соціальную группу отъ старыхъ. Со временемъ разобщающіе моменты могутъ исчезнуть; и, наоборотъ, подъ вліяніемъ совместной жизни можетъ возникнуть любовь къ отечеству и соотечественникамъ, многосторонняя ассимиляція языка, нравовъ, представленій и т. д. Но, не говоря уже о кровной разобщенности и сословныхъ различіяхъ съ ихъ послѣдствіями, какъ-то: разными правами, образомъ жизни, сословной нравственностью и т. д., — противоположность интересовъ всегда остается моментомъ, отдѣляющимъ торговцевъ отъ прочихъ общественныхъ классовъ.

Иначе обстоитъ дѣло при возникновеніи профессій и классовъ путемъ дифференцированія однородныхъ соціаль-

ныхъ элементовъ. Здѣсь только особый интересъ обособившихся людей одной профессіи соединяетъ ихъ между собою и противопоставляетъ прочимъ социальнымъ сферамъ. Такой социальный классъ, группирующійся вокругъ одного изъ интересовъ, являющихся результатомъ культурнаго прогресса, отличается меньшей исключительностью; члены его принадлежатъ, во всякомъ случаѣ, не къ одному какому-либо ранѣ бывшему сословію, но къ самымъ различнымъ сословіямъ. Такъ, напримѣръ, сословіе священниковъ, воиновъ, чиновниковъ, ученыхъ вербуетъ, по большей части, изъ членовъ различнѣйшихъ сословій, такъ какъ склонность, годность и способность къ такого рода занятіямъ распределена неравномѣрно. Отсюда слѣдуютъ новыя усложненія. Если, съ одной стороны, общій интересъ объединяетъ посвятившихъ себя одному занятію и отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ, то, съ другой, отдѣльные сочлены новаго общественнаго класса по своему происхожденію всегда остаются въ различнѣйшихъ отношеніяхъ къ тѣмъ общественнымъ классамъ, изъ которыхъ они происходятъ. Такимъ путемъ возникаютъ частью запутанные и перекрещивающіеся, частью покрывающіе или совсѣмъ исключаютъ другъ друга общественные классы, взаимныя отношенія которыхъ могутъ имѣть рѣшающее значеніе на ихъ положеніе въ государствѣ и на судьбы социальной борьбы.

§ 8. Обобществляющіе моменты.

Постараемся теперь создать себѣ схематическое изображеніе обобществляющихъ моментовъ, тѣхъ „отношеній“ и связей, которыя соединяютъ извѣстную массу людей въ общество.

Въ моемъ „Философскомъ государственномъ правѣ“ (1877) я полагалъ, что можно признать только „три есте-

ственныхъ“ связи, а именно: во-первыхъ, кровное родство; во-вторыхъ, территориальную связь совместной жизни; въ-третьихъ, связь общаго интереса. Хотя въ эту схему, именно подъ третью рубрику „общаго интереса“ входятъ всевозможные обобществляющіе моменты, однако я думаю, что цѣлесообразнѣе и яснѣе предпочесть двойное подраздѣленіе означенныхъ моментовъ. Именно, ихъ можно подраздѣлить по ихъ *основаніямъ*, то-есть, по принципу, на которомъ они покоятся, и во-вторыхъ, по ихъ продолжительности, или, точнѣе сказать, по продолжительности ихъ дѣйствія. Въ первомъ отношеніи (что касается ихъ основаній), можно выдѣлить три рода обобществляющихъ моментовъ: матеріальные экономическіе и нравственные. Матеріальные моменты: общее мѣстожительство, общительность (совмѣстная общественная жизнь), общее происхожденіе и родство; экономическіе моменты: равное и одинаковое имущество, одинаковое экономическое занятіе (сельское хозяйство, крупное и мелкое, аренда, индустрія, ремесло, торговля и такъ далѣе); полу-экономическимъ, полу-нравственнымъ основаніемъ является одинаковость сословія (дворянства, буржуазіи, духовенства, художниковъ, ученыхъ, писателей и т. д.); исключительно нравственнымъ основаніемъ является одинаковый языкъ, религія, подданство и гражданство, національность.

Наконецъ, къ нравственнымъ моментамъ, которымъ присуща обобществляющая сила, нужно отнести и случайно одинаковую судьбу, напримѣръ, общее выселеніе и т. п.

Большую часть обобществляющихъ моментовъ, рассмотрѣнныхъ здѣсь съ трехъ точекъ зрѣнія, можно рассмотреть еще и съ новой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія продолжительности, такъ какъ большинство этихъ соціальныхъ отношеній могутъ быть различной продолжительности. Общее

мѣстожителство оказываетъ совершенно иное обобществляющее дѣйствіе, смотря по тому, продолжается ли оно цѣлыя поколѣнія, или только короткое время, какъ, на примѣръ, пребываніе въ курортѣ.

Совершенно различно дѣйствуетъ моментъ общей религіи, въ томъ случаѣ, если послѣдняя унаслѣдована отъ предковъ, и въ томъ, если она является результатомъ недавняго прозелитства, и т. д.

Нижеслѣдующая таблица представляетъ обобществляющіе моменты съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, при чемъ каждое изъ приведенныхъ въ первой рубрикѣ отношеній можетъ встрѣтиться съ большей или меньшей продолжительностью во времени.

Чѣмъ больше такихъ обобществляющихъ моментовъ объединяетъ группу людей, тѣмъ крѣпче социальная связь, тѣмъ больше ее сцѣпленіе, а вслѣдствіе этого и сила сопротивленія; особенно высокимъ сцѣпленіемъ отличается социальное общество, въ которомъ совпадаютъ моменты всѣхъ трехъ категорій, если къ тому же дѣйствіе ихъ продолжается въ теченіе поколѣній. Когда матеріальные, экономическіе и нравственные обобществляющіе моменты дѣйствуютъ въ теченіе поколѣній, тогда мы имѣемъ дѣло съ единымъ племенемъ, которое въ социальной борьбѣ оказывается могущественнѣй всѣхъ другихъ болѣе слабыхъ соединеній, если не силой, то настойчивостью и упорствомъ. Таковую общность матеріальныхъ, экономическихъ и нравственныхъ моментовъ существующихъ въ теченіе поколѣній (общность мѣстопробыванія, крови, занятія, языка, религіи, нравовъ) мы находимъ въ примитивной ордѣ, въ томъ „simple smallest aggregates“, съ котораго, по мнѣнію Спенсера, начинается социологическая эволюція. При позднѣйшихъ усложненіяхъ, происшедшихъ благодаря основанію государственныхъ органи-

заций, общественные союзы, связанные всѣми этими обобществляющими моментами, сохраняютъ ту же компактность и то же сцѣпленіе; послѣднее становится слабѣе и расшатывается, когда одинъ изъ этихъ моментовъ, какъ, напримѣръ, языкъ, религія и т. д., дѣлается общимъ для нѣсколькихъ общественныхъ классовъ, что со временемъ необходимо происходитъ, благодаря принадлежности ихъ къ одному государственному тѣлу. Безъ сомнѣнія, общность крови представляетъ сильнѣйшій обобществляющій моментъ; связанное ею социальное общество обладаетъ въ противоположность другимъ кровнымъ союзамъ отчасти той стихійной силой примитивной орды, которая считаетъ людьми только своихъ, а всѣхъ чужихъ -- враждебными существами. Социальное дѣленіе европейскихъ народовъ на сословіе господъ, среднее сословіе и крестьянъ при постепенной ассимиляціи языка и религіи не вызывало бы такого упорнаго социальнаго обособленія только силой экономическихъ моментовъ, объединяющихъ отдѣльные классы, если бы эти три сословія въ то же время не были, вообще говоря, различнаго происхожденія по крови. Но такая разобщенность однако никогда не исчезаетъ окончательно, такъ какъ экономическія отношенія всегда имѣютъ тенденію къ образованію обособленныхъ, по началу крови, общественныхъ классовъ.

Обобществляющіе моменты.

Матеріаль- ные.	Общее мѣ- сто пребы- ваніе { болѣе или менѣе { близкое сосѣд- { ство.			
	Общежительность. Кровная связь. Родство.			

Экономиче- скіе.	Сословный строй	{ дворянство буржуазія крестьянство духовенство и т. д.	дѣйствующіе въ теченіе поколѣній	въ теченіе жизни	временно
	Имущество	{ сельское городское и т. д.			
	Профессія	{ сельское хозяй- ство промышленность арендаторы торговцы ремесленники и т. д.			
Нравствен- ныя.	Языкъ Религія. Наука. Искусство. Случайная одинаковость судь- бы (выселенія и т. д.)				

§ 9. Общественный классъ въ соціальной борьбѣ.

Мы уже много разъ имѣли случай замѣтить, что число сочленовъ, величина общественнаго класса не имѣютъ рѣшительнаго значенія для опредѣленія его силы. Господа повсюду были въ меньшинствѣ и въ нынѣшнихъ государствахъ съ милліоннымъ населеніемъ власть находится въ рукахъ „высшихъ десятковъ тысячъ“. Слѣдовательно, другой моментъ долженъ восполнить численный недостатокъ и дать меньшинству перевѣсъ надъ большинствомъ. Помимо духовнаго превосходства, такимъ моментомъ является *внутренняя крѣпость связи* и возникающая отсюда организація и дисциплина. Меньшинство всегда проводило стратегическій принципъ:

итти порознь, а стараться побѣждать вмѣстѣ. Массамъ всегда недоставало объединенія и организаціи. Этотъ недостатокъ есть прямое слѣдствіе отчасти массовой жизни, отчасти инертности. Можно сказать, что меньшинство, какъ таковое, всегда преуспѣваетъ въ соціальной борьбѣ, гдѣ все дѣло въ организаціи и дисциплинѣ.

Съ другой стороны, прочность связи подкрѣпляется бѣльшимъ числомъ общихъ точекъ соприкосновенія и интересовъ, слѣдовательно, бѣльшимъ числомъ и бѣльшей продолжительностью обобществляющихъ моментовъ, которые скрѣпляютъ данное соціальное общество. Чѣмъ бѣль инертнѣ человѣкъ, тѣмъ менѣе стремится онъ къ идеальнымъ благамъ жизни, тѣмъ меньше у него интересовъ вообще, а слѣдовательно и интересовъ общихъ съ другими людьми, тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе его стремленіе охранять и защищать эти интересы.

Съ числомъ общихъ интересовъ *возрастаетъ сила* общественнаго класса, хотя численность его, быть можетъ, уменьшается. Въ рѣшительные моменты онъ оказывается въ состояніи восполнить собственную малочисленность эксплуатаціей покорной массы другихъ общественныхъ классовъ.

Нельзя не подчеркнуть этого отношенія, такъ какъ въ немъ скрытъ ключъ къ пониманію общественной политики. Многочисленность интересовъ, по необходимости, обратно пропорціональна многолюдности общественнаго класса. Объяснить это положеніе не трудно. Число интересовъ *возрастаетъ* съ благосостояніемъ, а послѣднее возможно только у меньшинства, такъ какъ оно обуславливается доставленіемъ услугъ и трудомъ большинства.

Итакъ благосостояніе, по природѣ, неразрывно связано съ меньшинствомъ; съ благосостояніемъ *растетъ* число интересовъ, съ ними—прочность связи, степень сцѣпленія, сила

соціального класса. „Прочность связи въ послѣдней инстанціи зависитъ отъ личныхъ качествъ индивидовъ, взаимныя сношенія которыхъ облегчаются обычаемъ. Съ благостояніемъ же и образованіемъ крѣпнуть и развиваются хорошіе нравы, оказывающіе вліяніе на прочность связи. По всемъ этимъ причинамъ малочисленный классъ, классъ высшей аристократіи, сильнѣе всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ въ государствѣ,—сильнѣе въ тысячу разъ болѣе многочисленнаго класса земледѣльцевъ; классъ цеховыхъ мастеровъ сильнѣе класса подмастерьевъ и наемныхъ рабочихъ. Безъ сомнѣнія, иногда,—напримѣръ, при революціяхъ,—успѣхъ бываетъ на сторонѣ численной силы; тогда дѣйствительно болѣе сильные въ другое время классы терпятъ пораженіе: они обладаютъ силой только при нормальныхъ условіяхъ государственнаго строя, которыя однако должны считаться также нормальными условіями жизни всего цивилизованнаго человѣчества.

При такихъ нормальныхъ условіяхъ,—слѣдовательно въ государствѣ,—каждый общественный классъ пріобрѣтаетъ значеніе, соразмѣрное его силѣ, — другими словами, онъ стремится къ признанію въ формѣ права достигнутаго имъ положенія по отношенію къ другимъ классамъ. Каждое же пріобрѣтенное право дѣлается основаніемъ для дальнѣйшихъ стремленій; ибо изъ вѣчнаго роста всѣхъ человѣческихъ потребностей необходимо слѣдуетъ, что ни одинъ общественный классъ никогда не бываетъ доволенъ пріобрѣтеннымъ, но старается преобразовать свое отношеніе къ другимъ общественнымъ классамъ въ направленіи большей силы и болѣе широкаго удовлетворенія своихъ потребностей. Исходя изъ этого *основнаго закона* соціальныхъ *стремленій*, можно съ *величайшей опредѣленностью* предсказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ образъ дѣйствій cadaго со-

ціального класса. Каждый соціальный кругъ, какъ и государство, стремится къ увеличенію своей силы. Здѣсь дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ семьѣ не безъ уroda, и отдѣльные члены общественныхъ классовъ отклоняются въ своихъ личныхъ стремленіяхъ то вправо, то влево отъ общаго стремленія ихъ класса. Но на характеръ дѣятельности соціального класса отдѣльныя личности не оказываютъ никакого вліянія. Это аэролиты, которые отдѣляются отъ своихъ планетъ и разлетаются во всѣ стороны, не измѣняя однако законмѣрнаго движенія планетъ.

Въ своей политикѣ каждый общественный классъ представляетъ одно *цѣлое*, одну и единую общность, которая въ противоположность другимъ обществамъ заботится исключительно о своей выгодѣ, о своемъ собственномъ интересѣ.

Одинъ общественный классъ выступаетъ противъ другихъ совершенно съ той же безжалостной послѣдовательностью, какъ одна орда противъ другой, одно государство противъ другого. Исходнымъ же моментомъ этой послѣдовательности является собственный интересъ.

Поэтому мы въ нашемъ сочиненіи о „Борьбѣ расъ“ изображали борьбу соціальныхъ составныхъ частей государства между собою, какъ „расовую борьбу“, ибо ожесточенность и безжалостность этой борьбы приводитъ къ тому, что каждый болѣе сильный общественный классъ стремится къ обособленію въ касту, къ образованію обособленной, по кровному происхожденію, группы, короче говоря, къ образованію расы.

Въ чемъ же состоитъ борьба одного общественнаго класса противъ другихъ? Каковы отдѣльныя проявленія этой борьбы, каковы ея средства?

На этотъ вопросъ нельзя дать никакого общаго отвѣта. Способъ и характеръ этой борьбы различенъ, смотря по по-

ложенію общественнаго класса, по мѣсту, занятому имъ въ государствѣ, по его силѣ и по характеру орудій борьбы, находящихся въ его обладаніи. Напримѣръ, отлученіе отъ обрядовъ культа есть средство борьбы духовенства; лишеніе извѣстныхъ прибыльныхъ и вліятельныхъ должностей—средство борьбы высшаго дворянства; ремесленное „удостовереніе въ умѣнны“—средство борьбы цеховыхъ мастеровъ; ограниченіе адвокатуры—средство борьбы сословія адвокатовъ; свобода хлѣбной торговли—средство борьбы крупной промышленности; стачки—средство борьбы рабочихъ, и т. д. и т. д. Соціальная борьба состоитъ въ осуществленіи тѣхъ учреждений, которыя увеличиваютъ силу собственнаго класса на счетъ другихъ классовъ. Въ своемъ стремленіи къ пріобрѣтенію средствъ борьбы, къ осуществленію своихъ интересовъ отдѣльное общество дѣйствуетъ всегда безошибочно, не смотря на возможность ошибокъ у индивидовъ. У общества всегда вѣрный инстинктъ, тогда какъ личность часто колеблется и впадаетъ въ заблужденія.

Это кажется противорѣчіемъ, бессмыслицей, но даже при поверхностномъ знакомствѣ съ исторіей и дѣйствительной жизнью мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу ошибки и промахи самыхъ мудрыхъ людей и въ то же время демоническую мудрость, естественно-законную непогрѣшимость общества ¹⁾.

Индивидъ часто дѣлаетъ промахи: онъ путается въ доктринахъ и чувствахъ; общество идетъ всегда своей единственно-правильной дорогой. Почему? потому что оно не соображаетъ и не выбираетъ, но слѣдуетъ естественно-законнымъ и непобѣдимымъ влеченіямъ своихъ интересовъ.

¹⁾ Ср. ниже IV, § 9. подивидуальныя стремленія и соціальная необходимость.

§ 10. Арена борьбы.

Гдѣ и какимъ образомъ пускаются въ ходъ тѣ средства борьбы, о которыхъ мы сейчасъ говоримъ? Характерная особенность социальной борьбы заключается въ томъ, что она ведется коллективнымъ цѣлымъ; средства борьбы могутъ употребляться только *социально*, то-есть только согласно и заодно дѣйствующимъ множествомъ.

Возможность такого дѣйствія дается исключительно предшествующей организаціей и объединеніемъ. Отсюда естественно необходимое стремленіе каждаго общества организовать и создать себѣ органъ въ лицѣ соотвѣтствующаго собранія или представительства, органъ, посредствомъ котораго можно было бы вести социальную борьбу. Изъ этого стремленія возникаютъ парламенты господствующихъ классовъ.

Пользуясь законодательною властью, эти парламенты въ состояніи, при помощи законныхъ учреждений, провести рядъ мѣропріятій въ своихъ собственныхъ интересахъ, равно какъ въ интересахъ увеличенія силы представляемаго ими общества во вредъ другимъ обществамъ.

Среднее городское сословіе рано прибѣгаетъ къ такому же средству. Цеховыя организаціи, городскія думы и т. под. служатъ цѣлямъ социальной борьбы. Духовенство тоже создаетъ организацію (церковную іерархію), церковные совѣты и представительства (синоды, соборы и тому подобное). Благодаря тому, что большинство народа по причинамъ, лежащимъ въ природѣ вещей, не могло создать такихъ общихъ организацій и представительствъ, веденіе социальной борьбы было для него труднѣе. Теперь послѣдствіемъ его вступленія въ социальную борьбу является организація рабочихъ союзовъ и основаніе крестьянскихъ сою-

зовъ ловкими агитаторами. Въ этихъ дѣйствіяхъ есть логика.

Но нельзя не замѣтить также существенныхъ различій. Владѣющіе классы легче создаютъ организаціи, союзы и представительства; большее число интересовъ, бѣльшая общность ихъ, бѣльшая прочность связи облегчаютъ корпоративное представительство, дѣятельность организацій и союзовъ. Болѣе слабая социальная связь массъ тормозитъ *естественную, здоровую и сильную* организацію, такъ что послѣдняя является въ большинствѣ случаевъ эфемернымъ созданіемъ эгоистическихъ *вождей*, преслѣдующихъ эгоистическія цѣли.

Вѣрно одно: безъ организаціи, соединеній и собраний нельзя вести социальной борьбы. Ближайшая цѣль этихъ организацій, соединеній и собраний — одна, а именно: установить законныя нормы для отношеній отдѣльнаго общества къ другимъ, создать право для пріобрѣтенной или пріобрѣтаемой силы. Ясно, что въ социальной борьбѣ сильнѣйшую позицію занимаетъ то общество, которое уже пріобрѣло право законодательства въ государствѣ. Пріобрѣтеніе этого права или участіе въ осуществленіи его является главнѣйшимъ стремленіемъ тѣхъ общественныхъ классовъ, у которыхъ его еще нѣтъ. Мы знаемъ, что исторія европейскихъ государствъ наполнена борьбою низшихъ классовъ за допущеніе къ участию въ законодательствѣ, что въ этой борьбѣ уже одержаны значительныя побѣды и что, во всякомъ случаѣ, она еще длится и въ наше время. Исторія этой борьбы еще не окончена, за третьимъ сословіемъ выступаетъ четвертое, которое, какъ и всякое другое, стремится пріобрѣсти *возможность* вести социальную борьбу съ равнымъ оружіемъ въ рукахъ.

§ 11. Нравственный характеръ соціальной борьбы.

Ничто не настраиваетъ челоуѣка такъ грустно, какъ разсмотрѣніе соціальной борьбы. *Безнравственность* ея глубоко поражаетъ наше нравственное чувство. Соображаться съ требованіями этики могутъ лишь *индивиды*; *общества же*, какъ лавины, неудержимо и съ разрушительной силой катятся на свою жертву. О совѣсти можетъ быть рѣчь только у личности, у соціальныхъ общеній нѣтъ совѣсти. Каждое средство хорошо, лишь бы оно вело къ цѣли. Въ этомъ отношеніи все общества сохранили характеръ дикихъ ордъ: это справедливо, какъ въ отношеніи соціальной борьбы въ государствѣ, такъ и въ отношеніи борьбы государствъ между собой. Попробуйте найти вѣрность, правдивость, совѣсть во взаимныхъ сношеніяхъ „самыхъ цивилизованныхъ“ государствъ міра! Ложь и обманъ, вѣроломство и измѣна отмѣчаютъ каждую страницу ихъ исторіи! Печальнѣе же всего то, что нельзя даже предвидѣть, можетъ ли это когда-нибудь измѣниться. Пусть благороднѣйшіе люди стоятъ во главѣ государствъ, пусть у нихъ будутъ лучшія и честнѣйшія намѣренія,—и все-таки, грубо заблуждается тотъ, кто думаетъ, что монархи управляютъ соціальнымъ міромъ! Мы лучшаго о нихъ мнѣнія; мы далеки отъ того, чтобы считать ихъ отвѣтственными за всю „безнравственность“, которая совершается въ ежедневныхъ сношеніяхъ государствъ между собою.

Хорошо извѣстно всеѣмъ, что государства стоятъ другъ противъ друга, какъ дикія орды, что они слѣдуютъ только слѣпымъ законамъ природы, что ихъ не сдерживаетъ никакой законъ, никакой нравственный долгъ, а только страхъ предъ болѣе сильнымъ, что сильнѣйшій не признаетъ никакого права, никакихъ законовъ, никакихъ соглашеній и трактатовъ, когда онъ можетъ надѣяться на осуществленіе своихъ интересовъ.

Какъ тривіальны заявленія всѣхъ тронныхъ рѣчей о томъ, что со всѣми сосѣдними государствами поддерживаются самыя сердечныя, самыя дружескія отношенія, и какъ часто начинается кровавая война, едва только прозвучать такія слова! Неужели тронные ораторы такъ вѣроломны? Нисколько. Дѣло въ томъ, что историческія теченія, борьба государствъ нисколько не подчиняются волѣ властелиновъ. Монархи могутъ быть связаны между собой самыми дружескими отношеніями и чувствами, а безпрестанныя вооруженія не прекращаются, въ силу вѣрнаго инстинкта, подсказывающаго, что нуженъ лишь благопріятный случай, чтобы одно государство, какъ дикій звѣрь, кинулось на свою безоружную жертву.

Но то, что справедливо относительно дикихъ ордъ и международныхъ отношеній государствъ, справедливо также и относительно соціальной борьбы классовъ и партій, ибо ее ведутъ не личности, а общества и классы. Безнравственность этой борьбы нигдѣ не выступаетъ такъ ясно, какъ въ союзахъ обществъ, заключаемыхъ для одержанія побѣды. Подобно тому, какъ дикая орда, не будучи въ состояніи одна побѣдить другую, вступаетъ въ союзъ съ третьей, съ которой она недавно была въ войнѣ и враждебныхъ отношеніяхъ, чтобы подавить врага превосходствомъ силы; подобно тому, какъ цивилизованныя государства при своихъ союзахъ соблюдаютъ только свою выгоду, свои интересы, и вчерашніе враги, ради какой-нибудь предстоящей добычи, становятся сегодня союзниками для того, чтобы завтра опять стать врагами, — совершенно такъ же поступаютъ классы и партіи въ соціальной борьбѣ. Рѣшающее значеніе имѣетъ не одинаковость принциповъ, не близость отношеній, не общность возрѣній, а временная выгода, преходящій интересъ. Такъ въ международныхъ сношеніяхъ республиканская Фран-

ція или Америка безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти заключаетъ союзъ съ Россіей; такъ конституціонная и свободная Англія поддерживаетъ турецкое хозяйство или помогаетъ американскимъ работорговцамъ, и т. под. Въ парламентской борьбѣ идутъ рука объ руку злѣйшіе враги для того, чтобы добиться временной побѣды надъ третьимъ; ультра-консерваторы борются рядомъ съ социаль-демократами для того, чтобы нанести пораженіе среднему сословію и чтобы, быть можетъ, завтра въ союзъ съ вчерашнимъ пораженнымъ врагомъ подставить ногу вчерашнему союзнику, и т. д.

Служить ли такая „вѣроломная“ борьба доказательствомъ и подлости и низости личностей? Ни въ какомъ случаѣ! Но она прекрасно доказываетъ, что въ борьбѣ обществъ *индивидуальныя чувства* не играютъ совсѣмъ никакой роли, что здѣсь лишь социальныя интересы, то-есть интересы отдѣльных общественныхъ группъ, съ безжалостной послѣдовательностію стремятся къ своему удовлетворенію и признанію. *Надъ дѣйствіями дикихъ ордъ, обществъ и государствъ царитъ слѣпой законъ природы.*

§ 12. Освободительная борьба.

Если социальная борьба, какъ мы выше сказали, можетъ быть ведена только посредствомъ *упражненія права законодательства*, то какимъ орудіемъ ведутъ ее тѣ общественные классы, которые не обладаютъ такимъ правомъ въ государствѣ и не могутъ издавать законовъ? Осуждены ли эти классы на вѣчную пассивность? Конечно, нѣтъ; эти классы также вступаютъ въ борьбу и ведутъ ее не безъ успѣха. Существуетъ выраженіе, которое удачно отмѣчаетъ особый характеръ борьбы подвластныхъ классовъ противъ господствующихъ или принимающихъ участіе въ господствѣ; это выраженіе: освободительная (эмансипаціонная) борьба.

Возможность вести социальную борьбу безъ участія въ господствѣ и безъ обладанія государственной властью нуждается въ особомъ объясненіи. Есть мѣткое выраженіе, заключающее въ себѣ глубокую истину и дающее рѣшеніе этой кажущейся загадки; выраженіе это гласитъ: на ихъ сторонѣ *сила идей*. Но и это выраженіе нуждается въ объяснительномъ толкованіи; иначе оно покажется безсодержательной фразой.

Что такое эти идеи и откуда черпаютъ онѣ свою социальную силу?

Мы видѣли уже, что властвующие классы никогда не удовлетворяются фактомъ своей силы и своего превосходства; необходимость установленія государственнаго порядка заставляеть ихъ превращать свою силу въ право. Имъ нужно обосновать свое господство не на силѣ, а на правѣ. Дѣло это весьма просто. Они говорятъ: да будетъ право!—и бысть право. Но затѣмъ дѣло оказывается какъ будто не такъ уже просто, потому что оно имѣетъ оборотную сторону; неизбѣжная оборотная сторона всякаго права—обязанность. Право не можетъ быть *произволомъ*; какъ бы велико и многообъемлюще оно ни было, оно должно имѣть предѣлъ, а съ этого предѣла начинается обязанность, и вмѣстѣ съ нею право другихъ. Этими другими являются подвластные и безправные. Такъ постоянно вмѣстѣ съ правомъ господствующихъ возникаетъ право подвластныхъ; зерно брошено, и должно принести плодъ.

Но этого мало! Право рождаетъ кое-что поопаснѣе. Человѣческой умъ смотритъ въ корень вещей; онъ хочетъ изслѣдовать причины, принципъ всякой вещи, выдѣлить сущность явленій, найти въ измѣняемомъ вѣчно существующее. Вѣчнымъ же въ измѣнчивыхъ фазахъ права является его *идея*. Итакъ, не только вмѣстѣ съ правомъ, начиная съ из-

вѣстнаго предѣла, возникаетъ обязанность, но съ развивающимся правомъ возникаетъ и идея права.

Если, такимъ образомъ, обязанность есть, такъ сказать, пространственное послѣдствіе права, то идея права является его послѣдствіемъ во времени. Признавая право, нельзя избѣгать этихъ его послѣдствій. Эти послѣдствія права есть вѣчное средство борьбы подвластныхъ, безсильныхъ классовъ; это ихъ оружіе, выкованное самими господствующими, оружіе, которымъ раньше или позже должно быть подорвано и низвергнуто ихъ господство. Такъ совершается процессъ по закону природы, такъ эгоизмъ сильныхъ прокладываетъ путь эмансипаціи подвластныхъ. Конечно, идеи права не были бы факторами силы, если бы онѣ были чистой фантазіей, не имѣющей никакой власти надъ людьми, но эти идеи отнюдь не фантазіи: *многочлѣнное господство* права покоряетъ людей силой привычки, *многочлѣнное примѣненіе* правовыхъ нормъ, воспитаніе среди жизни, регулируемой правомъ, привитыя правовыя представленія, все это оставляетъ въ человѣческомъ умѣ, какъ осадокъ, *идею права*, которая кажется врожденной, внѣдренной въ человѣка отъ природы и, какъ таковая, господствуетъ надъ человѣкомъ. Только при такихъ условіяхъ идеи права становятся соціальной силой и служатъ оружіемъ для тѣхъ, у кого нѣтъ никакой другой соціальной силы.

Однако такъ просто не происходитъ процессъ, въ силу котораго „идеи“ оказываютъ свою дѣятельную помощь слабымъ и угнетеннымъ. Во-первыхъ, ни въ какомъ случаѣ недостаточно простого провозглашенія этихъ идей, чтобы низвергнуть правовыя бастіоны сильныхъ, подобно тому, какъ стѣны іерихонскія низвергнуты были простымъ звукомъ трубъ; во-вторыхъ, классы, вовсе лишеныя собственности и силы, не могутъ все-таки воспользоваться этимъ духов-

нымъ оружіемъ. Нуженъ еще небольшой окольный путь, пока массы усвоятъ себѣ употребленіе его, и этотъ путь снова ясно доказываетъ, что эгоизмъ отдѣльныхъ классовъ служить дѣлу социальнаго развитія; ибо впервые общія идеи права провозглашаются во взаимной борьбѣ властвующихъ классовъ, которую они ведутъ за бѣльшую или меньшую степень силы и господства. Владѣющее среднее сословіе, буржуазія, прежде другихъ опирается на логику права, провозглашаетъ всѣ общія человѣческія права, равенство и свободу, и дѣйствуетъ такъ, какъ будто оно борется не за себя только, а за цѣлый народъ. Буржуазія побѣждаетъ не безъ помощи массъ, которымъ она льститъ, и которыхъ она увлекаетъ къ блестящей цѣли свободы и равенства. Такимъ путемъ, подкрѣпляя правомъ свою силу и господство, она оказывается въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ нѣкогда высшій господствующій классъ. На время она достигаетъ успѣха, добивается почти равнаго участія въ силѣ и господствѣ,—но тотчасъ она оказывается жертвой юридической логики, жертвой *идей*. Участіе въ борьбѣ для низшихъ классовъ является хорошей подготовительной школой, и пріобрѣтенное при этомъ незначительное облегченіе отъ гнета способствуетъ ихъ дальнѣйшимъ побѣдамъ.

Конечно, матеріальныя отношенія, неумолимый государственный строй, основанный на владѣніи матеріальными благами, защищаемый теперь не только высшимъ, но и среднимъ сословіемъ,—все это дѣлаетъ для массъ, опирающихся на однѣ идеи, чрезвычайно трудную социальную борьбу. Къ тому же съ теченіемъ времени становится все болѣе очевидными ошибочность и шаткость этихъ идей. Но, не смотря на все это, онѣ являются реальной силой; ихъ нельзя не признать, нельзя удалить изъ социальнаго міра. Эмансипаціонная борьба четвертаго сословія имѣетъ въ нихъ силь-

ную опору. Вѣдь, не смотря на нѣкоторыя преувеличенія, эти идеи—выводы изъ тѣхъ правовыхъ принциповъ, которые признавались господствующими, которыми воспользовалось среднее сословіе, которымъ не такъ давно приписывалась всеобщность и общепризнанность. Какъ таковымъ, имъ свойственна могучая сила, создающая фанатизмъ массъ; благодаря имъ, эмансипаціонная борьба приводитъ къ успѣху: „идеи“ равенства и свободы осуществляются, и такимъ образомъ на разрозненную массу безчисленныхъ обществъ переносится право примитивной орды. Но это обстоятельство не можетъ быть продолжительнымъ. Идеи разбиваются о грубую дѣйствительность, соціальное разнообразіе государства оказывается въ непримиримомъ противорѣчій съ правомъ примитивной орды.

Случается то, что должно случиться: измѣненіе оказавшихся ложными послѣдствій права и правовыхъ идей до той степени, когда сила „по собственному праву“, какъ естественный факторъ общественной жизни, пріобрѣтаетъ господство надъ утомленнымъ революціей обществомъ. Такъ проходитъ въ области соціальной *борьбы* круговоротъ развитія отъ свободы и равенства анархической орды чрезъ силу и неравенство, чрезъ право и законъ къ свободѣ и равенству *революціи*, къ разрушающей государство анархіи, а отъ этого шаткаго состоянія снова къ силѣ и господству реакціи и реставраціи, затѣмъ къ *новому* развитію, и такъ дальше, до безконечности!

§ 13. Ростъ государствъ.

Semper Augustus, allezeit Mehrer des Reiches—таковъ былъ характеристичный титулъ римскихъ и нѣмецкихъ императоровъ. Въ этомъ титулѣ выражается наивное инстинктивное пониманіе природы государства; ибо естественѣйшей тен-

денціей каждаго государства (которую переносятъ на его повелителя), является постоянное, непрекращающееся увеличение власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ *implicite* и увеличение территоріи. Эта тенденція—древнее наслѣдіе, перешедшее она къ государству еще отъ прежнихъ примитивныхъ ордъ; она можетъ быть названа самой естественной тенденціей всѣхъ соціальныхъ общеній.

У бродячей орды тенденція къ увеличенію своей власти проявляется въ томъ, что она поработываетъ чужихъ, обращая ихъ въ рабовъ и холоповъ. Съ возникновеніемъ осѣдлости и основаніемъ государства эта тенденція можетъ проявиться только въ двухъ формахъ, а именно—въ формѣ завоевательныхъ и хищническихъ набѣговъ, дающихъ прибыль въ видѣ контрибуціи и налоговъ, и въ формѣ *присоединенія* чужой области къ собственному государству. Такъ какъ эта послѣдняя форма наибѣе дѣйствительна и выгодна, то она встрѣчается весьма часто и можетъ быть названа самой предпочтительной формой увеличенія и развитія государствъ. Она составляетъ общее историческое правило, и всѣ большія государства, извѣстныя намъ, большей частью образовались такимъ путемъ. Государства продолжаютъ повиноваться этой тенденціи, этому естественному и необходимому стремленію, пока они въ состояніи, пока это позволяютъ имъ внутренняя сила и внѣшнія обстоятельства. Но природа, очевидно, должна поставить извѣстные предѣлы, за которыми внутренняя сила оказывается недостаточной, или внѣшнія обстоятельства препятствуютъ дальнѣйшему увеличенію территоріи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, вся обитаемая земля была-бы уже теперь однимъ государствомъ, чего никогда не бывало, и чего по многимъ причинамъ никогда не будетъ.

Первымъ условіемъ проявленія этого естественнаго

стремленія расширить свои предѣлы для окончательно осѣвшаго государства служить сравнительная прочность и обезпеченность внутренняго порядка. Если организація господства еще не установлена твердо, и между господствующими и подвластными нѣтъ еще прочныхъ связей взаимнаго интереса и интереса къ государству, то господствующіе не могутъ и думать о внѣшнемъ увеличеніи силы, о завоевательныхъ походахъ и расширеніи территоріи. Если они при внутреннемъ неурействѣ легкомысленно отважатся на внѣшнія предпріятія, то они рискуютъ испытать крушеніе своего господства въ государствѣ. Слѣдовательно, государство можетъ тогда только думать о внѣшнемъ увеличеніи территоріи, когда ему удалось либо мудрой и властной организаціей господства, либо извѣстной наличностью общихъ интересовъ образовать изъ своихъ разнородныхъ частей такое цѣлое, которое во внѣшнихъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ обладаетъ единой природой соціальнаго элемента и дѣйствуетъ, какъ соціальное единство. Отсюда возникаетъ соціальныи законъ, дѣйствующій всегда и повсюду, а именно: *способность государства къ внѣшней дѣятельности растетъ по мѣрѣ объединенія его соціальныхъ составныхъ элементовъ.* Такъ какъ всякое новое завоеваніе и присоединеніе чужой области создаетъ новый разнородный элементъ въ государственномъ тѣлѣ, который для того, чтобы не препятствовать дальнѣйшимъ завоеваніямъ, долженъ подвергнуться сперва полнѣйшей ассимиляціи, то отсюда слѣдуетъ, что новыя завоеванія и присоединенія областей всегда предпринимаются и совершаются только по мѣрѣ того, какъ прежнія ассимилируются государствомъ, растворяются въ соціальномъ единствѣ. Вслѣдствіе такого соціальнаго закона политики всѣхъ временъ и странъ смотрятъ на внутреннія разногласія и партійную борьбу сосѣднихъ го-

сударствъ, какъ на лучшее средство обезпечить себя отъ нападеній извнѣ, хотя, впрочемъ, бываютъ случаи, когда маловажныя внутреннія распри прекращаются подъ вліяніемъ крупныхъ внѣшнихъ успѣховъ. Какъ бы то ни было, съ того момента, какъ государство становится внутренне окрѣпшимъ, оно необходимо стремится къ поработанію другихъ государствъ.

Такое стремленіе такъ естественно-необходимо и всемогуще, что отъ него не можетъ отрѣшиться ни одно государство, каковы бы ни были намѣренія и мысли того или иного случайнаго монарха. Только характеръ и способъ осуществленія этихъ стремленій опредѣляется внѣшними обстоятельствами; само же осуществленіе является настолько необходимымъ и неизбѣжнымъ, что при неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ государство ищетъ и находитъ пути и средства обойти или преодолѣть тѣ препятствія, какія встрѣчаются на пути его внѣшней политики. До тѣхъ поръ, пока сильное и прочное внутреннимъ порядкомъ государственное тѣло находится среди болѣе слабыхъ государствъ, оно будетъ продолжать свою завоевательную политику; примѣромъ этого можетъ служить древній Римъ въ Италіи, а въ наше время—Россія въ своемъ стремленіи на Востокъ, гдѣ она граничитъ съ болѣе слабыми государствами, съ плохо организованными народностями.

Но если вокругъ государства образовались равносильныя государства, такъ что ему и думать нельзя о подчиненіи этихъ государствъ, тогда оно неизбѣжно старается усилить себя союзомъ съ однимъ или нѣсколькими равносильными, перетянуть на свою сторону нѣсколько болѣе слабыхъ государствъ, чтобы затѣмъ обрушиться на предназначенную добычу. Противъ этого ни въ какомъ случаѣ не возстаетъ личная нравственность, и индивидуальныя лучшіе люди

принуждаются въ данныхъ отношеніяхъ къ соотвѣтствующимъ поступкамъ. Политика не знаетъ колебанія индивидуальныхъ настроеній и чувствъ; по словамъ императора Франца, „у государства нѣтъ дочерей“.

Политическія положенія непреодолимы (*zwingend*), въ нихъ распоряжается законъ природы, а не воля личностей, которыя только, повидимому, „свободно“ совершаютъ извѣстныя дѣйствія. Если слабое государство, находясь между или на периферіи нѣсколькихъ болѣе сильныхъ, не усиливаетъ себя союзами, — тогда неизбеженъ союзъ болѣе сильныхъ для его раздѣла. Такія событія есть просто естественныя событія, результатъ *взаимодѣйствія слѣпыхъ силъ*. Сострадательныя люди назовутъ такія событія „преступленіемъ“; но точно такъ же можно бы назвать преступленіемъ землетрясеніе, отъ котораго гибнутъ тысячи людей. Различіе тутъ только въ томъ, что мы при политическихъ событіяхъ, повидимому, знаемъ *виновниковъ факта*, при землетрясеніи же тщетно стали бы искать ихъ.

Къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя сильно тормозятъ завоевательную политику государства и даютъ ей иное направленіе, принадлежитъ національность, ставшая сильной, благодаря многолѣтнему культурному развитію; ибо по отношенію къ другимъ національностямъ она представляетъ столь твердо замкнутое соціальное единство, что присоединеніе къ ней сильнаго національнаго государства, побѣжденнаго ею, должно ослабить *побѣдителя*, сдѣлать его надолго неспособнымъ къ дальнѣйшей завоевательной политикѣ. Насильственное пораженіе чужой національности является дѣломъ настолько же труднымъ, насколько безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ. Если простыя присоединенія и завоеванія чужой области ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ преступленія, — потому что иначе при-

шло бы всю исторію человѣчества представить въ видѣ одной исторіи преступленій,—*то всякая попытка насильственного подавленія и уничтоженія ставшей историческою національности, во всякомъ случаѣ, является чѣмъ-то безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ.*

Если побѣдоносное государство хочетъ воспользоваться побѣдой, одержанной надъ сосѣднимъ національнымъ государствомъ (и это вполнѣ естественно), то оно принуждено сдѣлать это въ формѣ военной контрибуціи. Хищническіе набѣги, взиманіе періодическихъ даней, завоеванія, присоединенія, наконецъ военныя контрибуціи въ современномъ болѣе масштабѣ, все это—обусловленныя и вызванныя внѣшними обстоятельствами формы, въ которыхъ проявляется естественно необходимое стремленіе государствъ къ увеличенію силы и расширенію господства ¹⁾).

¹⁾ Для того, чтобъ выяснитъ все разстояніе, отдѣляющее примитивнѣйшую форму завоевательнаго стремленія отъ его современнаго выраженія, мы въ нашей «Rassenkampf» на страницѣ 166, противопоставили примитивнымъ дѣйствіямъ такихъ племенъ, какъ апахи и киргизы, вознаграждающихъ себя послѣ побѣдоноснаго набѣга парой лошадей и ословъ или стадомъ рогатаго скота, современнаго «европейскаго побѣдителя», который «умѣетъ при этихъ обстоятельствахъ выжать нѣсколько милліардовъ». Эти слова были плохо поняты моимъ высокоученымъ рецензентомъ въ «Deutsche Literaturzeitung», въ которомъ они вызвали подозрѣніе въ моей «менѣ всего научной жесточенности». Это подозрѣніе ученый рецензентъ почерпнулъ въ предположеніи, что подъ моими словами надо разумѣть Бисмарка.

Это предположеніе ошибочно. Бисмаркъ не первый и потому не единственный «европейскій побѣдитель», который заставляетъ милліардами оплачивать свои побѣды. Но если бы это было и такъ, то и тогда констатированіе этого факта въ вышеприведенномъ сопо-

Каковы же предѣлы этого стремленія къ увеличенію государства? Будь у этого стремленія разумныя основанія, не трудно было бы найти такіе предѣлы; въ дѣйствительности, это стремленіе гонитъ безпрестанно впередъ вплоть до самаго разрушенія государства. Истину этого положенія доказываетъ намъ исторія. Каждое большое государство всегда стремилось къ большому господству, а самыя большія ко всемірному господству; это стремленіе находило конецъ только во внезапномъ крушеніи, въ исторической катастрофѣ.

Въ этомъ случаѣ, мы встрѣчаемся съ соціальнымъ закономъ, который наблюдается не только при ростѣ государствъ, но и во всѣхъ другихъ соціальныхъ областяхъ;

ставленіи никому не могло бы дать повода къ такому подозрѣнію, кто бы сумѣлъ понять мою точку зрѣнія на историческія событія и развитіе, какъ на естественно-законный процессъ, независимый отъ индивидовъ. Впрочемъ, это замѣчаніе Лексиса имѣло интересное послѣдствіе. Альфредъ Кирхгофъ, заявивши наивно, что не понялъ моей книги, прибавляетъ къ словамъ Лексиса слѣдующую политическую бессмыслицу: «На страницѣ 166 авторъ, отрицая, что современная война ведется за высшія блага, напримѣръ, за свободу, или національность, выражается такимъ образомъ: „конечно, побѣдоносныя европейскія націи не удовлетворяются нѣсколькими лошадьми и ослами, какъ апахи, или стадомъ рогатаго скота, какъ киргизы, или нѣсколькими баранами, какъ албанцы,—цивилизованный европейскій побѣдитель умѣетъ при этихъ обстоятельствахъ выжать нѣсколько милліардовъ». Если здѣсь заключается иронія надъ нашей честной оборонительной войной противъ Франціи, то да падетъ она на голову того, кто позволяетъ себѣ подобныя рѣчи».

Если въ моихъ словахъ заключается иронія, то она можетъ быть исключительно отнесена къ фальшивому идеалистическому пониманію

такъ, напримѣръ, въ области экономическаго производства, гдѣ этотъ законъ вызываетъ періодически повторяющіеся хозяйственные кризисы. Всякое прибыльное производство постоянно стремится къ расширенію, пока оно не выйдетъ далеко за предѣлы наличной потребности и не потерпитъ крушенія, безсильное предъ недостаткомъ спроса. И хотя этотъ фактъ повторялся безчисленное число разъ, онъ будетъ вновь повторяться вѣчно. Здѣсь не помогаютъ никакія мудрыя проповѣди, такъ какъ „мудрая умѣренность“ можетъ опредѣлять поведеніе отдѣльныхъ индивидовъ—стремленіе социальнаго общества не знаетъ никакого другого предѣла, кромѣ „краха“. То же самое повторяется въ сферѣ торговли и биржи. Каждое социальное стремленіе къ силѣ, каждое стремленіе къ богатству и благосостоянію суще-

политическихъ событій. Если Кирхгофъ виноватъ въ такомъ пониманіи, то онъ, конечно, вправѣ почувствовать себя задѣтымъ этими словами. Но онъ не долженъ былъ сваливать на нѣмецкую войну, *о которой у меня не было рѣчи*, то, что я отношу къ фальшивому идеализму, съ которыми я часто боролся. Въ государственномъ правѣ я вполне присоединяюсь къ реалистической точкѣ зрѣнія кн. Бисмарка, который говорилъ о своей милліардной контрибуціи не съ фальшивымъ пафосомъ, а вполне здраво, который (возьмемъ одинъ примѣръ), въ своемъ отчетѣ къ Мантейфелю изъ Франкфурта въ іюль 1853, говорить, между прочимъ, слѣдующее: «другія нѣмецкія государства имѣютъ одинъ общій съ нами интересъ—быть оставленными въ покоѣ, если нельзя ничего получить», и, рассматривая шансы войны, прибавляетъ: «Если мы можемъ что-либо выиграть, то, конечно, дѣло другое». Если бы тѣ, кто пишетъ теперь о государствахъ и политикѣ, просматривали рѣчи и письма кн. Бисмарка, то было бы гораздо менѣе фальшиваго пафоса и шовинистическихъ фразъ! Это могъ бы разъ навсегда замѣтить себѣ и Ал. Кирхгофъ.

ствууетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ поддерживающія его силы, то-есть до наступленія безсилія, при чемъ *неотвратно* наступаетъ разрушеніе, кризисъ, „крахъ“. Такъ же обстоитъ дѣло и со стремленіемъ государства къ силѣ. Пока въ немъ держится сила, оно стремится ее умножить, увеличить территорію, стремится къ завоеванію, колонизаци и т. д. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока оно по внѣшнимъ или внутреннимъ причинамъ не лишится своей силы, или пока оно не будетъ застигнуто и разбито сильнѣйшимъ государствомъ. Только съ концомъ силы наступаетъ конецъ стремленію.

§ 14. Государство и національность.

Такъ какъ каждый государственный строй создаетъ культуру, и каждая культура превращается съ помощью самодѣятельныхъ нравственныхъ агентовъ (языкъ, религія, обычай, право) въ самостоятельную національность ¹⁾, то отсюда слѣдуетъ, что, наряду съ возникновеніемъ множества государствъ, возникаетъ и множество національностей. Если уже одинъ только фактъ совмѣстной принадлежности одному и тому же государству, будучи основаніемъ взаимныхъ отношеній подданныхъ государства другъ къ другу, соединяетъ ихъ въ соціальное единство, то ясно, что это единство съ увеличеніемъ числа взаимныхъ отношеній становится крѣпче и тѣснѣй. Такимъ образомъ въ національномъ государствѣ агрессивная политика болѣе сильна, оборонительная—болѣе упорна.

Но такъ какъ со временемъ одни національныя государства сталкиваются съ другими, то возвращается вновь первоначальное отношеніе силы, но только въ повышенной стѣ-

¹⁾ Какъ происходитъ этотъ процессъ см. Rassencampf, §§ 231 и 253.

пени, при чемъ, въ виду вѣчнаго стремленія къ увеличенію могущества, свойственнаго національнымъ государствамъ, раньше или позже столкновенія между ними приведутъ къ тому, что одни государства распадутся, а другія увеличатся.

Выше нами уже указано, какія трудности предстоитъ при этомъ преодолѣть побѣдившему государству и какія соображенія должны удерживать его отъ присоединеній къ себѣ чужихъ національностей или ихъ частей.

До тѣхъ поръ, пока ходъ завоеваній и государственнаго развитія не нарушитъ извѣстнаго отношенія превосходства, существующаго между побѣдившимъ національнымъ государствомъ и незначительными фрагментами чужой національности, до тѣхъ поръ существуетъ возможность медленной и постепенной ассимиляціи этихъ чужихъ фрагментовъ съ господствующей національностью, сліянія ихъ въ одно національное, а слѣдовательно и социальное единство. Но такъ какъ ходъ исторіи создаетъ разнообразнѣйшія государственныя и социальныя комбинаціи, между тѣмъ какъ всемогущее стремленіе къ увеличенію власти не можетъ быть сдержано никакими существующими государственными и національными отношеніями, то въ силу историческаго процесса часто возникаютъ государственныя организаціи, которыя либо состоятъ изъ частей различныхъ національностей, либо заключаютъ въ себѣ нѣсколько цѣлыхъ національностей вмѣстѣ съ частями другихъ національностей. Всегда существовали такія государства со смѣшаннымъ національнымъ составомъ, какъ необходимый результатъ историческаго процесса, никогда не останавливающагося и прокладывающаго себѣ путь чрезъ существующее къ новому и новому.

Тотъ, кто не признаетъ вовсе права на существованіе такихъ государствъ или признаетъ, но въ меньшей степени,

нежели право національныхъ государствъ, тотъ обнаруживаетъ свое грубое непониманіе исторіи. Напротивъ, ясно, что историческій процессъ въ такихъ государствахъ ищетъ новой формы для соціальныхъ связей, и можно быть увѣреннымъ, что, поскольку исторія творитъ только разумное, эта высшая форма государственнаго порядка выйдетъ побѣдительною изъ внутренней борьбы національностей въ нѣдрахъ самого государства.

Эта борьба, конечно, трудна, такъ какъ она представляетъ простую соціальную борьбу, но только въ высшей степени. Къ соціальнымъ противоположностямъ единаго національнаго государства присоединяется противоположность различныхъ національностей. Такъ какъ эта послѣдняя противоположность выражается наиболѣе замѣтно въ различіи языковъ, то національная борьба принимаетъ форму борьбы за языкъ, въ смыслѣ признанія права или равноправности извѣстнаго языка въ общественной жизни. Но эта форма не есть сущность борьбы. Сущность ея не можетъ отличаться отъ сущности всякой другой соціальной борьбы; она заключается въ стремленіи къ господству. Языкъ только предлогъ, только идея, за которую хватаются для того, чтобы замаскировать тенденцію.

По существу, эта борьба ведется за то, чтобы одно обладаніе извѣстнымъ языкомъ, роднымъ языкомъ не давало права на господство, чтобы господство не было монополіей одной національности. Это стремленіе становится основательнымъ, если исключенные изъ господства національные элементы обладаютъ соотвѣтствующей соціальной и политической силой, а пріобрѣтенное ими знаніе языка, который прежде господствовалъ исключительно, даетъ имъ возможность оказать сопротивленіе въ политической борьбѣ господствующей національности. При равныхъ силахъ одер-

жить верхъ въ этой борьбѣ всегда та національная партія, которая, кромѣ нѣкогда исключительно господствовавшаго языка, владѣетъ однимъ или нѣсколькими языками, теперь съ нимъ конкурирующими. Диоглоттизмъ или полиглоттизмъ помогаетъ борющимся національностямъ побѣдить господствовавшую прежде національность, владѣющую только однимъ языкомъ.

Разъ эта побѣда достигнута, тогда непрактичная идея равноправности языковъ должна постепенно приспособиться къ *дѣйствительнымъ* нуждамъ государства. Послѣднія безспорно требуютъ или одного языка въ качествѣ языка государственнаго, или двухъ или нѣсколькихъ языковъ для цѣлаго народа или, по крайней мѣрѣ, для господствующихъ классовъ.

Но въ томъ, какой языкъ долженъ стать государственнымъ въ государствѣ, состоящемъ изъ различныхъ смѣшанныхъ національностей, кажется не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Въдѣ въ выборѣ *средства для достиженія цѣли* (каковымъ является государственный языкъ въ отношеніи ко всеобщему государственному обороту) должно принимать во вниманіе наибольшую *цѣлесообразность*. Для выбора государственнаго языка цѣлесообразна его наибольшая всеобщность; главнымъ образомъ, должна быть принята въ расчетъ распространенность языка среди образованныхъ классовъ различныхъ національностей. Но этой общностью и широкой распространенностью среди образованныхъ и господствующихъ классовъ всѣхъ національностей всегда будетъ обладать тотъ языкъ, который имѣетъ за собой болѣе древнюю культуру, — то-есть болѣе древній культурный языкъ (само собою разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ о живыхъ языкахъ).

Итакъ, изъ многихъ языковъ государства, состоящаго

изъ различныхъ смѣшанныхъ національностей, неизбѣжно, въ силу природы вещей, старѣйшій культурный языкъ останется государственнымъ языкомъ. Необходимо однако замѣтить, что за нимъ неоспоримо признано будетъ такое значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда благодаря этому не возникнетъ какое-нибудь политическое преимущество для естественныхъ представителей этого языка или какой-нибудь политической ущербъ для другихъ національныхъ элементовъ. Однимъ словомъ, борьба, начинающаяся во имя „равноправности языковъ“, прекращается, когда фактическія отношенія такъ измѣнились, что полная равноправность національныхъ факторовъ силы въ государствѣ не можетъ болѣе быть нарушенной или поколебленной преимуществомъ, выпавшимъ на долю старѣйшаго культурнаго языка; точно такъ же и всеобщій діоглоттизмъ или полиглоттизмъ всѣхъ національныхъ составныхъ частей государства можетъ положить конецъ національной борьбѣ.

IV.

Индивидъ и соціально-психическія явленія.

§ 1. Индивидуализмъ и коллективизмъ.

Пониманіе соціальныхъ явленій до сихъ поръ колеблется между двумя крайностями: индивидуализмомъ и его противоположнымъ полюсомъ—коллективизмомъ.

Какъ попытка объясненія „соціального міра“, такъ и характеръ требованій, предъявляемыхъ къ организаціи послѣдняго, признають своимъ исходнымъ моментомъ или индивида, или „человѣчество“, и всякія различія, партійныя несогласія и стремленія въ области соціальныхъ наукъ и борьбы всегда и вездѣ находятся между этими двумя крайностями—индивидомъ и человѣчествомъ. Третьей точки зрѣнія не было; теорія, по крайней мѣрѣ, не замѣтила и не избрала средняго пути.

Въ то время, какъ одни выставляли эгоизмъ и личные интересы источникомъ всего соціального развитія, единственнымъ стимуломъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ (смитіанизмъ, матеріалистическая философія), другіе указывали на факты самопожертвованія и преданности отдѣльныхъ лицъ въ отношеніи къ обществу и противопоставляли эгоизму

и личнымъ интересамъ „любовь къ ближнимъ“, „альтруизмъ“. Въ то время, какъ одни всѣ соціальныя явленія старались объяснить и вывести изъ природы индивида, другіе указывали на „общезитіе“, на „общество“, на человѣчество“, стремясь его природой и законѣрнымъ развитіемъ объяснить всѣ соціальныя явленія (статистики).

И тѣ, и другіе игнорировали то, что находится между этими крайностями, игнорировали *фактическую действительность*, которая только и можетъ быть истиной. Источникомъ нашихъ дѣйствій и стимуломъ ихъ является и эгоизмъ, и чувство симпатіи, или—вѣрнѣе—не является ни эгоизмъ, ни чувство симпатіи, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ моментовъ не служитъ единственнымъ источникомъ, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ того значенія, какое приписывается имъ различными авторами. Но стоитъ прибавить къ каждому изъ этихъ двухъ словъ прилагательное „общественный“,—не въ смыслѣ абстрактнаго цѣлаго, а въ смыслѣ опредѣленнаго соціальнаго сингенетическаго союза,—и мы найдемъ тотъ средній путь, который просмотрѣли до сихъ поръ всѣ соціальныя философскія системы. Не личный эгоизмъ является стимуломъ соціальнаго развитія, а эгоизмъ общественный; не преданность къ коллективному цѣлому, не „любовь къ ближнему“ въ ея широкомъ универсальномъ смыслѣ христіанской *теоріи*, не симпатія къ „человѣчеству“, а соціальная симпатія, готовая на жертву и полная любви преданность къ *естественному* соціальному общенію. Человѣкъ не такъ плохъ, какъ его рисуетъ грубый матеріализмъ, но не столь великодушень, какъ этого тщетно требуетъ христіанская доктрина: онъ не чертъ, не ангелъ,—онъ только человѣкъ. Онъ прикованъ къ обществу естественными узами кровнаго родства, нравовъ, образа мыслей, и его эгоизмъ является общественнымъ, его симпатія—общественной. Требовать отъ

него болѣе, чѣмъ общественной симпатіи,—значить требовать отъ него неестественнаго и сверхчеловѣческаго; считать его способнымъ на эгоизмъ, болѣе, чѣмъ общественный,—значить быть къ нему несправедливымъ. Въ общественномъ эгоизмѣ заключена общественная симпатія, а общественная симпатія есть общественный эгоизмъ. Мы называемъ совокупность этихъ обоихъ чувствъ сингенизмомъ (*syngenisimus*) и въ ней находимъ стимулъ всего соціальнаго развитія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ключъ къ его пониманію.

Тѣ, которые весь соціальный міръ разсматриваютъ лишь съ точки зрѣнія индивида, выводятъ изъ индивида и относятъ на его счетъ все развитіе; тѣ, которые смотрятъ на индивида и его развитіе, какъ на высшую, единственную цѣль всѣхъ соціальныхъ явленій,—тѣ хотятъ все зло и всѣ несчастія соціальнаго міра излѣчить освобожденіемъ индивида, провозглашеніемъ его правъ ¹⁾.

На такой точкѣ зрѣнія стоитъ доктринерскій либерализмъ, абстрактный конституціонализмъ. Согласно этой доктринѣ, каждый отдѣльный человѣкъ, какъ индивидъ, долженъ быть щедро одаренъ всевозможными правами, каждому индивиду должны принадлежать всѣ, безъ исключенія, права „наиболѣе привилегированныхъ индивидовъ“,—и тогда все пойдетъ хорошо на землѣ. Такой опытъ многократно былъ сдѣланъ въ Европѣ и всегда приводилъ къ неудачѣ. Почему? Потому что всѣ эти права индивиду ничуть не помогли, и всякій разъ, какъ онъ, опираясь на эти права, бросался

¹⁾ Марксъ былъ вполне правъ, говоря: «Маловажность личности въ дѣйствительной жизни составляетъ рѣзкій контрастъ съ той важностью, которую ей придаютъ въ соціально-научныхъ изслѣдованіяхъ. Эта маловажность выступаетъ не только въ политической, но и въ экономической области». *Capital*, 235, 236.

впередъ, онъ разбивалъ себѣ черепъ о твердыя стѣны общественныхъ учреждений. А этихъ стѣнъ индивидуализмъ не могъ разрушить, какъ бы громко онъ ни провозглашалъ принципы индивидуальной свободы.

Съ другой точки зрѣнія подходитъ къ дѣлу коллективизмъ въ своихъ различныхъ проявленіяхъ (соціализмъ, коммунизмъ и т. п.). Задача, по его мнѣнію, разрѣшается созданіемъ, по возможности, большихъ коллективныхъ общностей. Общность должна работать для индивида, индивидъ становится подъ защиту общности; послѣдняя должна освободить индивида отъ всѣхъ заботъ и тревогъ, сообщая трудиться, не только контролировать и направлять индивида, но и кормить его.

Къ сожалѣнію, еще никогда не произведены были соответствующіе такому тезису законодательные опыты; иначе оказалось бы, что такая предусмотрительная и попечительная общность является такой же утопіей, какъ и свободный самоопредѣляющійся индивидъ.

Истина—въ томъ, что социальный міръ съ самаго начала всегда и повсюду движется только группами, группами приступаетъ къ дѣятельности, группами борется и стремится впередъ,—и что мудрое законодательство считается съ дѣйствительностью и должно уважать эти фактическія отношенія и, не закрывая предъ ними глазъ, подобно „конституціоналистамъ“, не должно и подобно коллективистамъ (соціалистамъ и коммунистамъ) надѣяться на возможность ихъ измѣненія. *Въ гармоническомъ взаимодействіи социальныхъ группъ лежитъ единственно возможное рѣшеніе социальныхъ вопросовъ, поскольку оно вообще возможно.*

§ 2. Индивидъ и его социальная группа.

Величайшая ошибка индивидуалистической психологии заключается въ предположеніи, будто мыслить *человѣкъ*. Вслѣдствіе этой ошибки, въ *индивидъ* вѣчно ищутъ *источника* мышленія, вѣчно ищутъ, почему онъ мыслить такъ, а не иначе, при чемъ богословы и наивные философы стараются разъяснить и даже преподать совѣты, *какъ* человѣку слѣдуетъ мыслить. Здѣсь—цѣлая цѣпь *ошибокъ*. Во-первыхъ, въ *человѣкѣ* мыслить *совсѣмъ* не онъ,—но его социальная группа; источникъ его мыслей лежитъ *совсѣмъ* не въ немъ, но въ социальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ социальной атмосферѣ, которой онъ дышитъ; онъ можетъ мыслить только такъ, какъ необходимо его заставляютъ концентрирующіяся въ его мозгу вліянія окружающей его социальной среды. Подобно тому, какъ въ механикѣ и оптикѣ, по извѣстному намъ закону, уголъ паденія равенъ углу отраженія, точно такъ же и въ духовной сферѣ каждому углу паденья духовнаго луча въ нашъ мозгъ соотвѣтствуетъ извѣстный уголъ отраженія нашихъ воззрѣній, нашихъ мыслей, являющихся только необходимымъ результатомъ духовныхъ вліяній, внѣдренныхъ въ насъ съ самаго дѣтства.

Индивидъ при этомъ играетъ только роль призмы, которая воспринимаетъ извнѣ лучи и, преломивъ ихъ по извѣстнымъ законамъ, отражаетъ въ извѣстномъ направленіи и съ извѣстной окраской.

Впрочемъ, и до сихъ поръ въ психологии и философіи говорилось о вліяніи окружающей обстановки на духовное образованіе *человѣка*, но это вліяніе считалось лишь вторичнымъ моментомъ. Въ дѣйствительности однако социальная среда, въ которой индивидъ является на свѣтъ, въ ко-

торой онъ дышитъ, живетъ и дѣйствуетъ, должна быть признана основнымъ и важнѣйшимъ началомъ; къ этому окружающему элементу индивидъ съ дѣтства до самаго зрѣлаго возраста относится болѣе или менѣе воспріимчиво,—и въ зрѣломъ возрастѣ только рѣдкому уму удается эмансипироваться отъ этой духовной среды настолько, чтобы впредь самостоятельно мыслить; вполне же никто не можетъ отрѣпиться отъ своей среды уже потому, что всѣ формы мыслей, всѣ органы мышленія, всѣ средства дальнѣйшаго образованія созданы тою же средой, насквозь проникнуты ею. Поэтому, если даже и предположить, что возрастъ воспріятія у совершенно зрѣлаго и самостоятельнаго человѣка законченъ, однако слѣдуетъ усумниться въ томъ, можетъ ли самый передовой и оригинальный философъ отдѣлиться настолько отъ наслѣдственной почвы мышленія, чтобы достигнуть освобожденія отъ привитыхъ ему формъ и органовъ мышленія и самостоятельно создать, вмѣсто нихъ, свои собственные органы и формы.

Бросимъ взглядъ на жизнь обыкновеннаго „средняго человѣка“ и посмотримъ, какъ создается его духовная организація! Первые воззрѣнія прививаетъ ребенку его обстановка. Поведеніе его воспитателей и воспитательницъ образуетъ въ немъ первыя нравственные понятія и взгляды. А первые учителя, приставленные къ нему! Похвала и порицаніе, награда и наказаніе, надежды, возбуждаемыя въ немъ, нагоняемый на него страхъ,—все это составные элементы, изъ которыхъ образуются его первыя воззрѣнія, его духъ. Незамѣтнымъ образомъ, маленькій житель міра является предъ нами въ видѣ вѣрнаго слѣпка духовныхъ свойствъ своей „семьи“, если употребить это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ римской familia. Форма его дѣтскаго духа точь въ точь соотвѣтствуетъ многосто-

ронней модели, въ которую онъ былъ вылить, носить на себѣ ясный отпечатокъ той формы, въ которую онъ былъ заключенъ.

Подготовлённый такимъ образомъ, юный индивидъ вступаетъ въ „міръ“, образуемый его сверстниками и товарищами, существами, отлитыми, въ большинствѣ случаевъ, по той же формѣ. Ихъ взгляды большею частью тождественны. Имъ привили одинаковое уваженіе къ однимъ категоріямъ вещей и лицъ, одинаковую ненависть и презрѣніе къ другимъ. Во всемъ, *до чувства вкуса къ пище и питью* включительно, они получили одинаковое направленіе; они подобны часамъ, которые идутъ такъ, какъ ихъ поставили и завели. Но въ такомъ случаѣ развѣ мыслить, чувствовать, имѣть вкусъ—индивидъ? Нѣтъ! не индивидъ, а социальная группа; каждый новый индивидъ выражаетъ мысли и чувства, вкусы и взгляды, намѣренія и цѣли своей социальной группы. Поэтому одинъ индивидъ похожъ на другого: какъ пѣли старыя птицы, такъ щебечуть птенцы.

И какъ опредѣлить, что соединилось здѣсь, въ духѣ этого юнаго индивида, что конденсировалось въ его мозгу, какъ осадокъ духовной жизни *давно прошедшихъ поколѣній?* Здѣсь и тысячелѣтній опытъ, давнымъ давно передающійся отъ поколѣнія къ поколѣнію въ видѣ готовыхъ возрѣній и представлений; и историческія и доисторическія судьбы съ ихъ духовными результатами въ характерѣ и наклонностяхъ, съ ихъ формами мышленія и образомъ мыслей; и старинныя симпатіи, предразсудки и предубѣжденія,—все это концентрируется въ мозгу „свободнаго“ индивида, какъ миллионы лучей въ точкѣ преломленія, все это живетъ въ немъ какъ мысль, все это вложено въ него, какъ чувство,—какъ мысль и чувство, которыя толпою приписываются ему самому, которыя въ глазахъ толпы являются его заслугой

или виной. Громадное большинство людей не освобождается вовсе отъ указанныхъ выше категоричныхъ опредѣленій, создающихъ челоѳическій духъ; въ теченіе всей своей жизни они руководствуются образующими впечатлѣніями дѣтства и юныхъ лѣтъ. Только ничтожное меньшинство продолжаетъ еще „образование“ ума (въ болѣе широкомъ смыслѣ слова), воспринимая при случаѣ духовныя впечатлѣнія и вліянія извнѣ, независимо отъ своей соціальной группы. И какъ преувеличиваютъ значеніе и результатъ этого „духовнаго образованія“ посредствомъ культурныхъ сокровищъ націй, классической древности и т. п.! Какъ ничтожно, въ сущности, это „образование“ въ сравненіи съ тѣмъ *прирожденнымъ и полученнымъ отъ воспитанія* образованіемъ, въ которомъ выражается духъ соціальной группы!

Если непредубѣжденно разсмотрѣть факты, нельзя не убѣдиться въ томъ, что все это „образование“, образованіе нашихъ школъ, едва ли въ состояніи побѣдить это духовное наслѣдіе, которое является частью всякаго индивида; въ глубину души отъ всего этого позднѣйшаго образованія проникаетъ лишь то, что находитъ въ ней для себя благопріятную почву.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ большинству такъ называемыхъ образованныхъ людей, докторовъ, учителей, чиновниковъ и т. д., что имъ даетъ это „образование“, пріобрѣтенное ими въ школахъ и внѣ школъ? Немного „знанія“ и ничего больше! Но развѣ знаніе—*мысленіе*? развѣ знаніе—*чувство*? Къ чему знаніе, если оно не можетъ измѣнить *мысленія*? Если оно не можетъ оказать никакого вліянія на чувство? А этого сдѣлать оно не въ силахъ. Отсюда—печальный фактъ существованія людей, которые, благодаря своимъ ничтожнымъ знаніямъ, тѣмъ легче могутъ скрыть отъ міра пошлость своего образа мыслей, природенную имъ ни-

зость,—людей, которые своей крупницей „знанія“ только маскируютъ грубость своихъ чувствъ, только скрываютъ подъ мишурнымъ плащемъ „образованія“ прирожденную животность своей природы. Если даже и признать справедливымъ положеніе Бокля, которое онъ старается доказать въ своемъ громадномъ трудѣ, положеніе, что знаніе, и только знаніе, улучшаетъ народы и человѣчество, то все-таки, прежде всего, должна улучшиться масса или, по меньшей мѣрѣ, группа, и только группа можетъ облагородить индивида.

Только знаніе *массы*, соціальной среды улучшаетъ индивида, индивидуальное же знаніе является для самого индивида слишкомъ поздно для того, чтобы преобразить его; вступая въ міръ, индивидъ уже готовъ, какъ отчеканенная монета, и приобрѣтенное имъ знаніе не можетъ больше измѣнить его существа. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ измѣнить знаніе въ зрѣломъ юношѣ, который *связанъ* узами общихъ интересовъ со своей семьей, своимъ классомъ, своей соціальной группой, къ которому міръ, т. е. другія соціальныя группы, относится, какъ къ каждому изъ членовъ его сингенетическаго круга, и который уже поэтому свою часто недобровольную солидарность съ этимъ кругомъ считаетъ естественной и необходимой. Онъ можетъ знать все, что ему угодно, но онъ является только тѣмъ, что уже раньше сдѣлала изъ него его соціальная среда; онъ ведетъ себя сообразно съ тѣмъ, какъ дѣйствовали на него разнородныя соціальныя элементы, съ которыми онъ сталкивался. Конечно, бываютъ случаи, когда отдѣльные, изолированныя индивиды поглощаются чуждыми имъ соціальными группами и, такъ сказать, въ нихъ тонуть, или когда отдѣльные индивиды, насильственно вырванные изъ своей собственной соціальной среды, присоединяются къ чужимъ группамъ и растворяются въ нихъ со всей своей волей и стремленіями, при чемъ

происходить полный процессъ перерожденія ихъ существа; но такія рѣдкія исключенія только подтверждаютъ правило.

Судьба юноши опредѣляетъ положеніе взрослога мужа. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ необходимо является тѣмъ, чѣмъ былъ въ юности. И вотъ наступаетъ тяжелая борьба интересовъ, т. е. борьба съ тѣми сильными теченіями практической жизни, которыхъ индивидъ не можетъ вызвать и создать, но которыя бросаютъ его туда и сюда, по которымъ онъ долженъ плыть, если не хочетъ потонуть. Есть ли здѣсь для него выборъ?

Онъ попадаетъ въ теченія, которыя отбрасываютъ его назадъ. Никакое знаніе ему не поможетъ—онъ долженъ бороться съ ними. Если онъ не хочетъ погибнуть, онъ долженъ плыть по теченью, которое его теперь несетъ,—и все его „свободное“ дѣйствіе состоитъ только въ томъ, чтобы по возможности удержаться на поверхности несущаго его благопріятнаго теченья, уклоняясь въ сторону отъ встрѣчныхъ волнъ. Быть переброшеннымъ въ другой потокъ, измѣнить свой курсъ—дѣло случая, результатъ какого-нибудь стихійнаго событія, но отнюдь не свободнаго выбора.

Жизненная борьба, конечно, приводитъ индивида къ самосознанію; онъ пріобрѣтаетъ способность обзрѣть все поле битвы, получаетъ свое собственное знаніе, а не присваиваетъ себѣ одно только чужое, какъ было до сихъ поръ; это собственное знаніе могло бы измѣнить индивида въ самомъ корнѣ, могло бы, пожалуй, повліять на его поведеніе, но онъ уже достигъ предѣла своей дѣятельности, снова начать жизнь для него невозможно. Теперь онъ постигъ тайну: онъ знаетъ, чѣмъ онъ *былъ*, и въ то же время долженъ сойти со сцены; собственное знаніе есть его единственное счастье... или, вѣрнѣе, несчастье.

Между колыбелью и могилой тянется нить, которая ни-

гдѣ не можетъ быть ни разорвана, ни соткана вновь; тянется цѣпь, каждое кольцо которой приковано къ предыдущему; человѣкъ по своему свободному выбору въ силахъ лишь порвать ее насильно, но не сковать опять, онъ имѣетъ возможность по своему собственному произволу умереть, но не можетъ родиться вновь. Да и самое рѣшеніе умереть должно быть обусловлено всей его прежней жизнью.

Вѣра въ свободу человѣка, въ его свободныя дѣйствія всецѣло коренится во взглядѣ, будто дѣйствія человѣка есть продуктъ его мыслей, а эти послѣднія находятся въ полной власти индивида, составляютъ его исключительную собственность. Послѣднее—ошибка. Человѣкъ такъ же мало рождаетъ самъ себя духовно, какъ и физически. Его мысли, его духъ есть созданіе его социальной среды, социального элемента, въ которомъ онъ рождается, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ.

Не признающіе послѣдняго и не желающіе вѣрить въ столь всемогущее вліяніе социальной среды, будутъ гораздо уступчивѣе, если они вдумаются въ тотъ фактъ, что социальная среда, въ которой вращается индивидъ, оказываетъ несомнѣннѣйшее вліяніе не только на его духъ, но (что, конечно, еще замѣчательнѣе) и на его физическій типъ, на его фізіономію. Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ фізіогномистамъ и слишкомъ очевиденъ, чтобы встрѣтить серьезное возраженіе. Кто не узнаетъ среди сотни лицъ различныхъ національностей—англичанина, француза, итальянца, сѣвернаго и южнаго нѣмца! Трудно точно выразить, почему мы ихъ узнаемъ—на это способенъ лишь карандашъ живописца. Но мы узнаемъ Джонъ Буля, мы узнаемъ „гордаго шваба“, мы узнаемъ галантнаго, живого француза и даже парижанина, мы узнаемъ итальянца и т. д.

Кто не замѣчалъ, что продолжительное пребываніе въ те-

ченіе годовъ или десятковъ лѣтъ среди извѣстнаго народа съ выраженнымъ культурнымъ типомъ ассимилируетъ съ этимъ народомъ всякаго иностранца въ его внѣшнемъ видѣ и внѣшнемъ поведеніи.

Развѣ не дѣлается истымъ Джонъ Булемъ нѣмецъ, прожившій въ Англии десятки лѣтъ? Или кто не замѣчалъ на всѣхъ европейцахъ поразительно ориентализирующей силы жизни на Востокѣ? Мы знали поляка, отпрыскъ старо-польской фамиліи, внѣшній видъ котораго послѣ долгаго пребыванія въ Турціи принялъ типъ восточнаго человѣка. Нужны ли однако дальнѣйшіе примѣры: человѣкъ безъ достаточнаго опыта въ этомъ отношеніи никогда не пойметъ ихъ и не повѣритъ намъ, а у кого въ этомъ отношеніи есть хоть малѣйшая опытность, тотъ, конечно, сразу согласится съ нами.

Только къ этимъ послѣднимъ и обращаемся мы съ логическими доводами. Разъ что-нибудь оказываетъ вліяніе на болѣе сильное, то болѣе слабое тѣмъ скорѣе уступить этому вліянію: вліяніе соціальнаго элемента, которое можетъ измѣнить даже физическій типъ человѣка, конечно, еще раньше преобразовало духъ индивида, оказало давленіе на мысли и взгляды, на чувства и настроенія его,—давленіе, которое затѣмъ проявилось во всемъ внѣшнемъ *habitus*’ѣ, такъ какъ этотъ послѣдній есть не что иное, какъ выраженіе духовнаго человѣка, зеркало, въ которомъ мы видимъ отраженіе его души. Правда, человѣческой языкъ никогда не будетъ обладать той точностью, наши мысли никогда не достигнуть той ясности, чтобы мы были въ силахъ выразить то, что мы наблюдаемъ и считаемъ за специфическую особенность этихъ различныхъ типовъ. Здѣсь намъ можетъ помочь лишь карандашъ художника, и онъ это дѣлаетъ въ иллюстрированныхъ юмористическихъ журналахъ. Мы мо-

жемъ констатировать лишь тотъ фактъ, что существуетъ *нѣчто*, благодаря чему мы узнаемъ представителей различныхъ націй, народовъ, соціальныхъ группъ и т. д., и что это *нѣчто* переносится на индивидовъ посредствомъ соціального вліянія. Ясно и то, что это *нѣчто* приобрѣтается благодаря вліянію соціальной среды, независимо отъ происхожденія и подданства, наконецъ, что это вліяніе, очевидно, гораздо быстрее проникаетъ и легче измѣняетъ въ человѣкѣ духовный элементъ, чѣмъ физическій,—и тѣмъ не менѣе при продолжительномъ дѣйствіи воздѣйствуетъ и на этотъ послѣдній, т. е. физическій элементъ.

Говоря о вліяніи соціальной среды на индивидовъ, принадлежащихъ къ нему, мы должны упомянуть также и о томъ, что характеръ соціальной группы образуется при помощи этого постоянного ассимилирующаго воздѣйствія цѣлаго на его отдѣльныя составныя части. Представители одной націи отличаются отъ представителей другой отнюдь не фізіономіей, цвѣтомъ, пропорціональностью частей тѣла и т. д.; ко всему этому нашъ глазъ безъ научно изощренной наблюдательности и безъ научныхъ аппаратовъ совсѣмъ не чувствителенъ и не воспріимчивъ. При взглядѣ на представителей разныхъ національностей насъ поражаетъ всегда только тотъ типъ, то невыразимое, неопредѣленное *нѣчто*, которое является результатомъ соціального вліянія, т. е. вліянія соціальной среды.

Въ высшей степени важно усвоить себѣ все значеніе этого факта, такъ какъ онъ указываетъ намъ, что характеръ соціальной группы является гораздо менѣе результатомъ ея *физическихъ*, чѣмъ *духовныхъ* качествъ. Однимъ словомъ, фізіогномическій характеръ, типъ народа или соціальной группы ни въ коемъ случаѣ не является антропологическимъ, но исключительно *соціальнымъ фактомъ*. Въ этомъ, съ

одной стороны, объясненіе того факта, что чуждая личность, попавшая въ такую группу, воспринимаетъ ея типъ, а съ другой — доказательство того, что такое превращеніе личности подъ вліяніемъ группы должно быть разсматриваемо *только* какъ соціальное и соціологическое явленіе; дѣло здѣсь ни въ чемъ инѣмъ, какъ только въ соціальномъ и соціологическомъ фактѣ.

Будь этотъ типъ фактомъ антропологическимъ, — такое превращеніе личности, такое ассимилированіе ея со средой было бы невозможно и невысказуемо.

Послѣ того, какъ мы констатировали, такимъ образомъ, фактъ вліянія соціальной среды на индивида, намъ остается еще ближе изслѣдовать сущность этого соціального явленія, этого соціального фактора воздѣйствія. Предъ нами возникаетъ слѣдующій вопросъ: въ чемъ, если не въ антропологическихъ моментахъ, состоитъ тотъ соціальный типъ, который отличаетъ одну группу отъ другой и благодаря которому неизбежно ассимилируется личность, попавшая подъ его вліяніе?

Сказанное нами выше уже доказываетъ, что мы не считаемъ возможнымъ какой-либо точный отвѣтъ; все, что мы можемъ сказать, заключается въ слѣдующемъ. Между всякой мыслью, всякимъ стремленіемъ и соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ человѣка лежитъ его физическая природа (*die Physis*). То, что сильныя мысли и стремленія выражаются и отражаются на этой природѣ, на внѣшности человѣка, это мы знаемъ по такимъ сильнымъ проявленіямъ, какъ гнѣвъ и радость, боль и отчаяніе, такъ какъ мы ясно видимъ ихъ ежедневно и ежечасно и такъ какъ здѣсь слѣдствіе наступаетъ непосредственно вслѣдъ за причиной. Но естественное дѣйствіе, истинное и фактически существующее, поскольку мы въ состояніи его наблюдать, конечно, точно такъ же истин-

но и фактически существуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ глазъ не способенъ его подмѣтить. Если внутренній мотивъ, идея, стремленіе оказываетъ вліяніе на нашу внѣшность, на наше тѣло, движеніе и выраженіе лица, то оно оказываетъ такое же вліяніе и въ тѣхъ тончайшихъ, незамѣтныхъ случаяхъ, когда, благодаря несовершенству нашихъ чувствъ, мы не въ состояніи его уловить. Мы начинаемъ подмѣчать результаты этихъ вліяній только съ того времени, когда, благодаря многократнымъ ихъ повтореніямъ, они выступаютъ предъ нами уже въ готовомъ типѣ.

Теперь все дѣло только въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить эти воздѣйствующіе моменты. Мы сказали, что идеи и стремленія создаютъ типъ; теперь спрашивается: что создаетъ идеи и стремленія? Мы отвѣчаемъ на это: жизнь и, именно, социальная жизнь. И подобно тому, какъ жизнь слагается различно въ различныхъ климатахъ и странахъ, среди людей различныхъ расъ и различнаго этническаго состава, точно такъ же различны и ихъ идеи, слѣдовательно, ихъ общія воззрѣнія, ихъ стремленія,—а влѣдствіе этого различны и ихъ типы. А такъ какъ эти различія въ воззрѣніяхъ и идеяхъ со временемъ измѣняются въ одномъ и томъ же народѣ влѣдствіе того, что онъ стоитъ въ вѣчномъ потокѣ бытія,—то отсюда возникаетъ извѣстное различіе въ типѣ представителей одного и того же народа, въ различныхъ, слѣдующія одна за другою, эпохи.

§ 3. Вліяніе экономическаго положенія на индивида.

Установивъ, что социальная жизнь создаетъ идеи и воззрѣнія, мы можемъ теперь развить этотъ тезисъ нѣсколько подробнѣе.

Экономическое положеніе непосредственно побуждаетъ индивида къ дѣятельности, принуждаетъ его къ извѣстному

образу жизни и будить въ немъ связанныя съ этимъ послѣднимъ идеи и воззрѣнія. Намъ извѣстно, что, не смотря на самую разнообразную группировку всевозможныхъ обществъ, во всѣхъ государственныхъ организаціяхъ существуетъ три большихъ общественныхъ класса, отличающихся другъ отъ друга своимъ экономическимъ положеніемъ, а именно: классъ дворянъ, среднее сословіе торговцевъ и ремесленниковъ и крестьянское сословіе. Каждый изъ этихъ соціальныхъ классовъ *воспитываетъ* своихъ членовъ совершенно особымъ образомъ, приучаетъ ихъ къ кругу своихъ воззрѣній, правовъ, правовыхъ привычекъ и нормъ и заставляя ихъ, путемъ опредѣленія ихъ профессіи, идти въ собственныхъ интересахъ по тому пути, по которому идетъ соціальный классъ, какъ цѣлое.

Такимъ образомъ, членъ сословія дворянъ привыкаетъ господствовать и повелѣвать, заставлять другихъ, какъ водится, заботиться о его жизненныхъ удобствахъ; отсюда само собой возникаетъ болѣе высокое мнѣніе о своей личности, отсюда гордая осанка, третированіе другихъ людей и тысячи другихъ характерныхъ чертъ, свойственныхъ аристократамъ всѣхъ временъ и странъ, независимо отъ народности, національности, религіи, расы и индивидуальныхъ отличій.

Въ противоположность дворянскому, крестьянское сословіе и сословіе рабовъ всѣхъ странъ и народовъ питаетъ глубокую, затаенную ненависть, которую оно унаслѣдовало отъ цѣлыхъ поколѣній, которая обуздывается лишь сознаніемъ духовной приниженности и экономической зависимости, и которая разражается со всей дикостью варварскихъ ордъ, разъ представится къ тому случаю.

Кто не знаетъ, кто не слыхалъ о всеобщемъ глубокомъ недовѣрїи, которое крестьянинъ питаетъ къ „барину“ и котораго не въ состояніи искоренить никакая убѣдительность

краснорѣчія, никакая доброта, никакая обходительность? Съ тупымъ упорствомъ крестьянское сословіе замыкается въ самомъ себѣ, отгораживается отъ высшихъ сословій, которыя, впрочемъ, и ему не открываютъ своихъ дверей; привычнымъ ухомъ, не размышляя, слушаетъ онъ утѣшенія религіи и вину во всѣхъ бѣдствіяхъ своей жизни приписываетъ своимъ господамъ; но привычка и наслѣдственные возрѣнія научили его спокойно сносить свой тяжелый жребій, что облегчается и вѣдреннымъ въ него чувствомъ уваженія къ болѣе сильнымъ; однако всѣ эти моменты, взятые вмѣстѣ, конечно, не заставили бы его подчиниться государственному порядку, если бы этотъ послѣдній не поддерживался сильной рукой государственной власти.

Всякій членъ средняго сословія воспитывается въ традиціяхъ „барыша“: торговля, ремесло и получаемая отъ нихъ прибыль съ колыбели носятся предъ нимъ, какъ идеаль; онъ видитъ предъ собой массу примѣровъ *нажитаго* богатства. *Добиться удачи*—идея, которой не знаетъ крестьянинъ, идея, рѣдко привлекающая дворянина,—эта идея является главною цѣлью всякаго индивида, принадлежащаго къ среднему сословію. Онъ уже рано убѣждается, что *искусная* работа и *изобрѣтательность* ведутъ къ этой цѣли: все его мышленіе работаетъ въ этомъ направленіи.

Крестьянинъ, прикованный къ землѣ закономъ или силой отношеній, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ мечтать объ оставленіи наслѣдственнаго занятія; по общему правилу, онъ не можетъ даже понять такой мысли. Въ такое положеніе онъ поставленъ законнымъ и государственнымъ порядкомъ, который настолько силенъе его, что ему не приходится даже въ голову мысль противъ него возстать. Слѣдствіемъ такой неподвижности является болѣе или менѣе узкій горизонтъ, не выходящій за предѣлы сосѣдней деревни; и вотъ

ему не остается никакой другой альтернативы, какъ либо покориться и работать, приспособляясь къ отношеніямъ, либо возмутиться и страдать отъ нищеты и наказанья.

Совсѣмъ другое дѣло горожанинъ! Торговля расширяетъ его горизонтъ, весь міръ открытъ для него, и съ высоко парящими планами онъ выступаетъ за предѣлы стѣснительныхъ рамокъ государственной жизни. Широкой горизонтъ и тѣсныя рамки,—что можетъ быть при этомъ естественнѣе идеи пробить послѣднія или ихъ обойти? Горожанинъ именно и образуетъ ферментъ соціальной борьбы: онъ *первый* приводитъ въ движеніе глыбу, которая скатывается по наклонной поверхности соціальной жизни.

Въ такой атмосферѣ создаются жизненные взгляды горожанина, въ такой атмосферѣ даютъ отпрыски и вырастаютъ его идеи и убѣжденія. Самодовольному консерватизму господствующихъ классовъ духовно развитой горожанинъ противопоставляетъ свое вѣчное недовольство, и онъ же первый приводитъ въ движеніе пассивный консерватизмъ „народа“.

Дворянинъ, горожанинъ и крестьянинъ—таковы были бы три типа индивидовъ, *если бы государство осталось при такой примитивной группировкѣ общества*; но мы знаемъ, какъ многообразно дифференцируются и усложняются общественныя образованія, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразятся типы индивидовъ.

Невозможно научно исчерпать эту тему, такъ какъ изображать *типичное* призвано, конечно, только *искусство*; здѣсь соціологія должна уступить первенство художнику и писателю, изображающимъ соціальную жизнь.

Мы дадимъ еще здѣсь лишь нѣсколько разъясненій.

Господствующее сословіе, съ прогрессомъ культуры и расширеніемъ государства, переноситъ различныя свои

функціи на особые органы и, такимъ образомъ, распадается на сословіе бюрократовъ, военное и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои особые интересы, свое общее занятіе и обусловленный этимъ одинаковый образъ жизни. Различные способы и характеръ участія въ государственномъ господствѣ обусловливаются этимъ дѣленіемъ высшаго сословія на отдѣльныя группы. Представьте только различіе между генераломъ, который остается „солдатомъ“ и видитъ свою (солдатскую) честь въ томъ, чтобы исполнять приказы монарха даже противъ своихъ убѣжденій, — министромъ, который видитъ свою (политическую) честь въ томъ, чтобы изъ-за всякаго факта, который ему не нравится, или, изъ-за несогласія во мнѣніяхъ со своимъ монархомъ, подать въ отставку, и наконецъ „большимъ баринномъ“, который охотно принимаетъ отъ своего монарха приглашеніе на охоту, но вѣжливо отклоняетъ министерскій портфель, чтобы не лишиться своей свободы.

Какъ различно складываются взгляды на жизненные задачи и принципы! Какъ различно складываются убѣжденія и воззрѣнія даже въ *одномъ* господствующемъ классѣ, благодаря соціальной дифференціаціи *занятій!*

Точно то же и въ среднемъ классѣ! Какъ различно слагается міросозерцаніе и направленіе мыслей у ремесленника, купца или судовладѣльца! Да и между самими купцами создается совершенно различный духъ въ зависимости отъ того, что одинъ сидитъ въ своей лавкѣ, другой ведетъ экспортную торговлю, третій играетъ на биржѣ. И замѣйте, что такимъ образомъ вліяютъ не *индивидуальныя*, а соціальныя различія, *соціальная зависимость.*

Какъ своеобразно должны складываться характеръ и взгляды—съ одной стороны, у дѣтей ремесленниковъ, кото-

рыя привыкли къ непрерывной работѣ въ семьѣ, небольшому заработку и монотонности жизни мелкаго промышленника,—съ другой стороны, въ кругу биржевиковъ съ быстрымъ чередованіемъ богатства и бѣдности, съ вѣчными волненіями ажіотажа, съ переменной счастія въ биржевой игрѣ, въ которой удача зависитъ отъ измѣнчивыхъ условій міровыхъ событій.

А какъ многочисленны ученые профессіи—врачей, адвокатовъ, судей, ученыхъ, чиновниковъ, техниковъ, инженеровъ,—профессіи, на которыя опять-таки дифференцируется среднее сословіе. Каждый изъ этихъ классовъ создаетъ, такъ сказать, свой духъ, т. е. каждый изъ нихъ создаетъ свойственную ему и окружающую его моральную атмосферу принциповъ, идей, воззрѣній, понятій; въ этой атмосферѣ живутъ и дышатъ принадлежащіе къ нему индивиды; въ ней *рождается и воспитывается молодое поколѣніе.*

Какъ уже было сказано, безконечное множество здѣсь возникающихъ типовъ недоступно наукѣ: изображеніе этихъ типовъ—дѣло искусства, мы же пытаемся только выяснить, какимъ образомъ индивидъ, его мышленіе и поведеніе, его чувства и стремленія создаются не въ немъ, но въ его социальномъ кругу; какимъ образомъ все это создается отнюдь не свободно и не путемъ самоопредѣленія, а, такъ сказать, навязывается индивиду, незамѣтно для него самого.

Но если соціологія не можетъ исчерпать безконечнаго разнообразія типовъ, въ которыхъ она видитъ продуктъ социальной жизни и самыхъ разнообразныхъ агентовъ и вліяній, то все-таки ея дѣло установить нѣкоторые принципиальные моменты въ этомъ *процессѣ созданія индивида группой.*

Уже изъ сказаннаго до сихъ поръ слѣдуетъ, что только моральные моменты и вліянія влекутъ за собою ассимиляцію

индивида съ группой; группа образуетъ индивида съ его моральной стороны, со стороны его идей и воззрѣній; индивидъ только часть группы; выросши въ ея моральной атмосферѣ, въ мірѣ ея идей, онъ изъ этой почвы извлекаетъ свои жизненные соки. *Въ этомъ процессѣ* моментъ кровнаго происхожденія, генеалогической связи не играетъ рѣшающей роли. Если бы индивидъ довольно рано, не испытавши вліянія своей группы, попалъ въ чужую группу, былъ въ ней воспитанъ и духовно обработанъ, какъ ея собственный матеріалъ, то онъ ассимилировался бы съ нею, какъ будто бы онъ былъ рожденъ въ этой группѣ. Поэтому, въ то время, какъ антропологи увѣряютъ насъ, что на свѣтѣ больше нѣтъ ни одной чистой расы; въ то время, какъ ежедневный опытъ показываетъ намъ разнообразнѣйшіе антропологическіе типы въ однихъ и тѣхъ же соціальныхъ классахъ и группахъ,—сочлены всякой группы морально представляютъ одинъ общій типъ. *Антропологическое разнообразіе и моральное единство*—есть характеръ каждаго соціального общества, и не только въ Европѣ, но во всѣхъ частяхъ свѣта! Впечатлѣніе, производимое на насъ моральнымъ типомъ, такъ сильно, что предъ нимъ совершенно исчезаетъ болѣе слабое впечатлѣніе отъ типа антропологическаго. Такъ какъ въ человѣкѣ человѣческое, т. е. интеллектуальное и моральное, интересуется насъ вообще живѣе, чѣмъ животное, то при взглядѣ на человѣка у насъ запечатлѣвается сильнѣе соціальный типъ, между тѣмъ какъ антропологическій ускользаетъ отъ нашего вниманія. Поэтому всегда случается, что при наличности извѣстныхъ внѣшнихъ отличій, какъ одежда, прическа и т. п., которыя указываютъ на принадлежность къ извѣстной группѣ, мы въ индивидѣ, прежде всего, замѣчаемъ моральный типъ этой группы; антропологическаго же типа мы не замѣчаемъ или ошибаемся на его счетъ,

если насъ не поражаютъ отличительныя черты, слишкомъ бьющія въ глаза.

Этимъ объясняется извѣстный фактъ, что всѣ китайцы кажутся намъ похожими другъ на друга: нашъ глазъ, пораженный извѣстными внѣшними признаками, какъ, напр., гладко выбритой головой, косою и т. п., замѣчаетъ лишь моральный типъ, а между тѣмъ среди китайцевъ есть столько же разнообразныхъ антропологическихъ типовъ, какъ и среди всѣхъ другихъ народовъ. Точно такъ же негру въ европейскомъ гренадерскомъ полку всѣ солдаты, вѣроятно, кажутся вполне похожими другъ на друга, такъ какъ онъ, помимо одинаковости въ одеждѣ, прическѣ и т. п., можетъ подмѣтить еще только моральный типъ—выраженіе, мину, осанку. А между тѣмъ антропологъ и краниологъ въ такомъ полку могли бы найти достаточно данныхъ для сложной классификаціи солдатъ на множество расъ и антропологическихъ типовъ!

Мы видѣли, что существуютъ одни общественные классы, которые тѣснѣ сомкнуты, которые, такъ сказать, компактнѣе и обладаютъ большею силою сцѣпленія, и другіе, которые менѣе сомкнуты, обладаютъ меньшею силою сцѣпленія. Эта степень сцѣпленія зависитъ, какъ мы раньше видѣли, отъ количества обобществляющихъ моментовъ, т. е. отъ количества интересовъ, связывающихъ общественный классъ, а также отъ того, постоянны ли эти интересы, переходятъ ли они по наслѣдству и сохраняются ли въ будущемъ, или они переходящи, эфемерны и моментальны. Эта различная сила сцѣпленія соціальныхъ группъ имѣетъ громадное вліяніе на созданіе и постоянство моральнаго типа. Мы не остановимся предъ формулировкой слѣдующаго соціологическаго закона: неизмѣнность и постоянство моральнаго типа прямо пропорціональны степени сцѣпленія и проч-

ности структуры социальнаго класса, каковая зависитъ, въ свою очередь, отъ количества обобществляющихъ моментовъ.

Большее количество ихъ какъ бы тѣснѣе прикрѣпляетъ индивида къ группѣ, такъ какъ преимущественно социальнымъ классамъ съ высокой степенью сцѣпленія свойственно воспитывать твердый характеръ. Индивиды такихъ классовъ точно вылиты по одной формѣ, такъ какъ они плоть отъ плоти и кровь отъ крови своей социальной группы. Они не что иное, какъ часть этой послѣдней. Отсюда стихійная моральная сила людей въ борьбѣ за свой классъ, за свое сословіе, за свою народность, которой они принадлежатъ всѣми обобществляющими моментами, а потому и всѣми фибрами своего сердца; и наоборотъ, легко понять колебанія и безхарактерность тѣхъ людей, у которыхъ отсутствуетъ одинъ изъ моментовъ, порвана одна изъ связей, соединяющихъ ихъ со „своими“; легко понять неестественность и худульность лица, которое выступаетъ въ качествѣ представителя группы, съ которой его связываетъ лишь какая-нибудь тонкая, эфемерная связь при полномъ отсутствіи большинства естественныхъ, обобществляющихъ моментовъ. Въ этомъ и состоитъ вѣчный комизмъ положенія рабена, и этотъ комизмъ встрѣчается намъ не только тамъ, гдѣ „безродный выскочка“ хвастаетъ своими интимными отношеніями къ графамъ и князьямъ (кто не знаетъ такого типа!), но и въ тѣхъ случаяхъ, когда горожанинъ хочетъ вести себя среди крестьянъ, какъ крестьянинъ, или когда аристократическій кандидатъ развиваетъ предъ своими деревенскими избирателями свою политическую и экономическую программу! Комичность во всѣхъ этихъ случаяхъ состоитъ въ недостаткѣ всѣхъ естественныхъ обобществляющихъ моментовъ между индивидомъ и той социальной группой, къ которой онъ хотѣлъ бы принадлежать и отъ имени которой онъ пы-

тается говорить. Вѣдь неестественность всегда комична. Сравните съ такими комичными фигурами всегда и всюду заслуживающихъ уваженія и импонирующихъ своей простой естественностью индивидовъ, выступающихъ въ роли представителя своей соціальной группы. Къ самому малозначущему индивиду въ такомъ случаѣ должно относиться серьезно, такъ какъ всѣ его поступки проникнуты, такъ сказать, *естественностью и правдивостью*.

Но соціальная жизнь не проходитъ въ строго замкнутыхъ соціальныхъ классахъ; изъ природы вещей, изъ сущности политическаго и соціальнаго развитія слѣдуетъ вѣчное стремленіе индивидовъ туда и сюда, вѣчное возвышеніе и паденіе, вѣчныя столкновенія, при которыхъ соціальные классы перекрещиваются въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ и индивиды попадаютъ въ разнообразнѣйшія положенія, какъ относительно своихъ, такъ и чужихъ соціальныхъ группъ.

Итакъ, жизнь старательно позаботилась о томъ, чтобы доставить намъ самый пестрый переходъ отъ свѣтлой шутки къ горькой скорби, отъ забавнаго комизма къ потрясающему трагизму. Эти безчисленные отбѣйки индивидуальныхъ образованій и положеній — благодарное поле для науки; но тѣмъ благодарнѣе оно для *исторіи и искусства*.

§ 4. Нравственность.

Мы попытались выяснитъ процессъ созданія моральнаго типа индивида его соціальной группой. Мы уже замѣтили, что соціальная группа создаетъ и образуетъ не только идеи и воззрѣнія, взгляды и чувства индивида, но и то, что мы называемъ моралью; эта мораль есть не что иное, какъ *вѣтренное соціальной группой въ духъ ея членовъ убѣжденіе въ стойкости образа жизни, къ которому они принуждаются са-*

мою же группой. Это убѣжденіе, это сокровенное мнѣніе личности о своемъ поведеніи и о поведеніи другихъ является въ развитіи морали вторымъ моментомъ, которому предшествуетъ первый, привитый привычкой и воспитаніемъ, образомъ жизни и характеромъ дѣятельности, стремленій и поступковъ. Это извѣстныя формы и принципы, которые индивидъ получаетъ отъ своей группы и которые касаются всѣхъ сторонъ его жизни, всевозможныхъ житейскихъ положеній.

Разсмотримъ человѣка, который прочно приросъ къ своей группѣ: ни въ какихъ житейскихъ обстоятельствахъ, которыя доступны группѣ, по ея природѣ и положенію, онъ не будетъ затрудняться въ выборѣ образа дѣйствій, ибо онъ владѣетъ привитымъ ему мѣриломъ, которое никогда не броситъ его на произволь судьбы; онъ владѣетъ моралью, которая всюду служитъ ему путеводной звѣздой. Но это продолжается только до тѣхъ поръ, пока простая, единообразная группа (small and simple aggregate Спенсера) составляетъ весь міръ и при томъ единый міръ индивида,—т. е. такъ бываетъ въ примитивной ордѣ, въ дикомъ первобытномъ состояніи. Здѣсь индивидъ знаетъ и сознаетъ, что правильно, пристойно и позволительно по отношенію къ своимъ, и что—по отношенію къ чужимъ. Но съ момента основанія организациі господства, со времени соединенія двухъ или нѣсколькихъ соціальныхъ группъ въ расширившемся общеніи, въ соединеніи нѣсколькихъ соціальныхъ элементовъ выступаютъ различныя моральныя воззрѣнія. Новое соединеніе не можетъ уже болѣе пользоваться этой примитивной моралью; чтобы существовать, оно должно имѣть другую. Отношеніе господства однихъ надъ другими настойчиво требуетъ и создаетъ уже другое житейское поведеніе, другія жизненныя правила, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

другую мораль. Ставши необходимыми, новыя учрежденія, цѣль которыхъ—охрана господства, путемъ привычки прививаются къ духу сочленовъ новаго соединенія и рождаютъ въ нихъ новыя воззрѣнія относительно того, что правильно, пристойно, позволительно и хорошо. Новая форма жизни вырабатываетъ новую мораль. И изъ этой новой морали, которая приспособлена къ усложненному соціальному обществу, къ вновь сложившемуся политическому строю, съ развитіемъ и усовершенствованіемъ этого политическаго строя возникаетъ право, т. е. установленная и провозглашенная политическая норма, за нарушеніе которой установлено наказаніе и кара.

Поэтому между правомъ и моралью существуетъ генетическое различіе, поскольку первое есть продуктъ столкновенія различныхъ соціальныхъ элементовъ, а послѣднее продуктъ отношенія между простымъ соціальнымъ элементомъ и индивидомъ. Право возникаетъ всегда и всюду только въ соціальномъ соединеніи, хотя бы и въ самомъ простомъ; необходимымъ предположеніемъ права является организація господства; мораль возникаетъ уже въ примитивнѣйшемъ соціальномъ элементѣ, въ примитивнѣйшемъ племени, въ ордѣ.

Однако, такъ какъ всякое болѣе развитое и сложное соціальное соединеніе, независимо отъ содержащихся въ немъ общественныхъ группъ, образуетъ, само по себѣ, тоже соціальную группу, такъ какъ совокупность его составныхъ частей удерживается вмѣстѣ извѣстными обобществляющими связями, и такъ какъ всякое соединеніе представляетъ соціальное единство,—то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что простой фактъ существованія этой соціальной коллективности создаетъ общую мораль, руководящую всѣми ея сочленами. Впрочемъ, эта мораль, соотвѣтствуя

большей свободѣ взаимной связи, болѣе ничтожному сцѣпленію этой совокупности, ни въ коемъ случаѣ не будетъ обладать той проникающей силой и интенсивностью, какою обладаетъ мораль соціальныхъ элементовъ; поэтому она вступаетъ въ частый конфликтъ съ послѣдними и часто побѣждается ими. Можно смѣло выставить положеніе, что большая часть преступленій и правонарушеній, совершающихся въ государствѣ, возникаетъ изъ этихъ конфликтовъ общей морали съ моралью соціальныхъ элементовъ. Такъ, напр., охотникъ въ горахъ не поступаетъ противъ морали своей соціальной группы, охотясь за дичью; не смотря на это, онъ своимъ поступкомъ вступаетъ въ конфликтъ не только съ правомъ, но и съ моралью государственнаго цѣлаго. Точно такъ же и безчисленныя правонарушенія въ торговомъ мірѣ являются результатомъ противорѣчія между моралью торговаго міра и моралью государственнаго цѣлаго (проценты и т. п.). Такіе частые конфликты служатъ доказательствомъ того, что высшему единству государства еще не удалось растворить соціальные элементы въ единое соціальное общество и привить *всѣмъ* индивидамъ въ государствѣ ту *высшую мораль*, которая такъ же нужна для счастья цѣлаго, какъ примитивная мораль орды—для счастья орды.

Разрѣшеніе этой задачи—высшая цѣль государства, къ которой оно стремится сознательно или безсознательно и, хотя бы ея никогда не суждено было вполне достигнуть, все-таки нельзя представить себѣ никакой болѣе высокой санкціи, никакого болѣе глубокаго оправданія для государства, какъ это его назначеніе—работать надъ воспитаніемъ человечества для высшей морали. Идеаль этой морали не можетъ исчерпываться *національнымъ чувствомъ*, которое есть не что иное, какъ *усложненное чувство орды*; онъ долженъ обнять, по меньшей мѣрѣ, все *цивилизованное* и *способное къ цивили-*

защити челоуѣчество. Путь къ осуществленію этого идеала морали открыть образованіемъ системы государствъ такъ называемой европейской, которая со временемъ растворитъ сперва европейское челоуѣчество въ одно, хотя и не крѣпко сплоченное соціальное единство, послѣ чего этотъ процессъ можетъ распространиться на другія части свѣта. И хотя осуществленіе этого идеала и лежитъ въ непредвидимой дали будущаго,—цивилизованное челоуѣчество должно крѣпко держаться за него, если оно не хочетъ совсѣмъ погибнуть въ слѣпомъ естественномъ процессѣ,—и, конечно, лучшая часть задачи соціальной науки—констатировать тотъ трудный путь, по которому челоуѣчество, истекая кровью, идетъ къ своей далекой цѣли.

§ 5. Нравственность и познаніе истины.

Послѣ предыдущаго ясно одно: мораль—не созданіе резонирующаго челоуѣческаго разума, не явленіе, созданное сознательно челоуѣческимъ разумомъ и волей,—она, какъ и всѣ общественныя учрежденія—продуктъ естественнаго развитія, которое, будучи обусловлено естественными и естественно-необходимыми чувствами и идеями людей, возникаетъ изъ взаимодѣйствія между ними и стимулирующими, активными силами жизни, какъ результатъ взаимодѣйствій и противодѣйствій между природой и челоуѣческой жизнью. Отсюда слѣдуетъ, что въ этомъ продуктѣ мы можемъ различить два элемента—естественный и челоуѣческій. Первый—вѣченъ и неизмѣненъ, онъ повторяется всегда и всюду во всѣ времена и во всѣхъ странахъ; послѣдній—вѣчно измѣняется, такъ какъ онъ представляетъ индивидуальное,—индивидуальный видъ рефлекса челоуѣка на отношенія и силы природы. Поэтому въ морали всѣхъ народовъ и временъ мы всегда находимъ нѣчто сходное, типичное, на

ряду съ измѣняющимся, индивидуальнымъ: всегда и всюду одинъ и тотъ соціальный естественный процессъ создаетъ мораль, тогда какъ различныя модификаціи этого процесса различно вліяютъ на соціально-психическій продуктъ.

Человѣкъ отъ природы поставленъ въ кругъ необходимостей, которыя онъ не въ состояніи измѣнить. Его стремленіе съ естественной необходимостью направлено къ тому, чтобы приспособиться, какъ можно лучше, къ этимъ потребностямъ, устроить свою жизнь, по возможности, удобнѣй. Привычка пріучаетъ его къ худшему; она его притупляетъ. Онъ привыкаетъ къ терніямъ и болѣе не чувствуетъ ихъ. На страданія, причиняемыя ими, онъ смотритъ, какъ на слѣдствіе высшей необходимости; сознавая безцѣльность протеста, онъ прекращаетъ бесполезную борьбу и только инстинктивно старается нѣсколько смягчить свой суровый жребій.

Слѣдуя этому естественному стремленію, или, лучше сказать, подталкиваемый имъ, поступая только такъ, какъ само собой слѣдуетъ изъ его свойствъ и его положенія, но при этомъ размышляя (что тоже лежитъ въ его природѣ)—индивидъ вѣритъ въ свободу своихъ дѣйствій. Доказательство этой свободы онъ видитъ въ индивидуальномъ колоритѣ своихъ дѣйствій, который, впрочемъ, является слѣдствіемъ рефлексіи, по формѣ различной, а по сущности одинаковой. Если онъ въ этомъ стремленіи, которое выражается въ дѣйствіяхъ, хотя и сопровождаемыхъ размышленіями, попадаетъ на такой родъ поведенія, который послѣ долгаго опыта—покажется ему самымъ подходящимъ, цѣлесообразнымъ и соотвѣтствующимъ его положенію, то онъ такое поведеніе считаетъ правильнымъ, единственно хорошимъ и нравственнымъ; противоположное поведеніе считаетъ онъ безнравственнымъ.

Такимъ образомъ, человѣкъ попадаетъ въ кругъ моральныхъ идей, который какъ разъ соотвѣтствуетъ меньшему или большому кругу его потребностей и опыта, низшей или высшей ступени его культурнаго развитія, болѣе простымъ или сложнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Къ этимъ моральнымъ идеямъ онъ приноравливается, съ ними растетъ и развивается.

Мы видѣли, что всѣ моральныя чувства индивида развиваются только въ сферѣ его соціальной группы, путемъ воздѣйствія этой группы на индивида.

Вообразимъ себѣ примитивнаго дикаря, человѣка—стаднаго звѣря; какова его мораль? Къ своимъ его привязываетъ естественное чувство принадлежности къ одной ордѣ. Они помогаютъ ему въ нуждѣ; держаться за одно съ ними, защищать ихъ—таковы его моральныя идеи. А чужіе—члены другихъ ордѣ—подстерегаютъ ихъ, похищаютъ ихъ имущество, врываются въ ихъ лѣса, уменьшаютъ ихъ пищу, при случаѣ убиваютъ ихъ, похищаютъ у нихъ сочленовъ. Убивать этихъ чужихъ, отнимать у нихъ ихъ имущество—такова вторая главная моральная идея дикихъ.

Естественный, вѣчный элементъ этихъ идей остается *присущимъ* духу человѣка, переживаетъ дикость, и сущность его сохраняется въ теченіе всей жизни человечества, а мѣняется и совершенствуется только внѣшность и форма его. По отношенію къ чужимъ, еще и теперь, какъ и тысячелѣтія тому назадъ, дѣйствуетъ борьба за господство; между двумя чуждыми соціальными группами еще и теперь, какъ и прежде, возможны только два отношенія: борьба или союзъ для борьбы съ третьей группой. По истеченіи тысячелѣтій развитія, среди высшей цивилизаціи, предъ нами выступаетъ та же примитивная мораль дикарей подъ видомъ патріотизма, героизма и храбрости. Въдѣ моральныя идеи мѣ-

няютъ лишь форму, зерно ихъ безсмертно, т. е. умираетъ только съ человѣчествомъ.

Удовлетвореніе своихъ тѣлесныхъ потребностей естественнымъ путемъ является наслажденіемъ, какъ для дикаря, такъ и для культурнаго человѣка. Къ этому естественному факту примыкаетъ кругъ моральныхъ идей, которыя со временемъ мѣняютъ свою форму, но не сущность.

Членъ орды больше культурнаго человѣка чувствуетъ себя частью цѣлаго, такъ какъ безъ своихъ, безъ своей орды его жизнь каждое мгновеніе отдается на произволь враждебной силѣ звѣрей и чужихъ орды.

Удовлетвореніе голода и жажды не можетъ казаться безнравственнымъ дикарю; на доставленіе пропитанія безпомощнымъ своимъ дѣтямъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на хорошее и полезное дѣло, какъ на нравственный долгъ.

Между молодыми и старыми, безпомощными и работоспособными создается взаимное отношеніе поддержки и благодарности, отношеніе, которое становится въ перемѣнахъ возраста взаимнымъ. Эта поддержка дѣтей и стариковъ создаетъ нравственную идею; но если времена, обстоятельства и индивидуальныя свойства пріучаютъ орду къ прекращенію бѣдственной жизни стариковъ посредствомъ ихъ умерщвленія, то и такая практика по временамъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ пріобрѣтаетъ характеръ нравственныхъ поступковъ. Точно такъ же въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время различно обстоитъ дѣло съ воспитаніемъ и умерщвленіемъ дѣтей. Зерно нравственной идеи одно и то же; поступки, возникающіе изъ естественнаго стремленія, примѣняются въ той или иной формѣ, и моральной признается та практика, которая удержится и окажется цѣлесообразной.

Въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ, въ зависимости отъ индивидуальнаго характера орды, отъ физи-

ческихъ и духовныхъ качествъ, регулируются отношенія половъ въ ордѣ и раздѣленіе хозяйственнаго труда. И возникаетъ ли изъ всѣхъ этихъ факторовъ беспорядочное половое сожитіе, полигамія или поліандрія—признанное цѣлесообразнымъ и продолжительное примѣненіе всѣхъ этихъ формъ половой связи будетъ составной частью морали, моральнымъ долгомъ и моральной заповѣдью.

Съ господствомъ одной орды надъ другою, или съ союзомъ двухъ ордъ съ цѣлью отразить или покорить третью, или, наконецъ, съ холопствомъ и рабствомъ, появившимся вслѣдствіе взятія въ плѣнъ чужихъ—расширяется кругъ жизненныхъ отношеній, открывается новая серія поступковъ, новая практика, и слѣдовательно, возникаетъ новая сфера моральныхъ идей.

Цѣлесообразный способъ обращенія съ плѣнными, рабами и холопами, цѣлесообразный характеръ отношеній къ союзникамъ создаютъ новую основу для моральныхъ воззрѣній. Разумное, цѣлесообразное господство надъ подданными является единственно нравственнымъ; вѣрность союзникамъ создаетъ новую моральную идею; различное обращеніе съ членами различныхъ общественныхъ группъ, прежде чѣмъ создать новое право, ведетъ къ созданію новыхъ правилъ морали. Различное общественное положеніе молодыхъ и старыхъ поколѣній, мужчинъ и стариковъ, женщинъ въ разные возрасты жизни, господствующихъ и зависимыхъ, богатыхъ и неимущихъ дѣлаетъ цѣлесообразнымъ и разумнымъ различное поведеніе въ извѣстныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ: поэтому образуются и различные жизненные масштабы моральнаго—для людей, стоящихъ въ различныхъ общественныхъ положеніяхъ. Такъ, напр., безусловное послушаніе признается моралью холоповъ и рабовъ, несокрушимая энергія и строгое обращеніе—моралью гос-

подъ. Такъ, напр., убійство господина можетъ разсматриваться, какъ поступокъ безнравственный для раба, а убійство раба—ни въ коемъ случаѣ не считается безнравственнымъ поступкомъ для господина.

Но человѣкъ не довольствуется простыми фактами. Рефлектирующему человѣческому духу всегда свойственно стремиться къ отысканію такихъ причинъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ естественными причинами фактовъ. Какъ только ему встрѣтится фактъ, онъ всегда старается дать ему объясненіе, которое было бы, по возможности, первоначальнымъ. Человѣкъ по природѣ—миѳологъ, поэтъ: вымышляя для явленій природы поэтическія, большею частью антропоморфическія объясненія и отвлеченія, онъ дѣлаетъ то же и съ общественными фактами. Каждое фактическое состояніе онъ объясняетъ поэтически, миѳически. Приписывая свое бытіе творчеству сверхъестественнаго существа, онъ и всѣ общественныя различія сводитъ къ различнымъ актамъ творчества этого существа. Чтò въ общественной организаціи создано силой отношеній, то онъ сводитъ, главнымъ образомъ, къ первоначальному установленію творца міра. При этомъ имъ безсознательно руководитъ стремленіе сообщить каждой своей нравственной идеѣ высшую санкцію. Когда соціальныя отношенія развились настолько, что убійство стало наказываться и охрана жизни ближняго стала моральной заповѣдью, тогда его любовь къ миѳологіи создаетъ Бога, который является въ пламени, среди блеска и грома для того, чтобы дать законодателю скрижали закона, на которыхъ стоятъ слова: не убій! Такимъ путемъ человѣкъ мечтаетъ построить зданіе морали на прочномъ фундаментѣ.

Такой характерной особенностью всякая человѣческая мораль обладаетъ съ давнихъ поръ и до нашихъ дней. Продуктъ фактовъ и дѣйствительныхъ отношеній, объяс-

няемый и сопровождаемый вымышленными обстоятельствами—въ такомъ видѣ выступаетъ предъ нами мораль всѣхъ временъ и странъ. Постоянно въ ней истина и вымыселъ переплетаются въ нераздѣльную общую картину. Въ такомъ-то видѣ, какъ нераздѣльное цѣлое, запечатлѣвается мораль въ чувствѣ людей: иначе понять ее они не могутъ.

Основывается ли мораль въ теологическія эпохи на божественной заповѣди, выводится ли она въ философскія времена изъ прирожденныхъ человѣку моральныхъ идей,—всегда мы видимъ, что вымыселъ и истина сплавляются воедино, и одно, повидимому, не можетъ существовать безъ другого. И вмѣстѣ съ моралью, проникающей въ духовный міръ человѣка, становящейся частью духовнаго я, подкрѣпляющей мораль *миръ* укореняется въ душѣ человѣка.

И вотъ создается взглядъ, будто мораль можетъ быть строго охраняема только при помощи *миѳа*, будто всякое посягательство на *миѳъ* должно привести къ паденію морали! Такъ смотрѣли издавна, такъ смотрятъ и теперь. Сократъ былъ обвиненъ въ уничтоженіи добродѣтели и морали, этихъ дѣйствительныхъ силъ жизни, такъ какъ онъ подвергалъ сомнѣнію существованіе олимпійскихъ боговъ, этихъ продуктовъ фантазіи. Такъ точно и теперь смотрятъ, какъ на опаснаго врага морали, на всякаго, кто отваживается дерзко критиковать или подвергать сомнѣнію одинъ изъ *миѳовъ*, объясняющихъ и подкрѣпляющихъ нашу мораль, на всякаго, кто отрицаетъ „врожденные, всегда и вѣчно истинныя моральныя идеи“ и старается представить мораль, какъ продуктъ фактическихъ соціальныхъ отношеній, способныхъ измѣняться и принимать разнообразнѣйшія формы, приспособляясь къ фактическимъ отношеніямъ. Таковую борьбу наивности противъ истины во имя морали мы видимъ въ разнообразнѣйшихъ сферахъ.

Развитое моральное чувство создало мнѣ моногенизма; оно пытается объяснить и подкрѣпить идею и чувство любви къ ближнему при помощи мнѣа происхожденія всѣхъ людей отъ однихъ родителей. На полигенизмъ смотрятъ, какъ на нѣчто безнравственное, какъ будто онъ опасенъ для моральнаго чувства любви къ ближнему, хотя это послѣднее можетъ быть такъ же хорошо построено на единствѣ рода полигенистическаго человѣчества; въ дѣйствительности, однако, оно имѣетъ совершенно иной базисъ, лежащій въ культурномъ развитіи человѣчества.

Такое же зрѣлище въ безчисленныхъ формахъ представляетъ намъ исторія сектантства и религіозныхъ расколовъ. За неимѣющими значенія религіозными обрядами признается прямая связь съ извѣстными нравственными идеями, и отрицаніе этихъ обрядовъ признается отрицаніемъ моральныхъ идей, въ дѣйствительности не имѣющихъ съ ними никакой внутренней связи.

Всякой новой философской идеѣ, всякому пріобрѣтенію науки предстояло выдержать борьбу съ мнимыми „охранителями и защитниками морали“.

Когда „просвѣщеніе“ XVIII вѣка, тогдашняя матеріалистическая философія отвергла нѣсколькихъ господствующихъ предразсудковъ, отовсюду раздался іезуитскій крикъ ужаса, будто просвѣщеніе и матеріализмъ ниспровергаютъ мораль. Такъ какъ въ данное время существовало мнѣніе, что душа—временная обитательница человѣческаго тѣла, что по разрушеніи его она прямо подымается на небо и тамъ начинаетъ новую жизнь, то всякая мораль и этика должна была зависѣть отъ сохраненія этой вѣры. Кто смѣлъ усумниться въ безсмертіи души, тотъ грѣшилъ противъ морали и нравственности, какъ будто бы послѣднія могутъ развиваться только на почвѣ дуализма между тѣломъ и душой

и безсмертія послѣдней. Въ извѣстныя времена старались этимъ ученіемъ подкрѣпить существующій моральный строй, и при недостаткѣ лучшаго знанія такая попытка была, конечно, только похвальна. Но въ тотъ моментъ, когда прогрессъ знанія показалъ, что такая основа морали невѣрна, эта основа становится шаткой. Однако отсюда ничуть не слѣдуетъ, чтобы отрицаніе этой мнимой основы ниспровергало мораль или ей угрожало; вѣдь, во-первыхъ, основа морали—дѣйствительность, а не вымыслы, а во-вторыхъ, всѣ эти благочестивые вымыслы нисколько не помѣшали высшей безнравственности, ужасамъ инквизиціи и процессамъ противъ вѣдьмъ — величайшимъ преступленіямъ, которыя когда-либо совершало человѣчество.

Точно такъ же обстоитъ дѣло съ враждебнымъ отношеніемъ къ дарвинизму. Такъ называемое происхожденіе человѣка отъ ниже стоящихъ животныхъ теологія объявляетъ ниспроверженіемъ всякой этики и морали: какъ будто бы этика и мораль находятся въ какой-нибудь фактической связи или являются слѣдствіемъ традиціоннаго ученія о сотвореніи человѣка!

Такое же явленіе встрѣчаемъ мы въ сферѣ государственной теоріи. Фактическое развитіе права создало моральную идею государства. Изъ естественныхъ и естественно необходимыхъ стремленій выросло человѣческое государство; оно стало въ цивилизованныхъ странахъ тѣмъ, чѣмъ оно является теперь—охраной права и нравовъ, опорой благосостоянія и культуры. Этотъ фактъ создалъ въ человѣческомъ духѣ моральную теорію государства, одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ миѳовъ, соотвѣтствующихъ этимъ фактамъ, въ силу котораго государство возникло изъ общественнаго договора, заключеннаго участниками государства для охраны права и примѣненія справедливости. Этотъ миѳъ яв-

ляется подходящимъ выраженіемъ для идеи государства, созданной фактическимъ развитіемъ его.

И когда нынѣ объективныя изысканія и изслѣдованія фактовъ приводятъ къ тому результату, что государство возникло только благодаря силѣ, что его существованіе обязано лишь перевѣсу силы однихъ надъ другими, вновь раздается крикъ ужаса со стороны „нравственныхъ“ трусовъ и святошъ: ниспровергають право, извращають общественную и политическую мораль!

Такова всегда политика глупыхъ родителей, которые думаютъ, что дѣтямъ можно внушить мораль и чувство, прививъ имъ страхъ ко всевозможнымъ привидѣніямъ. Могутъ ли такіе узкіе и ограниченное взгляды ввести науку въ обманъ? Мораль есть спѣлый плодъ факческаго культурнаго развитія; она ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть поколеблена научнымъ изслѣдованіемъ ея дѣйствительныхъ основъ; больше того, для развитія и успѣха морали, конечно, гораздо цѣлительнѣе истина, чѣмъ вздорная ложь, на которой до сихъ поръ безуспѣшно старались построить мораль.

Такъ какъ возникновеніе моральныхъ идей есть слишкомъ трудная проблема, слишкомъ темная сторона человѣческаго знанія, то гораздо легче было объяснить его помощью поэзіи и сказокъ, свести къ нимъ существованіе морали. Всякое научное нападеніе на эти сказки еще до сихъ считается нападеніемъ на нравственный міровой порядокъ.

А между тѣмъ не трудно замѣтить, что, какъ разъ наоборотъ, всякій прогрессъ познанія истины и, въ частности, познанія природы можетъ только содѣйствовать морали. Жизненные событія складываются изъ велѣній природы и поступковъ людей. Эти послѣдніе разумны, если соотвѣтствуютъ тенденціямъ природы; они не разумны, коль скоро

презирають эти тенденціи и идутъ въ разрѣзъ съ ними. Поэтому можно дать только одинъ принципъ для разумности человѣческихъ поступковъ, слѣдовательно для человѣческой морали и этики; они должны соответствовать тенденціи, смыслу вѣлній природы. Поэтому познаніе природы, естествознаніе въ своемъ истинномъ объемѣ, обнимающемъ все стороны человѣческой жизни, есть единственный и необходимый базисъ всякой морали и всякой этики, какъ науки.

Безъ естествознанія нѣтъ морали, и поэтому мораль стоитъ на низкой ступени развитія тамъ, гдѣ естествознаніе находится въ пренебреженіи, и тѣмъ выше и чище мораль, чѣмъ выше прогрессъ въ познаніи жизни природы. Понять это очень просто. Природа имѣетъ все тѣ свойства, которыя восточный монотеизмъ приписываетъ своему Богу,—Вездѣсущность и Всемогущество, такъ какъ, въ сущности, понятіе Бога есть, можетъ быть, только безсознательный и поэтической, а позднѣе непонятный и неясный символъ природы. Изъ этихъ свойствъ природы слѣдуетъ, что всегда и всюду совершается только то, чего хочетъ природа, т. е. то, что согласно съ нею. Человѣкъ подчиненъ вѣлніямъ природы. Онъ стоитъ подъ давленіемъ ея требованій, долженъ удовлетворить естественныя потребности, онъ живетъ сообразно силамъ и способностямъ, даннымъ ему природой и, слѣдуя ея вѣлніямъ, долженъ окончить свой вѣкъ. Это всемогущество природы и совершающіеся на почвѣ его процессы глубоко запечатлѣваются въ духѣ человѣка: ему трудно представить себѣ другой способ бытія. Существующій же способъ бытія кажется ему правильнымъ и справедливымъ, разумнымъ и нравственнымъ. Для жизненныхъ процессовъ у него нѣтъ другого масштаба, какъ *предполагаемая воля природы, т. е. видимыя ея тенденціи.*

Что „естественно“, то кажется ему по одному этому уже разумнымъ и нравственнымъ, а „неестественное“ есть синонимъ неразумнаго и безнравственнаго. Такъ, на велѣніяхъ природы воспиталось этическое чувство человѣка, нормы природы, которыя въ соціальной жизни превратились и конденсировались въ его мозгу въ нравственные идеи.

Отъ природы взрослые и старики берутъ на себя руководство подрастающимъ поколѣніемъ; уваженіе и почтеніе молодыхъ къ старшимъ соотвѣтствуетъ нашей нравственной идеѣ. Что естественно, что согласно съ природой, то и нравственно.

Во всемъ, естественно возникшемъ, согласно съ природой, заключается вѣчное, прочное и неизмѣнное основаніе всякой этики и морали; этическіе же и моральные поступки есть не что иное, какъ примѣненіе масштаба естественной тенденціи, велѣнія природы къ жизненнымъ явленіямъ.

Отсюда слѣдуетъ, что, въ сущности, должна существовать только одна этика и одна мораль, которая всегда и всюду такъ же проста и неизмѣнна, какъ велѣнія природы; но если, не смотря на то, существуютъ во времени и пространствѣ различныя этическія воззрѣнія, то это является результатомъ того, что, во-первыхъ, познаніе природы не всегда и не всюду находится на одной и той же ступени, и что люди въ этомъ отношеніи часто предаются грубѣйшимъ заблужденіямъ; во-вторыхъ, что существуютъ цѣлыя области человѣческой жизни, какъ, напр., соціальная область, которыя не относятся вовсе нашимъ близорукимъ знаніемъ къ областямъ природы, въ которыхъ совершенно *не подозриваются* и *не предполагаются* велѣнія природы и въ которыхъ, слѣдовательно, совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи объ измѣненіи унаслѣдованныхъ моральныхъ идей въ смыслѣ по-

знанной „воли природы“, возможнаго приближенія къ ея тенденціямъ.

Итакъ наука, изслѣдуя истину, въ частности обращаясь къ природѣ и ея велѣніямъ, стараясь изслѣдовать послѣднія и въ соціальной области,—работаетъ въ духѣ морали и способствуетъ ея прогрессу; при этомъ случайно она можетъ свергнуть старыхъ, любимыхъ идоловъ и вызвать этимъ жалобный вопль „моралистовъ“.

§ 6. Право.

До сихъ поръ изученіе и пониманіе права колебалось между индивидуализмомъ и совершенно неопредѣленнымъ коллективизмомъ. Обѣ эти крайности боролись одна съ другой; отъ одной къ другой бросалось развитіе литературы, и такъ какъ истина не заключается ни въ одной, ни въ другой,—то нечему и удивляться, что насъ не удовлетворяютъ ни философія права, ни вообще господствующія научныя системы права, что пресыщеніе и пустота являются продуктомъ длившейся цѣлыя столѣтія работы различныхъ школъ философій права.

Бросимъ краткій ретроспективный взглядъ на этотъ печальный путь заблужденій. Самыя первоначальныя нормы человѣческихъ дѣйствій получаютъ свою санкцію частью отъ сложившихся обычаевъ, частью отъ предполагаемой воли боговъ; вѣра и обычаи—первые источники права, т. е. того, что считается критеріемъ поведенія. Пробуждающаяся мысль отличаетъ отъ предписаній религіи и морали то, что власть установила, какъ законъ, и первыя попытки юриспруденціи; поѣтому смотрятъ, какъ на источникъ права, только на государственный законъ. Такимъ наивнымъ пониманіемъ не могло удовлетвориться проникающее глубже научное стремленіе; отсюда начинается *circulus vitiosus*:

одни ищутъ источника права просто въ человѣкѣ, въ его природѣ, въ его стремленіи къ общежитію или въ тому подобныхъ приписанныхъ ему свойствахъ; другіе думаютъ найти этотъ источникъ въ коллективномъ цѣломъ, въ народѣ, въ обществѣ и его „общей волѣ“, въ народномъ духѣ.

Но истина лежитъ посрединѣ. Право—не продуктъ индивида, не созданіе природы и ея свойствъ, оно и не созданіе народа и даже выдуманной *ad hoc* общей воли и народнаго духа. Право—соціальное явленіе, т. е. форма совмѣстной жизни, созданная столкновеніемъ разнородныхъ и неравноразличныхъ соціальныхъ группъ. Эта разнородность и неравенство являются необходимыми предположеніями всякаго права.

Въ примитивной ордѣ, которая представляетъ однородную, единую и недифференцированную группу, совсѣмъ нѣтъ права; да *оно здѣсь и не нужно*, такъ какъ на этой ступени развитія, въ такомъ состояніи люди удовлетворяются нѣсколькими религіозными представленіями и обычаями. Въ примитивной ордѣ царитъ полное равенство, а оно не является почвой, на которой могло бы вырости право. Поэтому тамъ нѣтъ ни семейнаго права (тамъ господствуетъ смѣшеніе половъ), ни права собственности, слѣдовательно, нѣтъ и наследственнаго права, а при отсутствіи торговли и сношеній, конечно, нѣтъ ничего подобнаго и нашему имущественному праву. *Не обнародованныя* нормы регулируютъ жизнь. Что произошло, то священо; для того, чтобы регулировать жизнь примитивной орды, вполне достаточно формъ жизни, созданныхъ съ теченіемъ времени потребностями,—формъ жизни, сумму которыхъ мы называемъ обычаями, которыя сводятся въ большинствѣ случаевъ, къ волѣ боговъ, такъ какъ возникновеніе ихъ происходитъ незамѣтно.

Только при столкновении разнородныхъ группъ, послѣ того, какъ установлено подчинение однихъ другимъ и приходится подумать о совмѣстной жизни неравныхъ этническихъ элементовъ, т. е. приходится подумать объ организаціи господства (а для этой цѣли недостаточно обычаевъ одной стороны, потому что они не признаны обычаями чуждаго элемента), только тогда сила и преимущество болѣе сильныхъ устанавливаетъ возможность совмѣстной жизни и порядокъ жизни: вотъ эти-то установленныя такимъ образомъ формы жизни *неравныхъ элементовъ* другъ подлѣ друга, упрочняясь путемъ практики и привычки въ нормы и принципы, создаютъ *право*.

Такъ, вслѣдствіе похищенія женщинъ чужого племени возникло впервые семейное *право*, какъ господство мужа надъ своей женой; такъ, вслѣдствіе подчиненія чуждаго элемента и превращенія его въ служебный, возникло *право* господь на своихъ рабовъ, а вслѣдствіе различія между господиномъ, которому принадлежатъ земные плоды, и рабомъ, который обрабатываетъ землю для господина, возникло *право собственности*. Земля вмѣстѣ съ прибрѣтеннымъ господствомъ переходитъ въ семьѣ отъ отца къ сыну, благодаря чему возникаетъ *наслѣдственное право*. Если въ эту примитивную организацію господства вступаетъ чужой торговый элементъ, то *обмѣнъ благъ* создаетъ имущественное право, и прежде всего обязательственное, долговое право со всѣми его усложненіями, вызванными развитіемъ торговли и оборота.

Вообще говоря, *право всегда создается столкновениемъ неравныхъ соціальныхъ элементовъ*, и отсюда вытекаетъ, что всякое право носить на себѣ печать своего происхожденія.

Нѣтъ ни одного права, которое не было бы выраженіемъ неравенства, такъ какъ всякое право есть компромиссъ

между неравными социальными элементами, первоначально *принудительно* осуществленное примиреніе противоположныхъ интересовъ, получающее санкцію новаго обычая только путемъ практики и привычки. Такъ, семейное право подчиняетъ жену и дѣтей господству отца и сперва принудительнымъ образомъ устанавливаетъ примиреніе противоположныхъ интересовъ, пока со временемъ практика и привычка не замѣнятъ первоначальнаго принужденія новымъ обычаемъ и новой моралью.

Точно такъ же право собственности нормируетъ неравенство между собственниками и неимущими по отношенію къ объекту собственности; наследственное право—неравенство между наследникомъ и всеми ненаследниками относительно наследства; долговое право—неравенство между кредиторомъ и должникомъ по отношенію къ предмету обязательства. Короче говоря, всякое право возникаетъ изъ неравенства и имѣетъ въ виду поддержать и утвердить его чрезъ установленіе господства болѣе сильныхъ надъ болѣе слабыми; въ этомъ отношеніи всякое право есть вѣрное зеркало государства, которому оно обязано своимъ возникновеніемъ и цѣлью котораго является тоже не что иное, какъ поддержаніе порядка совместной жизни неравныхъ элементовъ посредствомъ господства однихъ надъ другими. И такъ какъ поддержаніе неравенства есть душа, принципъ всякаго права, то всякому праву соотвѣтствуетъ обязанность, всякому активному субъекту права должны соотвѣтствовать одинъ или много пассивныхъ субъектовъ, подобно тому, какъ и въ природѣ государства лежитъ тотъ фактъ, что оно состоитъ изъ господствующихъ и подчиненныхъ.

§ 7. Право и государство.

Уже изъ предыдущаго слѣдуетъ, что право можетъ возникнуть и мыслимо только въ государствѣ. Въ государствѣ нѣтъ права, такъ какъ право есть специфически государственннй институтъ, плоть отъ его плоти и кровь отъ его крови. Каждое право есть часть государства и, такъ сказать, содержитъ въ себѣ извѣстную мѣру государственнаго господства. Откуда привходитъ эта мѣра господства во всякое право, если не изъ огромнаго резервуара господства, который мы называемъ государствомъ? Государственное господство распредѣляется изъ этого огромнаго резервуара, подобно водопроводу, чрезъ большія трубы права; стоитъ только отвернуть кранъ исполненія—и государственное господство, государственная власть налицо. Въ культурномъ государствѣ за право государственнаго господства платятъ маленькую пошлину, большей частью, въ формѣ штемпельной марки. Но можно ли представить себѣ право безъ государства? Такъ же мало, какъ водопроводъ безъ резервуара, безъ сѣти, трубъ и крановъ.

При всемъ томъ схоластики сумѣли создать многочисленныя системы „естественнаго права“, права, которое яко бы существуетъ и дѣйствуетъ независимо отъ государства, внѣ его и надъ нимъ. Теперь естественное право, къ счастью, побѣждено: оно умерло и погребено.

Однако духъ этого права все носится надъ волнами юриспруденціи. Юристы все еще говорятъ о правахъ, которыя „прирождены“ человѣку. Кромѣ основныхъ правъ, „провозглашенныхъ французской революціей“, какъ, на примѣръ, „права“ свободы, равенства, и т. д., сюда относятся еще другія „неотъемлемыя“ права, напр., „право жить“, „право на трудъ“

и т. п. Въ большинствѣ случаевъ такія права, если они не могутъ быть выведены изъ „идеи человѣка“, какъ „свободнаго, духовно-разумнаго“ существа, выводятся изъ „идеи справедливости“. Мы не будемъ теперь указывать на произвольность и пошлость такихъ дедукцій. Всѣ посылки этихъ естественно-правовыхъ дедукцій, еще живущихъ, не смотря на смерть естественнаго права,—ложны. Чистая фантазія, что человѣкъ—„свободное“ существо; еще бѣльшая фантазія, что онъ—„разумное“ существо. Если подъ „разумностью“ понимать то свойство, въ силу котораго всякій человѣкъ въ своихъ поступкахъ управляется *разумомъ*, а не *слѣплыми силами*, то ни въ коемъ случаѣ „человѣка“, принимая это слово, какъ родовое понятіе, нельзя назвать разумнымъ. Это признаніе „неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ“ основывается на самомъ неразумномъ самообоготвореніи и слишкомъ высокой оцѣнкѣ человѣка и его жизни, равно какъ на полномъ игнорированіи единственно возможныхъ основъ существованія государства.

Призрачныя свобода и равенство несомѣстимы съ государствомъ; они—прямое отрицаніе послѣдняго. Для людей нѣтъ никакого другого выбора, кромѣ государства съ его неизбѣжными несвободой и неравенствомъ, или анархіи.

Въ первомъ есть много неизбѣжнаго зла, но, съ другой стороны—оно содѣйствуетъ и охраняетъ величайшія блага, которыя могутъ быть достояніемъ человѣка на землѣ. Анархія же есть возведеніе неизбѣжнаго въ государствѣ зла въ зло безпредѣльное; въ то же время она не можетъ доставить самаго ничтожнаго изъ государственныхъ благъ; ибо самымъ большимъ зломъ для людей являются тѣ же люди, ихъ глупость и подлость. Государство едва сдерживаетъ уздою власти это зло, въ анархіи же оно свирѣпствуетъ необузданно и громоздитъ преступленіе на преступленіе. Итакъ

или государство, или анархія—иного выбора не можетъ быть; мы не можемъ возвратиться къ примитивной ордѣ. А между этими двумя образами соціальнаго бытія—государствомъ и анархіей—выборъ не труденъ.

Не меньшую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто думаетъ вывести право изъ „справедливости“ и „чувства справедливости“, и ставятъ выведенное такимъ образомъ право надъ государствомъ и предлагаютъ государству реализовать его. Въ основѣ такой дедукціи лежитъ оптической обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое справедливость? Откуда мы можемъ получить о ней представленіе? Только фактъ права, какъ оно создалось въ государствѣ, воспитываетъ въ насъ идею справедливости; идея справедливости образуется благодаря праву, и наша воспримчивость къ ней, наше ощущеніе справедливости, наше чувство справедливости не имѣетъ никакого другого источника. Этой истинѣ совсѣмъ не противорѣчитъ то, что мы въ томъ или иномъ случаѣ можемъ признавать право несправедливымъ, противорѣчащимъ справедливости: развитіе нашего чувства справедливости, совершающееся подъ вліяніемъ права, можетъ, повидимому, настолько опередить развитіе самаго права, насколько развитіе государственныхъ отношеній вмѣстѣ съ чувствомъ справедливости опережаетъ всѣ институты права, существующіе еще только въ силу писаннаго закона или вкоренившейся практики и традиціи. Въ подобномъ случаѣ наше стремленіе къ справедливости есть лишь предшественникъ новаго законнаго права, которое уже зародилось въ жизни и соотвѣтствуетъ данной стадіи развитія государства, которое, можно сказать, уже существуетъ какъ еще неписанное, но уже признанное; однако нужно дѣлать различіе между стремленіями къ реформамъ, которыя основываются на существующихъ въ государствѣ отношеніяхъ и вытекаютъ изъ степени его развитія, и между

такими требованіями, которыя противорѣчатъ существу государства и всему его историческому развитію. Однимъ словомъ, нужно отличать правильныя стремленія къ реформамъ, вытекающія изъ существа государства, отъ утопій. Первые возникаютъ сами собой изъ всего прежняго развитія государства, послѣднія же совершенно отрѣшаются отъ государства и становятся на такую почву, на которой никогда не стояли государственные институты. Такая почва—свобода, равенство и совершенно независимая отъ государства, абсолютная „естественно-правовая“ справедливость. Что такое эта „справедливость“, какъ она создается—объ этомъ мы ничего не знаемъ и ничего не можемъ знать. Наша идея справедливости есть простая абстракція отъ права, она стоитъ и падаетъ съ этимъ своимъ основаніемъ. Представимъ себѣ, что изъ нашего прошлаго исчезло государственное развитіе и право,—и изъ нашего духа исчезнетъ всякій слѣдъ понятія справедливости. Это знаетъ уже Платонъ и, когда онъ въ своемъ „Государствѣ“ подходитъ къ объясненію понятія „справедливаго человѣка“ и „справедливости“, онъ начинаетъ это объясненіе описаніемъ основанія государства изъ разнородныхъ неравныхъ элементовъ и, предполагая, что каждая соціальная составная часть принимаетъ въ государствѣ соотвѣтствующую ей роль, называетъ эту организацію государства и государственнаго устройства справедливой, а то нормальное состояніе государства, въ которомъ каждый подчиняется выпадающей ему роли, является для него идеаломъ справедливости. Только этимъ окольнымъ, или собственно единственно возможнымъ путемъ, исходя изъ понятія государства, Платонъ достигаетъ понятія справедливаго, которое онъ затѣмъ прилагаетъ, какъ масштабъ, къ отдѣльнымъ людямъ ¹⁾).

¹⁾ «... а теперь намъ можно закончить изслѣдованіе, о которомъ

Къ справедливому въ государствѣ вполне относятся слова Тразимаха въ діалогѣ того же имени: „я именно утверждаю, что справедливое есть удобное для сильнѣйшаго“. Въдѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ болѣе слабый долженъ подчиняться и приспособляться къ болѣе сильному, и правовой порядокъ государства не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ такимъ, который больше всего удобенъ для самой крупной силы въ государствѣ; впрочемъ, такой порядокъ въ государствѣ для болѣе слабаго является сравнительно самымъ лучшимъ, и въ этомъ смыслѣ государственный правовой порядокъ представляетъ единственно мыслимую идею справедливости, единственный источникъ, изъ котораго мы можемъ черпать представленіе о справедливости и справедливомъ. Но этотъ правовой порядокъ былъ всегда и всюду антиподомъ свободы и равенства, и долженъ быть таковымъ по природѣ вещей. Напротивъ, онъ всегда и всюду былъ выраженіемъ реальныхъ отношеній силы социальныхъ элементовъ государства. Съ измѣненіемъ этихъ отношеній и особенно съ прогрессивнымъ развитіемъ государства въ области народнаго хозяйства, искусства и науки эти отношенія силы претерпѣваютъ постепенное измѣненіе въ пользу большей гуманности и мягкости; вмѣстѣ съ тѣмъ гуманизируется и правовой порядокъ, право; вмѣстѣ съ тѣмъ и больше совершенствуется отвлеченная отъ него идея справедливости. Но теперь, какъ и во времена Платона, только государство можетъ быть масштабомъ справедливости; поэтому необхо-

мы думали, что, рассмотрѣвъ ее (справедливость) сначала на болѣе шемъ предметѣ, мы легче можемъ познать на отдѣльномъ человѣкѣ, какъ она создалась». Платонъ, Государство, IV книга. Этотъ «болѣшій предметъ» онъ выбралъ очень удачно: только отъ понятія государства можно дойти до понятія справедливости.

димыя условія его существованія и сохраненія образуютъ границу этого понятія.

Что должно дѣлать государство, то справедливо; но никогда не можетъ быть справедливымъ то, чего государство не можетъ дѣлать.

§ 8. Право и нравственность.

Мы видѣли, что право возникаетъ при столкновеніи разнородныхъ социальныхъ элементовъ, когда новое коллективное цѣлое уже не можетъ быть сдержано простымъ обычаемъ, моралью однихъ,—именно потому, что мораль однихъ не является въ то же время моралью другихъ. Такое противорѣчіе нравственныхъ воззрѣній, дѣлающее невозможнымъ существованіе социального единства, примиряется правомъ, сперва въ формѣ повелѣнія господствующихъ. Выше мы уже указали, что и *это право* со временемъ превращается въ обычай и мораль, такъ что оно, какъ право, въ то же время становится содержаніемъ новой морали. Мы должны разъяснить это кажущееся противорѣчіе между моралью, предшествующей праву, и моралью, вновь создаваемой правомъ.

Откуда произошли обычай и мораль примитивной орды? Изъ требованій жизни; изъ общихъ потребностей примитивнаго социального единства. Въ новой социальной совокупности, образовавшейся изъ двухъ или нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ, эти жизненные потребности необходимо слагаются иначе, становятся иными. Конечно, вълѣдствіе отсутствія общаго обычая и морали, эта новая совокупность сдерживается сначала силою, принужденіемъ и государственнымъ *правомъ*. Но и въ этомъ новомъ социальномъ единствѣ не можетъ не быть дѣйствія практики и привычки,

дѣйствія тѣхъ силъ, которыя ведутъ въ примитивной ордѣ къ созданію прочнаго обычая и морали.

Новое право намѣчаетъ только путь, которымъ должны были создаваться необходимыя жизненныя формы новаго соціального единства и по которому онъ со временемъ должны были пройти во всеобщее сознаніе.

Это очень легко понять. Новое соціальное единство, новое общество консолидируется; оно находитъ, въ концѣ концовъ, для своего бытія извѣстныя формы, которыми его сочлены должны такъ или иначе удовлетвориться и которымъ они должны подчиняться.

Тѣмъ или инымъ путемъ люди ищутъ и находятъ извѣстныя формы мирнаго совмѣстнаго существованія, подчиняются ихъ необходимости и, признавая и принимая послѣднюю, создаютъ новый обычай, новую мораль, первый толчокъ къ которой дается правомъ. Какъ же относится къ этой новой морали сложнаго общественнаго тѣла прежняя мораль ея отдѣльныхъ элементовъ?

Старая мораль соціальныхъ элементовъ необходимо должна подчиниться этой новой, ибо въ то время, какъ первая обезпечивала состояніе простой группы, новая обезпечиваетъ состояніе группы болѣе сложной.

Иллюстрируемъ это примѣромъ. Для примитивной орды для простаго племени врагъ и чужой—идентичныя понятія. Ея мораль повелѣваетъ ей шадить лишь своихъ и, напротивъ, безъ разсужденій истреблять чужихъ. Но съ того момента, какъ чужіе образуютъ составную часть новаго общества, въ положеніи ли рабовъ, союзниковъ, или класса, принятаго въ какихъ-либо интересахъ стараго общества (какое отношеніе устанавливается договоромъ, изъ котораго возникаетъ право),—съ этого момента старая мораль должна уступить мѣсто новой. Интересъ новаго общества, создаю-

щій новое право, медленно уничтожаетъ старую мораль, отождествляющую „чужого и врага“, и прокладываетъ дорогу новой, въ силу которой рабъ, союзникъ или принятый въ составъ группы инородецъ имѣють притязаніе на охрану и уваженіе; хотя старая мораль еще долго оставляетъ извѣстные рудименты въ воззрѣніяхъ и чувствахъ—новый интересъ новаго цѣлаго создаетъ все-таки новую мораль, которая оказывается побѣдительницей старой.

Этотъ процессъ, процессъ образованія новой морали подъ влияніемъ прогрессивнаго образованія права происходитъ во всѣхъ областяхъ правовой жизни.

Хотя въ примитивной ордѣ, или даже и въ феодальномъ государствѣ среднихъ вѣковъ имущество низшихъ классовъ, напр., имущество странствующихъ купцовъ, могло послужить хорошимъ призомъ господствующимъ классамъ, рыцарямъ-хищникамъ; хотя подобный грабежъ нисколько не грѣшилъ противъ старой морали, не наносилъ никакой „порухи“ рыцарской чести, но все-таки новое право, которое въ интересахъ цѣлаго охраняетъ собственность и имущество горожанъ, медленно прокладываетъ путь новой морали, и эта новая мораль нынѣ запрещаетъ дворянству отнимать у горожанъ ихъ имѣніе. Съ трудомъ и медленно, но преодолевая всѣ препятствія въ теченіе столѣтій, право государства создаетъ новую мораль для области имущественныхъ отношеній, и теперь для насъ уже непонятно, какъ въ средніе вѣка рыцари и дворяне, столь дорожившіе честью, нимало не задумывались и не стыдились напасть на первый же попавшійся имъ городъ и отнять трудовое имущество горожанъ.

Вытѣсненіе старой морали новой подъ влияніемъ новаго права, вызваннаго потребностями и интересами новаго общества, яснѣе всего сказывается въ развитіи патріотиче-

скаго чувства. Первоначальное племенное сознание отдѣльных соціальныхъ элементовъ государства со временемъ превращается въ народное и національное сознание. Въ то время, какъ по старой морали личность обязана была къ преданности только въ отношеніи къ ея узкой сингенетической группѣ, существованіе интересовъ новаго общества создаетъ новую мораль, которая требуетъ отъ личности безусловной преданности цѣлому, составленному изъ разнообразныхъ въ этническомъ и соціальномъ отношеніи элементовъ.

Нужно ли подтвердить это примѣрами? Найти ихъ не трудно.

Каковъ былъ патріотизмъ, къ которому мораль обязывала каждаго нѣмца еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ? Обозначивъ его словомъ „партикуляризмъ“, мы тѣмъ самымъ указываемъ значительную перемѣну, которой подверглась въ этой области мораль подъ вліяніемъ фактовъ и новаго права. Старой морали соотвѣтствовалъ еще рейнскій союзъ,—фактъ, который теперь тотъ же народъ и въ той же странѣ называетъ въ высшей степени безнравственнымъ, измѣной и незаконіемъ. Такая перемѣна въ морали совершилась со временъ Іены и войны за освобожденіе, со временъ права Германскаго Союза и права Новой Германской Имперіи. Прежняя мораль элементовъ новаго общества должна была уступить мѣсто новой морали послѣдняго, толчокъ образованію которой данъ былъ новымъ правомъ. Какъ новое право прокладывало путь новой морали, создавало ее, точно такъ же новая мораль является теперь сильнѣйшей опорой новаго права, пока въ вѣчной смѣнѣ земного новые факты и отношенія вновь не создадутъ новаго права, жертвой котораго станетъ существующая мораль.

Легко предусмотрѣть тѣ возраженія, которыя могутъ

быть выставлены противъ нашего воззрѣнія на отношеніе права къ морали. Часто, повидимому, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Именно въ нашемъ столѣтіи мы часто замѣчаемъ, какъ подгнившее право уносится могучимъ потокомъ „общественной морали“. Въ дѣйствительности однако и въ подобныхъ случаяхъ это подгнившее право долго является лишь испанской стѣной, за которой происходятъ другія отношенія и факты, настойчиво требующіе своего признанія въ *правѣ*, и не смотря на то, что существующее писанное право формально противодѣйствуетъ исполненію этихъ требованій, и безъ того уже создавшихъ мораль, послѣдняя, усилившись и овладѣвъ сознаніемъ массъ, въ одинъ прекрасный день разражается, подобно бурѣ, разрушаетъ испанскую стѣну стараго права и отбрасываетъ ее, какъ кусокъ бумаги, послѣ чего давно уже требуемое фактами и отношеніями новое право,—право, вошедшее уже въ моральное сознаніе,—находитъ себѣ выраженіе и признаніе въ законѣ. Для уясненія всего этого процесса я позволю себѣ воспользоваться нѣсколько тривиальнымъ сравненіемъ.

Помимо правомѣрнаго, законнаго союза націи съ признаннымъ всѣмъ свѣтомъ правомъ, тайно въ силу фактическихъ отношеній нація вступаетъ въ незаконный союзъ съ другимъ новымъ правомъ,—еще боящимся дневного свѣта, правомъ, которое въ этомъ союзѣ съ націей создаетъ еще незаконную мораль; эта послѣдняя, родившись и выросши, насильно уничтожитъ старое право, уже потерявшее свою силу и *raison d'être*, вслѣдъ за чѣмъ происходитъ *legitimitatio* новой морали *per subsequens matrimonium*.

„Итакъ существуетъ все-таки неписанное, естественное право?“ слышу я торжественный кликъ приверженцевъ естественно-правовой школы. Нисколько!

Въ такіе моменты развитія право стремится изъ темнаго нѣдра фактическихъ отношеній къ дневному свѣту и появляется на свѣтъ среди тяжелыхъ мукъ родовъ. Но это отнюдь не право природы, не право разума, которое существуетъ независимо отъ временъ и отношеній; это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—право, коренящееся въ фактическихъ отношеніяхъ,—конечно, естественное и разумное, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ этимъ отношеніямъ, рождается ими. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, называть естественнымъ и разумнымъ право, вызванное во всякомъ отдѣльномъ случаѣ отношеніями и фактическими потребностями, но оно—не право природы или разума, источникъ котораго лежитъ въ естественномъ правосознаніи или разумѣ и которое остается яко-бы неизмѣннымъ и вѣчнымъ: оно—естественное и разумное требованіе права, требованіе, которое возникаетъ во времени и пространствѣ изъ реальныхъ отношеній и соотвѣтствуетъ имъ, а потомъ, формулируясь въ законѣ, становится правомъ, послѣ чего уже, какъ сказано, пускаетъ глубокіе корни въ моральномъ сознаніи.

Итакъ, возраженіе, что мораль есть источникъ права, покоится на ошибочномъ представленіи о фактическомъ процессѣ, въ которомъ и естественное право точно такъ же не находитъ себѣ подтвержденія. Напротивъ, другое возраженіе, повидимому, можетъ сослаться на неопровержимые факты, а именно, то возраженіе, что право часто совѣмъ не переходитъ въ моральное сознаніе общества; не смотря на продолжительную практику, оно все еще имѣетъ противъ себя публичную мораль и, въ концѣ концовъ, должно уступить ей. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ несомнѣнно часто повторяющійся фактической процессъ, повидимому, констатируетъ первенство морали передъ правомъ въ качествѣ источника послѣдняго? И здѣсь это только такъ *кажется*: дѣло обстоитъ совѣмъ иначе.

Правда, мы часто наблюдаемъ, что право, въ дѣйствительности, не смотря на поддержку государственной власти, остается, такъ сказать, только мертвымъ механизмомъ, что для своего функционированія оно всегда нуждается въ государственномъ принужденіи, что отвергнутое общественной моралью, оно никогда не можетъ создать новой морали и, въ концѣ концовъ, безслѣдно исчезаетъ, не вызывая ничего сожалѣнія. Но если мы поближе познакомимся съ тѣмъ правомъ, которое не сумѣло создать себѣ моральную почву и пустить въ ней глубокихъ корней, мы убѣдимся, что такое право всегда возникаетъ не изъ принудительныхъ отношеній жизни, а изъ минутной прихоти партій, изъ фальшивыхъ идей и теорій, благодаря игнорированію фактическихъ отношеній и т. д. Такое право всегда витаетъ въ воздухѣ, безъ устойчивости и силы, поддерживаемое только подкрѣпленіемъ извнѣ, не имѣя собственной внутренней жизненной силы. Чуждое и враждебное общественной морали, будучи не въ состояніи создать новой морали, оно раньше или позже побѣждается старой. Но подобное право уже заранѣе не право и, какъ таковое, не имѣетъ никакой жизнеспособности: это—мертворожденное право.

Все сказанное нами объ отношеніи и взаимодействіи права и морали относится столько же къ публичному, сколько и къ частному праву. Послѣднее также создаетъ моральную атмосферу, какъ и первое, и совершенно такъ же въ своемъ существованіи обуславливается этой атмосферой.

Нужны ли примѣры для доказательства этой истины? Обратите хотя бы вниманіе на перипетіи процентнаго права (законовъ о ростовщичествѣ) за послѣднія три десятилѣтія въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, какъ, напр., въ Австріи. Старые строгіе законы о ростовщичествѣ, соответствующіе опредѣленіямъ каноническаго права, ведутъ свое

начало отъ время экономической связанности, несвободы и цехового строя. Превышеніе максимальной степени процента (5 или 6%), наказуемое государствомъ, имѣло противъ себя и публичную мораль. Откуда возникла эта мораль, наказывающая превышеніе 6%? *Экономическія отношенія*, связанность и несвобода торговли, ремесль и сельскаго хозяйства вполне оправдывали законы о процентахъ; это строгое процентное право вытекло изъ фактическихъ отношеній, и въ общественномъ мнѣніи оно создало моральное представленіе о низости ростовщичества. Между тѣмъ экономическое развитіе неудержимо прогрессируетъ; экономическія рамки падаютъ; торговля, ремесла, земля становятся свободными; промышленность и производство достигаютъ невиданнаго дотолѣ „процвѣтанія“; доходъ съ нихъ далеко перерастаетъ прежнія времена. Тогда начинается чувствоваться стѣсненіе отъ стараго процентнаго права. За стѣной этого писаннаго права даетъ себя чувствовать потребность въ правѣ, болѣе соответствующемъ новымъ отношеніямъ,—и мораль, покоившаяся на старомъ правѣ, начинаетъ падать. Старое процентное право теряетъ почву, оно отмѣняется, провозглашается новое право полной свободы процента, которое скоро уничтожаетъ старую мораль и создаетъ новую, согласно которой обѣ стороны ни въ коемъ случаѣ не видятъ ничего безнравственнаго въ высотѣ процента (пока не наступаютъ другіе безнравственные моменты, какъ, напр., эксплуатація несовершеннолѣтнихъ, неопытныхъ, нуждающихся и т. д.). Теперь уже само государство соглашается на учрежденіи и даже само вызываетъ къ жизни кредитныя установленія, уставы которыхъ вводятъ процентъ, осуждаемый и наказуемый правомъ и моралью два десятилѣтія тому назадъ. Во главѣ и въ администраціи такихъ учрежденій можно встрѣтить множество высокопоставленныхъ лицъ съ безу-

пречной репутаціей, съ высокимъ мнѣніемъ о чести и нравственности.

Между тѣмъ экономическій прогрессъ поутихъ; согласно экономическимъ законамъ не могла не настать реакція; торговля, ремесла, промышленность и сельское хозяйство снова пришли въ упадокъ; ихъ прибыльность упала. Тогда снова стали искать спасенія въ возстановленіи старыхъ ограниченій, въ возвращеніи къ старой связанности и несвободѣ. Прежде всего, съ упадкомъ народнаго хозяйства оказалось стѣсненнымъ новое процентное право съ его безграничной свободой процента. И вновь это право потеряло почву въ фактическихъ отношеніяхъ, которыя требовали иного правового порядка. Потребность въ таковомъ давала себя знать, новая мораль пошатнулась,—новое право должно было пасть, и старыя процентныя ограниченія вновь стали законнымъ правомъ. Сперва это воскресшее право борется еще съ исчезающими остатками морали, основанной на павшемъ правѣ, но побѣдоносно выдерживаетъ борьбу, ибо „лишь живой имѣетъ право“,—и вотъ трансформация морали уже закончена, въ то время, когда государственная власть и уголовный судъ еще только прокладываютъ новому праву путь къ общественной морали.

Если угодно, можно привести изъ всѣхъ областей частнаго права подобныя примѣры развитія права изъ фактическихъ отношеній, и морали изъ права. Мы позволимъ себѣ указать на многія измѣненія брачнаго права и морали, всякій разъ возникающей изъ него. Тамъ, гдѣ нерасторжимость брака въ теченіе столѣтій была законнымъ правомъ, тамъ на разводъ лежитъ пятно безнравственности. И если фактическія отношенія, болѣе свободное развитіе современнаго общества принуждаютъ къ законному установленію развода, какъ недавно было во Франціи, то новому праву

еще долго приходится воевать со старой моралью. Недавно еще въ парижекомъ „Фигаро“ по поводу новаго закона была помѣщена статья, въ котрой говорилось приблизительно слѣдующее: „Разводъ—отлично! Но вторичный бракъ разведенныхъ? этого общественная мораль во Франціи (!) не снесетъ“. „Фигаро“ можетъ успокоиться; общественная мораль въ Европѣ и во Франціи по временамъ въ сферѣ брачнаго права сносила кое-что посерьезнѣе, напр., *jus primae noctis*. И во Франціи она скоро примирится и сдружится, если это уже не совершилось, съ новымъ правомъ, съ расторжимостью брака и новымъ бракомъ разведенныхъ, которое разумно, такъ какъ соотвѣтствуетъ фактическимъ отношеніямъ и потребностямъ.

Еще одинъ послѣдній вопросъ. Если мораль вѣчно измѣняется и рабски слѣдуетъ за правомъ, которое всякій разъ возникаетъ изъ фактическихъ отношеній, то почему же люди постоянно склонны понимать мораль, какъ нѣчто неизмѣнно остающееся въ смѣнѣ вещей, какъ вѣчно одинаковый источникъ права, какъ вѣчную идею, царящую надъ преходящимъ земнымъ; почему они склонны всегда апеллировать къ ней и разсматривать ее, какъ мѣрило всего права и всѣхъ государственныхъ учреждений.

Причина этого явленія очень проста. Измѣненіе всего права и всѣхъ государственныхъ учреждений понятно и очевидно: ихъ невозможно считать неизмѣнными. Сегодняшній законъ отмѣняетъ вчерашній: распоряженіе министра, уничтожая прежнее государственное учрежденіе, создаетъ новое. Измѣняемость и непостоянство этихъ фактовъ всякій легко понимаетъ; измѣненіе же морали совершается очень медленно и незамѣтно; оно движется, какъ часовая стрѣлка на часахъ. Человѣчeskій возрастъ составляетъ лишь минуту на часахъ морали,—кто же можетъ замѣтить этотъ совер-

шенно незамѣтный ходъ часовой стрѣлки? Конечно, нѣсколько поколѣній спустя, историкъ и философъ замѣчаютъ, что стрѣлка ушла впередъ; средній человѣкъ „слухомъ слышитъ, но не имѣетъ разумѣнія“. И это вполне естественно. Вѣдь человѣкъ въ текущемъ потокѣ явленій долженъ примкнуть къ чему-нибудь постоянному и неизмѣнному, если онъ не хочетъ, такъ сказать, утонуть въ немъ. До Коперника, по крайней мѣрѣ, земной шаръ неподвижно стоялъ подъ его ногами; съ тѣхъ же поръ земля вертится, да и солнце не стоитъ неподвижно. Что же страннаго, что у человѣка кружится голова и онъ высматриваетъ себѣ гдѣ-нибудь твердую точку, на которой онъ могъ бы пуститься въ вѣрное плаваніе по океану жизни. Имѣть такую твердую точку, какъ звѣзду на своемъ горизонтѣ, является неотразимой потребностью человѣческой души; этой потребности обязаны своимъ существованіемъ всѣ, обожаемая человѣкомъ „вѣчныя силы“,—существованіемъ, которое не прекратится, пока люди живутъ на землѣ. Къ такимъ „вѣчнымъ силамъ“, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ обойтись, принадлежить и идея морали. Въ ней человѣкъ ищетъ и надѣется найти прочную точку опоры для своего поведенія, путеводную звѣзду, которой онъ можетъ руководствовать во всѣхъ своихъ поступкахъ и предпріятіяхъ, прочный масштабъ для сужденія о томъ, что хорошо и что дурно, что благородно и что подло. И дѣйствительно, въ идеѣ моральнаго онъ находитъ то, чего ищетъ. Дѣйствительно, она является для всякаго человѣка такой точкой опоры и путеводной звѣздой на всю жизнь.

Ошибка состоитъ только въ томъ, что личность вѣрять, будто ея идея моральнаго—единственна, неизмѣнна, одинакова для всѣхъ временъ и народовъ, а такой она является столь же мало, какъ земля—неподвижной точкой во вселенной; но

какъ земля, не смотря на свое вѣчное вращеніе, вообще, представляетъ человѣку неподвижную почву для его дѣятельности, такъ и идея морали представляетъ для личности твердую почву, поддерживающую его характеръ, его стремленія и желанія. Что за дѣло крестьянину или земледѣльцу, что пашня, которую онъ обрабатываетъ, почва, на которой онъ строить свой домъ, вращается вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ? Такъ же мало дѣла индивиду до того, что его теперешняя мораль покажется безнравственной будущимъ поколѣніямъ. Для него эта мораль является единственно возможной, твердой почвой, которую онъ можетъ обрабатывать и застраивать.

Вѣдь, въ концѣ концовъ, личность, какъ ни преходяща она сама по себѣ, находитъ только въ глубинѣ души ту твердую точку опоры, къ которой она можетъ прикрѣпиться въ бурномъ волненіи жизни и которая обезпечиваетъ ей поддержку и помощь—и горе ей, если она ее не нашла! Только близорукость и непростительная слабость человѣка заставляють его вѣрить, что онъ можетъ найти эту точку опоры внѣ себя,—но тамъ онъ ее ищетъ тщетно: „не придетъ царствіе Божіе извнѣ, ибо царствіе Божіе внутри васъ есть“.—Будутъ ли то чисто личныя чувства, какъ чистая любовь и дружба, сопровождающія человѣка въ теченіе всей жизни, будутъ ли то искренняя вѣра, которой предается его благочестивая душа, будутъ ли то высокія идеи, воодушевляющія его къ борьбѣ за народъ и отечество, за истину и науку, которымъ личность отдается съ самопожертвованіемъ,—всякое такое чувство и всякая такая идея образуетъ тотъ „неподвижный полюсъ въ смѣнѣ явленій“, который свѣтитъ личности, утѣшаетъ, счастливить и въ то же время облагораживаетъ ее, не смотря на то, что онъ живетъ только въ ея душѣ и съ ней исчезаетъ. Сюда же относится и мораль.

Философъ и соціологъ могутъ, сколько имъ угодно, разсуждать о томъ, какъ и какимъ образомъ эта мораль возникла, какія измѣненія она претерпѣла; справедлива она или нѣтъ и т. п.; индивиду же достаточно въ его жизни и того, что у него есть мораль; одна ли она, какова она, — это зависитъ отъ степени развитія той соціальной группы, къ которой онъ принадлежитъ; отъ семьи, въ которой онъ развился и воспитался; отъ обстановки, въ которой онъ выросъ; отъ впечатлѣній, которыя онъ воспринялъ въ нѣжномъ возрастѣ; отъ превратностей судьбы, которыя онъ испыталъ; можетъ быть, и отъ знаній, которыя онъ прибрѣлъ; главнымъ же образомъ, конечно, отъ правового порядка, поддерживаемаго государствомъ, отъ того правового порядка, которому онъ долженъ подчиняться.

§ 9. Индивидуальныя стремленія и соціальная необходимость.

Разсмотрѣвъ соціальный міръ и его явленія, мы видимъ, что вещамъ и отношеніямъ имманентна необходимость, создающая ихъ развитіе, направляющая ихъ стремленія и достигающая раньше или позже осуществленія.

Уничтожить эту необходимость, задержать ея дѣйствіе — не во власти человѣка: онъ самъ часть этого міра и элементъ этихъ явленій, и вмѣстѣ съ ними во всемъ своемъ поведеніи подчиненъ всеобъемлющей имманентной необходимости. Его призрачная видимая свобода не можетъ ничего измѣнить въ самодѣятельности и самоосуществленіи необходимости.

Это вполнѣ признаетъ и простой здравый смыслъ относительно бросающихся въ глаза, такъ называемыхъ, „естественныхъ законовъ“, но гораздо труднѣе признать это относительно болѣе тонкихъ микроскопическихъ деталей индиви-

дуальныхъ поступковъ. Оставимъ человѣку на мигъ прекрасное заблужденіе, будто онъ „дѣйствуетъ свободно“, и рассмотримъ лишь, какое значеніе можно придавать этимъ свободнымъ дѣйствіямъ въ виду естественной необходимости, осуществляющейся въ индивидуальной жизни и въ жизни человѣческаго общества. Всѣ „свободныя дѣйствія“ человѣка могутъ быть обобщены однимъ самымъ общимъ понятіемъ, приведены къ одному знаменателю, который гласитъ: *сохраненіе*. Съ другой стороны, всѣ процессы, совершающіеся въ природѣ и человѣческой жизни съ имманентной необходимостью, также можно объединить однимъ общимъ понятіемъ, привести къ одному знаменателю, который гласитъ: *измѣненіе и непостоянство*.

Въ области природы все непостоянно; человѣкъ хочетъ все *сохранить неизмѣннымъ*.

Это противорѣчіе основной тенденціи природы и человѣческаго стремленія тяготеетъ, какъ проклятіе, надо всѣми „свободными дѣйствіями“ человѣка, которыя отъ вѣка обречены на уничтоженіе въ бесплодной борьбѣ противъ естественной необходимости. Такое значеніе имѣетъ человѣческая „свобода“; это свобода пойманнаго льва метаться въ своей клѣткѣ, и при всей своей свободѣ вмѣстѣ съ клѣткой слѣдовать за хозяиномъ звѣринца въ его путешествіяхъ по разнымъ городамъ и странамъ.

Но та общая истина, что человѣческая свобода ничего не совершитъ вопреки естественной необходимости, что она подобна пѣнящимся волнамъ, которыя бушуютъ у скалистаго берега только для того, чтобъ отпрянуть отъ него разбитыми и разсыпанными,—эта общая истина особенной цѣны еще не имѣетъ. Важнѣе изъ общаго отношенія между человѣческой „свободой“ и естественной необходимостью

вывести *правильное пониманіе сущности и характера всего человѣческаго поведенія.*

Это мы попытаемся сдѣлать.

Мы сказали: всѣ такъ называемыя „человѣческія свободныя дѣйствія“ направлены къ тому, чтобы сохранить то, что преходяще по природѣ, т.-е. что должно погибнуть и уступить мѣсто новому. Мы стараемся сохранить наше здорье, надъ разрушеніемъ котораго тихо, но неуклонно работаетъ природа; мы стараемся по возможности дольше сохранить свою жизнь, хотя окончить ее, конечно, естественно и необходимо. Какъ обстоитъ дѣло съ этими „личными“ благами, точно такъ же оно обстоитъ и со всѣми другими благами этой жизни. Стремленіе человѣка, направленное на сохраненіе экономическихъ благъ для потомства и послѣ своей жизни при благопріятныхъ условіяхъ можетъ быть увѣнчано успѣхомъ въ теченіе ряда поколѣній: тѣмъ не менѣе, какъ имущества древняго Креза подлежали всесильному закону естественнаго непостоянства и вѣчнаго измѣненія, такъ и отъ Ротшильдовъ нашего вѣка въ будущемъ не останется никакихъ слѣдовъ.

Всѣ общественныя учрежденія, наконецъ, которыя создаетъ человѣкъ, какъ слѣпое орудіе естественныхъ инстинктовъ и склонностей, всѣ духовныя созданія, при помощи которыхъ онъ дѣлаетъ жизнь болѣе сносной, украшаетъ и облагораживаетъ ее, все это онъ стремится сохранить „навѣки“; всѣ его мысли направлены на это сохраненіе, между тѣмъ какъ естественный и естественно-необходимый потокъ непостоянства работаетъ надъ ихъ гибелью, подтачиваетъ ихъ, грызетъ и разрушаетъ. Мы хотимъ сохранить социальное общество, въ которомъ намъ живется хорошо, но оно должно погибнуть, какъ и наша личная жизнь; мы хотимъ сохранить свой языкъ, религію, обычаи, національность, со-

всѣмъ не замѣчая, какъ каждый день трудится надъ гибелью этихъ нашихъ моральныхъ благъ, какъ каждый день является каплей, подтачивающей и долбящей эту воображаемую силу.

Самопожертвованіе во имя сохраненія того, что безжалостно подлежитъ гибели, мы называемъ высокимъ образомъ мыслей и героизмомъ. Подчиненіе естественной необходимости мы называемъ малодушіемъ и низкимъ образомъ мыслей.

Поступать наперекоръ естественнымъ стремленіямъ—значить быть астекомъ, которому люди не отказываютъ въ своемъ удивленіи; слѣдовать естественнымъ стремленіямъ и потребностямъ—значить, по большей части, быть низкимъ „матеріалистомъ“. Безумцы, не видящіе и не понимающіе всеисильности естественныхъ отношеній, являются героями нашихъ художественныхъ произведеній, при взглядѣ на которыхъ мы возносимся духомъ. Чѣмъ безумнѣе они поступали, тѣмъ болѣе „великими“ они представляются намъ. Основатели всемірныхъ государствъ—Киръ, Александры, Цезари, Наполеоны—возбуждаютъ въ насъ удивленіе, такъ какъ они хотѣли совершить невозможное и неестественное, и за то погибли. Простой человѣкъ, который покоряется естественной необходимости окружающихъ его отношеній,—не достоинъ никакого уваженія.

Однако со всѣми своими свободными дѣйствіями, со всѣмъ своимъ героизмомъ, мы можемъ сдѣлать только болѣе для себя неизбежное исполненіе естественной необходимости, но не можемъ ни на мигъ замедлить ее. Имманентная вещамъ и отношеніямъ естественная необходимость осуществляется, хотя бы мы и боролись противъ нея; поэтому вполне справедливо изображеніе человѣческой жизни въ

видѣ вѣчной борьбы съ природой, но вполнѣ ложно возрѣніе, будто въ этой борьбѣ человѣкъ можетъ выйти побѣдителемъ въ какомъ-либо отношеніи. Здѣсь побѣждаетъ всегда и исключительно лишь естественная необходимость, но никогда и ни въ коемъ случаѣ не „свободная воля“ человѣка. Стремленіе человѣка только колеблется то по одну, то по другую сторону этой необходимости, пока не совпадаетъ съ ея линіей; и только тогда оно можетъ быть осуществлено. Позволю себѣ воспользоваться здѣсь тривіальнымъ сравненіемъ.

Предположимъ, что мы изъ нѣкотораго количества пробокъ различной величины и толщины выбираемъ одну для незакупоренной бутылки. Отношеніе между отверстиемъ бутылки и кучей пробокъ опредѣляется имманентной естественной необходимостью, въ силу которой къ отверстию подойдетъ только одна пробка соотвѣтствующей величины. Эта естественная необходимость находитъ свое осуществленіе, когда мы заткнемъ бутылку одной изъ кучи лежащихъ предъ нами пробокъ; она осуществляется независимо отъ нашихъ „свободныхъ дѣйствій“, которыя состоятъ только въ томъ, чтобы примѣрить нѣкоторое число неподходящихъ—то меньшихъ, то большихъ пробокъ къ отверстию бутылки, для того, чтобы убѣдиться, что онѣ не годятся; подойдетъ, въ концѣ концовъ, только та, которая обладаетъ соотвѣтствующей величиной и толщиной, и когда мы нападѣмъ на нее, мы—съ полнымъ самоудовлетвореніемъ закупоримъ бутылку, довольные своимъ „свободнымъ дѣйствіемъ“. Впрочемъ, это—тривіальное сравненіе; въ немъ, кромѣ отверстия бутылки, можно найти еще другую дыру—поэтому мы перейдемъ къ болѣе серьезному, болѣе приличному въ научныхъ изслѣдованіяхъ примѣру.

Ни въ какой другой области человѣческая природа не

развивается, повидимому, столь безпрепятственно, какъ въ области научнаго и философскаго мышленія. Здѣсь „идеи свободны“; довольна велика ихъ область, не подлежащая цензурѣ и не признанная опасной со стороны прокурорскаго надзора. Слѣдовательно, здѣсь свободный человѣкъ можетъ дѣйствовать какъ ему угодно, и радоваться своей свободѣ; издавна онъ пользуется этимъ въ полной мѣрѣ. Цѣлью всей этой работы мысли является открытіе *истинъ*, т. е. *знаніе*. Ну, и каковъ же результатъ этихъ „свободныхъ“ стремленій, продолжавшихся цѣлые вѣка? Да та же исторія съ пробками! Среди тысячи промаховъ „свободнаго“ мышленія кто-нибудь сдѣлаетъ счастливый выборъ и найдетъ подходящую пробку для философской дыры. Но развѣ это—продуктъ нашего свободнаго духа или даже заслуга нашей работы мысли? Ни въ какомъ случаѣ. Тутъ исполняется имманентная вещь и отношеніямъ необходимость; спотыкаясь во мракъ, мы нападаемъ на истину. Научное и философское изслѣдованіе нашего „свободнаго духа“, высшая дѣятельность человѣческой „свободы“—чистая игра случая. Философскія и научныя истины похожи на рѣдкіе выигрыши между милліонами пустыхъ билетовъ вертящагося передъ нами лотерейнаго колеса, а мы „свободные мыслители“, такъ много корпящіе надъ своей „работой мысли“, мы похожи на невинныхъ дѣтей, которыя наугадъ достаютъ билеты; и вотъ среди милліоновъ пустыхъ одному достается выигрышъ. Онъ высокопрославленный мыслитель, „заслуги“ котораго превозносятся. И все-таки онъ совсѣмъ не отвѣтственъ за результаты работы своей мысли. Его заслуга не больше и не меньше заслуги тѣхъ „кропателей“, которыхъ покрываютъ язвительными насмѣшками и которые имѣли несчастье вынуть пустые билеты—научныя и философскія заблужденія. Его заслуга не больше, говоримъ мы, такъ какъ и эти

кропатели, вытягивая безчисленное множество пустыхъ билетовъ, содѣйствовали этимъ тому, что онъ, въ концѣ концовъ, вытащилъ выигрышъ. и они столь же достойны чести и уваженія, какъ дитя счастья, доставшее выигрышъ; можно даже сказать, что „у великаго философа“, который является только „однажды въ столѣтіе“, еще меньше заслугъ, чѣмъ у толпы мелкихъ философовъ: ибо, благодаря тому, что они массами вытягивали пустые билеты, ему представилась возможность, наконецъ, получить большой выигрышъ.

Перейдемъ къ другой области „свободнаго“ человѣческаго творчества, къ законодательству, и посмотримъ, въ какомъ отношеніи находится здѣсь человѣческая свобода къ имманентной вещамъ и отношеніямъ необходимости.

Какого гордаго сознанія полны представители большинства, будь то правая или лѣвая парламента: они нынѣ творятъ законы, они законодатели государства; на это они употребляютъ свое лучшее знаніе, всю свою мудрость прилагаютъ они къ этому, лучшихъ своихъ членовъ выбираютъ они въ комиссіи и комитеты, остроумнѣйшимъ юристамъ поручаютъ выработку проектовъ; сами они дѣлаютъ „дополненія“ къ отдѣльнымъ „параграфамъ“! Тутъ каждый благородно старается выложить весь умъ, который онъ можетъ выжать изъ своихъ мозговъ,—и каковъ же результатъ всѣхъ этихъ издержекъ „ума“ и „свободнаго“ мышленія?

Въ большинствѣ случаевъ—жалкое кропанье, въ которомъ дѣйствительныя отношенія жизни съ имманентной имъ естественной необходимостью должны сдѣлать нужныя поправки, чтобъ изъ этого получился годный законъ, соотвѣтствующій потребностямъ! Савиньи подобное явленіе признавалъ отсутствіемъ призванія къ законодательству и приписывалъ его только „нашему времени“. Недостатокъ призванія это фактъ, но прежнее время въ этомъ отношеніи

было не хуже нашего, и будущее не будетъ лучше его. Насколько законодатели приспособляются къ непосредственнымъ потребностямъ, принимаютъ во вниманіе дѣйствительные интересы, короче—приноравливаются къ естественнымъ потребностямъ,—лишь настолько они и могутъ творить годные законы: такъ было всегда и вездѣ. Но лишь только законодатель сядетъ на гордаго коня доктрины, выставитъ идеальные принципы и захочетъ изъ нихъ выводить законы, чтобы создать идеальное право и идеальную справедливость,—словомъ, лишь только онъ, вмѣсто того, чтобы подчиняться соціальной необходимости, выступитъ въ область свободной духовной дѣятельности, чтобы создавать законы не по дѣйствительнымъ потребностямъ и интересамъ, а по „идеямъ“, сейчасъ появляются законы, которые ясно обнаруживаютъ отсутствіе „призванія къ законодательству“.

Это отсутствіе „призванія“ къ „свободному“ творчеству проявляется еще въ высшей степени въ области политики. Здѣсь всѣ „свободно“ созданныя учрежденія суть жалкіе опыты, которые постоянно преобразуются и передѣлываются властными теченіями дѣйствительныхъ интересовъ и потребностей, чтобы прійти въ соотвѣтствіе съ соціальной необходимостью и получить нѣкоторое постоянство и крѣпость. Здѣсь человѣческая (дипломатическая) „свобода“—совершенно безсильна, и постоянно должна направляться на правый путь соціальной необходимостью.

Въ частности, въ этой послѣдней области, въ области политики, созданія человѣческой свободы отличаются особенной шаткостью еще и потому, что основная тенденція всего свободного человѣческаго поведенія—сохраненіе и приобрѣтеніе—даетъ себя чувствовать самымъ настоящимъ образомъ именно здѣсь, гдѣ безжалостно царитъ естественная не-

обходимость измѣненія и непостоянства. Вся мысль, все старанія государственнаго человѣка направлены на государственное и національное сохраненіе и приобрѣтеніе — вѣлѣдствіе чего естественная необходимость непостоянства и гибели можетъ пробить себѣ дорогу только насильственнымъ низверженіемъ всехъ свободныхъ человѣческихъ учрежденій. Отсюда слѣдуетъ, что ни одно новое государственное образованіе не можетъ явиться на свѣтъ безъ насилія и разрушенія, безъ жестокой борьбы и пролитія крови. Слѣдовательно, здѣсь человѣческая свобода, направленная на сохраненіе и приобрѣтеніе, играетъ самую жалкую роль, а социальная необходимость, направленная на вѣчную гибель и вѣчную смѣну, проявляется въ своемъ ужасающемъ величіи.

Теперь намъ остается разрѣшить еще одинъ важный вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ эта несчастная свобода человѣка къ его жизненному счастью? и можетъ ли ему принести пользу болѣе правильный взглядъ на ничтожность и пустоту этой его свободы, можетъ ли онъ помочь ему избѣжать зла и быть счастливѣе? Изслѣдуемъ этотъ вопросъ.

Конечно, если бы человѣкъ всегда и всюду зналъ впередъ неизбѣжную необходимость, онъ могъ бы охранить себя отъ массы бѣдъ и несчастій, подчиняясь неизбѣжному съ тихимъ смиреніемъ; но это совсѣмъ невозможно, такъ какъ такое знаніе никогда не можетъ стать удѣломъ совокупности людей, — въ крайнемъ случаѣ, оно является удѣломъ единичныхъ исключительныхъ личностей, такъ какъ свобода человѣка, т.-е. колебаніе по ту и другую сторону линіи необходимости, основана на природѣ человѣка и является, въ свою очередь, тоже необходимостью.

Если, слѣдовательно, для всей совокупности людей не-

чего и помышлять объ уничтоженіи заблужденій, возникающихъ изъ противорѣчія между индивидуальной свободой и соціальной необходимостью, если люди, вообще, не въ силахъ предохранить себя отъ зла, порожденнаго этими коллизіями, — то все-таки стѣдуетъ изслѣдовать, не уменьшаетъ ли нѣсколько, — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жизни, въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческой дѣятельности — правильное познаніе необходимости суммы выпадающаго на долю человѣка зла, или, лучше сказать, нельзя ли при помощи такого познанія избѣгать зла, увеличиваемаго напрасно человѣческой свободой? Посмотримъ, насколько это возможно.

Выше нами было уже указано, что мы никогда не должны разсматривать человѣка, какъ изолированное существо; изолированно человѣкъ не могъ и не можетъ существовать никогда и нигдѣ. Но если мы правильно представляемъ себѣ человѣка съ давнихъ поръ не иначе, какъ сочленомъ племени, орды, то его благополучіе и его жизнь зависятъ отъ благополучія и жизни окружающихъ и обуславливается ими. Инстинктъ самосохраненія, который является сильнѣйшимъ мотивомъ для человѣческихъ стремленій и „свободныхъ“ дѣйствій, ни въ коемъ случаѣ не индивидуаленъ; напротивъ, онъ всегда социаленъ. Онъ проявляется въ совмѣстной жизни со своими и въ стремленіи подавить чужихъ.

Этотъ соціальный инстинктъ самосохраненія, необходимой оборотной стороной котораго является стремленіе подавить и эксплуатировать чужихъ, открываетъ для человѣческихъ стремленій и поступковъ все новыя области, какъ напр., экономическую и политическую, а также техническую, научную, даже область искусства. Въ большей части этихъ областей индивидуальныя стремленія приходятъ въ конф-

ликтъ съ соціальными необходимостями, и такъ какъ послѣднія, само собою разумѣется, неизмѣримо сильнѣе первыхъ, то отсюда слѣдуетъ перевѣсъ „несчастья“ и „зла“ въ человѣческой жизни. Знай человѣкъ необходимость, имманентную вещамъ и отношеніямъ, будь у него сила подчинить свои стремленія мѣрилу этой необходимости, человѣческая жизнь была бы, несомнѣнно, гораздо счастливѣе. Вообще же это невозможно по внутреннимъ и внѣшнимъ основаніямъ. Разсмотримъ однако, въ какой изъ этихъ областей мыслимо подчиненіе индивидуальных стремленій естественнымъ необходимостямъ, мыслимы приспособленіе и покорность.

Прежде всего, они мыслимы въ той области человѣческихъ стремленій, въ которой познаніе естественныхъ потребностей ушло дальше, чѣмъ въ другихъ. Это—область личной жизни. Здѣсь люди меньше всего обманываются насчетъ естественныхъ потребностей и давно уже научились подчинять имъ свои стремленія. Каждый сколько-нибудь разумный человѣкъ подавляетъ стремленіе сохранить жизнь дальше границы, поставленной ему природой и подчиняется естественной необходимости смерти.

Правда, одного (ничтожной цѣнности жизни) многіе народы еще не постигли, или, быть можетъ, искусственно воспитанное направленіе жизни заставило ихъ это забыть. Высокая оцѣнка жизни является источникомъ великаго личнаго зла. Несчастное воображеніе заставляетъ какъ разъ „цивилизованныя“ націи оцѣнивать „благо“ жизни слишкомъ высоко, жаловаться на ея утрату, какъ на „великое несчастье“ и слишкомъ много думать объ ея сохраненіи.

Однако, если мы сопоставимъ, съ одной стороны, степень заботливости, которую природа даетъ человѣческой жизни, съ другой стороны, степень производительности и продук-

тивности жизни, которыя являются мѣриломъ ея „естественной“ цѣнности, то какъ низко должна пасть эта цѣнность! Подземный толчокъ,—и тысячи человѣческихъ жизней подвергаются гибели. Чума сегодня здѣсь, а завтра тамъ, и сотни тысячъ человѣческихъ жизней падаютъ ея жертвой; плохое лѣто, неурожай и голодъ похищаютъ въ чрезмѣрно населенныхъ мѣстностяхъ миллионы людей.

Съ другой стороны, природа можетъ позволить себѣ легкую игру съ человѣческой жизнью—ежедневно миллионы новыхъ дѣтей появляются на свѣтъ, и природа предусмотрительно позаботилась о томъ, чтобы эта продуктивность не прекратилась никогда.

Въ виду этихъ естественныхъ отношеній есть ли смыслъ и справедливость излишне оцѣнивать единичную жизнь, какъ это дѣлаютъ цивилизованныя націи? Какъ много зла и несчастья могли бы избѣжать люди, если бы исчезли общественные, политическіе и правовые институты, вытекающіе изъ столь чрезмѣрной оцѣнки жизни. На ряду съ сохраненіемъ жизни удовлетвореніе естественныхъ потребностей образуетъ важнѣйшее содержаніе человѣческихъ стремленій. И здѣсь формы, созданныя свободой человѣка, прямо противорѣчатъ естественнымъ потребностямъ и наполняютъ жизнь, особенно цивилизованнаго человѣка, бесполезной мукой и бесполезной борьбой. Природа указываетъ людямъ на свободно развивающееся удовлетвореніе ихъ чувственныхъ потребностей, соответствующее ихъ физическимъ силамъ. Неестественное направленіе мыслей создаетъ въ этой сферѣ жизненныя формы, которыя противорѣчатъ естественной необходимости и только увеличиваютъ сумму зла, связаннаго съ жизнью, не будучи въ состояніи уничтожить естественной необходимости.

Инстинктъ удовлетворенія потребностей вводитъ чело-

вѣка въ экономическую область. Нечего и говорить, какъ тяжела тутъ его борьба съ природой. Естественная необходимость сильно тѣснить его на каждомъ шагу; цѣлью его стремленийъ является сопротивленіе этимъ стѣсненіямъ. Онъ преуспѣваетъ въ этомъ, повидимому, часто только затѣмъ, чтобы наконецъ все-таки покориться. Его стремленія идутъ въ двухъ главныхъ направленіяхъ: во-первыхъ, онъ ненасытно гонится за имуществомъ, которое онъ долженъ же, въ концѣ концовъ, потерять; во-вторыхъ, онъ гонится за увеличеніемъ имущества, чтобы сравняться съ имѣющими больше, между тѣмъ какъ экономическое неравенство представляетъ естественную необходимость.

Экономическія потребности ведутъ человѣка въ политическую область, такъ какъ государство должно доставлять однимъ средства на счетъ другихъ, удовлетворять ихъ высшія экономическія и культурныя потребности безъ вреда для нихъ. Какъ всѣ человѣческія учрежденія, государство переходяще, и болѣе древнее государство, придя въ упадокъ, должно уступить мѣсто новому, быстро развивающемуся. И все-таки какъ много бесполезныхъ усилій употребляется на то, чтобы сдержать неудержимое, чтобъ сохранить жизнь тому, что обречено на смерть.

Въ сферѣ внутренней организаціи государствъ человѣческая свобода вѣчно ограничивается линіей естественной необходимости, обгоняетъ ли она и низвергаетъ развитіе соціальныхъ отношеній, или задерживаетъ ихъ дольше естественнаго времени. Поэтому во внутренней жизни государствъ наступаетъ то вѣчное колебаніе, о которомъ Контъ думаетъ, что оно—результатъ двухъ противоположныхъ принциповъ—теологическаго и метафизическаго, и что оно должно исчезнуть съ наступленіемъ позитивнаго государствовѣдѣ-

нія, но которое мы разсматриваемъ просто, какъ естественный способъ дѣйствія „человѣческой свободы“.

Напротивъ, великій триумфъ празднуетъ человѣческая свобода въ области техники, науки и искусства. Причина этого очень понятна. Въдь въ этихъ областяхъ дѣло идетъ только о томъ, чтобъ изслѣдовать естественную необходимость, дѣйствительные факты и законы природы или воспроизвести (въ области искусства) ихъ созданія. Здѣсь людямъ нужно (въ первыхъ двухъ областяхъ) рыться до тѣхъ поръ, пока онѣ не узнаютъ чего-нибудь; или (въ искусствѣ) дѣлать попытки выразить что-нибудь, пока онѣ не удадутся. И они дѣлаютъ это съ большимъ терпѣніемъ и получаютъ извѣстный, конечный результатъ.

У всей техники и всей науки нѣтъ высшей задачи, какъ изслѣдовать природу, познать ея законы: такъ какъ природа всегда одна и та же, потокъ человѣчества течетъ безконечно и любознательность людей остается постоянной, то наконецъ должно удаться подсмотреть у природы ея тайны. Но тутъ вся свобода человѣка состоитъ въ подчиненіи необходимости, весь результатъ—въ открытіи этой необходимости, въ техникѣ—въ приспособленіи къ ней и въ наукѣ—въ познаніи ея. Итакъ здѣсь стремленія людей, ни въ коемъ случаѣ, не противорѣчатъ естественной необходимости; поэтому въ этой области больше всего возможна удача человѣческихъ стремленій, т.-е. больше всего возможно человѣческое счастье. Точно то же и въ области искусства. Свободное воспроизведеніе—величайшая задача искусства, стремленіе къ нему лежитъ въ природѣ человѣка: поэтому ему доставляетъ наслажденіе удовлетвореніе этого стремленія, какъ и всякаго другого. Но чѣмъ лучше удается это воспроизведеніе, тѣмъ вѣрнѣе онъ принаравливается къ природѣ и ея необходимости; чѣмъ истиннѣе онъ выражаетъ

ее, тѣмъ выше его триумфъ, тѣмъ выше его счастье. Это удается ему тѣмъ чаще, что онъ дѣйствуетъ не вопреки природѣ, а, напротивъ, слѣдуя естественнымъ стремленіямъ, беретъ себѣ природу руководителемъ и учителемъ.

Результатъ нашихъ изслѣдованій, конечно, въ общемъ совсѣмъ не утѣшителенъ для людей.

И въ самомъ дѣлѣ. По мѣрѣ того, какъ „свободныя“ человѣческія стремленія бесплодно разбиваются объ естественную необходимость,—увеличивается сумма человѣческаго несчастья и зла; поэтому изъ предыдущаго слѣдуетъ, что только въ областяхъ техники, науки и искусства, доступныхъ ничтожному меньшинству людей, возможны существенные результаты и истинное счастье, что, напротивъ, въ областяхъ экономической и политической жизни, гдѣ эти стремленія совершенно безсильны предъ лицомъ естественной необходимости, можно достигнуть очень ничтожной доли дѣйствительнаго счастья, и что въ области личной жизни лишь мудрое смиреніе можетъ нѣсколько смягчить неизбежное зло.

V.

Исторія человѣчества, какъ жизни рода.

§ 1. Философія исторіи и соціологія.

Отношеніе соціологіи къ философіи исторіи таково же, какъ отношеніе статистики къ исторіи. Первую часто называютъ разръзомъ (*Durchschnitt*) послѣдней. Этимъ хотять сказать, что исторія должна обнять общее теченіе судебъ человѣчества, какъ цѣлаго, тогда какъ статистика изучаетъ данный моментъ. Такая задача для исторіи совершенно невозможна, и очевидно, что исторія уже по самой сущности вещей не сумѣла разрѣшить этой задачи; статистика же, ограничивъ себя временемъ и пространствомъ, пришла къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ. Все это относится также къ соціологіи и философіи исторіи. Послѣдняя пытается дать намъ исторію человѣчества, какъ цѣлаго; она хочетъ изложить теорію общаго процесса человѣческой исторіи и должна поэтому оказаться несостоятельной, влѣдствіе того, что она не въ силахъ когда-либо все обозрѣть: идея же части, понимаемая, какъ идея цѣлаго, всегда извращаетъ идею цѣлаго.

Напротивъ, задача соціологіи легче рѣшается, благодаря тѣмъ ограничіямъ, которыя она себѣ поставила. Отказываясь понять исторію человѣчества, какъ цѣлаго, она удовлетворяется изслѣдованіемъ процесса возникновенія человѣческихъ соединеній, вѣчное повтореніе которыхъ даетъ содержаніе всякой исторіи. Итакъ, не спрашивая о смыслѣ общаго процесса исторіи, котораго она не знаетъ, она удовлетворяется установленіемъ законосообразности этого процесса, изслѣдованіемъ рода и характера соціальнаго развитія,—словомъ, она излагаетъ закономѣрный процессъ, возникающій изъ даннаго соприкосновенія человѣческихъ обществъ и совершающійся, благодаря этимъ соприкосновеніямъ и взаимнымъ вліяніямъ.

Въ своемъ заключеніи мы намѣрены говорить не объ общемъ процессѣ исторіи человѣчества (это мы предоставляемъ философіи исторіи), но о принципиальныхъ вопросахъ соціологіи: о закономѣрности въ процессѣ политической исторіи, о природѣ и характерѣ развитія обществъ; мы намѣрены разсмотрѣть, выступаютъ ли предъ нами изъ отдѣльныхъ отрывковъ этого историческаго процесса извѣстныя идеи, общія тенденціи (напр., прогрессъ, улучшение и т. п.) или даже общія формы соціальныхъ процессовъ.

§ 2. Закономѣрность въ развитіи.

О закономѣрности процессовъ и измѣненій въ области политической исторіи говорилось много и часто; утверждали даже, что подобная закономѣрность существуетъ, но насколько намъ извѣстно и какъ мы уже указали въ другомъ мѣстѣ (Rassenkampf, стр. 6), еще никому не удалось конкретнымъ и очевиднымъ образомъ доказать эту закономѣрность.

Въ виду подобныхъ неудачныхъ доказательствъ тѣмъ больше было пустыхъ и враждебныхъ возраженій, отрицавшихъ вовсе такую закономерность и говорившихъ о свободной волѣ и Промыслѣ Провидѣнія.

Однако въ высшей степени интересно то, что въ областяхъ, которыя не вполне тождественны съ политической и соціальной жизнью, но близко стоятъ къ нимъ и даже связаны съ ними тѣсной взаимной причинной зависимостью, эта закономерность выступаетъ такъ ясно и очевидно, что сомнѣваться въ ней не приходитъ въ голову даже самымъ ярлымъ сторонникамъ свободы воли и Промысла Божія. Впрочемъ, они не принимаютъ въ соображеніе того, что, сдѣлавши уступку въ пользу закономернаго, независимаго отъ воли отдѣльнаго лица развитія въ такихъ областяхъ, какъ напр., искусство и наука, они *eo ipso* должны допустить закономерность въ болѣе глубокихъ и важныхъ областяхъ политической и соціальной жизни.

Итакъ сначала будемъ говорить о тѣхъ областяхъ, въ которыхъ эта закономерность теперь никѣмъ не оспаривается, а затѣмъ укажемъ на тѣсную связь между этой закономерностью и закономерностью въ политической и соціальной области, обуславливающей первую.

Развѣ разсужденіе о ходѣ развитія искусства, науки и философіи у какого-либо народа уже не является общимъ научнымъ мѣстомъ? Современные историки искусства и литературы не занимаются ничѣмъ инымъ, кромѣ изложенія закономернаго развитія искусства, науки и литературы отдѣльныхъ народовъ. Они излагаютъ развитіе, въ которомъ *личность*, очевидно, должна подчиниться и безсознательно, невольно *подчиняется законамъ цѣлаго, движеніямъ общности*. Что значитъ, напр., такой фактъ: знатокъ можетъ совершенно точно опредѣлить любое произведеніе искусства, не

зная даже его автора,—время его появленія, школу, къ которой оно принадлежитъ, чуть ли не мѣсто, гдѣ оно должно было возникнуть. Что иное означаютъ эти факты, какъ не то, что нѣтъ личности, которая создавала бы свои произведенія по своей *воли* и *произволу*, но что есть *общность* и *развитіе*, рабомъ которыхъ рождена личность, рабомъ которыхъ она дѣйствуетъ и творить? Не личность творить: въ ней творить поэтическое отраженіе ея времени и ея соціальной группы; не личность мыслить: въ ней мыслить духъ ея времени и ея соціальной группы; ибо, въ противномъ случаѣ, не могло бы быть и рѣчи объ общемъ развитіи; никакой знатокъ не могъ бы опредѣлить, принадлежитъ ли показанная ему картина школѣ Пинторетто или Рубенса, представляетъ ли найдевное латинское стихотвореніе—твореніе классическое или послѣклассическое, принадлежитъ ли философскій отрывокъ вѣку Аристотеля или александрійскому періоду.

Что для знатока все это возможно,—это служить лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени личность въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ стоитъ подъ влияніемъ своего вѣка и опредѣляется имъ и своей соціальной средой.

Въ этихъ областяхъ мы признаемъ всеобщіе, никѣмъ не отрицаемые факты; но мы не рѣшаемся распространить ихъ необходимыхъ слѣдствій на другія области. Мы уже видѣли однако, что способъ (*Modus*) чувствованій, мысли и творчества людей является не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ той степени соціальнаго и политическаго развитія, на которой находится настоящее время (см. выше IV, § 2). Можно ли еще сомнѣваться въ томъ, что на одинаковыя, вообще, духовныя свойства и способности людей оказываетъ рѣшающее влияніе соціальное и политическое положеніе, въ которомъ они находятся?

Искусный и способный деревенскій мальчуганъ въ теченіе всей своей жизни будетъ чертить на пескѣ или вырѣзывать ножикомъ изъ дерева свои грубыя фигуры; поднятый же на болѣе высокій соціальный уровень, обученный въ какой-либо художественной академіи культурнаго государства, онъ будетъ представителемъ своего времени и своего народа, т-е. интеллигентныхъ слоевъ, стоящихъ на высотѣ историческаго развитія націи. Этимъ онъ обязанъ, кромѣ своихъ природныхъ способностей, создающей его *соціальной обстановкѣ* и той ступени развитія, на которой она находится. По своей волѣ онъ не можетъ стать ничѣмъ инымъ, кромѣ того, что *необходимо обуславливается* обществомъ и его ступеню развитія. Онъ не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ кирпичемъ въ духовной постройкѣ, выводимой этимъ обществомъ, — кирпичемъ, который не произвольно помѣщается на томъ или другомъ мѣстѣ, но которому это мѣсто предудказывается развитіемъ цѣлаго.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію и признано всеми, что общественное духовное развитіе, или, какъ его еще называютъ, развитіе человѣческаго духа, или духа человѣчества, совершается по строгимъ законамъ, и что личность, насколько она принимаетъ въ этомъ развитіи активное или пассивное участіе, должна подчиниться этой строгой законмѣрности, что она ничего не можетъ создать, даже ничего не можетъ мыслить, что не вытекало бы изъ данныхъ историческихъ посылокъ этого развитія. Слѣдовательно, здѣсь совсѣмъ нѣтъ свободной воли личности, а есть лишь законъ, управляющій обществомъ.

Какъ же относится общепризнанная законмѣрность развитія въ этихъ духовныхъ областяхъ къ законмѣрности въ соціальной области? Возможна ли, или даже мыслима — первая безъ послѣдней? Что она невозможна и немыслима, —

это достаточно доказывается ссылкой на внутреннюю причинную зависимость между духовнымъ развитіемъ и социальнымъ и политическимъ строемъ.

Такъ называемое духовное развитіе людей всегда является лишь слѣдствіемъ ихъ социальнаго, а слѣдовательно и ихъ экономическаго положенія. Указавъ въ другомъ мѣстѣ (Rassenkampf, стр. 231) связь между этими двумя родами явленій, между обществомъ и государствомъ и культурой, здѣсь мы къ тому, что сказано, прибавимъ только нѣсколько словъ.

Духовная жизнь людей, ихъ духовное развитіе,—слѣдовательно, ихъ духовныя произведенія и творенія обуславливаются той степенью политическаго и общественнаго развитія, на которой они стоятъ: иначе мыслить номады, бродящій со своей ордой; иначе думаютъ охотники, гонящіеся за дичью въ лѣсахъ; иначе думаютъ закрѣпощенные рабы; иначе—горожане, живущіе торговлей и ремеслами, иначе—членъ господствующей касты, иначе—священники, сильные таинственными чарами религіи. Всѣ идеи чловѣка обуславливаются тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ обществѣ, и той ступеню развитія, на которой это общество стоитъ.

Теперь для насъ уже возможно въ общихъ чертахъ понять связь между *общностью духовной жизни*, духовнаго дѣйствія и социальными ступенями развитія; но намъ недостаетъ еще *микроскопическаго анализа* того, въ какой зависимости отъ социальнаго развитія находится отдѣльная личность и какимъ образомъ это развитіе вліяетъ на индивидуальныя мысли, чувства и поступки.

Точно такъ же и физикъ изъ положенія солнца и тучъ можетъ объяснить происхожденіе радуги, но онъ не въ состояніи указать характеръ отношенія каждаго атома пара и воды къ каждому отдѣльному солнечному лучу, не въ состояніи

объяснить, какъ подѣ влияніемъ каждаго отдѣльнаго луча въ каждомъ единичномъ атомѣ, въ каждой единичной каплѣ появляется радужное преломленіе лучей. Но кто при общемъ доказательствѣ необходимости этого явленія усомнится въ томъ, что естественная необходимость, управляющая цѣлымъ, заставляетъ каждый атомъ и каждую каплю соединиться въ общую картину?

Подобно радугѣ на небесномъ сводѣ, мы видимъ и понимаемъ духовное развитіе народа въ его необходимости; мы понимаемъ, какимъ образомъ общественное состояніе (подобно солнцу въ его извѣстномъ положеніи) должно вызывать только это и никакое другое преломленіе лучей культуры и цивилизаци, какимъ образомъ въ искусствѣ и наукѣ при данномъ состояніи общественнаго развитія должна появиться та, а не иная духовная картина; не смотря на это намъ не хватаетъ средствъ для микроскопическаго анализа необходимаго дѣйствія и необходимаго влиянія даннаго общественнаго состоянія на каждаго отдѣльнаго индивида, на его поступки, мысли и чувства. Но кто при взглядѣ на это необходимое общественное дѣйствіе усомнится въ томъ, что оно есть лишь сумма необходимыхъ воздѣйствій и влияній, отъ которыхъ не могутъ отрѣшиться индивиды и изъ которыхъ создается общая и цѣлостная картина?

Среднимъ членомъ между личностью и духовнымъ общимъ дѣйствіемъ являются социальныя образованія; ихъ законмѣрное и естественно-необходимое развитіе доказывается законмѣрностью и естественной необходимостью общаго дѣйствія, хотя непосредственныхъ и прямыхъ доказательствъ не существуетъ.

Кто признаетъ законмѣрность въ развитіи искусства и литературы, науки и философіи (а кто же теперь ее отрицаетъ?), тотъ долженъ признать законмѣрность въ развитіи

соціальныхъ образованій и скованность личности этими послѣдними.

§ 3. Развитие человѣчества.

Соціальное развитие, насколько мы познакомились съ нимъ, является частнымъ, мѣстнымъ и временнымъ: мы уже говорили, что мы не въ силахъ представить себѣ развитие человѣчества, какъ единого цѣлаго, такъ какъ у насъ совсѣмъ нѣтъ общаго представленія о субъектѣ такого развитія. Спрашивается теперь, можемъ ли мы имѣть представленіе о развитіи извѣстнаго намъ человѣчества помимо представленія о развитіи отдѣльныхъ группъ и соціальныхъ обществъ, и какъ мы должны представлять развитие этого относительнаго цѣлаго (цѣлаго по отношенію къ нашему познанію о немъ)?

Мы уже знаемъ, что библейское преданіе, соотвѣтствуя, по выраженію Конта, „теологическому міросозерцанію“, представляло себѣ развитие человѣчества подобно генеалогическому дереву, вырастающему отъ Адама и Евы. Мы повторяли уже нѣсколько разъ, что такое воззрѣніе на человѣчество, какъ на единство, все еще держится въ соціально-научной области, гдѣ, по справедливому мнѣнію Конта, теологическая фаза продолжается еще до нашего времени.

Въ большинствѣ случаевъ одерживающее уже верхъ полигенистическое воззрѣніе, по необходимости, измѣняетъ это представленіе объ единомъ развитіи племенного дерева, но слѣдствія этого измѣненія простираются лишь до того, что, вмѣсто одного исходнаго момента развитія, признаютъ нѣсколько или безчисленное множество таковыхъ. Такое измѣненіе представленія, собственно говоря, есть лишь измѣненіе формы, или, лучше—измѣненіе числа: вмѣсто одного племенного дерева признается нѣсколько таковыхъ. Сущ-

ность представленія при этомъ не измѣняется, такъ какъ въ одномъ и томъ же ряду въ развитіи племенного дерева признается постоянный прогрессъ отъ простаго къ сложному, отъ ростка до разросшагося дерева, отъ примитивнаго до утонченнаго; все-таки наука исходитъ отъ даннаго первоначальнаго момента возникновенія и затѣмъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ движеніемъ „великаго прогресса, достигающаго въ наши дни вершины и кульминаціоннаго пункта“.

Ясно, какъ день, что такое возрѣніе несоединимо съ превосходящимъ всѣ наши понятія постоянствомъ жизни на землѣ. Исходя изъ этой идеи, все яснѣе и яснѣе выступающей изъ пріобрѣтеній современнаго естествознанія, мы ни въ какомъ случаѣ не должны нарисованное выше социальное развитіе представлять въ такой единичной или множественной схемѣ племенного дерева.

Причиной такой схемы является наша склонность всюду искать возникновенія, тогда какъ мы, по природѣ, обладаемъ способностью познавать только развитіе (Werden).

Всякая истинная научность, или, говоря словами Конта, „позитивизмъ“, начинается тамъ, гдѣ мы побѣждаемъ наше стремленіе узнать начало вещей и удовлетворяемся познаніемъ ихъ развитія. Если мы проникнемся какъ идеей о вѣчности жизни на землѣ, такъ точно и идеей о нашей неспособности къ познанію возникновенія вещей, то мы получимъ совершенно иную схему для социальнаго развитія. Представленіе объ этомъ развитіи мы создали себѣ на почвѣ фактовъ. Если мы будемъ игнорировать всякую единичность и начальный пунктъ развитія, то у насъ въ видѣ конкретнаго остатка получится процессъ развитія, совершающійся въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ всегда по однимъ и тѣмъ же законамъ. Нарисованный нами выше переходъ примитивной для насъ орды съ женскимъ родомъ,

съ материнской семьей въ похищеніе женъ и бракъ путемъ похищенія и далѣе въ простую организацію господства, частную собственность, право и „общество“, мы должны представить себѣ въ видѣ процесса, который свойственъ не человѣчеству, какъ единичному или множественному субъекту, равно какъ не человѣчеству, возникающему съ опредѣленнаго момента, а въ видѣ процесса, который совершается всегда и всюду, гдѣ и когда только возникаютъ благопріятствующія ему соціальныя условія. Только такое представленіе, но ни въ какомъ случаѣ не упомянутое противоположное, можетъ объяснить тотъ фактъ, что еще и теперь мы наблюдаемъ примитивныя стадіи этого процесса такъ же первообразно и ясно, какъ они протекали когда-то въ нашемъ собственномъ прошломъ.

Изображенное нами соціальное развитіе совсѣмъ не претендуетъ на хронологическую и мѣстную истинность, не распространяется на опредѣленный субъектъ; оно обладаетъ лишь типичной истинностью, насколько оно рисуетъ процессъ, касающійся человѣка, какъ родоваго понятія, и опредѣляющій развитіе группъ, находящихся въ соответственныхъ соціальныхъ условіяхъ.

Всѣ рѣчи о „развитіи человѣчества“ (*le développement de l'humanité* у Конта) основаны на ошибочномъ и совершенно ложномъ взглядѣ, такъ какъ можно говорить только о соціальномъ развитіи въ предѣлахъ одного и того же рода: „человѣкъ“. Это развитіе всегда и всюду начинается тамъ, гдѣ существуютъ налицо соответствующія соціальныя условія; оно течетъ закономѣрно до конечнаго пункта, гдѣ оно, такъ сказать, завершается, гдѣ оно по недостатку необходимыхъ соціальныхъ силъ гаснетъ и умираетъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что бываютъ случаи такого потуханія развитія, такого умиранія, такъ какъ множество нѣ-

когда культурныхъ и социальнo-развитыхъ государствъ теперь пустыни и необитаемы. Азія, Америка, Африка даютъ массу примѣровъ огромныхъ областей, гдѣ теперь потухла всякая жизнь, но гдѣ нѣкогда социальный процессъ создалъ колоссальную культуру. Съ другой стороны, нельзя отрицать возможности, даже вѣроятности того, что въ тѣхъ же государствахъ при наступленіи соответствующихъ условій (новой колонизаціи, заселенія) социальное развитіе можетъ начаться вновь.

Факты эти приведены для подкрѣпленія идеи круговоротнаго теченія социальнаго развитія,—идеи, имѣющей опорнымъ пунктомъ круговоротное развитіе государствъ.

Я много разъ касался этой послѣдней идеи, и здѣсь мнѣ приходится вновь возвратиться къ ней.

§ 4. Круговоротъ развитія.

Если я утверждаю, что жизнь государствъ течетъ на подобіе круговорота и что каждая нація, достигая высшей ступени своей культуры, идетъ навстрѣчу своей гибели, и что первые попавшіеся варвары ее уничтожаютъ, то, конечно, въ этомъ звучитъ что-то родственное Гегелю и Шеффле; простые умы склонны считать несерьезнымъ подобное утвержденіе.

Между тѣмъ не трудно указать причины такого круговоротнаго движенія въ естественныхъ, экономическихъ и социальныхъ условіяхъ жизни народовъ; эти причины настолько ясны, ихъ дѣйствіе такъ всемогуще и всеобще, такъ яено и неоспоримо, что знакомство съ ними должно убѣдить въ постоянномъ исполненіи и естественной необходимости наступленія ихъ послѣдствій.

Эти причины лежатъ въ сферѣ экономической жизни,

слѣдовательно, въ такой области, гдѣ несвобода чело-вѣка, его зависимость отъ физическихъ потребностей совершенно безспорна, гдѣ можно съ людьми считаться совершенно такъ же, какъ со слѣпыми силами природы, которыя слѣдуютъ своему законѣрному теченію. Потребности и стремленія людей приводятъ, какъ мы видѣли, къ тому, что они группами и общеніями возвышаются отъ примитивнаго состоянія къ состоянію культуры и цивилизаціи и затѣмъ, достигнувъ его, склоняются къ упадку и гибнуть подъ ударами другихъ группъ и общеній, находящихся въ періодъ роста.

Въ примитивномъ, т.-е. бѣдномъ въ экономическомъ отношеніи, государственномъ организмѣ люди, кромѣ своего стремленія къ самосохраненію, обладаютъ еще только потребностью воспроизведенія рода. На этой ступени производится много дѣтей и значительно растетъ населеніе. На болѣе высокой ступени культуры возникаетъ желаніе обезпечить за потомствомъ по возможности лучшее матеріальное существованіе; тѣмъ не менѣе государство еще не стремится къ ограниченію числа рожденій въ виду того, что каждое живое человѣческое существо еще представляетъ рабочую силу, которая можетъ способствовать улучшенію экономическаго положенія. Семья, ничѣмъ не обладающая, растетъ, не заботясь о томъ, что будущіе ея члены въ отношеніи собственности будутъ стоять въ болѣе дурномъ положеніи, чѣмъ живущіе теперь; пока, наоборотъ, благодаря увеличенію числа рабочихъ улучшается положеніе цѣлой семьи.

Вотъ основаніе того, что государственный организмъ на низкихъ ступеняхъ культуры и благосостоянія быстро растетъ; въ теченіе этого времени онъ представляетъ по отоншенію къ другимъ обществамъ растущую народную

силу, которая можетъ внутри опереться на растущее производство и экономическій успѣхъ. Такой народъ, находящійся въ прогрессивномъ развитіи, можетъ вполне образовать фундаментъ политическаго государственнаго тѣла, которымъ будетъ управлять болѣе развитое и цивилизованное меньшинство: затѣмъ въ своемъ нормальномъ развитіи онъ является прочнымъ фундаментомъ политической силы этого государственнаго организма.

Если же съ развитіемъ государственнаго организма низшіе слои народа, также поднимутся до высшей ступени культуры (а иначе и быть не можетъ), и благосостояніе распространится и на низшіе слои народа, то начинается забота о достиженіи будущаго благосостоянія для потомства путемъ ограниченія естественнаго размноженія народа. Пренная беззаботность, спутница нищеты, уступаетъ мѣсто „мудрой заботѣ“, и ростъ населенія останавливается, а въ концѣ концовъ и совсѣмъ идетъ на убыль. вмѣстѣ съ тѣмъ, общество въ сравненіи съ другимъ, которое еще не находится на этой стадіи прогресса, ослабѣваетъ, что въ дальнѣйшемъ слѣдствіи порождаетъ экономическую слабость и политическій упадокъ, между тѣмъ какъ другое общество, стоящее еще на низшей ступени развитія, обладающее еще бѣднымъ и потому нормально развивающимся пролетаріатомъ, одерживаетъ, благодаря своей народной силѣ, побѣду. Таковы реальныя, всегда и всюду заявляющія о себѣ причины, которыя производятъ круговоротное движеніе въ жизни народовъ и государствъ, и которыя объясняютъ, почему „варварскія орды“ уничтожаютъ и стираютъ съ лица земли высоко развитыя націи со всей ихъ цивилизаціей.

Эти „варварскія орды“ не всегда появляются извнѣ; иначе онъ были бы не въ состояніи разрушить до основанія сильныя культурныя государства. Къ сожалѣ-

нію, чѣмъ выше стоитъ человѣчество на лѣстницѣ культуры, тѣмъ въ большемъ объемѣ скрываетъ оно въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ достаточно варварскихъ ордъ, которыя ждутъ только сигнала, ждутъ только критическаго мгновенія внутренней или внѣшней войны, чтобъ начать дѣло разрушенія. Такъ, намъ совсѣмъ была бы непонятна гибель иного сильнаго государства подъ напоромъ варварскихъ ордъ, если бы мы не знали, что внутренніе соціальные враги существующаго строя незамѣтно раздули въ минуту опасности тлѣющую злобу противъ собственникоу и господствующихъ въ громадное пламя, котораго одного часто достаточно, чтобъ тяжелый трудъ столѣтій превратить въ пепель и прахъ.

Теперь же, съ развитіемъ культуры, этотъ внутренній врагъ необходимымъ образомъ усиливается настолько, что каждый культурный міръ, независимо отъ угрожающей ему внѣшней опасности, постоянно носитъ внутри себя зерно своего разложенія.

§ 5. Прогрессъ и новое.

Фактъ такого круговоротнаго развитія государствъ и народовъ имѣетъ кардинальное значеніе въ вопросѣ о „прогрессѣ“ въ области человѣческой исторіи

Два положенія, выставленныя мной въ *Rassenkampf*ѣ, вызвали во многихъ отношеніяхъ протесты и опроверженія; эти положенія заключаются въ слѣдующемъ: нѣтъ никакого прогресса и не можетъ быть ничего существенно новаго въ сферѣ умственной жизни. Возможно, что я недостаточно ясно выразилъ свою мысль, и потому я хочу еще остановиться на этихъ тезисахъ.

Что я признаю прогрессъ въ развитіи вообще и въ раз-

витіи культурнаго міра въ особенности, -- въ развитіи, начинающемся каждый разъ снова и достигающемъ конца, — это упомянуто моимъ почтеннымъ рецензентомъ, въ его краткой замѣткѣ въ англійскомъ журналѣ *Mind*: „The general conclusion to which he finally comes, — говорится тамъ, — is, that there is no such thing as either progress or regress in the course of history taken as a whole but only in the particular periods of a progress that is going on for ever in a circle in particular countries where the social progress is for ever recommencing“.

Вообще очень странно, что англійскій критикъ, реферирующий мою книгу въ 14 строкахъ, правильно понялъ мои мысли, тогда какъ масса нѣмецкихъ критиковъ, представляющихъ о ней объемистыя рецензіи, держатся того мнѣнія, будто я вообще отрицаю всякій прогрессъ! ¹⁾ Поэтому я думаю, что я не совсѣмъ ясно выразился относительно этого вопроса и считаю себя обязаннымъ выяснить здѣсь свой взглядъ.

¹⁾ Напротивъ, Морисъ Блокъ въ *Journal des Economistes* склоненъ приписать мнѣ полное отрицаніе прогресса (такъ далеко однако я не иду), если бы только я сдѣлалъ исключеніе относительно науки и ея технического приложенія. Это мѣсто настолько достойно вниманія, что я здѣсь не могу не привести его: «Одно изъ воззрѣній автора трудно принять: это отрицаніе прогресса; вещи измѣняютъ только форму, но не сущность; онѣ мѣняются, если можно такъ выразиться, платье, но не тѣло и духъ, — и однако это положеніе было бы правильно, если бы авторъ выдѣлилъ изъ всего науку и промышленную технику; тогда я призналъ бы его взглядъ правильнымъ, такъ какъ я уже не разъ задавалъ вопросъ, можно ли доказать, что въ Мемеріяхъ, Вавилонѣ, Ниневіи существовало меньше честныхъ людей по отношенію къ общему числу жителей, чѣмъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ». Я охотно присоединюсь къ этому ограниченію

Такъ какъ я считаю людей не только въ физическомъ, какъ думаетъ Кольманъ (см. выше II, § 4), но и въ духовномъ отношеніи постояннымъ типомъ (Dauertypus), то я—того мнѣнья, что и духовной дѣятельности ихъ поставлены прочныя границы, къ которымъ издавна приближались единичныя, счастливо одаренныя натуры, но которыхъ не перешагнуть ни одному человѣку.

Равнымъ образомъ и въ физическомъ отношеніи, по природѣ вещей, сила человѣка не можетъ перейти за извѣстный максимумъ, который, конечно, во все времена достижимъ для личности; подобнымъ образомъ въ нравственномъ отношеніи всегда и всюду существовали и существуютъ съ одной стороны хорошія и благородныя *натуры*, съ другой—низкія и животныя натуры и въ этой (нравственной) области мало можно замѣтить дѣйствительнаго улучшенія людей; видимый же прогрессъ осуществляется во времени и простран-

въ пользу наукъ и искусствъ, котораго требуетъ г. Блокъ, однако лишь съ изложенной въ текстѣ оговоркой относительно непрерывности человѣческаго культурнаго развитія! Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что нить этого духовнаго развитія по временамъ совсѣмъ не рвется и для возникающихъ позднѣе поколѣній всегда остается что-нибудь отъ всѣхъ прежнихъ пріобрѣтеній?—Какую пользу европейскимъ среднимъ вѣкамъ принесли несомнѣнно очень основательныя астрономическія познанія халдеевъ и древнихъ египтявъ? Развѣ нить не была порвана совсѣмъ? И если мы противопоставимъ карикатурнымъ изображеніямъ христіанскаго средневѣковья произведенія греческаго искусства, то не должны ли мы констатировать фактъ, что теченіе человѣческаго культурнаго развитія отъ времени до времени безслѣдно исчезаетъ подъ землей для того, чтобы, долгое время спустя, чрезъ узкія трещины и щели, пробиться вновь на другомъ, далеко отстоящемъ мѣстѣ? Или, быть можетъ, справедливо

ствѣ только благодаря привходящимъ извнѣ институтамъ и учреждениямъ: то же справедливо и въ отношеніи къ интеллектуальному развитію.

Интеллектъ человѣка всегда одинъ и тотъ же—онъ движется въ сферѣ, имѣющей *постоянный и нерасширяющійся* предѣлъ, достигаемый отъ времени до времени отдѣльными „геніями“. Но существуетъ видимость прогресса, благодаря тому, что по временамъ въ извѣстной мѣстности *одинаковый интеллектъ* опирается на сумму приобрѣтеній своихъ предшественниковъ, пользуясь ими, какъ исходнымъ моментомъ для дальнѣйшихъ приобрѣтеній. Такъ позднѣйшія поколѣнія обладаютъ не высшимъ или болѣе совершеннымъ интеллектомъ, но бѣльшими средствами, собранными прежними поколѣніями, — такъ сказать, лучшими орудіями;

то мнѣніе, будто катастрофы, внезапно обратившія въ прахъ и ничто вѣковую культурную работу, возможны были только въ прежнее время, но что мы, вооруженные печатнымъ станкомъ и паровой машиной, предохранены отъ такихъ катастрофъ и что наша духовная работа не погибнетъ? Мы охотно раздѣляли бы эту вѣру, если бы только мы были увѣрены въ одномъ, а именно, въ космическомъ постоянствѣ нашего континента. Вѣдь, судя по нѣкоторымъ указаніямъ новѣйшаго времени, силы, клокочущія подъ нашими ногами, въ нѣдрахъ нашей планеты, повидимому, имѣютъ очень мало уваженія къ созданіямъ нашего духа и нашего искусства, и очень мало пекутся о законахъ развитія человѣческой культуры. Да! человѣческой культурѣ угрожаютъ анархическія силы двойкаго рода: социальныя и космическія. Отъ первыхъ мы, пожалуй, защитимся; но мы можемъ выразить только благое пожеланіе, чтобы благоприятный случай еще долго хранилъ насъ отъ послѣднихъ; только тогда обезпеченъ нашъ *безконечный прогрессъ въ науку, искусство и технику!*

поэтому они достигаютъ бѣльшихъ результатовъ ¹⁾. Конечно, въ области открытій и изобрѣтеній прогресса нельзя отрицать, но было бы ошибкой объяснять его совершенствованьемъ, прогрессомъ человѣческаго интеллекта. Умный древній грекъ, будь онъ только послѣдователемъ Уатта, открылъ бы локомотивъ, а знай онъ изобрѣтеніе электрическаго телеграфа, онъ, конечно, могъ бы изобрѣсти и телефонъ.

Человѣческій интеллектъ, — 4000 лѣтъ тому назадъ и теперь, — не отличается ни качественно, ни бѣльшимъ развитіемъ, ни совершенствомъ; только трудъ, совершенный въ промежуточное время всѣми прошлыми поколѣніями, служить на пользу нынѣшнему интеллекту, и съ такимъ запасомъ такой же интеллектъ совершаетъ теперь, повидимому, бѣльшія „чудеса“, чѣмъ совершалъ 4000 лѣтъ тому назадъ интеллектъ, лишенный промежуточной работы, — интеллектъ, который, въ сущности и для своего времени, совершалъ не меньшія чудеса.

Основываясь на этомъ, можно было бы возразить на мое разсужденіе объ относительномъ прогрессѣ, проявляющемся въ отдѣльныхъ періодахъ развитія, что, кромѣ такой преемственности умственного труда, ничего больше и не нужно для того, чтобы привести человѣчество къ безконечно

¹⁾ Кетлэ, II, 393. «Если бы Ньютонъ, лишенный всѣхъ средствъ науки, всегда обладалъ такой же интеллектуальной силой, онъ всегда бы былъ образцомъ хорошихъ качествъ и, въ частности, обладалъ бы силой сужденія и воображеніемъ; но если бы его уму прибавить бѣльшую или меншую часть знанія, онъ былъ бы Пизегоромъ, Архимедомъ или Кеплеромъ; благодаря же тѣмъ средствамъ, которыми его надѣлилъ его вѣкъ, онъ сталъ и долженъ былъ стать Ньютономъ!»

продолжающемуся прогрессу. Съ такимъ заключеніемъ нельзя было бы и спорить, если бы только было вообще вѣрно предположеніе о преемственности человѣческаго культурнаго развитія. Но въ ней можно сомнѣваться. Во-первыхъ, извѣстная намъ исторія отмѣчаетъ вѣчное повтореніе катастрофъ, производящихъ быструю гибель культурныхъ міровъ. Чтò случилось въ Индіи, Вавилоніи, Египтѣ, Греціи и Римѣ, можетъ случиться и въ современной Европѣ: европейская культура можетъ погибнуть подъ натискомъ варварскихъ ордъ.

Считая себя внѣ опасности отъ такихъ катастрофъ, мы, быть можетъ, впадаемъ въ слишкомъ оптимистическій самообманъ. Конечно, въ нашемъ сосѣдствѣ нѣтъ варварскихъ народовъ, но не слѣдуетъ забывать, что инстинкты этихъ варварскихъ ордъ таятся въ скрытомъ состояніи въ народныхъ массахъ европейскихъ государствъ. Подвиги анархистовъ—только отдѣльныя вспыхивающія молніи; кто поручится намъ, что когда-нибудь не разразится гроза? Варвары живутъ отъ Европы не такъ далеко, какъ обыкновенно думаютъ, и довольно рискованно принять на страхъ европейскій культурный міръ отъ этихъ внутреннихъ силъ.

Итакъ признаніе вѣчной преемственности культурнаго развитія, какъ условіе признанія безконечно продолжающагося прогресса, можетъ имѣть лишь *ипотетическое* значеніе.

Какъ на доказательство постоянства человѣческаго интеллекта, можно указать и на тотъ фактъ, что въ областяхъ, гдѣ дѣло не идетъ объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ естественныхъ силъ, т.-е. въ области нравственной и социальной философіи, не только не замѣтно прогресса, но уже нѣсколько тысячелѣтій нельзя вообще сказать больше ничего новаго. Если мы взглянемъ на эту область нравственно и социаль-

философскаго познанія, то мы убѣдимся, что здѣсь все уже есть и что нельзя „открыть“ ничего новаго.

Относительно добродѣтели и нравственности, относительно человѣческаго счастья и социальныхъ отношеній мы ни въ какомъ случаѣ не обладаемъ болѣе зрѣлымъ знаніемъ сравнительно съ древнѣйшими народами,—напротивъ, часто мы замѣчаемъ, что мы уступаемъ имъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Не смотря на то, что въ различнѣйшія времена у различнѣйшихъ народовъ единоличные законодатели и основатели религій проповѣдывали любовь къ ближнимъ,—наше отношеніе къ нашимъ „братьямъ и друзьямъ“ очень замѣтно отличается отъ нашего отношенія къ чужимъ, какъ издавна было повсюду. Воевать съ чужими и побѣждать ихъ—добродѣтель; измѣнять своимъ—преступленіе. Относительно цѣнности жизни, взаимнаго отношенія половъ, формы брака и т. д. отдѣльные культурные міры всегда вращаются въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругу, съ каждаго пункта котораго противоположный пунктъ представляется находящимся внизу. Поэтому въ этой области о нравственныхъ и социальныхъ проблемахъ нельзя сказать ничего новаго, ничего такого, что уже раньше не было бы когда-нибудь сказано. Все, что выступаетъ предъ нами въ этой области, какъ новое и оригинальное, есть лишь новая комбинація старыхъ идей и воззрѣній, комбинація, создаваемая, конечно, новымъ индивидуальнымъ воззрѣніемъ; ибо безконечно разнообразно въ природѣ только индивидуальное.

Индивидуальность всегда создаетъ новыя комбинаціи изъ прежняго запаса человѣческихъ идей. Но если бы оказалось возможнымъ человѣку знать всѣ мысли прошедшихъ тысячелѣтій, если бы дано было кому-нибудь знать всѣхъ философовъ и мыслителей старыхъ временъ и народовъ, онъ легко могъ бы принадлежащую лично ему и самую ори-

гинальную систему, свое индивидуальнѣйшее міровоззрѣніе подкрѣпить цитатами изъ своихъ предшественниковъ. Нѣчто подобное представляетъ, въ сущности, Бастианъ. У этого феноменальнаго ума мы часто находимъ совершенно оригинальные выводы съ извѣстными цитатами изъ другихъ писателей. Цѣлое есть самостоятельный результатъ его индивидуальности, но его замѣчательно вмѣстительная память дѣлаетъ для него возможнымъ брать готовые камни для постройки своей системы изъ сочиненій мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Ново только индивидуальное пониманіе; матеріаль старъ. Въ области нравственной и соціальной философіи не существуетъ новаго матеріала: здѣсь матеріаль всегда лишь воспроизводится сознательно или безсознательно, но не создается вновь. Здѣсь нѣтъ рѣчи объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, какъ въ области явленій и силъ природы; здѣсь человѣческой интеллектъ издавна измѣрилъ сферу познанія, которая возможна для него при его организаци, и не въ силахъ подняться надъ ней.

Концепціи человеческого духа въ этой области совершенно подобны картинамъ калейдоскопа: комбинаціи могутъ быть новы и оригинальны, или, по крайней мѣрѣ, кажутся новыми и оригинальными, а матеріаль всегда одинъ и тотъ же. Но такъ какъ мыслители и философы уже цѣлыя столѣтія вращаютъ этотъ калейдоскопъ, то, конечно, случается, что отдѣльныя его комбинаціи повторяются по нѣскольку разъ, цѣлая же картина едва ли можетъ вполнѣ точно повториться, ибо комбинаціи безчисленны; разнообразіе картинъ мы приписываемъ разнообразію различныхъ *индивидуальностей*, и можетъ быть, мы правы.

§ 6. Справедливость въ исторіи.

Ничто такъ не колеблетъ представленія наивно вѣрующаго ума о „справедливомъ провидѣніи“, какъ запрашивающееся на каждомъ шагу человѣческой жизни убѣжденіе въ „несправедливости“ „міра“. Вопреки всѣмъ старательнымъ теологическимъ объясненіямъ и толкованіямъ, колеблетъ наивную вѣру и гложетъ благочестивое сердце вопросъ о томъ, неужели вся несправедливость, которой полна человѣческая жизнь, есть дѣло всеблагаго и всеправеднаго Бога? Это — необходимый и неизбѣжный выводъ изъ антропоморфизма, представляющаго Бога въ образѣ человѣка и приписывающаго ему человѣческую „справедливость“. Но въ мірѣ и жизни, или собственно въ жизни и исторіи, осуществляется совсѣмъ не человѣческая справедливость, скорѣе — историческая справедливость, которая должна казаться грубой несправедливостью въ человѣческомъ смыслѣ. И здѣсь вновь виновата ложная индивидуальная мѣрка, которую человѣкъ прилагаетъ къ житейскимъ событіямъ: они совершаются по совершенно иной мѣркѣ, — такъ сказать по большему социальному масштабу, и ихъ надо обсуждать съ точки зрѣнія этого масштаба. Если же эти вещи мѣрять индивидуальной человѣческой мѣркой, тогда, конечно, ошибки неизбѣжны.

Что понимаютъ люди подъ справедливостью вообще? Извѣстный критерій въ распредѣленіи матеріальныхъ и нравственныхъ благъ. Существуетъ два понятія о справедливости. Одни исходятъ изъ полнаго равенства всѣхъ людей и потому требуютъ для каждаго индивида одинаковой доли правъ и благъ; другіе принимаютъ въ соображеніе неравную цѣнность индивидовъ и ихъ силу, неравную продуктив-

ность ихъ труда и удовлетворяются пропорціональной долей этихъ правъ и благъ. Оба эти понятія признають индивида — объектомъ и масштабомъ примѣненія справедливости, и при всякомъ дѣйстви, имѣющемъ объектомъ человѣка, спрашиваютъ: соотвѣтствуетъ ли оно цѣнности этого объекта? Если соотвѣтствуетъ, тогда дѣйствіе зачисляется подъ рубрику справедливости; если нѣтъ — несправедливости. При этомъ различные приговоры имѣютъ лишь настолько мѣсто, насколько существуютъ различныя мнѣнія о цѣнности объекта, или насколько одно понятіе о справедливости основано на полномъ равенствѣ въ оцѣнкѣ всѣхъ людей, другое — на неравенствѣ въ ихъ оцѣнкѣ.

Всѣ эти понятія о справедливости имѣютъ своимъ исходнымъ моментомъ изученіе поступковъ людей въ отношеніи къ людямъ и создаютъ критерій для приговоровъ надъ ними. Какъ таковые, они имѣютъ извѣстную долю значенія.

Но, не удовлетворяясь примѣненіемъ этихъ понятій къ человѣческимъ поступкамъ, люди переносятъ ихъ и на историческія событія, даже, вообще, на явленія природы.

Это перенесеніе критеріевъ справедливости на *историческія* событія есть слѣдствіе ложнаго предположенія, будто люди создаютъ эти событія силой своей свободной воли; перенесеніе же ихъ на *естественныя* явленія есть слѣдствіе антропоморфизма, который представляетъ себѣ Бога дѣйствующимъ по образу людей и создающимъ явленія природы.

Не нужно долго доказывать нескладность такого представленія. Не люди создаютъ историческія событія, такъ же, какъ не Богъ — явленія природы. Такъ какъ у этихъ явленій нѣтъ активныхъ агентовъ, дѣйствія которыхъ можно бы оцѣнить по достоинству ихъ объектовъ, то совѣмъ не можетъ быть рѣчи объ ихъ справедливости и несправедливости.

Однако вопросъ можетъ быть поставленъ въ нѣсколько иномъ смыслѣ безъ отношенія къ дѣйствующему субъекту. Воздастъ ли отдѣльнымъ людямъ ходъ исторіи и явленій природы по ихъ заслугамъ, т.-е. одобряется ли добро, наказывается ли зло, есть ли поэтому въ исторіи и природѣ справедливость, или нѣтъ? Но въ такой формѣ этотъ вопросъ совершенно неумѣстенъ, такъ какъ индивидъ совсѣмъ не есть объектъ исторіи или природы. Исторія и природа игнорируютъ индивида; онѣ совсѣмъ не занимаются имъ; совсѣмъ не вспоминаютъ о немъ. Вслѣдствіе этого и наша оцѣнка личностей не существуетъ для исторіи и природы, хотя мы и считаемъ ихъ субъектами историческаго и естественнаго процесса.

Исторія и природа замѣтны лишь въ массовыхъ дѣйствіяхъ,—можно сказать, что онѣ имѣютъ дѣло лишь съ массами; ихъ дѣйствія мы можемъ познать только во влияніяхъ на извѣстныя естественныя группы и величины, которыя состоятъ изъ нѣкотораго числа существующихъ или смѣняющихся другъ друга индивидовъ, т.-е. во влияніи на народы, племена, семьи въ ихъ сосуществованіи или въ послѣдовательной смѣнѣ ихъ поколѣній.

На этихъ объектахъ, несомнѣнно, проявляется вліяніе историческихъ и естественныхъ событій, но единственно возможное отношеніе, существующее между этими вліяніями и сущностью этихъ объектовъ, есть отношеніе причинной зависимости между естественными свойствами этихъ объектовъ и судьбой, постигающей ихъ въ исторіи и природѣ.

Другими словами, эти естественныя человѣческія группы подъ дѣйствіемъ исторіи и природы играютъ роль любыхъ предметовъ природы, подлежащихъ дѣйствію естественныхъ силъ. Эти силы осуществляются въ нихъ, смотря по ихъ свойству и дѣйствію: рыхлый известнякъ скорѣе уступаетъ

процессу вывѣтриванія, тѣмъ твердый гранитъ; безлѣсный склонъ подъ дождемъ становится голой скалой,—между тѣмъ какъ лѣсистый отъ дождей пріобрѣтаетъ лишь новую и болѣе роскошную растительность. При такомъ взаимодействіи между причиной и дѣйствиємъ, — при чемъ причина заключается въ объектахъ, а дѣйствіе — въ силахъ природы, конечно, не можетъ быть и рѣчи о справедливости или несправедливости. Такъ же мало можно говорить о нихъ по поводу судьбы народа или личности. Эти судьбы—простое слѣдствіе причинъ, которыя заключаются отчасти въ объектѣ, отчасти въ силахъ природы и исторіи.

Поэтому въ исторіи существуетъ только одна справедливость,—если ужъ распространить эту категорію на отношеніе исторіи къ человѣку; она заключается въ соответствіи слѣдствій причинамъ. И мы видимъ, что эта справедливость всегда и всюду съ безжалостной послѣдовательностью осуществляется въ исторіи.

Въ жизни и исторіи каждый испытываетъ ту судьбу, которая обусловлена его естественными свойствами; естественныя же свойства каждой личности зависятъ не отъ нея, но, какъ мы выше видѣли, отъ соціальной среды, ее создавшей. Среда — причина того, что лишь очень рѣдко соблюдается соответствіе между значеніемъ индивида и его индивидуальной судьбой, ибо человѣка постигаетъ участь, опредѣляемая его ролью въ группѣ; до индивидуальныхъ его свойствъ нѣтъ никакого дѣла историческому развитію.

Поэтому личность часто несетъ незаслуженную несправедливость, которая является естественнымъ послѣдствіемъ причинъ, лежащихъ въ прошломъ соціальной среды личности. Отсюда слѣдуетъ, что внуки (чему есть масса примѣровъ въ исторіи) отвѣчаютъ за „грѣхи“ дѣдовъ. Это вполне естественно; вѣдь развитіе историческаго процесса зависитъ отъ

свойствъ и качествъ субъекта этого процесса. А такими субъектами, какъ мы видѣли, являются не индивиды, но та социальная среда, которой они созданы и къ которой они принадлежать.

Съ этими свойствами и условіями социальной среды сообразуется теченіе исторіи, ея событія—и это соотвѣтствие историческихъ событій со свойствами и условіями субъектовъ историческо-естественнаго процесса мы должны признать историческою справедливостію. Другой справедливости нѣтъ,—нѣтъ ея и въ природѣ. Альфа и омега социологии, ея высшая истина и ея послѣднее слово—*человѣческая исторія, какъ естественный процессъ*. И хотя близорукіе умы, признавая по традиціи свободу личнаго самоопредѣленія, думаютъ, что эта истина уничтожаетъ „нравственность“, въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ, она является вѣнцомъ всей человѣческой морали; ибо только она провозглашаетъ полное самоотреченіе, подчиненіе людей закону природы, закону, который только и управляетъ исторіей. Содѣйствуя познанію этого закона, социологія кладетъ основаніе новой морали мудраго самоотреченія, т.-е. морали болѣе высокой, нежели современная мораль, покоющаяся на воображаемой свободѣ личнаго самоопредѣленія, создающая непомѣрное возвеличеніе индивида и, тѣмъ самымъ, непомѣрные желанія и стремленія его, которыя неизбѣжно приводятъ къ ужаснымъ преступленіямъ противъ естественно-законнаго строя.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

I.

Къ исторіи соціологіи.

Огюсть Контъ, Кетле, Гербертъ Спенсеръ, <i>Système de la Nature</i> , Шеффле, Лиценфельдъ, де-Роберти, Бастіанъ, Липпертъ, Моль, Штейнъ, Гнейстъ, Кэри, Постъ, Рохолль, историки культуры.	1
--	---

II.

Основанія и основныя понятія.

§ 1. Три класса явленій.	82
§ 2. Общіе законы	97
§ 3. Понятіе, задачи, объемъ и значеніе соціологіи	111
§ 4. Субстраты соціальныхъ законовъ.	128
§ 5. Понятіе и сущность соціального закона.	147

III.

Соціальные элементы и ихъ соединенія

§ 1. Примитивная орда	164
§ 2. Государство	178
§ 3. Государство, какъ организація хозяйства	192

§ 4.	Образование сословий и организация господства . . .	201
§ 5.	Двойственный характер возникновения сословий . . .	215
§ 6.	Общество.	221
§ 7.	Общества	225
§ 8.	Обобществляющие моменты	230
§ 9.	Общественный класс в социальной борьбе	234
§ 10.	Арена борьбы	239
§ 11.	Нравственный характер социальной борьбы	241
§ 12.	Освободительная борьба	243
§ 13.	Рост государств	247
§ 14.	Государство и национальность	255

IV.

Индивидъ и социально-психическія явленія.

§ 1.	Индивидуализмъ и коллективизмъ	260
§ 2.	Индивидъ и его социальная группа.	264
§ 3.	Вліяніе экономического положенія на индивида.	274
§ 4.	Нравственность.	283
§ 5.	Нравственность и познание истины	287
§ 6.	Право	299
§ 7.	Право и государство	303
§ 8.	Право и нравственность	308
§ 9.	Индивидуальные стремленія и социальная необходимость	320

V.

Исторія человѣчества, какъ жизни рода.

§ 1.	Философія исторіи и социологія	335
§ 2.	Закономѣрность въ развитіи	336
§ 3.	Развитіе человѣчества	342
§ 4.	Круговоротъ развитія	345
§ 5.	Прогрессъ и новое	348
§ 6.	Справедливость въ исторіи	356